

ASSASSIN'S CREED™

BROTHERHOOD

OLIVER BOWDEN

- Бросьте оружие и сдавайтесь, ассасины. Вы окружены и в меньшинстве! - закричал, шагнув вперед, командир.

Но прежде чем он смог добавить что-то еще, Эцио сорвался со своего места, чувствуя, как силы возвращаются в его усталое тело. У командира не было времени, чтобы среагировать, он не ожидал, что противник проявит подобную смелость, учитывая численное превосходство солдат. Эцио словно в тумане крутанул мечом, лезвие засвистело, разрезая воздух. Стражник тщетно попытался поднять свой меч, но Эцио оказался быстрее. Меч Эцио с невероятной точностью угодил в цель, скользнул по обнаженной шее стражника - следом ударила струя крови. Оставшиеся трое солдат стояли, оцепенев, поражаясь скорости ассасина. Выглядели они перед лицом такого опытного врага по-идиотски. Эта задержка стоила им жизни. Клинок Эцио еще не завершил первое смертельное движение, как ассасин поднял левую руку, щелкнул механизм скрытого клинка, и из рукава выскочило смертоносное лезвие.

Он вонзил его второму стражнику между глаз, прежде чем тот успел, хотя бы, напрячь мускулы в попытке защититься.

Другие книги Оливера Боудена

ASSASSIN'S CREED: RENAISSANCE – КРЕДО АССАСИНА: РЕНЕССАНС

ASSASSIN'S CREED: BROTHERHOOD – КРЕДО АССАСИНА: БРАТСТВО

**ASSASSIN'S CREED
BROTHERHOOD
OLIVER BOWDEN**

THE BERKLEY PUBLISHING GROUP

Published by the Penguin Group

Penguin Group (USA) Inc.

375 Hudson Street, New York, New York 10014, USA

Penguin Group (Canada), 90 Eglinton Avenue East, Suite 700, Toronto, Ontario M4P 2Y3, Canada (a division of Pearson Penguin Canada Inc.)

Penguin Books Ltd., 80 Strand, London WC2R 0RL, England

Penguin Group Ireland, 25 St. Stephen's Green, Dublin 2, Ireland (a division of Penguin Books Ltd.)

Penguin Group (Australia), 250 Camberwell Road, Camberwell, Victoria 3124, Australia (a division of Pearson Australia Group Pty. Ltd.)

Penguin Books India Pvt. Ltd., 11 Community Centre, Panchsheel Park, New Delhi—110 017, India
Penguin Group (NZ), 67 Apollo Drive, Rosedale, North Shore 0632, New Zealand (a division of Pearson New Zealand Ltd.)

Penguin Books (South Africa) (Pty.) Ltd., 24 Sturdee Avenue, Rosebank, Johannesburg 2196, South Africa

Penguin Books Ltd., Registered Offices: 80 Strand, London WC2R 0RL, England

This is a work of fiction. Names, characters, places, and incidents either are the product of the author's imagination or are used fictitiously, and any resemblance to actual persons, living or dead, business establishments, events, or locales is entirely coincidental. The publisher does not have any control over and does not assume any responsibility for author or third-party websites or their content.

ASSASSIN'S CREED: BROTHERHOOD

An Ace Book / published by arrangement with Penguin Books Ltd. and Ubisoft Entertainment Ltd.

PRINTING HISTORY

Ace premium edition / December 2010

Copyright © 2010 by Ubisoft Entertainment Ltd. All rights reserved. Assassin's Creed, Ubisoft, Ubi.com, and the Ubisoft logo are trademarks of Ubisoft Entertainment in the U.S. and/or in other countries.

All rights reserved.

No part of this book may be reproduced, scanned, or distributed in any printed or electronic form without permission. Please do not participate in or encourage piracy of copyrighted materials in violation of the author's rights. Purchase only authorized editions.

For information, address: The Berkley Publishing Group, a division of Penguin Group (USA) Inc., 375 Hudson Street, New York, New York 10014.

ISBN: 978-1-101-49840-8

Ace Books are published by The Berkley Publishing Group, a division of Penguin Group (USA) Inc., 375 Hudson Street, New York, New York 10014.

ACE and the "A" design are trademarks of Penguin Group (USA) Inc.

Special thanks to Yves Guillemot, Jean Guesdon, Jeffrey Yohalem, Corey May, Ethan Petty, Matt Turner. And also Alain Corre, Laurent Detoc, Sebastien Puel, Geoffroy Sardin, Sophie Ferre-Pidoux, Xavier Guilbert, Tommy François, Cecile Russeil, Christele Jalady, The Ubisoft Legal Department, Charlie Patterson, Chris Marcus, Eric Gallant, Maria Loreto, Guillaume Carmona.

Перевод – Airing и fenec_fox

Вычитка и редактирование – Евгения Мельниченко, Ольга Новицкая

Особая благодарность за помощь в переводе – Aries, Elodia, Kanyuka, Flyer, JJ.

Приятного чтения :)

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

От автора:

Большинство переводов с иностранных языков в тексте мои собственные, за исключением цитат из "Государя" Макиавелли и "Эклоги" Вергилия (хотя последнюю я немного адаптировал). Так же я в долгу перед покойными филологами - Джорджем Буллом (1929-2001) и Э.В. Рью (1887-1972).

Оливер Боуден, Париж, 2010

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

ПРОЛОГ

цио снова и снова прокручивал в голове события последних пятнадцати удивительных минут, - которые вполне могли оказаться пятнадцатью часами или даже днями, такими долгими они казались - пока, спотыкаясь, шел из Сокровищницы под Сикстинской капеллой.

Он вспомнил, хотя это больше походило на сон, как в глубине Сокровищницы увидел огромный саркофаг, сделанный из чего-то, похожего на гранит. Когда он приблизился к нему, тот начал светиться, но свет этот был гостеприимным.

Он коснулся крышки, и она легко открылась, словно весила не больше перышка. Из саркофага полился теплый желтый свет, а потом из свечения появилась фигура, черты которой Эцио не мог разглядеть, хотя знал, что смотрит на женщину. Женщину неестественно высокого роста со шлемом на голове. На правом плече женщины сидела сова.

Свет, окружавший ее, был ослепительным.

- Приветствую тебя, Пророк, - сказала она, назвав его именем, которое таинственным образом было предназначено именно ему. - Я ждала тебя десятки тысяч лет.

Эцио не осмеливался посмотреть на нее.

- Покажи мне Яблоко.

Эцио смиренно протянул его.

Ее рука ласкала воздух над Яблоком, но не прикоснулась к нему. Яблоко светилось и пульсировало. Глаза женщины сверлили его.

- Мы должны поговорить.

Она наклонила голову, обдумывая что-то, и Эцио показалось, что на её сверкающем лице он заметил тень улыбки.

- Кто ты? - Осмелился спросить он.

Она вздохнула.

- У меня много имен. Когда я... умерла, меня звали Минервой.

Эцио знал это имя.

- Богиня мудрости! Сова на твоём плече! Шлем! Ну, конечно же!

Он поклонился.

- Мы ушли. Боги, которым поклонялись ваши предки. Юнона, правительница богов, и мой отец, Юпитер, правитель, который породил меня из своей головы. Я была его дочерью, появившейся не из его чресл, но из его разума.

Эцио замер. Он оглядел статуи, выставленные вдоль стен. Венера. Меркурий. Вулкан. Марс...

Раздался странный звук, будто где-то далеко разбили стекло – наверное, такой звук могла издавать падающая звезда - это был смех Минервы.

- Нет, не боги. Мы просто пришли... раньше вас. Когда мы пришли в этот мир, человечество попыталось как-то объяснить наше существование. Мы ... были более развитыми. - Она помолчала. - И, хотя ты не сможешь понять нас, но поймешь наше предупреждение.

- Я не понимаю тебя!

- Не пугайся. Я хочу говорить не с тобой, но *через* тебя. Ты Избранный. Единственный из своей эпохи. Ты *Пророк*.

Эцио ощутил материнское тепло, забравшее всю его усталость.

Минерва подняла руки над головой, и потолок Сокровищницы превратился в небесный свод. Ее сверкающее, нереальное лицо озарила бесконечная печаль.

- Слушай! И смотри!

Эцио с трудом мог удерживать всё в памяти: он увидел всю Землю и небеса, окружающие ее, которые были так же далеки, как Млечный Путь, он увидел галактики, и его разум с трудом мог понять это видение. Он увидел мир - его мир - уничтоженный людьми,

превращенный в выжженную пустыню. Но потом он увидел самих людей - слабых, недолговечных, но стойких и уверенных.

- Мы создали для вас Рай, - сказала Минерва. - Но он стал Адом. Мир сгорел дотла. И мы создали вас по своему образу и подобию. Создали так, как это сделали бы вы сами. Но в вас было опасное зло - выбор, который мы дали вам, чтобы вы выжили! И мы выжили. После опустошения, мы восстановили мир. И он возродился, после целой вечности. Мир, который ты знаешь, и в котором живешь. И мы сделали всё, чтобы эта трагедия не повторилась.

Эцио посмотрел снова на небо. Горизонт. По нему проносились храмы и фигуры, вырезанные из камня, библиотеки полные свитков, корабли, города, музыка и танцы. Все виды и формы искусства древних цивилизаций, о которых он не знал, но видел в них близких по духу существ.

- Но сейчас мы умираем, - проговорила Минерва. - И время работает против нас. Истина превратилась в легенду. Но, Эцио, Пророк и Лидер, хоть ты и обладаешь физической силой обычного человека, воля твоя равна нашей, и ты сохранишь наши слова...

Эцио восторженно смотрел на нее.

- Пусть мои слова подарят кому-то надежду, - продолжила она. - Не медли, ибо времени мало. Опасайся Борджиа. Опасайся креста тамплиеров.

В Сокровищнице потемнело. Минерва и Эцио остались одни, купаясь в постепенно затухающем теплом свете.

- Дело сделано. Сообщение доставлено. Мы все ушли из этого мира. Теперь всё зависит от тебя. Больше мы ничего не может сделать.

А потом наступила темнота и тишина, Сокровищница вновь стала обычной темной подземной комнатой, в которой ничего не было.

И тем не менее...

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

Эцио пошел к выходу, кинув взгляд на корчащееся в предсмертной агонии, окровавленное тело Родриго Борджиа, Испанца, Папы Александра VI, главы Ордена тамплиеров. Но теперь Эцио не смог заставить себя подойти и нанести *coup de grâce*, удар милосердия. Мужчина, казалось, умирал от своей собственной руки. По мнению Эцио, Родриго принял яд, без сомнения, некую кантареллу, которой он отравил столь многих своих врагов. Что ж, пусть он ищет свой собственный путь в Ад. Эцио не собирался проявлять к нему милосердие, подарив легкую смерть.

Он вышел из мрака Сикстинской капеллы. В солнечный свет. В открытой галерее он увидел своих друзей и братьев-ассасинов - членов Братства, с которыми он пережил множество приключений и избежал множества опасностей. Они ждали его.

ЧАСТЬ 1

*Однако же нельзя назвать и доблестью убийство
сограждан, предательство, вероломство, жестокость
и нечестивость: всем этим можно стяжать власть, но не славу.
Никколо Макиавелли, «Государь»**

ГЛАВА 1

Эцио стоял с минуту, ошеломленный и дезориентированный. Где он? Что это за место? Когда сознание медленно восстановилось, он увидел дядю Марио, который отошел от толпы, подошел к племяннику и взял его за руку.

- Эцио, ты в порядке?

- Я... я... я сражался. С Папой, с Родриго Борджиа. И оставил его умирать.

Эцио нещадно трясло. И помочь он себе не мог. Могло ли это быть правдой?

Несколькими секундами ранее - хотя, казалось, прошла уже сотня лет - ему пришлось не на жизнь, а на смерть сражаться с человеком, которого он ненавидел и боялся больше всего на свете. С главой Ордена Тамплиеров, порочной организации, стремившейся к окончательному уничтожению мира, ради защиты которого Эцио и его товарищи по Братству жестоко сражались с тамплиерами.

Но Эцио побил его. Он использовал огромную силу загадочного артефакта, Яблока, священной Частицы Эдема, которой удостоили его древние боги. Они хотели убедиться, что их вклад в человечество не канет в кровопролитии и беззаконии. И он победил!

Или нет?

Что он сказал? «Я оставил его умирать»? И Родриго Борджиа, подлый старикашка, захвативший пост главы Церкви и правящий ей, как Папа Римский, кажется, действительно умер. Он принял яд.

Но теперь Эцио охватило страшное сомнение. Была ли, на самом деле, в оказании милосердия, - милосердия, которое было основополагающим принципом Кредо Ассасинов, и которое должно было быть предоставлено всем, кроме тех, чье существование могло поставить под угрозу все остальное человечество, - слабость?

Если была, то он никогда больше не должен позволить появиться этому сомнению, - это несправедливо по отношению к его дяде Марио, главе Братства. Эцио распрямил плечи. Он оставил старика умирать от его собственной руки. Он дал ему время помолиться. Он не вонзил ему в сердце клинок, чтобы убедиться в его смерти.

Ледяная рука сжала сердце, и ясный голос у него в голове произнес: «Ты должен его убить».

Он встряхнулся, словно собака, прогоняя сомнения. Но его мысли все еще крутились вокруг таинственного происшествия в странной Сокровищнице под Сикстинской капеллой в Ватикане, в Риме. В здании, из которого он только что вышел, моргая от яркого солнечного света. Все вокруг казалось ему удивительно спокойным и нормальным - строения Ватикана стояли так же, как и до этого, и по-прежнему были великолепны в ярком солнечном свете.

Воспоминания о том, что только что произошло в Сокровищнице, вернулись. Сильнейшие волны воспоминаний захлестнули его сознание. В Сокровищнице он узрел видение, встретился со странной богиней - другого описания для случившегося у него не было - которая, как он теперь знал, была Минервой, римской богиней мудрости. Она показала ему далекое прошлое и еще более отдаленное будущее, заставив его возненавидеть ответственность, которую он взвалил на свои плечи, за знания, что он получил от неё.

С кем он может поделиться ими? Сможет ли хоть кому-нибудь раскрыть их? Всё казалось ненастоящим.

Единственное, что он точно знал после этого происшествия, - хотя его лучше назвать испытанием, - то, что борьба еще не закончена. Возможно, когда-нибудь и наступит день,

когда он сможет вернуться в родную Флоренцию, остепениться, засесть за книги, выпивать с друзьями зимними вечерами, охотиться с ними осенью, бегать за девушками весной и следить за сбором урожая в своих имениях летом.

Но всё это было не то.

В глубине души он знал, что тамплиеры и зло, которое они собой представляли, еще существуют. В их лице он боролся против монстра с огромным количеством голов - их было больше, чем у Гидры. И, как и в случае с легендарным чудовищем, чтобы уничтожить тамплиеров, требовался человек вроде Геркулеса, потому что организация эта была бессмертной.

- Эцио!

Голос дяди был суровым, но именно он вывел Эцио из состояния задумчивости, захватившего его. Он должен сосредоточиться. Он должен мыслить ясно.

В голове Эцио бушевало пламя. «Я Эцио Аудиторе да Фиренце, - утешительно сказал он сам себе. - Я силен, и верен традициям ассасинов».

Он снова ощутил под ногами твердую землю. Эцио не знал, было ли произошедшее сном или нет. Учение и откровения странной богини в Сокровищнице до глубины души потрясли его убеждения и разрушили все предположения. Это было похоже на то, как если бы само Время перевернулось с ног на голову. Выйдя из Сикстинской капеллы, где он, по-видимому, оставил умирать, порочного Папу Римского, Александра VI, он зажмурился от неприятных солнечных лучей. Вокруг собрались его друзья, товарищи-ассасины, лица их были серьезными и наполненными мрачной решимостью.

Но его продолжала преследовать мысль: должен ли был он убить Родриго, чтобы убедиться в его смерти? Он выбрал «нет», - казалось, не сумев достичь последней цели, Борджиа действительно стремился свести счеты с жизнью.

Но в голове Эцио все еще звучал ясный голос.

И было еще кое-что. Теперь его тянула обратно в капеллу непонятная сила, - Эцио чувствовал, что что-то еще было не сделано.

И дело не в Родриго. Не только в нем. Хотя он должен сейчас же прикончить его. Но было что-то еще!

- Что такое? - Спросил Марио.

- Я должен вернуться... - Ответил Эцио.

Желудок сжался от понимания того, что игра еще не окончилась, и что Яблоко никогда не должно попасть в чужие руки. Как только Эцио осенила эта мысль, он понял, что должен торопиться. Оторвавшись от надежной руки дяди, он поспешил обратно, во мрак. Марио, приказав остальным оставаться на месте и следить за происходящим снаружи, последовал за ним.

Эцио быстро отыскал место, где оставил умирающего Родриго Борджиа, но его там не оказалось! Богато украшенная папская мантия лежала на полу, смятая и запачканная кровью. Её владелец сбежал. В очередной раз, сердце Эцио сжала ледяная рука и, казалось, полностью раздавила его.

Тайная дверь в Сокровищницу, как и ожидалось, была закрыта. Она была почти невидима, но стоило Эцио приблизиться к месту, где, как он помнил, находилась кнопка, и прикоснуться к ней, как дверь тихо открылась. Он обернулся к дяде и увидел страх на его лице.

- Что там? - спросил старший ассасин, стараясь, чтобы голос его звучал ровно.

- Там - Тайна, - отозвался Эцио.

Оставив Марио на пороге, он спустился в тускло освещенный проход, надеясь, что еще не слишком поздно, что Минерва предвидела это и проявит милосердие. Конечно, Родриго проход сюда был закрыт, но на всякий случай Эцио держал наготове скрытый клинок, который завещал ему отец.

В Сокровищнице все еще держали Посох человеческие, и в то же время сверхчеловеческие, фигуры - но были ли они статуями?

Посох. Одна из Частиц Эдема.

По-видимому, Посох слился с державшей его фигурой, потому что как Эцио не пытался его вырвать, фигура, казалось, лишь усиливала хватку, светясь так же, как рунические надписи на стенах Сокровищницы.

Эцио вспомнил, что ни одна человеческая рука не должна даже коснуться Яблока. Тем временем фигура повернулась и погрузилась в землю. Сокровищница опустела, если не считать большого саркофага и окружающих его статуй.

Эцио отступил и быстро, нерешительно, всё оглядел. И лишь потом окончательно принял то, что инстинктивно знал до этого, - он прощается с этим местом навсегда. Чего он ожидал? Он надеялся, что Минерва еще раз появится перед ним? Но разве не она сказала ему все эти вещи? И, в конце концов, было ли так необходимо ему знать их? Ему доверили Яблоко. В сочетании с Ним другие Частицы Эдема могли предоставить владельцу невероятную власть, которую так жаждал Родриго. И Эцио, с высоты собственных лет, прекрасно понимал, что такая объединенная сила слишком опасна в руках одного человека.

- Все в порядке? - Голос Марио, все еще необычно нервный, донесся до него.

- В порядке, - отозвался Эцио, направляясь обратно к свету и ощущая странное сопротивление.

Добравшись до дяди, Эцио молча показал ему Яблоко.

- А Посох?

Эцио покачал головой.

- Лучше в тверди земной, чем в руках человеческих, - сказал с пониманием в голосе Марио. - Но не мне тебе об этом говорить. - Его заметно передернуло. - Пошли! Мы не можем больше задерживаться.

- Куда мы спешим?

- Спешим. Ты же не думаешь, что Родриго будет сидеть, сложа руки, и позволит нам уйти отсюда?

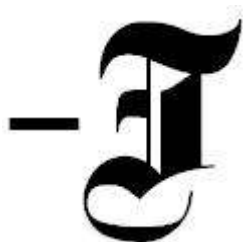
- Я оставил его умирать.

- Оставить его умирать и оставить его в живых - это разные вещи. Пошли!

Потом они со всей возможной скоростью вышли из Сокровищницы. И на всем пути их преследовал ледяной ветер.

*перевод текста взят из сборника «Государь: сочинения исторические и политические», изд. ЭКСМО, Москва, 2009. Перевод Г. Муравьевой. - Прим. пер.

ГЛАВА 2

де остальные? - спросил у Марио Эцио, мысли которого продолжали крутиться вокруг странного происшествия в Сокровищнице.

Они направлялись к выходу из величественного нефа Сикстинской капеллы. Собравшихся ассасинов уже не было.

- Я приказал им уходить. Паола возвращается во Флоренцию. Теодора и Антонио - в Венецию. Мы должны рассредоточиться по всей Италии. Может тамплиеры и сломлены, но еще не уничтожены. Если

Братство Ассасинов не будет бдительно, тамплиеры смогут перегруппироваться. Остальные наши товарищи ушли вперед, и будут ждать нас в штаб-квартире в Монтериджони.

- Они же дежурили здесь.

- Верно. Но они знают, что выполнили свой долг. Эцио, времени мало. Мы все это знаем, - лицо у Марио было серьезным.

- Я должен был удостовериться, что Родриго Борджиа мертв.

- Он ранил тебя?

- Броня выдержала удар.

Марио похлопал племянника по спине.

- То, что я сказал раньше, я сказал сгоряча. Думаю, ты правильно поступил, решив не убивать без необходимости. Я всегда советовал тебе быть сдержаннее. Ты подумал, что для него будет лучше, если он умрет от своей собственной руки. Кто знает? Возможно, он притворялся, - возможно, он действительно принял не смертельную дозу яда. Как бы то ни было, мы должны действовать исходя из сложившегося положения дел, а не тратить силы, размышляя, что мы могли бы сделать. В любом случае, мы послали тебя сражаться в одиночку против целой армии тамплиеров. И ты сделал больше, чем мы от тебя ожидали. Я по-прежнему остаюсь твоим старым дядюшкой, и беспокоюсь о тебе. Пойдем, Эцио. Нужно убираться отсюда. У нас есть дело, и последнее, что нам нужно, чтобы стражники Борджиа загнали нас в угол.

- Ты не поверишь, что я там видел, дядя.

- Давай сперва останемся в живых, а после расскажешь свою историю. Послушай, я оставил лошадей в конюшнях прямо за Собором Святого Петра, за стенами Ватикана. Если доберемся туда, то сумеем выбраться отсюда в целости и сохранности.

- Я уверен, люди Борджиа попытаются нас остановить.

На бородатом лице Марио появилась широкая улыбка.

- Конечно, попытаются, и я убежден, - сегодня они недосчитаются многих своих людей!

В приделе Эцио и дядя столкнулись лицом к лицу с несколькими священниками, вернувшимися закончить мессу, которую прервала битва Эцио с Папой Римским, когда он и Родриго сражались за контроль над Частицами Эдема.

Сердитые священники окружили их и зашумели.

- Что вы здесь делаете? - раздалось сразу несколько голосов. - Вы осквернили святость этого места!

- Ассасины! Господь заставит вас заплатить за ваши преступления!

Стоило Марио и Эцио начать проталкиваться через рассерженную толпу, как колокола Собора Святого Петра забили тревогу.

- Вы осуждаете то, чего не понимаете, - сказал Эцио священнику, пытавшемуся преградить им путь. Мягкотелость священника вызывала у него отвращение. Он, как можно осторожнее, оттолкнул его в сторону.

- Нужно идти, Эцио, - настойчиво сказал Марио. - Быстрее!

- Его устами вещает Дьявол! - Раздался голос другого священника.

- Отвернись от них!

Эцио и Марио пробрались через толпу и вышли в большой церковный двор. Там они столкнулись с морем людей в красных мантиях. Казалось, вся Коллегия кардиналов

собралась здесь, растерянная, но все еще подвластная Папе Александру VI - Испанцу, который, как знал Эцио, одновременно был Родриго Борджиа, главой Ордена Тамплиеров.

- Наша брань не против крови и плоти, - монотонно пропели кардиналы, - но против начальств, против властей против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие... и щит Веры, которым возможете угасить все раскаленные стрелы Лукавого.*

- Что с ними такое? - спросил Эцио.

- Они запутались. И просят наставления, - мрачно ответил Марио. - Пошли. Нужно убраться отсюда, пока люди Борджиа не заметили нас.

Он оглянулся на Ватикан, одетый в солнечный свет, словно в сверкающую броню.

- Слишком поздно. Они здесь. Скорей!

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

*Ефессянам 6:10-17 (прим.пер.)

ГЛАВА 3

оре кардиналов в красных развевающихся облачениях расступилось, пропуская четырех солдат Борджиа, проталкивающих через толпу по направлению к Эцио и Марио. Толпу охватила паника, кардиналы закричали от страха. Эцио и его дядя оказались окружены людьми. Возможно, появление тяжело вооруженных стражников неосознанно укрепило смелость кардиналов. Нагрудники солдат сверкали в лучах солнца. Четверо солдат с мечами наизготовку шагнуло в круг, лицом к лицу к Марио и Эцио, тоже обнажившими мечи.

- Бросьте оружие и сдавайтесь, ассасины. Вы окружены и в меньшинстве! - закричал, шагнув вперед, командир.

Но прежде чем он смог добавить что-то еще, Эцио сорвался со своего места, чувствуя, как силы возвращаются в его усталое тело. У командира не было времени, чтобы среагировать, он не ожидал, что противник проявит подобную смелость, учитывая численное превосходство солдат. Эцио, словно в тумане, крутанул мечом, лезвие засвистело, разрезая воздух. Стражник тщетно попытался поднять свой меч, но Эцио оказался быстрее. Меч Эцио с невероятной точностью угодил в цель, скользнул по обнаженной шее стражника - следом ударила струя крови. Оставшиеся трое солдат стояли, оцепенев, поражаясь скорости ассасина. Выглядели они перед лицом такого опытного врага по-идиотски. Эта задержка стоила им жизни. Клинок Эцио еще не завершил первое смертельное движение, как ассасин поднял левую руку, щелкнул механизм скрытого клинка, и из рукава выскочило смертоносное лезвие. Он вонзил его второму стражнику между глаз, прежде чем тот успел хотя бы напрячь мускулы в попытке защититься.

Тем временем никем незамеченный Марио отступил на два шага в сторону, перекрывая угол атаки двум оставшимся стражникам. Их внимание все еще было приковано к шокирующему проявлению жестокости, разворачивающемуся перед ними. Еще два шага, и он оказался вплотную к ним и вонзил меч под нагрудник ближайшего солдата. Острие с отвратительным звуком вошло в человеческое тело. Агония исказила лицо стражника. Ужас сверкнул в глазах последнего выжившего, он повернулся, собираясь сбежать, но было уже слишком поздно. Клинок Эцио ударил его в правый бок, а меч Марио резанул по бедру. Солдат с хрипом повалился на колени. Марио пнул его.

Оба ассасина оглянулись. Кровь стражников текла по мощеной земле, впитывалась в алые подолы кардинальских риз.

- Поспешим. Прежде чем нас отыщет кто-то еще из людей Борджиа.

Они замахнулись мечами на перепуганных кардиналов, и те в ужасе разбежались от ассасинов. Путь из Ватикана был свободен. Раздался топот приближающихся лошадей. Без сомнения, это были солдаты. Ассасины, яростно пробиваясь на юго-восток, со всей возможной скоростью кинулись по площади, прочь от Ватикана, в сторону Тибра. Лошади, приготовленные Марио для побега, были привязаны неподалеку от Святого Престола. Но ассасинам пришлось остановиться и развернуться лицом к папской конной гвардии, которые стремительно догоняли их. Грохот копыт по мостовой эхом разносился вокруг. Эцио и Марио вскинули фальчионы, отбивая удары алебард, обрушившиеся на них.

Марио прирезал стражника, собиравшегося вонзить копьё в спину Эцио.

- Неплохо для старика, - с благодарностью в голосе воскликнул Эцио.

- Надеюсь, ты окажешь мне ту же услугу, - ответил его дядя. - И не такой уж я и «старик»!

- Я не забыл, чему ты меня учил.

- Надеюсь! Берегись!

Эцио обернулся как раз вовремя, чтобы резануть по ногам лошадь, на которой несся на него стражник, занесший для удара опасного вида булаву.

- Отлично! - Крикнул ему Марио. - Отлично!

Эцио отпрыгнул в сторону, уходя еще от двух своих преследователей, и стащил их с лошадей. Стражники по инерции пронеслись вперед. Марио, будучи старше и тяжелее своего племянника, предпочитал убивать врагов, не утруждая себя излишними передвижениями. Наконец, ассасины добрались до края широкой площади у Собора Святого Петра. Ловкие, как ящерицы, они по стенам домов влезли на безопасные крыши. Потом побежали вперед, перепрыгивая с крыши на крышу, когда перед ними появлялись провалы улиц. Это не всегда было легко. Один раз Марио едва удался прыжок - он недопрыгнул до крыши и успел лишь уцепиться руками за водосточный желоб. Эцио, задыхающийся от бега, вернулся к нему и помог влезть на крышу, и очень вовремя - арбалетные болты, выпущенные преследовавшими их стражниками, ушли в небо, не достигнув цели.

Все-таки они передвигались по крышам куда быстрее, чем их преследователи по земле. Вооруженным до зубов стражникам не хватало умений, которыми обладали ассасины Братства, поэтому их попытки поймать беглецов были тщетны. Постепенно они отстали. Двое мужчин протопали по крыше и остановились, оглядывая небольшую площадь на окраинах района Трастевере. Рядом с постоянным двором довольно непритязательного вида (на потрепанном знаке таверны была нарисована спящая лисица) стояли два крупных оседланных, готовых к поездке гнедых жеребца. Выглядели они весьма непокорными. Присматривал за лошадьми косоглазый горбун с густыми усами.

- Джанни! - Прошипел Марио.

Горбун поднял взгляд и тут же отвязал повод, которым кони были привязаны к железному кольцу, вбитому в стену постоянного двора. Марио незамедлительно соскочил с крыши, поскользя приземлился, и сразу запрыгнул в седло ближайшего (и самого крупного) жеребца. Застоявшийся конь заржал и нервно переступил с ноги на ногу.

- Шшш, Чемпион, - сказал Марио животному и посмотрел наверх, где на парапете всё ещё стоял Эцио. - Ну же! - Крикнул он. - Чего ты ждешь?

- Минутку, дядя, - отозвался Эцио и повернулся к двум солдатам Борджиа, которым удалось влезть на крышу.

К удивлению Эцио у них в руках оказались пистолеты незнакомого для ассасина вида. Откуда, черт возьми, они их взяли? Но времени для вопросов не было. Щелкнул механизм скрытого клинка, и Эцио закружился в воздухе. Он перерезал стражникам яремные вены, прежде чем те успели выстрелить.

- Впечатляет, - похвалил Марио, едва сдерживая нетерпеливого коня. - Поторопись! Какого черта ты ждешь?

Эцио спрыгнул с крыши на землю рядом со вторым конем, которого крепко держал под уздцы горбун, и тут же вскочил в седло. Конь под его весом встал на дыбы, но Эцио быстро успокоил животное и поехал следом за дядей, который бросился к Тибру. Джанни исчез в постоянном дворе, а из-за угла на площадь выехал отряд кавалерии Борджиа. Ударив коня каблуками, Эцио догнал дядю. Они с головокружительной скоростью скакали по разбитым улочкам Рима по направлению к грязной, медлительной реке. Позади них раздавались крики солдат Борджиа, проклинающих ассасинов. Марио и Эцио скакали по лабиринту старинных улиц, тянувшихся вперед.

Добравшись до острова Тиберина, они пересекли реку по шаткому мосту, задрожавшему под копытами их коней, и, запутывая след, повернули на север, поскакав по главной улице. Она вела прочь из грязного городка, некогда бывшего столицей цивилизованного мира. Они не останавливались, пока не оказались далеко в сельской местности и не убедились, что преследователи до них больше не доберутся.

Они остановили коней рядом с поселком Сеттебани в тени раскидистого дерева, на обочине дороги, идущей вдоль реки, и смогли наконец-то перевести дух.

- Мы едва не попались, дядя.

Старший ассасин пожал плечами и улыбнулся, немного вымучено. Из седельной сумки Марио вытащил кожаную флягу с терпким красным вином и протянул племяннику.

- Держи, - сказал он, медленно выдыхая. - Ты молодец.
Эцио глотнул и скривился.
- Откуда ты это взял?
- Это лучшее вино в «Спящей лисе», - ответил Марио, широко улыбаясь. - Когда доберемся до Монтериджони, сможешь нормально поесть.
Усмехнувшись, Эцио передал флягу обратно дяде, но тут на его лице появилось беспокойство.
- Что случилось? - мягко спросил Марио.
Эцио медленно вытащил из сумки Яблоко.
- Вот. Что мне с ним сделать?
Марио мрачно посмотрел на него.
- Это большая ответственность. И только ты можешь взять ее на себя.
- Разве я справлюсь?
- А что говорит тебе сердце?
- Оно советует мне избавиться от него. Но разум...
- Его доверили тебе... некие Силы, с которыми ты столкнулся в Сокровищнице, - торжественно произнес Марио. - Они не отдали бы его снова в руки смертного, если бы не намеревались сделать это с самого начала.
- Это слишком опасно. Если оно снова попадет не в те руки...
Эцио посмотрел на реку, чьи зловещие воды медленно текли прочь. Марио с надеждой посмотрел на племянника.
Эцио взвесил Яблоко в правой руке, одетой в перчатку. И всё же он колебался. Он знал, что не имеет права выбросить такое сокровище; слова дяди заставили его сомневаться. Конечно, Минерва не позволила бы ему унести Яблоко, если бы на то не было причины.
- Решение принимать только тебе, - проговорил Марио. - Но если ты не хочешь взваливать на себя ответственность за него прямо сейчас, отдай его на хранение. Когда ты успокоишься, то сможешь забрать его.
Эцио все еще сомневался. Потом они одновременно услышали доносящийся издалека грохот копыт и лай собак.
- Эти ублюдки не собираются легко сдаваться, - процедил сквозь зубы Марио. - Ну же, отдай его мне.
Эцио вздохнул, убрал Яблоко обратно в кожаный мешочек и передал Марио, который быстро спрятал его в седельную сумку.
- Теперь, - сказал Марио, - нужно загнать этих клещей в реку, и перебраться на тот берег. Это собьет со следа проклятых псов. Даже если они окажутся достаточно умными, чтобы переплыть Тибр, то потеряют нас в лесу. Поехали. Завтра в это же время я хочу быть уже в Монтериджони.
- Придется скакать очень быстро.
Марио ударил коленями коня. Зверь встал на дыбы, в уголках его рта появилась пена.
- Очень, - кивнул Марио. - Потому что теперь нам придется бороться не только с Родриго. Теперь с ним его сын и дочь - Чезаре и Лукреция.
- И кто они?
- Самые опасные люди из тех, кого ты когда-либо встречал.

ГЛАВА 4

огда на следующий день на холме на горизонте появился небольшой окруженный стеной город Монтериджони, над которым возвышалась крепость Марио, стоял полдень. Они добрались куда быстрее, чем ожидали, и теперь сбавили темп, щадя коней.

- А потом Минерва рассказала мне о солнце, - проговорил Эцио. - Она поведала о катастрофе, произошедшей очень давно, и предсказала другую, которая должна будет случиться...

- Но не сейчас, а в будущем, верно? - Уточнил Марио. - Тогда не будем волноваться об этом.

- Да, - кивнул Эцио. - Удивляюсь, сколько нам еще предстоит сделать. - Он остановился, задумавшись. - Возможно, скоро все закончится.

- Разве это плохо?

Эцио собирался ответить, когда раздался грохот взрыва - палили городские пушки. Он обнажил меч и привстал в седле, рассматривая крепостные стены.

- Не бойся, - от души рассмеялся Марио. - Это всего лишь учения. Мы обновили арсенал и установили пушки по всей крепостной стене. И проводим ежедневные тренировки.

- И сейчас они целятся в нас.

- Не волнуйся, - повторил Марио. - Конечно, моим людям необходима постоянная практика, но у них хватит ума не стрелять в босса!

Чрез некоторое время они въехали через распахнутые главные ворота и поехали по широкой улице, ведущей к цитадели. Вдоль дороги столпились люди, смотревшие на Эцио со смесью уважения, восхищения и любви.

- С возвращением, Эцио! - Сказала ему одна женщина.

- Троекратное ура для Эцио! - Раздался детский голос.

- Доброго дня, братишка, - ответил ему Эцио и обратился к Марио: - Как же хорошо быть дома.

- Кажется, они больше рады видеть тебя, чем меня, - отозвался Марио, но, говоря это, он улыбался. И действительно, многие старейшие жители города радовались его возвращению.

- Я с нетерпением жду встречи с семьей, - сказал Эцио. - Мы давно не виделись.

- Действительно. Кое-кто ждет тебя с нетерпением.

- Кто?

- А ты сам не догадываешься? Ты слишком много времени уделяешь долгу перед Братством.

- Ну, конечно. Ты говорил о маме и сестре. Как они?

- Хорошо. Твоя сестра была весьма опечалена смертью мужа, но время лечит все раны. Думаю, теперь ей намного лучше. Кстати, вот и она.

Они въехали во двор укрепленной резиденции Марио и спешили. Наверху мраморной лестницы, ведущей к главному входу, появилась сестра Эцио, Клаудия, сбежала по ступенькам вниз, прямо в объятия брата.

- Брат! - Воскликнула она, обнимая его. - Твое возвращение домой - самый лучший подарок на день рождения, о котором я только мечтала!

- Клаудия, дорогая моя, - проговорил Эцио, прижимая ее к себе. - Как же хорошо вернуться домой. Как мама?

- Слава Богу, хорошо. Она умирает от желания тебя увидеть. Мы были как на иголках, с тех пор, как узнали, что ты возвращаешься. Твоя слава бежит впереди тебя.

- Пойдем, - позвал Марио.

- Кое-кто еще очень хочет тебя увидеть, - продолжала Клаудия, взяв брата под руку. Они вместе поднялись по лестнице. - Графиня Форли.

- Катерина? Здесь? - Эцио постарался скрыть волнение в голосе.

- Мы не знали, когда именно вы приедете. Она и мама сейчас с аббатисой, но приедут к закату.

- Сперва дела, - с пониманием в голосе произнес Марио. - Сегодня вечером проведем заседание совета Братства. Думаю, Макиавелли очень хочет поговорить с тобой.

- Все кончено, правда? - Клаудия внимательно посмотрела на брата. - Испанец, правда, мертв?

Серые глаза Эцио застыли.

- Я все объясню на собрании, вечером, - сказал он ей.

- Хорошо, - согласилась Клаудия, но когда она уходила, глаза ее были полны беспокойства.

- Пожалуйста, передай мои самые горячие приветствия графине, когда она приедет, - крикнул ей вслед Эцио. - Я встречу с ней и мамой вечером. Сперва надо разобраться с неотложными делами вместе с Марио.

Когда они остались одни, голос Марио стал серьезным.

- Тебе надо подготовиться к вечеру, Эцио. Макиавелли прибудет на закате. У него к тебе много вопросов. Сейчас мы обсудим кое-что, а потом советую тебе отдохнуть. И тебе не повредит заново познакомиться с городом.

После серьезного разговора с Марио у него в кабинете, Эцио пошел в Монтериджони. Вопрос о том, почему Папа выжил, мучил его, и он хотел отвлечься. Марио предложил ему зайти к портному, заказать новую одежду и сменить ту, что испачкалась за время пути. Поэтому Эцио сначала пошел в лавку портного, где нашел самого хозяина, сидевшего на верстаке скрестив ноги. Он шил парчовый плащ роскошного изумрудно-зеленого цвета.

Эцио понравился портной, добродушный парень, чуть старше самого Эцио. Портной тепло поприветствовал его.

- Чем обязан такой чести? - Спросил он.

- Думаю, мне нужна новая одежда, - немного грустно ответил Эцио. - Скажи, что ты думаешь на счет этой работы. Только честно.

- Даже если бы это не было моей работой, синьор, я бы сказал, что непременно пошью для вас новый костюм.

- Так я и думал! Замечательно!

- Сейчас я сниму с вас мерки. Потом вы выберете цвета, которые пожелаете.

Эцио предоставил себя в распоряжение портного, а после выбрал скромный темно-серый бархат для дуплета и шерстяные штаны соответствующего цвета.

- Одежда будет готова сегодня?

Портной улыбнулся.

- Нет, если вы, конечно, хотите, чтобы я хорошо сделал свою работу, синьор. Но завтра в полдень можете прийти на примерку.

- Хорошо, - согласился Эцио, надеясь, что после вечернего собрания ему не придется срочно уезжать из Монтериджони.

Он шел по главной площади города, когда заметил привлекательную женщину, которая изо всех сил старалась поднять большой ящик, полный красных и желтых цветов. Но ящик был для неё слишком тяжел. В это время дня на улицах почти никого не было, а Эцио никогда не мог оставить в беде девушку.

- Могу я предложить вам руку помощи? - Спросил он, подойдя к ней.

Она улыбнулась.

- Да, она мне просто необходима. Садовник должен был помочь мне, но его жена заболела. Он пошел домой. А я все равно собиралась в эту сторону, и сказала ему, что заберу ящик сама. Но он слишком тяжелый. Вы не могли бы..?

- Конечно, - Эцио наклонился и вскинул ящик на плечо. - Так много цветов! Вы счастливая женщина.

- В данный момент мне посчастливилось встретить вас.

Без сомнений, она флиртowała с ним.

- А вы не могли попросить мужа, или одного из слуг, чтобы они донесли этот ящик?

- У меня всего одна служанка, и она вполнину слабее меня, - отозвалась женщина. - А мужа у меня нет.

- Ясно.

- Эти цветы для дня рождения Клаудии Аудиторе, - женщина бросила на него взгляд.

- Звучит весело.

- Так и будет, - она помолчала. - Если вы хотите еще мне помочь кое в чем, я как раз ищу кого-нибудь, кто составит мне компанию на этот праздник.

- Вы считаете, что я подойду?

Девушка осмелела.

- Да! Ни у кого в городе нет такой выправки как у вас, сир. Уверена, даже брат Клаудии, Эцио, был бы впечатлен.

Эцио усмехнулся.

- Вы мне льстите. А этот Эцио... Что вы знаете о нем?

- Клаудия - моя близкая подруга - высокого мнения о нем. Но он редко навещает её, из чего следую вывод, что он довольно далеко.

Эцио решил, что пришло время все прояснить.

- Это так, увы... Я был... далеко.

Женщина ахнула.

- О нет! Вы - Эцио! Даже не верится. Клаудия говорила, что вы должны вернуться. Праздник должен был быть сюрпризом для неё. Обещайте, что не скажете ни слова!

- Если скажете, кто вы.

- Конечно. Я Анжелина Череса. А теперь пообещайте!

- И что вы сделаете, чтобы я замолчал?

Она бросила на него лукавый взгляд.

- О, у меня есть несколько идей на этот счет.

- Не терпится услышать...

В это время они дошли до дома Анжелины. Пожилая экономка открыла им дверь, и Эцио опустил ящик с цветами на каменную лавку во дворе. Потом посмотрел на Анжелину и улыбнулся.

- Так вы мне скажете?

- Потом.

- Почему?

- Синьор, я уверяю, это стоит того, чтобы подождать.

Никто из них еще не знал, что скоро произойдут события, из-за которых они больше никогда не встретятся.

Эцио попрощался с ней и, видя, что день клонится к закату, пошел обратно к цитадели. Когда он подошел к конюшне, то увидел ребенка - маленькую девочку - растерянно бродившую посреди улицы. Эцио хотел заговорить с ней, и тут услышал позади яростные крики и грохот лошадиных копыт. Не долго думая, он подхватил ребенка и отпрыгнул с ним к ближайшим дверям. Он успел в последний момент. Из-за угла выскочил могучий боевой конь в сбруе, но без всадника. Следом ковылял конюх Марио, и Эцио узнал в нём старика Федерико.

- Иди сюда, проклятое животное! - Позвал Федерико, но это было бесполезно - конь уже убежал. Увидев Эцио, он сказал. - Прошу вас, сир, помогите мне. Это любимый конь вашего дяди. Я собирался расседлать его и почистить... Наверное, что-то испугало его, он очень нервный.

- Не волнуйся, отец, я приведу его обратно.

- Спасибо, спасибо. - Федерико стер со лба пот. - Я уже слишком стар для этого.

- Не беспокойся. Остайся здесь и последи за ребенком. Мне кажется, она потерялась.

- Хорошо.

Эцио побежал за конем. Конь, уже немного успокоившийся, нашелся возле телеги с сеном. Он занервничал, когда Эцио подошел ближе, но потом узнал его и не стал убегать. Эцио положил ему на холку руку и успокаивающе похлопал, потом взялся за уздечку и осторожно повел коня обратно.

По пути он совершил еще одно доброе дело. Он встретил крайне обеспокоенную молодую женщину, потерявшую своего ребенка. Эцио объяснил ей, что случилось, преуменьшив степень опасности, которая угрожала девочке. Когда он сказал, где малышка сейчас, женщина побежала впереди него, крича: «София! София!» Вскоре раздался ответный крик: «Мама!» Спустя несколько минут он подошел к маленькой группке и передал поводья Федерико. Старик еще раз поблагодарил его и попросил ничего не рассказывать Марио. Эцио пообещал, и Федерико увел коня на конюшню.

Мать с дочерью все еще ждали, Эцио, улыбаясь, повернулся к ним.

- Она хотела сказать вам «спасибо», - сказала мать.

- Спасибо, - покорно повторила София, глядя на него со смесью страха и волнения.

- Больше не отходи от своей мамы, - добродушно произнес Эцио. - Не бросай её одну, поняла?

Девочка молча кивнула.

- Не знаю, что было бы с нами без вас и вашей семьи, синьор, - вздохнула мать.

- Мы делаем всё возможное, - отозвался Эцио, но, когда он вошел в цитадель, мысли его были беспокойны.

Хотя Эцио знал, что сможет постоять за себя, ему совсем не хотелось встречаться с Макиавелли.

Но до встречи оставалось еще достаточно времени, поэтому Эцио, движимый не только желанием отвлечься от тяжелых мыслей, но и естественным любопытством, сперва взобрался на крепостную стену, чтобы поближе посмотреть на новые пушки Марио, которыми дядя так гордился. Там он их и нашел. Чугунные пушечные ядра были аккуратно сложены рядом с колесами пушек в пирамиды. Сами пушки были отлиты из бронзы, по стволу вилась чеканка. Самая большая из пушек была десять футов длиной, Марио рассказывал, что весит она двадцать тысяч фунтов. Но на стенах были и более легкие и маневренные кульверины. В башнях, на всем протяжении стен, стояли отлитые из чугуна сейкеры и легковесные фальконы на деревянных тележках.

Эцио подошел к стрелкам, столпившимся вокруг одной из больших пушек.

- Красивый зверь, - сказал Эцио, проведя рукой по замысловатой чеканке вокруг запала.

- Это точно, мессер Эцио, - ответил командир, грубоватый мастер-сержант, которого Эцио помнил по своему первому визиту в Монтериджони еще молодым парнем.

- Я слышал, что вы практиковались днем. Могу я тоже пострелять?

- Можно, конечно, но днем мы стреляли из меньших пушек. Эти, большие, совсем новые.

Мы еще не испытывали их, потому что они еще не подготовлены к стрельбе. А мастер-оружейник, который их устанавливал, куда-то запропастился.

- Кто-нибудь из вас пытался еще найти?

- Пытались, сир, но неудачно.

- Я тоже посмотрю в окрестностях. В конце концов, эти штуки здесь не для красоты. Никогда не знаешь, как скоро они могут пригодиться.

Эцио пошел по крепостной стене и удалился от стрелков всего на двадцать-тридцать ярдов, когда услышал громкое бормотание, доносившееся из-под деревянного навеса, который был установлен над боевой площадкой одной из башен. Рядом с навесом лежал ящик с инструментами. Когда Эцио подошел к навесу, бормотание перешло в храп.

Внутри оказалось темно и жарко, воздух был спёртым и пропах кислым вином. Когда глаза привыкли к темноте, Эцио разглядел крупного мужчину в не особо чистой рубашке, развалившегося на куче соломы. Он легонько пнул мужика, но это не произвело должного эффекта - мужик лишь забормотал во сне, а потом повернулся лицом к стене и захрапел.

- Эй, мессер, - сказал Эцио, более грубо толкая носком сапога мужчину.

На этот раз мужик открыл один глаз и повернулся посмотреть на Эцио.

- Чо надо, дружище?

- Ты нужен, чтобы починить пушки на стене.

- Не сегодня, дружбан. Завтра с утра.

- Ты слишком пьян, чтобы работать? Думаю, капитану Марио не понравится услышать это.

- Сегодня я больше работать не собираюсь.

- Еще не слишком поздно. Ты хоть знаешь, который час?

- Нет. И не знал. Я делаю пушки, а не часы.

Эцио присел на корточки, чтобы было удобнее с ним говорить. Мужчина в свою очередь сел и смачно рыгнул в лицо Эцио. Из рта у него отвратительно несло чесноком и дешевым монтальчино. Эцио поднялся.

- Мы хотим, чтобы пушки стреляли. И хотим, чтобы они были готовы немедленно, - процедил он. - Или мне найти кого-то поспособнее тебя?

Мужик встал.

- Не спеши, дружище. Я никому не позволю притронуться к моим пушкам.

Он оперся на Эцио, и тот снова ощутил его дыхание.

- Ты не представляешь, с кем мне приходится иметь дело. У этих солдат нет никакого уважения к артиллерии. Для многих из солдат пушки - всего лишь новомодный хлам. Им кажется, что пушка будут стрелять просто так, по волшебству! А ведь орудие нужно чувствовать!

- Может, продолжим разговор по пути? - спросил Эцио. - Время не ждет.

- Имей в виду, - продолжал мастер-оружейник, - что пушки, что стоят здесь, довольно неплохи для своего класса, и лучшие для Марио, но они очень примитивны. Я сумел раздобыть у французов чертежи одного изобретения. Они называют его «железный убийца». Очень умно. Только представь, пушка, которую можно держать в руках! Оружие будущего, дружище!

С этими словами они подошли к группе солдат, стоявших вокруг пушки.

- Можете отзываться «охотников», - весело заметил Эцио. - Вот он.

Мастер-сержант прищурил глаза.

- А он справится с работой?

- Может, я немного и перебрал, - отозвался оружейник, - но в душе я трезв, как стекло. В наше время потакать спящему воину - единственный способ выжить. Так что я просто обязан пить, - он отпихнул сержанта в сторону. - Ну-ка, посмотрим, что у нас здесь...

Он несколько минут осматривал пушки, потом повернулся к солдатам.

- Что вы наделали? Вы их испортили! Слава богу, вы не додумались стрелять из них, иначе поубивали бы всех нас. Они же еще не готовы! Сперва ствол надо хорошо прочистить.

- А может с вами нам вовсе не понадобится пушка, - огрызнулся в ответ сержант - Вы прикончите врага своим дыханием!

Но оружейник занимался пушкой, в одной руке у него был шомпол, во второй отрез грубого хлопка, измазанного чем-то жирным. Когда он закончил, он встал и заметно расслабился.

- Ну, все, - проговорил он и повернулся к Эцио. - Пусть эти парни зарядят пушку. Это единственное, на что они способны - и видит Бог, им пришлось долго учиться даже этому

- тогда вы сможете пострелять. Смотрите на холмы. Мы установили там мишени на уровне этой пушки. Попробуйте начать с цели, которая находится прямо перед пушкой.

Если пушка взорвется, по крайней мере, взрыв не оторвет вам голову.

- Звучит обнадеживающе, - хмыкнул Эцио.

- Попробуйте, мессер. Здесь стоит предохранитель.

Эцио вставил фитиль в отверстие для запала. Долгое время ничего не происходило, а потом Эцио подскочил, потому что пушка взревела. Посмотрев на мишени, Эцио увидел, что ядро поразило одну из них.

- Хорошо! - обрадовался оружейник. - Великолепно! Слава Богу, нашелся хоть кто-то, кто умеет стрелять так же как я.

Эцио приказал зарядить орудие и выстрелил вновь. На этот раз он промахнулся.

- Нельзя поразить все мишени, - посочувствовал оружейник. - Возвращайтесь утром. Мы снова будем тренироваться, и вы наловчитесь стрелять.

- Я приду, - кивнул Эцио, еще не осознавая, что когда ему придется стрелять из этой пушки в следующий раз, это будет не тренировка, а смертельная необходимость.

ГЛАВА 5

цио вошел в главный зал цитадели Марио. Сгущались вечерние тени, и слуги начали зажигать факелы и свечи, немного разогнавшие мрак. Этот мрак гармонировал с мрачным настроением Эцио, которое ухудшалось по мере приближения часа встречи.

Погруженный в свои мысли, он не заметил человека, застывшего у огромного камина. Ее небольшая, но крепкая фигура казалась совсем маленькой по сравнению с гигантскими кариатидами, располагавшимися по обеим сторонам от камина. Эцио вздрогнул, когда она подошла к нему и взяла за руку. Он тут же узнал ее, черты его лица смягчились, в них засветилась неприкрытая радость.

- Доброго тебе вечера, Эцио, - произнесла она, как показалось Эцио, немного застенчиво.

- Доброго вечера, Катерина, - ответил он, кланяясь графине Форли.

Близость, связывавшая их, осталась в прошлом, хотя они оба никогда о ней не забывали. И все же, когда Катерина коснулась его руки, Эцио на мгновение ощутил непреодолимое влечение.

- Клаудия сказала, что ты здесь, и я с нетерпением ждал этой встречи. Но... - он запнулся. - Монтериджони так далеко от Форли, и...

- Не льсти себе, полагая, что я проделала этот путь лишь для того, чтобы увидеть тебя, - отозвалась она с оттенком резкости в голосе.

Но Эцио видел, что Катерина улыбается, и что говорит это не вполне серьезно. И в глубине души он прекрасно знал, что его по-прежнему привлекает эта независимая и опасная женщина.

- Я всегда к вашим услугам, госпожа, во всяком случае, я постараюсь помочь.

- Некоторые случаи тяжелее других, - возразила она, и в голосе появились жесткие нотки.

- О чем ты?

- Это не просто, - вздохнула Катерина. - Я приехала сюда, чтобы заключить союз.

- Расскажи поподробнее.

- Боюсь, твоя работа еще не закончена, Эцио. Папские армии идут на Форли. Мои владения невелики, но, к счастью, или, к сожалению, для меня, они имеют огромное стратегическое значение для любого, кто контролирует их.

- И ты просишь меня о помощи?

- Мои войска сами по себе слабы. А твои наемники мне бы оченьгодились.

- Мне надо будет обсудить это с Марио.

- Он не откажет мне.

- И я тоже.

- Помогая мне, вы не просто сделаете доброе дело. Вы восстанете против тех сил зла, против которых мы всегда сражались вместе.

Появился Марио.

- Эцио, графиня, мы собрались и ждем только вас, - сказал он, лицо его было необычайно серьезным.

- Мы еще поговорим об этом, - кивнул Катерине Эцио. - Мне нужно идти на встречу, организованную дядей. Думаю, я надеюсь объяснить все самому себе. Но после... давай потом встретимся.

- Я тоже приглашена на собрание, - ответила Катерина. - Пойдем?

ГЛАВА 6

омната была хорошо знакома Эцио. На открытой стене по порядку висели страницы Кодекса. Стол, обычно заваленный картами, был чист, а вокруг него на тяжелых стульях с прямой спинкой из темного дерева сидели собравшиеся в Монтериджони члены Братства Ассасинов и члены семьи Аудиторе, посвященные в дела Ордена. Марио сидел за своим столом, на другом конце которого расположился серьезный мужчина в темном костюме. Он все еще выглядел молодым, но на лбу его уже залегли глубокие морщины. Это был один из ближайших товарищей Эцио, и самый неустанный его критик - Никколо Макиавелли. Двое мужчин сдержанно кивнули друг другу, и Эцио подошел поздороваться с Клаудией и матерью, Марией Аудиторе, ставшей главой семьи после смерти мужа. Мария обняла единственного оставшегося в живых сына так крепко, словно от этого зависела её жизнь, и посмотрела на него блестящими глазами... Эцио вырвался и сел рядом с Катериной, напротив Макиавелли, который встал и вопросительно посмотрел на друга. Стало ясно, что это вовсе невежливое вступление к разговору.

- Во-первых, наверное, я должен перед тобой извиниться, - начал Макиавелли. - Меня не было в Сокровищнице из-за неотложных дел во Флоренции, поэтому я не смог по-настоящему проанализировать то, что там произошло. Марио рассказал нам свою версию, но твой отчет должен быть более подробным.

Эцио поднялся и ответил напрямик.

- Я вошел в Ватикан и столкнулся с Родриго Борджиа, Папой Александром VI, нам пришлось вступить в схватку. У него была одна из частиц Эдема - Посох - и он использовал его против меня. Мне удалось одержать победу. С помощью объединенной силы Посоха и Яблока я открыл проход к тайной Сокровищнице, оставив Родриго снаружи. Он был в отчаянии и просил, чтобы я убил его. Я отказался, - Эцио замолчал.

- И что потом? - Напомнил Макиавелли, остальные слушали молча.

- В Сокровищнице было множество странных вещей - вещей, невиданных в нашем мире. - Заметно вздрогнув, Эцио заставил себя продолжать более ровным голосом. - Там мне явилась богиня Минерва. Она рассказала об ужасной трагедии, которая постигнет человечество в будущем. Но она так же сказала о затерянных храмах, которые, если нам удастся их отыскать, помогут искупить наши грехи и спасут всех. Она появилась, чтобы просить об этом призрака, который неким образом был со мной связан, но я не могу сказать, кто был этим призраком. После предупреждений и предсказаний она исчезла. Я вышел и увидел умирающего Папу, - мне показалось, что он умирал. Он сказал, что принял яд. Потом что-то заставило меня вернуться. Я забрал Яблоко, но Посох и огромный Меч, - другие Частицы Эдема, - поглотила земля, и я рад, что так произошло. Ответственность за одно только Яблоко, которое я отдал на хранение Марио, больше той, какую я вообще хотел бы нести.

- Невероятно! - Воскликнула Катерина.

- Чудеса, да и только, - добавила Клаудия.

- Значит, в Сокровищнице не было ужасного оружия, как мы опасались, - или, по крайней мере, тамплиеры не получили над ним контроль. Это хорошая новость, - спокойно произнес Макиавелли.

- А эта богиня, Минерва, - спросила Клаудия, - она похожа на нас?

- Она одновременно похожа и не похожа на человека, - ответил Эцио. - А слова ее доказывают, что она принадлежала к расе, которая намного старше и величественнее нашей. Весь её род умер много веков назад. Она же ждала всё это время. У меня нет слов, чтобы описать чудеса, которые она творила.

- А храмы, о которых она говорила? - вставил Марио.

- Я не знаю.

- Она сказала, что мы должны найти их? Как мы узнаем, на что обращать внимание?

- Наверное, должны. Возможно, мы всё поймем во время поисков.

- Поиски мы организуем, - сухо проговорил Макиавелли. - Но сперва мы должны расчистить путь. Расскажи о Папе. Ты сказал, что он не умер?

- Когда я вернулся, его мантия лежала на полу капеллы. Сам он исчез.

- Он что-нибудь тебе обещал? Он раскаялся?

- Нет. Он стремился к власти. И когда увидел, что не сумеет получить её, сломался.

- И ты оставил его умирать.

- Я не собирался убивать его.

- Ты должен был это сделать.

- Я не собираюсь спорить о том, что сделано. Я останусь при своем мнении. Нам нужно обсудить будущее. То, что нам предстоит сделать.

- То, что нам предстоит сделать, теперь под вопросом из-за твоей неспособности прикончить главу тамплиеров, когда у тебя был шанс! - Макиавелли тяжело дышал, но потом немного расслабился. - Ладно, Эцио. Мы все уважаем тебя. Более двадцати лет ты был предан Братству и Кредо, и не допускал подобных ошибок. Часть меня поддерживает твоё решение не убивать Родриго. И это решение соответствует нашему кодексу чести. Но ты недооценил врага, друг мой, и это привело к тому, что перед нами встала неотложная и опасная задача. - Он помолчал, обведя всех орлиным взором. - Наши шпионы в Риме сообщают, что Родриго действительно пока не опасен. По крайней мере, дух его сломлен. Есть поговорка - лучше сразиться с молодым львом, чем со старым и умирающим, но в случае с Борджиа всё обстоит наоборот. Теперь нам предстоит тягаться силами с сыном Родриго, Чезаре. Обладая огромным состоянием, что Борджиа сумели скопить с помощью средств, что были им доступны, - в основном полученных бесчестными способами! - Макиавелли криво усмехнулся, - он возглавил огромную армию, в которой состоят лишь высококвалифицированные солдаты. С её помощью он намеревается захватить всю Италию - весь полуостров - он не намерен останавливаться на границах Неаполитанского королевства.

- Он не осмелится... Он никогда этого не добьется! - Взревел Марио.

- Он осмелится и добьется, - отрезал Макиавелли. - Он - зло во плоти, и, как и отец, посвятил жизнь Ордену тамплиеров. Он великолепный и совершенно безжалостный боец. Он всегда хотел быть солдатом, даже после того, как отец сделал его кардиналом Валенсии, когда ему было всего семнадцать! Но, как всем нам известно, он оставил этот пост, - первый кардинал за всю историю Церкви, который сделал это! Борджиа относятся к стране и Ватикану как к своим владениям! План Чезаре состоит в том, чтобы сперва подавить север, подчинить Романью и отрезать от Италии Венецию. И он намеревается полностью уничтожить всех нас - оставшихся в живых ассасинов - так как знает, что мы единственные, кто может его остановить. Или всё, или ничего - вот его девиз. «Будьте со мной или умрите». И знаете, думаю, этот безумец действительно верит в свои слова.

- Дядя упоминал ещё и сестру, - начал было Эцио.

Макиавелли повернулся к нему.

- Да, Лукреция. Она и Чезаре... как бы это сказать? Очень близки. Они - очень сплоченная семья. И когда не убивают тех братьев, сестер, мужей и жен, что мешают им, они... совокупаются друг с другом.

Мария Аудиторе не сдержала крик отвращения.

- Мы должны относиться к ним с такой же осторожностью, как если бы это были не люди, а гадюки, - закончил Макиавелли. - Бог знает, где и когда они нанесут следующий удар. - Он замолчал и отпил вина из бокала. - Марио, теперь я оставляю вас. Эцио, надеюсь, скоро встретимся.

- Ты уезжаешь уже сегодня, вечером?

- Время не терпит, друг мой Марио. Сегодня вечером я выезжаю в Рим. Прощайте!

Когда Макиавелли вышел, в комнате воцарилось молчание. После долгой паузы Эцио с горечью произнес:

- Он обвиняет меня в том, что я не убил Родриго, когда у меня была возможность. - Он посмотрел на всех. - И вы все тоже!

- Любой из нас мог бы принять тоже решение, что и ты, - сказала его мать. - Ты был уверен, что он умирает.

Марио подошел и положил руку на плечо племяннику.

- Макиавелли ценит тебя, как и все мы. Даже если бы Папа был мертв, нам предстояло бы иметь дело с его выводком...

- Если бы я отрезал голову, тело бы выжило?

- Мы должны действовать исходя из сложившейся ситуации, Эцио, а не из той, что могла бы быть. - Марио похлопал его по спине. - Завтра нас ждет насыщенный день, поэтому я предлагаю пообедать и отправиться спать!

Эцио поймал взгляд Катерины. Ему показалось, или там и вправду мелькнула старая страсть? Он мысленно пожал плечами. Возможно, ему просто показалось.

ГЛАВА 7

Эцио съел совсем мало - только фаршированного цыпленка с жареными овощами, и выпил стакан наполовину разбавленного водой кьянти. За обедом немного поговорили, и он ответил на вопросы матери, вежливо, но кратко. После напряжения, в котором Эцио находился перед собранием, и которое наконец-то оставило его, он очень устал. Эцио почти не отдыхал после возвращения из Рима, и теперь ему казалось, что пройдет еще много времени, прежде чем он сможет воплотить в жизнь давнее заветное желание

- вернуться на какое-то время в старый дом во Флоренции и жить там, читая книги и прогуливаясь по окружавшим город пологим холмам.

Как только позволили приличия, он извинился перед всеми и отправился в спальню - большую, тихую, тускло освещенную комнату на верхнем этаже. Из окна открывался вид на деревню, а не на город. Эцио вошел в спальню и отпустил слугу. Решимость, поддерживавшая его на протяжении всего дня, покинула тело, он ссутулился, плечи поникли. Движения стали медленными и осторожными. Он прошел через всю комнату туда, где слуга уже приготовил ему ванну. Эцио стянул обувь, снял одежду и некоторое время стоял так, обнаженный, с кучей одежды в руках, перед зеркалом в полный рост возле медной ванны. Он устало посмотрел на свое отражение. Куда ушли четыре десятка лет? Эцио выпрямился. Он стал старше, сильнее и, безусловно, мудрее, но не мог отрицать, что ощущает сильную усталость.

Он бросил одежду на кровать. Под ней в запертом сундуке из вяза лежало тайное оружие из Кодекса, которое когда-то создал для него Леонардо да Винчи. Эцио собирался проверить оружие с утра, сразу после военного совета, который он намеревался провести с дядей. Со скрытым клинком ассасин никогда не расставался, за исключением случаев, когда он был обнажен, но даже тогда клинок всегда оставался под рукой. Он носил его постоянно, клинок стал частью его тела.

Облегченно вздохнув, Эцио скользнул в ванну. По шее погрузившись в горячую воду, вдыхая мягкий ароматный пар, он закрыл глаза и медленно, с облегчением, выдохнул. Наконец-то, покой. Это был лучший момент из тех коротких часов отдыха, что у него были.

Он задремал и почти увидел сон, когда раздался тихий звук. Дверь за тяжелым гобеленом, отделявшим ванну от спальни, открылась и закрылась. Эцио мгновенно проснулся, встревоженный, словно дикий зверь. Он молча дотянулся до клинка и привычным движением защелкнул наруч на запястье. Потом одним плавным движением он повернулся и встал прямо в ванне, готовый к атаке, лицом к двери.

- Что ж, - проговорила Катерина, многозначительно улыбаясь, - с годами ты ничуть не изменился.

- У вас есть преимущество передо мной, графиня, - усмехнулся Эцио. - Вы полностью одеты.

- Думаю, это можно легко исправить. Но я жду.

- Чего же?

- Что ты скажешь, что тебе не обязательно смотреть. Скажешь, что уверен, даже не видя меня обнаженной, что Природа была ко мне столь же благосклонна, как и к тебе. - Ее улыбка еще больше смутила Эцио. - Но я помню, ты никогда не умел так же хорошо говорить комплименты, как сражаться с тамплиерами.

- Иди сюда!

Он привлек её к себе, развязывая пояс юбки. Ее пальцы сперва скользнули к клинку, снимая его с руки Эцио, а потом к шнурку на корсаже. Через несколько секунд он поднял её к себе в ванну, их губы слились в поцелуе, обнаженные тела переплелись.

Они недолго пробыли в ванне и вскоре вылезли, вытирая друг друга грубыми льняными полотенцами, которые оставил слуга. Катерина достала из кармана платья принесенный с собой пузырек с ароматическим массажным маслом.

- А теперь ложись на кровать, - сказала она. - Я хочу убедиться, что ты готов и получаешь удовольствие.

- Ты же видишь, что так и есть.

- Доставь удовольствие мне. И не отказывай в нём себе.

Эцио улыбнулся. Это было куда лучше сна. Сон мог и подождать.

Сну, как обнаружил Эцио позже, пришлось ждать три часа. Потом Катерина задремала в его объятиях. Она уснула раньше него, и он долго смотрел на неё. Природа действительно была к ней благосклонна. Её стройное тело с узкими бедрами и широкими плечами, с небольшой, но идеальной грудью, выглядевшей так же, как двадцать лет назад, было по-прежнему соблазнительным. Копна великолепных золотисто-рыжих волос, лежавших у него на груди, щекотала Эцио, и от них исходил тот же аромат, который давным-давно сводил его с ума. За ночь он просыпался пару раз и обнаруживал, что откатился от неё. И когда он вновь брал её за руки, она прижималась к нему с едва слышным радостным вздохом, клала руку ему на предплечье, но не просыпалась. Позже Эцио задавался вопросом, не была ли эта ночь лучшей ночью любви в его жизни.

Конечно, они проспали, но Эцио и не собирался отказываться от удовольствия ради стрельбы из пушки, хотя часть его упрекала за это. Он слышал доносившиеся издали звуки - топот марширующих солдат, приказы, а потом грохот пушки.

- Они упражняются с пушками, - пояснил он, когда Катерина вскочила и вопросительно посмотрела на него. - Маневры. Марио - суровый командир.

Тяжелые шторы из парчи закрывали большую часть окна, поэтому комната была погружена в приятный полумрак, а слуги не стали их беспокоить. Вскоре стоны удовольствия Катерины заглушили все остальные звуки. Он сжал руками её крепкие ягодицы, и она потянулась к нему, когда их прервал не просто грохот пушки.

Покой и тишина комнаты были разрушены. Окно и часть каменной стены с грохотом вылетели, выбитые огромным пушечным ядром, которое, обжигаяще горячее, упало в паре сантиметров от кровати. Пол под его весом просел.

В первый момент опасности Эцио инстинктивно прикрыл собой Катерину, защищая, но теперь любовники вновь превратились в профессионалов и коллег. В конце концов, если они собирались оставаться любовниками, то сперва должны были выжить.

Они вскочили с кровати, подбирая одежду. Эцио заметил, что кроме пузырька с маслом Катерина прятала под юбками весьма полезный кинжал с зазубренным лезвием.

- Какого черта? - Прокричал Эцио.

- Найди Марио, - настойчиво посоветовала Катерина.

Еще одно ядро влетело в комнату и разбило на части кровать, на которой они недавно лежали.

- Мои войска на главном дворе, - сообщила Катерина. - Я найду их и поведу в обход цитадели, возможно, мы обойдем их с тыла. Скажи об этом Марио.

- Спасибо, - кивнул Эцио. - Ты все так же великолепна.

- Лучше бы я изменилась, - засмеялась она. - В следующий раз нам лучше остановиться в гостинице.

- Тогда сделаем так, чтобы этот проклятый следующий раз наступил, - отозвался Эцио, цепляя к поясу свой меч. Смех у него был нервным.

- Конечно! До встречи! - крикнула Катерина, выбегая из комнаты, не забыв послать ему воздушный поцелуй.

Эцио посмотрел на обломки кровати. Оружие из Кодекса - двойной клинок, отравленное лезвие, пистолет, - всё было погребено под обломками и, по всей вероятности, уничтожено. По крайней мере, у него остался скрытый клинок. Даже находясь при смерти, он никогда не забудет о нём. О последнем наследстве, доставшемся ему от погибшего отца.

ГЛАВА 8

цио понятия не имел, сколько было времени, но опыт подсказывал ему, что обычно атаки начинаются на рассвете, когда жертва ещё расслаблена и не протерла со сна глаза. Эцио поразился, что даже после сорока лет он не прекратил тренировки, и сейчас оставался таким же бдительным и ловким, как дикий кот.

Он выбрался наружу, перебрался на крепостную стену и смог осмотреть местность вокруг городка. Он пошел вдоль стены с бойницами, в разных частях города под ним полыхало пламя. Он увидел, как горит лавка портного и дом Анжелины.

Похоже, праздник в честь дня рождения бедной Клаудии сегодня не состоится.

Он пригнулся, когда очередное пушечное ядро врезалось в крепостную стену. Ради Бога, что за оружие притащили с собой атакующие? Как они могли так быстро перезаряжать его и стрелять? Кто стоит за всем этим?

Сквозь дым и пепел он различил Марио, который бежал к нему, уворачиваясь от обломков рушащихся стен. Эцио прыгнул на землю недалеко от Марио и подбежал к дяде.

- Дядя! Что происходит?

Марио сплюнул.

- Они загнали нас в ловушку. Это Борджиа!

- Чёрт!

- Мы недооценили Чезаре. Должно быть, они пришли ночью с востока.

- Что будем делать?

- Главное - вывести горожан, тех, кто ещё жив. Нужно увести их отсюда, пока мы не вступили в открытый бой. Если Борджиа захватят город вместе с жителями, они убьют всех в Монтериджони. Все жители в их глазах - либо ассасины, либо наши пособники.

- Я знаю, как их вывести. Предоставь это мне.

- Молодец. Я соберу защитников и дам им всё, что у нас есть, - Марио замолчал. - Слушай. В первую очередь займемся спасением людей. Иди на стену и возьми на себя командование пушками.

- А ты?

- Пойду в атаку. Эти ублюдки хотят войны, они её получают.

- Катерина пытается провести войска по флангу.

- Отлично. Тогда у нас ещё есть шанс. А теперь вперед!

- Подожди!

- Что еще?

- Где Яблоко? - Эцио понизил голос.

Он не стал говорить дяде, что оружие из Кодекса было уничтожено одним из первых залпов. Мысленно он молился, чтобы их с Леонардо пути каким-то чудом вновь пересеклись, и он не сомневался, что мастер всех искусств и наук поможет ему восстановить оружие в случае необходимости. В конце концов, у него оставался ещё скрытый клинок, да и сам он когда-то непревзойденно обращался с обычным оружием.

- Яблоко в безопасности, - успокоил его Марио. - Теперь иди. Если заметишь, что у Борджиа появилась хоть малейшая возможность разбить стены, бросай всё и спасай жителей. Ты понял?

- Да, дядя.

Марио положил руки на плечи Эцио и смотрел, долго и внимательно.

- Наша судьба лишь отчасти находится в наших руках. Мы можем проконтролировать лишь малую часть происходящего. Но никогда, никогда не забывай, племянник, что без ведома Господа ни единый волос не упадет с головы человека.

- Я понял, капитан.

Они немного помолчали. Потом Марио протянул руку.

- Вместе к победе!

Эцио взял его руку и крепко пожал.

- Вместе!

Марио повернулся, чтобы уйти.

- Капитан, будь осторожен! - сказал ему Эцио.

Марио мрачно кивнул.

- Сделаю всё возможное! Возьми мою лучшую лошадь и постарайся добраться до внешней стены так быстро, как только сможешь! - Он выхватил меч и, воинственно крикнув своим людям, ринулся на противника.

Эцио пару секунд наблюдал за ним, а потом побежал в конюшню, где ждал старый конюх, которому он вернул вчера сбежавшего коня. Огромный гнедой конь был уже оседлан и готов.

- Господин Марио уже отдал приказ, - сказал старик. - Может я уже и стар, но никто никогда не обвинял меня в бездействии. Но будь осторожен! Этот конь рвется в бой!

- Я поймал его вчера. Он меня помнит.

- Верно! Удачи! Мы все надеемся на вас!

Эцио вскочил в седло и направил энергичного коня к внешним стенам.

Он скакал через опустошенный город. Портной, мертвый и искалеченный, лежал перед своей лавкой. Разве он причинил хоть кому-нибудь зло? Анжелина, рыдающая перед горящим домом. Какой во всем этом смысл?

Война - вот что это было. Жестокость и безжалостность. Злоба и бессилие. В горле Эцио встал комок.

Свобода и Милосердие. И Любовь. Только за это стоило сражаться и убивать. Это были главные части Кredo Ассасинов. И Братства. Эцио ехал дальше, и на пути ему встречались сцены страшного запустения. Опустошение и хаос окружали его, пока он мчался по пылающему городу.

- Мои дети? Где мои дети? - Кричала молодая мать, а он ехал мимо, бессильный помочь.

- Хватайте, что можете, и убираемся отсюда! - Призывал кто-то.

- Моя нога! Мне оторвало ногу! - Вопил горожанин.

- Как мы можем спастись? - Визжали люди, метаящиеся в панике.

- Где моя мама? Мама! Мама! - Звал ребенок.

Сердце Эцио окаменело. Он не мог спасти отдельных людей. Не было времени. Но если он должным образом организует оборону, то сумеет спасти больше людей, чем потеряет.

- Помогите! Помогите! - Закричала девочка-подросток, которую схватили и повалили на землю солдаты Борджиа.

Эцио ехал мрачный. Он должен убить их. Убить всех, кого сможет. Кто такой этот бессердечный Чезаре Борджиа? Мог ли он быть хуже Папы Римского? Был ли он злом, страшнее, чем тамплиеры?

- Воды! Воды! Принесите воды! - В отчаянии прокричал мужской голос. - Всё горит!

- Боже мой, где ты? Где ты, Марчелло! - звал женский голос.

Конь Эцио скакал дальше. Но мольбы о помощи всё ещё звучали у него в ушах.

- Как нам выбраться отсюда?

- Бегите! Бегите! - Голоса перекрывали звуки залпов.

Отовсюду звучали крики и рыдания, отчаянные мольбы о помощи, просьбы отыскать выход из осажденного города. А беспощадные солдаты Борджиа продолжали и продолжали обстреливать город.

«Господи, пусть они не разрушат стены, прежде, чем мы приведем в готовность собственные орудия», - подумал Эцио. Хотя он различал звуки выстрелов сейкеров и фальконетов, палящих по атакующим, он ни разу не услышал грохота огромных пушек, которые видел накануне на стенах. Только эти пушки могли уничтожить огромные деревянные осадные башни, что катили к городским стенам войска Борджиа.

Он заставил гнедого вскочить на рампу у стены и соскочил, когда они добрались до площадки, где он в последний раз встретил пьяного оружейника, следящего за

десятифутовыми пушками. Сейчас тот был абсолютно трезв и помогал стрелкам навести пушку на башню, которую атакующие медленно, но верно толкали к крепостной стене. Эцио увидел, что высота башни равна высоте зубцов стен.

- Негодяи! - Пробормотал он.

Мог ли кто-нибудь предположить, что атака будет настолько быстрой и - даже сам Эцио вынужден был это признать, - настолько безупречной?

- Огонь! - Закричал крупный, словно медведь, мастер-сержант, командовавший первой огромной пушкой.

Пушка гроыхнула, откатилась назад, но ядро пролетело мимо цели, выбив деревянные щепки из угла башенной крыши.

- Попадите, наконец, по чертовой башне, идиоты! - Орал сержант.

- Сир, нам нужно больше боеприпасов!

- Тогда идите на склад и притащите их сюда! Смотрите! Они штурмуют ворота!

Другая пушка взревела и выплюнула ядро. Эцио был рад, увидев, как часть атакующих превратилась в размазанное море крови и костей.

- Перезаряжай! - Орал сержант. - Стрелять по моей команде!

- Подождем, пока башня приблизится, - приказал Эцио. - Тогда выстрелим вниз. Это обрушит башню. А после наши арбалетчики прикончат выживших.

- Да, сир!

Подошел оружейник.

- Вы быстро учитесь тактике, - похвалил он Эцио.

- Это инстинкт.

- В бою хороший инстинкт стоит сотни человек, - отозвался оружейник. - Но вы пропустили учения нынешним утром. Это непростительно!

- А сами-то, - шутливо воскликнул Эцио.

- Пошли, - усмехнулся оружейник. - У нас есть еще одна пушка, прикрывающая левый фланг, а командир оружейного расчета был убит. Арбалетный болт угодил ему прямо в лоб. Он умер раньше, чем упал на землю. Возьмешь это на себя. У меня есть своя работа - нужно убедиться, что ни одно оружие не перегреется и не разорвется. Нужно хорошенько оттрахать врагов!

- Хорошо.

- Внимательней целься. Войска твоей подружки сражаются с Борджиа снаружи. Постарайся их не задеть.

- Какой подружки?

Оружейник подмигнул.

- Ради бога, Эцио! У нас очень маленький город!

Эцио подошел ко второму орудью. Канонир обтирал его мокрой губкой, охлаждая после выстрела. Второй запихивал в дуло и утрамбовывал порох и пятидесяти пудовый чугунный шар. Третий подготавливал «медленный» запал, подпалив оба конца, чтобы, если один вдруг погаснет в момент соприкосновения, задержки с выстрелом не было.

- Действуем! - Кивнул Эцио, подходя к ним.

- Синьор!

Он внимательно осмотрел поле за стеной. Зеленая трава была залита кровью, раненые и убитые валялись между стогов сена. Он различил желтые, черные и синие мундиры людей Катерины вперемешку с мундирами солдат Борджиа, на которых виднелся опустивший голову черный бык на золотом поле - герб Чезаре. Они представляли собой отличную мишень.

- Притащите несколько небольших орудий, чтобы уничтожить этих. Скажи нашим, чтобы целились по черно-золотым, - отрывисто приказал Эцио. - И наведите эту пушку на осадную башню. Она слишком близко к нам, нужно её уничтожить!

Канониры развернули тяжелую пушку и ствол так, чтобы орудие было направлено на основание осадной башни, находившейся в менее чем пятидесяти ярдах от стены.

Эцио руководил наведением, когда ближайший сейкер был уничтожен. Он взорвался, раскаленные бронзовые осколки разлетелись в разные стороны. Голову и плечи канонира, бывшего всего в нескольких дюймах от Эцио, отрезало одним из осколков. Руки мужчины опали, а потом на землю свалилось и тело, кровь хлестала из него как из фонтана. Резкий запах горелого мяса наполнил всё вокруг, Эцио занял место стрелка.

- Сохраняйте спокойствие! - Крикнул он остальным канонирам. Он прищурился, смотря в прицел. - Готовься... пли!

Пушка гроыхнула, Эцио отскочил в сторону, смотря, как ядро врежется в основание башни. Достаточно ли одного выстрела? Башня сильно накренилась, и, казалось, она устоит, но потом - слава Богу! - рухнула на землю. Эцио словно в замедленном темпе наблюдал, как вместе с башней падают вниз солдаты, стоявшие на ней, как башня давит тех, кто шел внизу. Крики раненых мулов, тянувших башню вперед, прибавились к какофонии паники и смерти - постоянных спутников любой битвы.

Эцио увидел, как люди Катерины кинулись добивать раненых и оглушенных, но выживших после крушения башни, солдат Борджиа. Сама Катерина была во главе своего войска, её серебряный нагрудник сверкал в холодных солнечных лучах. Эцио увидел, как она вонзила меч прямо в правый глаз одного из офицеров Борджиа, лезвие вошло в мозг. Тело еще долго корчилось, руки пытались автоматически и совершенно бессмысленно, в предсмертной агонии, ухватиться за засевший меч и вытащить лезвие.

Но времени, чтобы насладиться триумфом, не было. Как не было и времени почивать на лаврах. Посмотрев в крепостной стены вниз, Эцио увидел, как солдаты Борджиа занесли над главными воротами массивные тараны, и в тот же миг Катерина предупреждающе закричала. «Мы пошлем тысячу людей в Форли, - мысленно пообещал он, - чтобы помочь ей с этим ублюдком, Чезаре».

- Если они прорвутся, они убьют всех нас, - донесся голос из-за плеча Эцио, и ассасин повернулся, чтобы увидеть мастера-сержанта.

Он потерял шлем, и теперь из уродливой раны на голове сочилась кровь.

- Мы должны увести людей. Сейчас же.

- К счастью, некоторые уже успели убежать. Но остальные не способны о себе позаботиться, и находятся в затруднительном положении.

- Я разберусь с этим, - ответил Эцио, вспоминая наставления Марио. - Подойди сюда, Рудджеро. Смотри! Вон туда! Они подтащили башню к самой стене! Их люди штурмуют ее! Уведи оттуда наших людей, прежде чем враги нас сомнут.

- Сир! - Сержант убежал, выкрикивая на ходу приказы, и встал во главе взвода, который быстро собрался вокруг него. Через мгновение он и его люди сцепились в рукопашную с жестокими наемниками Борджиа.

Эцио с мечом в руке пробился к городу через войско прорвавшего оборону противника. Присоединившись к группе людей Катерины, вынужденных отступить в город, когда ход битвы переломился в сторону Борджиа, он сделал все возможное, чтобы оставшиеся горожане в целостности и сохранности добрались до цитадели. Там к нему присоединилась Катерина.

- Есть новости? - спросил он.

- Только плохие, - отозвалась она. - Они разбили главные ворота и ворвались в город.

- Тогда нельзя терять ни минуты. Отступаем в цитадель.

- Я соберу своих.

- Только быстро. Ты видела Марио?

- Он сражался снаружи.

- А остальные?

- Твоя мать и сестра уже в цитадели. Они руководили отходом горожан через тоннель, что ведет на север, за стены, в безопасное место.

- Хорошо. Я должен идти к ним. Возвращайся так быстро, как только сможешь. Нам придется отступить.

- Убить всех! - Крикнул сержант Борджиа, появившийся из-за угла во главе небольшого отряда.

Люди Борджиа вскинули вверх окровавленные мечи, один потрясал пикой, на которую была наколота женская голова. В горле у Эцио пересохло, когда он узнал лицо Анжелины. С рычанием он набросился на солдат Борджиа. Шестеро против одного - это ерунда! Он рубил направо и налево, и через несколько секунд оказался в кругу раненых или умирающих солдат. Грудь его вздымалась, он тяжело дышал от напряжения.

Кровавая пелена спала с глаз. Катерины уже не было. Вытерев с лица пот, кровь и грязь, Эцио отступил к цитадели и приказал охранникам открыть ворота только для Марио и Катерины. Потом он поднялся на башню цитадели и взглянул на пылающий город.

Но там стояла зловещая тишина, в которой были слышны лишь треск пламени и далекие стоны раненых и умирающих людей.

ГЛАВА 9

о длилась тишина недолго. Эцио только успел проверить, что пушки на стене выровнены и заряжены, как мощный взрыв, прямо под стеной, на которой он стоял, выбил массивные деревянные ворота цитадели, отшвырнув в стороны защитников и убив многих из них.

Когда дым и пыль рассеялись, Эцио увидел группу людей, стоящих в воротах. Первым шел Марио, но, очевидно, с ним случилось что-то очень плохое. Лицо его было серым и обескровленным. Он постарел и выглядел теперь куда старше своих шестидесяти двух лет. Их глаза встретились, и Эцио соскочил с зубцов на стену, готовый противостоять новой опасности. Марио упал на колени, а потом и вовсе свалился на землю. Он пытался подняться, но длинное тонкое острие меча – «Бильбо» – вонзилось между его лопаток. Молодой человек, стоявший позади Марио, носком черного сапога толкнул его обратно в песок. В уголке рта старика появилась струйка крови.

Молодой человек был одет в черное, а надменное лицо частично закрывала черная же маска. Эцио разглядел на его коже гнойники от *Новой болезни*. Эцио внутренне содрогнулся. Не оставалось никаких сомнений, кто стоит перед ним.

По обе стороны от человека в черном стояли двое мужчин средних лет и красивая блондинка с надменным лицом. Еще один, так же одетый в черное, стоял чуть в стороне от остальных. В правой руке он держал окровавленный меч. Другой рукой он сжимал цепь, прикрепленную к тяжелому металлическому ошейнику на шее Катерины Сфорца. Связанная, с кляпом во рту, она яростно и непримиримо сверкала глазами. Сердце Эцио остановилось – он не мог поверить, что только утром он держал её в объятиях, а теперь... Теперь она была в плену у отвратительного Борджиа. Как такое могло случиться? Он поймал её взгляд, мысленно пообещав, что она недолго останется в плену.

Времени на то, чтобы разобраться во всём происходящем не было. Воинский инстинкт Эцио взял верх. Он должен действовать немедленно или потеряет всё. Эцио шагнул вперед, закрыл глаза и рухнул со стены. Рваный плащ взметнулся у него за спиной. Это был настоящий прыжок веры во двор внизу. С обычной ловкостью он приземлился на ноги и встал в полный рост, готовый противостоять врагам. На лице у него застыла холодная решимость.

Оружейник с трудом, прихрамывая на раненную ногу, подошел и встал рядом с Эцио.

- Кто это такие? - Выдохнул он.

- О, - произнес молодой человек в черном. - Мы не представились. Как некрасиво с нашей стороны. Хотя я, конечно, знаю тебя, Эцио Аудиторе, если твоя репутация не врет. Приятно встретиться. Убив тебя, я вытащу из своей задницы самую огромную занозу. После твоего дядюшки, конечно.

- Отойди от него, Чезаре!

Одна бровь поползла вверх, на красивом, но изуродованном болезнью лице сверкнули темные глаза.

- О, я польщен тем, что ты произнес мое имя правильно. Но позволь представить тебе мою сестру, Лукрецию. - Он повернулся к блондинке, прижавшейся к нему совсем не по-братски, она сжала его руку, и практически поцеловала Чезаре в губы. - И моих соратников: Хуана Борджиа, моего друга и двоюродного брата; моего дорогого французского союзника - генерала Октавиана де Валуа и, последнего по списку, но не по значению, мою незаменимую «правую руку» - Микелетто Корелью. И что бы я без них делал?

- И без денег своего отца.

- Дурная шутка, друг мой.

Пока Чезаре говорил, его войска, словно призраки, вошли в цитадель. Эцио был бессилен что-либо сделать, и лишь наблюдал, как его людей, значительно меньших числом, окружают и разоружают.

- Но я хороший солдат, и понимаю, что часть веселья состоит в том, чтобы выбрать полезных союзников, - продолжал Чезаре. - Признаться, я не думал, что ты окажешься настолько беспомощен. Но, я понимаю, ты не стал моложе с годами.

- Я убью тебя, - спокойно пообещал Эцио. - Я сотру с лица земли и тебя, и весь твой род.

- Не сегодня, - улыбаясь, ответил Чезаре. - И только взгляни, что у меня в руках - благодаря твоему дядюшке.

Рука в перчатке опустилась в сумку на поясе и извлекла оттуда - к ужасу Эцио - Яблоко!

- Полезное устройство, - произнес Чезаре, кривя тонкие губы в ухмылке. - Леонардо да Винчи, мой новый военный советник, сказал, что уже довольно много знает о нём, и я надеюсь, он будет и дальше просвещать меня. Я даже уверен, что так и будет, если он, конечно, желает сохранить голову на плечах! Художники! За монету можно купить десяток, ты согласен?

Лукреция бесчувственно хихикнула.

Эцио посмотрел на старого друга, но да Винчи лишь отвел глаза. Лежавший на земле Марио пошевелился и застонал. Чезаре толкнул его сапогом, заставив уткнуться в землю, и вытащил пистолет. Эцио немедленно заметил, что это была новая модель, и пожалел о собственном оружии, уничтоженном в начале атаки.

- У него не фетильный замок, - едко заметил оружейник.

- Да, здесь колесцовый замок, - ответил Чезаре. - Ты явно не дурак, - добавил он, обращаясь к оружейнику. - Он гораздо более предсказуем и эффективен, чем старые пистолеты. Его создал для меня Леонардо. Пистолет быстро перезаряжается. Хотите, продемонстрирую?

- Конечно! - Отозвался оружейник, профессиональный интерес которого возобладал над остальными инстинктами.

- Хорошо, - согласился Чезаре, направив пистолет в сторону оружейника и нажав на курок. - Перезарядите, пожалуйста, - продолжил он, передав оружие генералу Валуа, и вытащил из сумки на поясе аналогичный пистолет. - Нам пришлось пролить так много крови, - проговорил Чезаре. - Думаю, пришло время очищения. Эцио, считай это предложением от моего семейства - твоему.

Слегка наклонившись, он поставил одну ногу на спину Марио и вытащил меч, кровь потекла из спины ассасина. Глаза Марио расширились от боли, он инстинктивно попытался отползти к племяннику.

Чезаре наклонился вперед и в упор выстрелил из пистолета в затылок Марио, голова разлетелась на куски.

- Нет! - Закричал Эцио.

Перед глазами у него пронеслось жестокое убийство отца и братьев.

- Нет!

Он рванул к Чезаре, боль потери захлестнула его. Тело Марио упало на землю.

Когда Эцио прыгнул вперед, генерал Валуа, перезарядивший первый пистолет, выстрелил ему в плечо. Эцио пошатнулся, дыхание у него перехватило, и мир вокруг исчез.

ГЛАВА 10

огда Эцио пришел в себя, бой возобновился, и атакующие были отброшены за стены цитадели. Самого Эцио тащили защитники цитадели, сумевшие отбить крепость. Перед сломанными воротами соорудили баррикады. Оставшиеся жители Монтериджони были уже в цитадели, и теперь солдаты организовывали отход в деревню за городом. Никто не знал, как долго они ещё продержатся против разрушительной мощи Борджиа, чья сила казалась безграничной.

Все это Эцио, очнувшись, услышал от огромного, словно медведь, мастер-сержанта.

- Не шевелитесь, милорд.

- Где я?

- На носилках. Мы отнесем вас в убежище. В святилище внутри. Никто туда не доберется.

- Опустите меня, я могу идти сам!

- Мы должны перевязать вас.

Эцио, игнорируя сержанта, отдал приказ солдатам, тащившим носилки. Но когда он встал, голова у него закружилась.

- Я не могу сражаться в таком состоянии.

- Господи, снова они, - выругался сержант.

Осадная башня врезалась в верхний край зубчатой крепостной стены, и оттуда посыпались люди Борджиа.

Эцио развернулся к ним, голова медленно прояснялась. Усилием воли он преодолел острую боль от огнестрельного ранения. Наемники-ассасины окружили предводителя и отбили атаку солдат Чезаре. Им удалось отступить с малыми потерями в огромный главный зал замка. Клаудия от дверей спросила о самочувствии брата. Когда она вышла наружу, капитан Борджиа бросился к ней с окровавленным мечом в руке. Эцио в ужасе смотрел на это, но потом сумел успокоиться и отдал приказ своим людям. Два бойца-ассасина бросились к сестре Эцио и перехватили нападавшего, оказавшись между девушкой и убийцей Борджиа. От столкновения трех мечей вылетели искры - оба ассасина одновременно подняли оружие, чтобы отбить смертельный удар. Клаудия оступилась и упала на землю, рот её приоткрылся в безмолвном крике. Сильнейший из ассасинов-солдат, мастер-сержант, рванул меч противника вверх, заблокировав эфес так, чтобы враг не смог шевельнуться. Остальные ассасины вонзили мечи в живот капитана Борджиа. Клаудия взяла себя в руки и медленно поднялась. Чувствуя себя в безопасности в окружении ассасинов, она подбежала к Эцио, оторвала от юбки полосы ткани и прижала к плечу брата. Белая ткань мгновенно пропиталась кровью.

- Черт! Не рискуй так больше! - Сказал сестре Эцио и поблагодарил сержанта и его людей, которые отбили очередную атаку, сбросив с высоких стен солдат противника. Остальные люди Борджиа бежали.

- Мы должны отвести тебя в святилище, - воскликнула Клаудия. - Пойдем же!

Эцио позволил вести себя - он потерял слишком много крови. Вокруг них столпились жители города, те, кто еще не успел сбежать. Монтериджони опустел и теперь перешел под полный контроль Борджиа. В руках ассасинов оставалась только цитадель.

Они наконец-то добрались до укрепленной, похожей на пещеру комнаты под замком, располагавшейся ниже северной стены цитадели. Эта комната была связана с главным зданием секретным проходом, начинавшимся из библиотеки Марио. Но успели они в последний момент. Паганино, один из венецианских воров, некогда работавших на Антонио Маджианиса, собирался закрыть секретную дверь на лестницу, когда появились беглецы.

- Мессер Эцио, мы думали, вас убили! - Крикнул он.

- Это не так просто сделать, - мрачно ответил Эцио.

- Я не знаю, что делать. Куда ведет этот проход?

- На север, за стены.

- Так это правда? Мы всегда думали, что это просто легенда.
 - Ну, теперь ты знаешь правду, - отозвался Эцио и подумал, не сказал ли он в пылу спешки слишком много человеку, которого не очень хорошо знал. Он приказал сержанту закрыть дверь, но в последний миг Паганино проскользнул обратно, вернувшись в замок.
 - Куда ты?
 - Помогу защитникам. Не беспокойтесь, я уведу их этим же путем.
 - Я закрою дверь на засовы. Если ты не пойдешь с нами сейчас, тебе придется искать другой выход.
 - Я справлюсь, сир. Я всегда нахожу другой выход.
 - Тогда ступай с Богом. Я должен увести людей в безопасное место.
- Эцио оглядел собравшихся в Святилище людей. Во мраке, среди остальных беглецов, он разглядел не только Клаудию, но и мать. Он облегченно выдохнул.
- Нельзя терять время, - сказал он им, закрывая дверь на огромный железный засов

ГЛАВА 11

ока мать и сестра перевязывали рану Эцио и помогали ему встать на ноги, он приказал мастер-сержанту нажать на секретный рычаг. Тот был спрятан в статуе главы Ордена Ассасинов, Леониуса, которая стояла рядом с обломком огромного столба в центре северной стены Святилища. Тайная дверь распахнулась, открывая взорам коридор, по которому люди могли сбежать в безопасную деревню в полумиле за городом.

Клаудия и Мария стояли у входа, пропуская горожан в коридор. Мастер-сержант вместе с взводом ушел вперед, освещая путь беглецам факелами и охраняя их.

- Скорее, - поторопил горожан Эцио, бросившихся в темную пасть тоннеля. - Не паникуйте! Идите быстро, но не бегите! Нам не нужна давка.

- А остальные? Где Марио? - Спросила его мать.

- Марио... Я не даже не знаю, как сказать... Марио был убит. Я хочу, чтобы ты и Клаудия вернулись во Флоренцию.

- Марио мертв? - Воскликнула Мария.

- Что нам делать во Флоренции?

Эцио развел руками.

- Там наш дом. Лоренцо Медичи и его сын пообещали восстановить для нас особняк Аудиторе, а они были хорошими людьми, их слову можно верить. Сейчас город вновь под контролем Синьории, и я слышал, что гонфалоньер Содерини хорошо им управляет. Отправляйтесь домой. Доверьтесь Паоле и Аннетте. Я присоединюсь к вам так быстро, как только смогу.

- Ты уверен? До нас доходили разные слухи о нашем доме. Мессер Содерини не успел его спасти. В любом случае, мы хотели бы остаться с тобой. Чтобы помочь!

Последние жители канули в темноте тоннеля. Едва они скрылись, как на дверь отделявшую Святилище от остального мира, обрушились мощные удары.

- Что это?

- Солдаты Борджиа! Торопитесь! Скорее!

Он повел в тоннель семью вслед за последними горожанами, ведя их наверх вместе с несколькими выжившими ассасинами.

Идти через тоннель было крайне сложно. Уже на полпути Эцио услышал, как люди Борджиа выбили дверь в Святилище. Скоро они будут в тоннеле. Он погнал своих людей вперед, призывая отстающих поспешить. Из тоннеля сзади донесся топот солдат, бросившихся вниз по коридору. Беглецы пробежали под поднятыми воротами, которыми заканчивалась одна из секций прохода. Эцио схватился за рычаг на стене рядом с воротами, дождался, когда последний из беглецов-ассасинов минует их, и резко рванул. Сверху упала решетка - как раз в тот момент, когда первый из преследователей достиг ворот. Металлическая конструкция придавила его к полу. Предсмертные крики заполнили коридор. Эцио побежал дальше, понимая, что ему удалось выиграть драгоценное время, необходимое для побега его людей.

Прошли, казалось, часы (но, возможно, это были всего несколько минут), прежде чем спуск, наконец, прекратился, а потом коридор пошел вверх. Воздух казался менее затхлым, они почти выбрались. Именно тогда беглецы услышали грохот пушечных залпов. Они звучали очень долго - Борджиа, в качестве последнего акта осквернения, бросил на крепость всю огневую мощь своего войска. Проход дрогнул, с потолка посыпалась пыль. Они услышали треск, словно где-то ломался лёд, - сперва очень тихий, но становившийся все громче и громче.

- Господи, прошу, спаси нас - потолок рухнет! - всхлипнула одна из женщин.

Раздались крики, страх быть похороненными заживо охватил толпу.

Внезапно в потолке тоннеля появилась трещина, оттуда ливнем посыпались камни. Беглецы рванули вперед, пытаясь убежать от падающих камней, но Клаудия не успела

среагировать. Её поглотило облако песка и пыли. Эцио испуганно обернулся, услышав крик сестры, но не увидел её. В панике он позвал: «Клаудия!»

- Эцио! - Донеслось в ответ.

Как только облако рассеялось, сестра, осторожно переступая через обломки, подошла к нему.

- Слава богу, ты цела. Тебя не задело? - Спросил он.

- Нет. Как мама?

- Я в порядке, - ответила Мария.

Они отряхнулись, благодаря богов, что им удалось добраться живыми так далеко, и побежали дальше, к выходу. Наконец, они оказались снаружи. Никогда ещё трава и сама земля не были такими душистыми и свежими.

Между тоннелем и деревней лежали ущелья, через которые были перекинуты канатные мосты. Всё наводило на мысль, что Марио заранее продумал план побега и всё подготовил. Сам Монтериджони переживет осквернение, - Борджиа разрушит его и потеряет к нему интерес. И тогда Эцио вернется и восстановит город. Здесь снова будет стоять великолепная крепость Ордена Ассасинов. Эцио был в этом уверен. И это будет не просто крепость. Эцио пообещал себе, что это будет памятник его благородному дяде, столь безжалостно убитому врагами.

Он решил, что с него хватит бессмысленных злодейств, из-за которых он теряет членов своей семьи.

Эцио собирался перерезать канаты, как только они окажутся на другой стороне, но с ними были старики и раненые, которые не могли быстро идти. Позади он услышал крики и топот быстро приближающихся преследователей. Эцио вряд ли сумел бы тащить кого-нибудь на спине, но все же подхватил женщину, которая оперлась на его здоровое плечо. Шатаясь, они пошли вперед по первому канатному мосту. Он опасно качался под их весом.

- Давайте! - Закричал он арьергарду, сцепившемуся с солдатами Борджиа. Он ждал на другой стороне оврага, пока последний из его людей не пересек мост. Ассасины бежали прочь, но их преследовали солдаты Борджиа. Эцио преступил им путь, здоровой рукой выхватил меч и вступил в бой. Рана причиняла сильную боль, но даже с ней Эцио оставался достойным противником для солдат Борджиа. Движения меча, которым он отбивал атаки, были расплывчаты и неясны. Эцио принимал удары на оба края клинка. Отступив в сторону, он пригнулся, уворачиваясь от мощного удара одного из солдат, и собственным мечом резанул по колену нападавшего. Тот упал, держась за поврежденную левую ногу. Второй бросился на мост, в надежде, что Эцио потеряет равновесие, но ассасин лишь качнулся в сторону, меч лязгнул по камням. В ущелье посыпались обломки камней. Противник вздрогнул, поймав мечом клинок Эцио. Удар болью отозвался в руке врага, он едва не выронил оружие. Эцио воспользовался шансом, резко выпрямился и рубанул мечом поперек лица противника и по его поврежденной руке. Солдат ещё падал, а Эцио, не прекращая движения меча, ударил по канатам, удерживающим мост. Лезвие прошло сквозь них легко, и канаты со свистом полетели через ущелье. Мост сложился гармошкой и рухнул, люди Борджиа, бежавшие по нему, с криками свалились в пропасть. Эцио обернулся и на другой стороне увидел Чезаре. Рядом с ним стояли связанная Катерина и вызывающе выглядящая Лукреция с цепью от ошейника пленницы в руках. Позади - Хуан Борджиа, мертвенно-бледный Микелетто и потный француз, генерал Валуа. Леонардо нигде не было видно. Как он мог оказаться на одной стороне с этим ублюдком? Ему наверняка угрожали. Эцио не мог поверить, что Лео по собственной воле мог так низко пасть.

Чезаре чем-то помахал Эцио.

- Ты следующий! - Яростно крикнул он.

И Эцио увидел, что в руках у Чезаре голова дяди Марио.

ГЛАВА 12

еперь у Эцио просто не оставалось выбора. Путь вперед войскам Чезаре был отрезан - у них уйдут дни, чтобы перебраться через ущелья и поймать сбежавших горожан. Эцио отправил людей в города, которые Борджиа пока не успел захватить - в Сиену, Сан-Джиминьяно, Пизу, Лукку, Пистойю и Флоренцию. Там они найдут убежище. Он попытался снова убедить мать и сестру в том, что (не смотря на то, что случилось с виллой Аудиторе, и, не обращая внимания на грустные воспоминания о городе, и даже на то, что обе женщины горели желанием отомстить за смерть Марио) мудрее будет вернуться в безопасную Флоренцию.

Но сам Эцио собирался в Рим. В Рим, в который, как он догадывался, сейчас направляется Чезаре, чтобы перегруппировать свои войска. В своем высокомерии Чезаре мог решить, что раненый Эцио сдохнет по дороге, как падаль. Если это действительно так, то это сыграет на руку ассасину. Но Эцио не оставляла еще одна мысль. Со смертью Марио Братство лишилось лидера. Макиавелли, конечно, подходил на эту роль, но в данный момент Эцио не мог считать его другом.

Этот вопрос ещё следовало решить.

Вместе с людьми из города удалось вывести животных, среди которых обнаружился огромный гнедой боевой конь, которого так любил Марио.

Эцио оседлал его с помощью конюха, которому тоже удалось выбраться из города. К сожалению, большая часть лошадей была захвачена Борджиа.

- Тебе действительно нужно в Рим? - Спросила Мария.

- Мама, есть только один способ победить в этой войне - забрать победу у врага.

- Но как ты совладаешь с силами Борджиа?

- Не только я в списке их врагов. Кроме того, в Риме Макиавелли. Я должен с ним помириться. Мы будем работать вместе.

- Яблоко в руках у Чезаре, - рассудительно произнесла Клаудия.

- Будем молиться, чтобы он не узнал про его мощь, - отозвался Эцио, хотя в душе ощущал беспокойство.

Сейчас Леонардо работал на Борджиа и был полностью в его власти. И Эцио хорошо помнил об уме и сообразительности своего бывшего друга. Если Леонардо раскроет Чезаре тайны Яблока, или, что еще хуже, если оно снова попадет к Родриго...

Он встряхнул головой, отгоняя эти мысли. Времени ещё достаточно, он сможет придумать, что противопоставить угрозе, исходившей от Яблока.

- Ты не должен уезжать прямо сейчас. Рим находится далеко на юге. Ты не можешь переждать день-два? - спросила Клаудия.

- Борджиа отдыхать не будут. И они несут в себе злые намерения тамплиеров, - сухо возразил Эцио. - Никто из нас не сможет спать спокойно, пока они не будут сокрушены.

- А что если этот день никогда не наступит?

- Мы никогда не должны прекращать бороться. В тот момент, когда мы сделаем это, мы проиграем.

- Верно, - плечи сестры поникли, но она снова расправила их. - Мы никогда не прекратим бороться, - твердо произнесла она.

- И будем драться до смерти, - кивнул Эцио.

- До смерти.

- Берегите себя.

- Ты тоже.

Эцио наклонился в седле, чтобы поцеловать мать и сестру, а потом развернул коня и поехал на юг. Его голова и раненое плечо разрывались от боли и напряжения, в котором он находился во время битвы. Но сильнее тела болели сердце и душа, горя о смерти Марио и пленении Катерины. Он вздрогнул при мысли, что сейчас она находится в руках семьи Борджиа - он слишком хорошо знал, что может её там ждать. Но Эцио так же знал,

что если и есть человек, которого никогда не удастся сломить, то это Катерина. Он объехал стороной войско Борджиа. Сердце подсказало ему, что теперь, когда главная цель - уничтожение оплота ассасинов - была достигнута, Цезаре направится домой.

Но важнее всего было вскрыть нарыв, заразивший Италию, пока нарыв этот не распространился по всему телу земли.

Он ударил коня коленями и поскакал по пыльной дороге на юг.

Голова кружилась от истощения, но Эцио приказал себе бодрствовать. Он поклялся не отдыхать, пока не доберется до измученной столицы своей осажденной страны. Но прежде чем он сможет поспать, предстояло проехать ещё много миль.

ГЛАВА 13

ак глупо он поступил... Скакать так долго и так далеко, раненым... Он останавливался лишь для того, чтобы дать отдохнуть коню. И раньше, чем конь мог бы нормально это сделать, пускался в путь, стегая бедное животное. Почтовые лошади были бы более разумным выбором, но Чемпион оставался его последним напоминанием о Марио.

И... где он теперь? Он вспомнил грязные полуразрушенные окраины Рима, за которыми поднималась некогда величественная желтая арка, давным-давно бывшая вратами, ведущими за стены когда-то великолепного города.

Первым побуждением ассасина было вернуться к Макиавелли, который был прав, обидевшись на него за то, что Эцио не убедился в смерти Родриго Борджиа, Испанца.

Но, Бога ради, он так устал!

Эцио расслабился на соломенном тюфяке. К запаху сухой соломы примешивался запах коровьего навоза.

Где он?

Перед глазами у него внезапно и ярко встала Катерина. Он должен освободить её! В конце концов, они должны быть вместе!

Но, возможно, он должен освободить её и от своего присутствия в её жизни, хотя часть его души хотела совсем иного. Как он может ей верить? Как вообще может простой мужчина постичь коварные лабиринты женского ума? Увы, любовные муки с возрастом не стали менее острыми.

Могла ли она его использовать?

В глубине души Эцио всегда хранил место, в котором был абсолютно один, там было его Святилище, *святая святых*. Оно было заперто ото всех, даже от самых близких друзей, от матери (которая знала об этом и уважала за это сына), от сестры, а еще раньше, от отца и братьев.

Можно ли было сломить Катерину? Да, он не сумел предотвратить убийство отца и братьев, но, ради Христа, сделал все возможное, чтобы защитить Марию и Клаудию.

Катерина же могла о себе позаботиться, - она была закрытой книгой, и все же... все же ему хотелось её прочитать!

«Я люблю тебя!» - вызвало его сердце к Катерине, назло себе. Женщина его мечты, наконец-то!.. Наконец-то, на исходе жизни. Но долг, напомнил себе Эцио, стоит на первом месте, а Катерина - Катерина! - никогда не раскрывала карты полностью! Её карие загадочные глаза, её улыбка и то, как она могла обвести его вокруг пальца... Её длинные, ловкие пальчики. Близость. Близость. Прекрасное безмолвие её волос, от которых всегда пахло ванилью и розами...

Как он мог доверять ей, когда клал голову ей на грудь после страстного секса и хотел - хотел так сильно! - почувствовать себя в безопасности?

Нет! Братство. Братство. Братство! Вот дело его жизни и его судьба.

Я умер, сказал себе Эцио. *Я мертв внутри. Но я завершу то, что должен.*

Сон растворился, и веки его дрогнули. Он увидел женское покрывало, красивое, но не новое, оно спускалось к полу, где лежал он; такие обычно носят женщины с берегов Красного моря. Эцио стремительно сел на соломе, на которой лежал. Его рана была нормально перевязана, а боль стала настолько тупой, что почти не ощущалась. Когда зрение сфокусировалось, он увидел небольшую комнату со стенами из грубо обтесанных камней. Шторы из хлопчатобумажной ткани закрывали небольшие окна, в углу горела чугунная печка, угли за приоткрытой дверцей давали только свет, но не тепло. Потом дверь закрылась, но кто-то все же находился с ним в комнате, освещенной огарком свечи. Женщина средних лет, похожая на крестьянку, присела рядом с ним на колени. Лицо её было приятным, она склонилась к его ране, меняя припарки и повязки.

Боль! Эцио скривился.

- *Успокойся*, - сказала женщина. - Боль скоро пройдет.

- Где мой конь? Где Чемпион?

- В безопасности. Отдыхает. Видит бог, он это заслужил. У него изо рта текла кровь. Это хороший конь. Что ты с ним сделал?

Женщина отложила чашу с водой, которую держала в руках, и встала.

- Где я?

- В Риме, дорогой мой. *Мессер* Макиавелли нашел тебя без сознания в седле, конь был весь в пене. Мессер принес тебя сюда. Не волнуйтесь, он заплатил мне и моему мужу, чтобы мы позаботились о тебе и твоём коне. И оставил ещё несколько монет сверху. Но вы же знаете мессера Макиавелли - ему опасно переходить дорогу. В любом случае, мы выполнили свою работу.

- Он ничего не просил передать?

- Просил. Чтобы ты, когда окрепнешь, встретился с ним у Мавзолея Августа. Знаете, где это?

- Это руины?

- Совершенно верно. В настоящее время это не более чем руины, так же как и все остальное. Некогда Рим был центром мира! И посмотри теперь - меньше Флоренции, наполовину меньше Венеции. Но у нас есть кое-что, чем можно гордиться, - она хихикнула.

- И чем же?

- В этом заброшенном городе, который некогда с гордостью называл себя Римом, живут пятьдесят тысяч бедных душ. И *семь тысяч из них* - проститутки! Это рекорд! - Она еще раз захихикала. - Не удивительно, что все заражены *Новой болезнью*. Не спи здесь ни с кем, - добавила она, - если не хочешь свалиться с сифилисом. Даже кардиналы не избежали этой болезни, а еще ходят слухи, что Папа и его сын тоже больны.

Эцио словно во сне вспомнил Рим. Ныне это было странное место, чьи древние прогнившие стены были возведены, чтобы вместить один миллион жителей. Сейчас большая часть территории была передана крестьянам.

Он вспомнил разрушенную пустошь, которая некогда была Великим Форумом, теперь там паслись овцы и козы. Люди растащили древний резной мрамор и порфир, в беспорядке лежавшие в траве, и настроили из них свинарников или размололи, чтобы получить известь. По сравнению с опустошением, царившим в трущобах, с их кривыми грязными улочками, величественные новые здания Папы Сикста IV и Папы Александра VI выглядели непристойно, словно свадебный торт на столе, где лежал один лишь черствый хлеб.

После возвращения из папского изгнания в Авиньоне, власть Церкви неуклонно росла. Папа Римский, являвшийся главной фигурой в международных отношениях и стоявший не только над королями, но и над самим Императором Святой Римской Империи Максимилианом, вновь восседал в Риме.

В 1494 году Тордесильяским договором (и собственным решением) Папа Александр VI разделил вертикальной демаркационной линией южный континент Новых Америк между колониями Португалии и Испании. В тот же год в Италии была впервые зафиксирована вспышка *Новой болезни* - в Неаполе. Они называли это французской заразой - болезнью галлов. Но все знали, что на самом деле она пришла из Нового Света с генуэзскими моряками Колумба. Это был крайне неприятный недуг. Лица и тела людей покрывались язвами и нарывами, а на последней стадии лица часто принимали совершенно неузнаваемый вид.

В Риме беднякам приходилось довольствоваться ячменем и свиной, если, конечно, они могли достать свинину. На грязных улицах скрывались тиф, холера и Черная Смерть*. Горожане кичились своим богатством, но на самом деле выглядели пастухами и жили подобно им.

* Чума – прим. пер.

Как же отличался город от позолоченного роскошного Ватикана! Рим, великий город, превратился помойку истории. Эцио вспомнил не только грязные переулки, выходившие на улицы, на которых ныне бродили одичавшие псы и волки, но и разваливающиеся церкви, гниющие кучи мусора, пустынные дворцы, напомнившие ему о том, что его собственный дом во Флоренции тоже может быть разрушен.

- Я должен встать. Мне нужно найти мессера Макиавелли! - Упрямо сказал Эцио, отгоняя мысли.

- Всеу свое время, - отозвалась его сиделка. - Он оставил тебе новую одежду. Оденься, когда почувствуешь себя лучше.

Эцио встал. Голова закружилась, и он потряс ей, чтобы прийти в себя. Затем принялся натягивать костюм, который оставил ему Макиавелли. Он был совершенно новым, льняным, с капюшоном из мягкой шерсти (кончик капюшона напоминал клюв орла). Крепкие перчатки и сапоги из мягкой испанской кожи. Эцио оделся, борясь с разлившейся по телу болью. Потом женщина вывела его на балкон. И только там Эцио осознал, что находился не в обычной разрушенной лачуге, а в останках здания, некогда бывшего огромным дворцом. Должно быть, раньше они были дворянами. Он вздохнул, посмотрев на пустынный развалившийся город, раскинувшийся внизу. Под ногами нагло закопошилась крыса. Он пнул её.

- Ах, Рим, - иронически произнес он.

- То, что от него осталось, - повторила женщина, снова хихикнув.

- Благодарю, госпожа. Кому я обязан..?

- Я графиня Маргарита дельи Кампи, - ответила она, и в тусклом свете Эцио разглядел черты некогда прекрасного лица. - То есть то, что от неё осталось.

- Графиня, - Эцио постарался скрыть грусть в голосе и поклонился.

- Мавзолей вон там, - с улыбкой произнесла она, показывая куда-то. - Там вы и встретитесь.

- Где? Не вижу.

- В том направлении. К сожалению, из моего дворца его не видно.

Эцио прищурился, всматриваясь в темноту.

- А если посмотреть с той башни?

Она посмотрела на него.

- С церкви Санто-Стефано? Оттуда видно. Но она развалилась. Лестницы, ведущие на башню, обрушились.

Эцио сконцентрировался. Ему нужно было добраться до места встречи как можно быстрее и, по возможности, целым. Он не хотел связываться с нищими, проститутками и ворами, по ночам наводнявшими город еще сильнее, чем днем.

- Это не проблема, - успокоил он женщину. - Спасибо за все, что вы сделали для меня, дорогая графиня. Прощайте.

- Мы всегда рады будем видеть тебя, - с усмешкой проговорила она. - Но ты уверен, что в состоянии уйти прямо сейчас? Думаю, тебе лучше повидать доктора. Я бы порекомендовала кого-нибудь, но, к сожалению, не могу больше позволить себе их услуги. Я обработала и перевязала твои раны, но я не специалист.

- Тамплиеры не ждут, и я тоже не могу, - отозвался он. - Еще раз спасибо, и прощайте.

- Ступай с Богом.

Он прыгнул с балкона на улицу, поморщившись от удара, и бросился через площадь у разваливающегося дворца в сторону церкви. Дважды он терял башню из виду, и дважды снова находил. Трижды ему пришлось пройти мимо прокаженных нищих и один раз - перед волком, который крался вниз по улице с чем-то, похожим на мертвого ребенка, в зубах. И вот, наконец-то, он вышел к церкви. Она была заколочена, известняковые изображения святых, некогда украшавшие ворота, раскрошились. Эцио не знал, сможет ли влезть по рассыпающейся кладке, но другого варианта не было, - и он полез.

Ему удалось, хотя несколько раз упор рассыпался под ногами. Один раз под ним обвалилась амбразура, и он повис, держась лишь кончиками пальцев. Но он по-прежнему оставался сильным и сумел подтянуться вверх и избежать опасности. Наконец, ассасин взобрался на крышу башни и расположился на свинцовой кровле. Величественная громада мавзолея в нескольких кварталах от церкви тускло сияла в лунном свете. Теперь нужно пойти туда и ждать прибытия Макиавелли.

Он поправил скрытый клинок, меч и кинжал, и хотел уже совершить прыжок веры в телегу с сеном, стоящую на площади, когда рана дала о себе знать. Он согнулся от боли.

- Графиня перевязала мне плечо, но она была права. Я должен обратиться к доктору, - сказал он себе.

Стараясь не обращать внимания на боль, Эцио стал спускаться. Он понятия не имел, где найти доктора, поэтому сперва добрался до постоянного двора. Там, за пару монет, ему подсказали, куда идти, а ещё за несколько - дали бокал мутного кроваво-красного вина, которое немного успокоило боль.

Было уже поздно, когда он добрался до приемной доктора. Ему пришлось несколько раз громко постучать, прежде чем изнутри донесся приглушенный ответ. Потом дверь приоткрылась, и Эцио увидел жирного, бородатого мужчину лет шестидесяти, с толстыми очками на носу. Одежда его была изношенной, а изо рта воняло винным перегаром. Один глаз доктора казался больше, чем второй.

- Чего вам надо? - Спросил мужчина.

- Вы доктор Антонио?

- И что, если я?

- Мне нужна ваша помощь.

- Уже поздно, - ответил доктор, но взгляд его скользнул по плечу Эцио, и во внимательных глазах сверкнуло сочувствие. - Это дорого вам обойдется.

- Я не в том состоянии, чтобы спорить.

- Отлично. Входите.

Доктор открыл дверь и отступил. Эцио с благодарностью кивнул и вошел в прихожую. На балках висела целая коллекция медных кастрюль, стеклянных флаконов, сушеных летучих мышей, ящериц, мышей и змей.

Доктор провел его в комнату с огромным столом, на котором в беспорядке валялись бумаги, узкой кроватью в одном углу, распахнутым шкафом, уставленным огромным количеством бутылочек, и открытым кожаным футляром, в котором лежали скальпели и небольшие пилы.

Доктор проследил за взглядом Эцио и коротко хохотнул.

- Мы, *доктора*, - ученые-испытатели, - сказал он. - Ложитесь на кровать, и я взгляну на вашу рану. Но сперва дайте три дуката.

Эцио заплатил.

Доктор разбинтовал рану и надавил так, что Эцио почти потерял сознание от боли.

- Ещё держится, - проворчал он.

Доктор ещё раз пощупал, облил рану какой-то жгучей жидкостью из колбы, промокнул ватным тампоном, потом достал чистые бинты и надежно перевязал рану.

- В вашем возрасте подобные раны лекарствами не вылечишь. - Доктор покопался в шкафу и вытащил бутылку с какой-то дрянью внутри, напоминающей патоку. - Это снимет боль. Но не пейте всё сразу. Это обойдется вам ещё в три дуката. И не волнуйтесь. Со временем вы поправитесь.

- Благодарю, доктор.

- Четыре из пяти докторов посоветовали бы вам пиявок, но они неэффективны для лечения таких ран. Откуда она? Если бы пистолеты не были таким редким оружием, я бы предположил, что это огнестрельная рана. Если понадобится помощь, возвращайтесь. И, ещё, я могу порекомендовать вам своих коллег в городе.

- Их услуги так же дороги, как ваши?

Доктор Антонио усмехнулся.

- Добрый сир, вы ещё дешево отделались.

Эцио вышел на улицу. С неба капал дождь, улицы наполнялись липкой грязью.

- «В вашем возрасте», - проворчал Эцио. - *Кто бы говорил!*

Он вернулся на постоялый двор и выяснил на счет свободной комнаты. Эцио остался там, немного поел, и утром отправился к мавзолею. Придется подождать появления товарища-ассасина. Макиавелли вряд ли появлялся у графини, но Эцио помнил об осторожности друга, порой граничащей со страстью. Несомненно, он появлялся в условленном месте каждый день через равные промежутки времени. Эцио не придется ждать слишком долго. Ассасин прошел по грязным улицам и переулкам. Один раз ему пришлось спрятаться в темноте, ожидая, пока мимо, громыхая, пройдет патруль Борджиа, который легко было узнать по эмблеме - черному быку - на нагрудниках.

В полночь он снова вернулся к постоялому двору, отхлебнул из бутылочки с темной жидкостью. Стало лучше. Эцио забарабанил в дверь постоялого двора эфесом меча.

ГЛАВА 14

а следующий день Эцио покинул постоялый двор рано утром. Рана будто онемела, но боль была тупой, и сегодня он мог намного лучше пользоваться рукой. Перед уходом он потренировался в нанесении ударов скрытым клинком и выяснил, что без труда может им воспользоваться, как и мечом и кинжалом. Удары были так же хороши, как до ранения в правое плечо.

Эцио не был уверен, известно ли Борджиа и их союзникам, тамплиерам, о том, что он выжил при битве в Монтериджони. На улицах было множество вооруженных солдат, одетых в темно-красные с желтым мундиры Борджиа, поэтому ассасин пошел к Мавзолею Августа окольным путем. Когда он добрался до места, солнце стояло уже высоко.

Людей было мало. Эцио провел небольшую разведку и убедился, что стража за Мавзолеем не наблюдает. Он осторожно подошел к строению и скользнул через обрушившийся дверной проем во мрак.

Когда его глаза привыкли к темноте, он увидел фигуру в черном, опиравшуюся на голый камень, застывшую, словно статуя. Не дожидаясь, пока его заметят, Эцио посмотрел по сторонам, убеждаясь, что путь к отступлению свободен. Кроме редких пучков травы, растущей между упавшими камнями древнеримских руин, сзади ничего и никого не было. Эцио решился на следующий шаг, и мягко и бесшумно двинулся к стенам мавзолея, где мрак был гуще.

Но он опоздал. Его заметили - возможно, сразу, как только он вошел и застыл, освещенный светом из-за дверного проема. Фигура в чёрном двинулась к нему. Когда человек подошел ближе, Эцио узнал Макиавелли, одетого в свой обычный черный костюм. Никколо приложил палец к губам. Жестом приказав Эцио следовать за ним, Макиавелли пошел глубь древней гробницы римского императора, построенной почти полтора тысячелетия назад. Там было еще темнее.

Наконец, он остановился и повернулся.

- Шшш, - произнес он, внимательно прислушиваясь.

- Че...

- Тише. Говори тише, - попросил Макиавелли, продолжая вслушиваться во тьму.

Наконец, он расслабился.

- Все в порядке, - продолжил он. - Никого.

- О чем ты?

- У Цезаре Борджиа везде глаза, - взгляд Макиавелли чуть смягчился. - Я рад видеть тебя в Риме.

- Но ты же оставил для меня одежду у графини...

- У неё был приказ проследить за тобой, если ты появишься в Риме, - Макиавелли усмехнулся. - Я знал, что ты приедешь сюда. Как только убедишься, что мать и сестра в безопасности. В конце концов, они - последние представители семьи Аудиторе.

- Мне не нравится твой тон, - отозвался Эцио, стараясь держать себя в руках.

Макиавелли слегка улыбнулся.

- Не время для такта, мой дорогой коллега. Я знаю, что ты винишь себя за то, что не уберег семью. Хотя ты совершенно не виноват в том, что свершилось предательство. - Он помолчал. - Слухи о нападении на Монтериджони разошлись по городу. Кое-кто из нас даже решил, что ты погиб. Я оставил одежду нашей общей (и верной нам) подруге просто на всякий случай. И еще потому, что хорошо тебя знаю. Ты не сбежал бы и не умер, бросив нас в такие опасные времена.

- Ты всё ещё веришь в меня?

Макиавелли пожал плечами.

- Ты ошибся. Один раз. Потому что, с принципиальной точки зрения, твой инстинкт подсказал тебе проявить милосердие. Это хороший инстинкт. Но теперь мы должны ударить, и ударить изо всех сил. Будем надеяться, тамплиеры не знают, что ты жив.

- Но они уже должны были это выяснить!

- Не обязательно. Мои шпионы доложили, что была большая неразбериха. Эцио задумался, потом сказал:

- Наши враги довольно скоро узнают, что я не умер, - очень скоро! Сколько нам еще сражаться?

- Есть хорошая новость, Эцио, - мы сильно проредили их ряды, уничтожив множество тамплиеров по всей Италии и за её пределами. И плохая: тамплиеры и семья Борджиа - в данный момент одно и то же. И они будут сражаться, словно лев, загнанный в угол.

- Расскажи подробнее...

- Не здесь. Нужно затеряться в толпе в центре города. Мы пойдем на бой быков.

- На бой быков?

- Чезаре отличился как тореадор. В конце концов, он же испанец. Хотя на самом деле он не испанец, а каталонец, и однажды этот факт сыграет нам на руку.

- Как?

- Король и Королева Испании хотят объединить страну. Сами они из Арагоны и Кастилии. Каталонцы для них словно бельмо на глазу, хотя испанцы все равно остаются влиятельной нацией. Пойдем, но будь осторожен. Нам обоим придется использовать умение сливаться с толпой, которому давным-давно научила тебя в Венеции Паола. Надеюсь, ты не забыл?

- Можешь меня испытать!

Они вместе прошли по полуразрушенному, некогда величественному городу, держась в тени. Там, где тени не было, они прятались в толпе, словно рыба в прибрежных камышах. Наконец, они добрались до арены, где дрались быки, и заняли места в самой дорогой и переполненной людьми ложе. Ассасины целый час смотрели, как Чезаре вместе с помощниками уничтожает одного за другим трех быков. Эцио следил за техникой боя Чезаре. Тот сперва натравливал на быка бандерильеро и пикадоров, а потом, убедившись, что тактика имеет успех, сам наносил решающий удар. Но усомниться в его мужестве и доблести даже при условии, что на арене находились еще три помощника, было нельзя. Эцио через плечо обернулся туда, где сидели благородные гости. Среди них он заметил нахмуренное, но неотразимо красивое лицо сестры Чезаре, Лукреции. Ему показалось, или он и вправду увидел, что она искусала губы до крови?

Во всяком случае, ему удалось выяснить, как Чезаре ведет себя на поле боя, и как сильно ассасин может надеяться на другие виды оружия в битве с ним.

Повсюду, как и раньше, на улицах, сновали стражники Борджиа, наблюдая за толпой. Солдаты были вооружены смертоносными новыми мушкетами.

- Леонардо... - невольно проговорил он, вспомнив о старом друге.

Макиавелли перевел взгляд на него.

- Леонардо работает на Чезаре под страхом смерти, - и поверь, она будет весьма мучительной. Такова правда, - страшная, но все же правда. Дело в том, что сердцем он никогда не примет своего нового хозяина, у которого не хватит ни ума, ни возможностей, чтобы получить полный контроль над Яблоком. По крайней мере, я на это очень надеюсь. Нужно проявить терпение. Мы вернем Яблоко, а вместе с ним и Леонардо.

- Хотел бы я быть в этом уверен...

Макиавелли вздохнул.

- Возможно, ты правильно поступаешь, что сомневаешься, проговорил он, наконец.

- Испания захватила Италию, - проговорил Эцио.

- Валенсия захватила Ватикан*, - ответил Макиавелли. - Но мы можем это изменить. В Коллегии кардиналов у нас есть союзники, некоторые из них влиятельны. Не все они «комнатные собачки». А Чезаре, не смотря на его хвастовство, зависит от своего отца, Родриго, и от денег. - Он пронзительно взглянул на Эцио. - Вот почему ты должен был убедиться в смерти Папы.

* Валенсия является родиной рода Борджиа – прим. пер.

- Возможно.
- Я виноват ничуть не меньше. Я должен был подсказать. Но, как ты и сказал, нам нужно разбираться с настоящим, а не с прошлым.
- Согласен.
- Да будет так.
- Но как они могли допустить все это? - Поинтересовался Эцио.

Очередной бык споткнулся и упал от удара безжалостного, не знающего промаха, меча Чезаре.

- Папа Александр - странный человек, - ответил Макиавелли. - Он великолепный руководитель, и даже в чем-то улучшил Церковь. Но злая часть внутри него всегда берет верх над доброй. Он долгие годы был казначеем Ватикана, поэтому отыскал пути накопления денег - опыт сослужил ему хорошую службу. Он продает кардинальские саны, и десятки новоиспеченных кардиналов практически гарантировано встанут на его сторону. Он даже милует убийц - тех, у кого достаточно денег, чтобы откупиться от виселицы.

- И как он объясняет свои действия?

- Очень просто. Он проповедует, что для грешника лучше жить и покаяться, чем умереть и избавиться от страданий.

Эцио не удержался от смеха, хотя смех его был невеселым. Мысленно он вспомнил празднования по случаю наступления 1500 года - Великого года середины Тысячелетия. Правда, тогда толпы флагеллантов бродили по стране в ожидании Страшного Суда. И не был ли безумный монах Савонарола, заполучивший в свои руки Яблоко, и которого сам Эцио уничтожил во Флоренции, и сам обманут этим религиозным предрассудком?

1500 год был великим годом. Эцио вспомнил тысячи полных надежд паломников, отправившихся в Святую Землю со всех уголков мира. Возможно, наступление этого года отмечали даже в небольших поселениях за далекими морями в Новом Свете, который открыл Колумб, а несколько лет спустя и Америго Веспуччи подтвердил существование тех земель. В Рим текли деньги верующих, покупающих индульгенции, которые искупали грехи перед возвращением на землю Христа, что должен был судить живых и мертвых. И было время, когда Чезаре отправился подчинять город-государство Романью, а король Франции - взял Милан, мотивируя свои действия тем, что он законный наследник, правнук Джана Галеаццо Висконти.

На четвертое воскресенье Великого Поста на церемонии Папа Римский назначил своего сына Чезаре капитан-генералом папских армий и гонфалоньером Святой Римской Церкви. Чезаре сопровождали четверо мальчиков в шелковых одеждах, а четыре тысячи солдат надели мундиры его цветов. Его триумф казался полным: в прошлом году, в мае, он женился на Шарлотте д'Альбре, сестре Жана, короля Наварры, и король Франции Людовик, - который был союзником Борджиа, - подарил Чезаре герцогство Валанс. Не удивительно, что люди прозвали Чезаре, уже бывшего кардиналом Валенсии - Валентино!

И теперь эта гадюка достигла пика своего могущества.

Как Эцио сможет победить его?

Он поделился этими мыслями с Макиавелли.

- Мы воспользуемся их тщеславием, чтобы сбросить с этого пьедестала, - сказал Никколо.
- У них есть ахиллесова пята. У каждого она есть. В том числе и у тебя.
- И что же это? - спросил, ошетинившись, Эцио.
- Мне не нужно называть тебе её имя, ты и сам знаешь. Остерегайся её, - добавил Макиавелли и продолжил, резко меняя тему. - Помнишь оргии?
- Они продолжаются?
- Да. Родриго - я отказываюсь называть его Папой - их обожает! Тебе стоит отдать ему должное - ему ведь семьдесят лет! - Макиавелли сухо рассмеялся, но потом стал

серьезным. - Борджиа пойдут ко дну, если будут продолжать потакать собственным желаниям.

Эцио хорошо помнил оргии. Он даже был свидетелем одной из них. Тогда был ужин, на котором присутствовали пятьдесят лучших шлюх города, потом их отвели в изукрашенные золоченые, как у Нерона, покои Папы. Они любили называть себя куртизанками, но, по сути, были просто шлюхами. Когда ужин - или это лучше назвать «кормлением»? - закончился, девушки стали танцевать со слугами, сперва в одежде, а потом и без неё. Канделябры, стоявшие на столах, спустили на мраморный пол. Благородные гости кидали между ними жареные каштаны. Шлюхи ползали по полу на четвереньках, словно скот, задрав задницы, и собирали каштаны. В эту «игру» включились практически все. Эцио с отвращением вспомнил, как Родриго, Чезаре и Лукреция наблюдали за этим со стороны. И в самом конце раздали призы - шелковые плащи, отличные кожаные сапоги из Испании, темно-красные с желтым бархатные шапочки, инкрустированные бриллиантами, кольца, браслеты, кошельки из парчи, каждый с сотней дукатов внутри, кинжалы, серебряные дилдо, - всё, что ты только мог себе вообразить, - тем гостям, кто большее число раз занимался сексом с ползающими проститутками. И члены семьи Борджиа, ласкающие друг друга, были главными судьями...

Ассасины покинули бой быков и затерялись в толпе, заполонившей улицы под вечер.

- Следуй за мной, - с нажимом в голосе сказал Макиавелли. - Теперь, когда ты увидел своего главного противника в действии, неплохо будет приобрести экипировку, взамен той, что ты потерял. И постарайся не привлекать к себе внимания.

- Да неужели? - огрызнулся уязвленный замечанием младшего ассасина Эцио. Макиавелли не был главой Братства. После смерти Марио, у них вообще не осталось главы. Но это «междоусобица» скоро должно будет закончиться. - В любом случае, у меня есть клинок.

- А у стражников ружья. Эти штуки создал для них Леонардо - как ты помнишь, когда он изобретает, то не контролирует себя. Ружья быстро перезаряжаются, как ты и сам видел, и более того, у оружия есть цилиндр, хитрым способом укрепленный внутри, который делает выстрел более точным.

- Я найду Леонардо и поговорю с ним.

- Возможно, тебе придется его убить.

- Он более полезен живым, чем мертвым. Ты же сам сказал, что сердцем он не с Чезаре.

- Я сказал, что надеюсь на это, - Макиавелли остановился. - Держи деньги.

- Благодарю, - кивнул Эцио, принимая мешочек с монетами.

- Ты у меня в долгу, и я советую - прислушайся к голосу разума.

- Когда ты скажешь что-нибудь разумное, - непременно.

Эцио оставил друга и отправился в квартал оружейников, где приобрел новый нагрудник, стальные наручи, меч и кинжал отличного качества, сбалансированные куда лучше, чем те, что у него уже были. В первую очередь он жалел об утрате старого браслета из Кодекса, сделанного из странного металла, который отбил столько смертельных ударов. Впрочем, сейчас было уже поздно сожалеть об этом. Теперь ему придется полагаться исключительно на свой ум, и тренироваться ещё больше. Этого отнять у него не мог никто.

Он вернулся к Макиавелли, который ждал его у заурядной таверны, где они и договорились встретиться.

Макиавелли был раздражен.

- Отлично, - буркнул он. - Теперь ты сможешь вернуться во Флоренцию.

- Возможно. Но я туда не вернусь.

- Не вернешься?

- Возможно, это тебе следует туда отправиться. Во Флоренции ты на своем месте. У меня же больше нет там дома.

Макиавелли развел руками.

- Правда, твой старый дом был уничтожен. Я не хотел тебе говорить об этом. Но уверен, что твои мать и сестра сейчас в безопасности. Борджиа не возьмет Флоренцию. Мой лорд, Пьеро Содерини, хорошо её защищает. Поэтому ты сможешь там задержаться.

Эцио вздрогнул, услышав, что его самые худшие опасения подтвердились, но сумел взять себя в руки и произнес:

- Я останусь здесь. Ты сам сказал, что мир не наступит, пока мы не восстанем против семьи Борджиа и тамплиеров, которые им служат.

- Храбрая речь! Особенно после того, что случилось в Монтериджони.

- Как низко, Никколо! Откуда я знал, что они так быстро отыщут меня? Что они убьют Марио?

Макиавелли обнял товарища за плечи и искренне сказал:

- Эцио, что бы ни случилось, мы должны тщательно подготовиться. Не набрасываться на них в слепой ярости. Мы боремся со скорпионами - нет, даже хуже, - со змеями! Они могут одновременно обвить твою шею и укусить за яйца! Они не знают о добре и зле. Они видят перед собой только цель! Родриго окружил себя змеями и убийцами. Даже его дочь, Лукреция, превратилась в одно из самых коварных орудий, ей известно все об искусстве отравлений. - Он сделал паузу. - Но даже она меркнет в сравнении с Чезаре!

- Снова он!

- Он амбициозен, безжалостен и жесток настолько, что ты даже - и слава Богу! - не сможешь себе представить. Общечеловеческие законы - ничто для него. Он убил своего брата, герцога Гандии, который стоял у него на пути к абсолютной власти. Он не остановится ни перед чем!

- Я остановлю его.

- Только если не будешь спешить. У него Яблоко, не забывай об этом. Если он узнает о его мощи, нам не помогут даже Небеса.

Мысли Эцио вновь вернулись к Леонардо. Старый друг слишком хорошо изучил Яблоко...

- Чезаре не страшится опасностей, не знает усталости, - продолжал Макиавелли. - Те, кто не пал от его меча, рвутся вступить в его ряды. У его ног уже находятся могущественные семьи Орсини и Колонна, а король Франции Людовик - на его стороне, - Макиавелли замолчал, задумавшись. - По крайней мере, король Людовик останется его союзником лишь до тех пор, пока Чезаре будет ему полезен...

- Ты его переоцениваешь!

Но, казалось, Макиавелли не слышал его. Он полностью погрузился в свои мысли.

- Что он намерен делать со всей этой властью? Со всеми деньгами? Что им движет?... Я все ещё не знаю этого. Но, Эцио, - добавил он, внимательно посмотрев на друга, - Чезаре действительно планирует захватить всю Италию, и, боюсь, с такой скоростью ему это удастся!

Эцио помедлил с ответом, немного шокированный.

- Я что, действительно слышу в твоём голосе восхищение?

Лицо Макиавелли застыло.

- Он умеет добиваться своего. Это редкое качество в современном мире. Он из тех, кто действительно сможет подчинить себе весь мир, если пожелает.

- Что ты имеешь в виду?

- Например... Людям нужен кто-то, кого они будут уважать, или даже восхищаться. Это может быть Господь Бог, Христос, но гораздо лучше, если это будет реальный человек. Родриго, Чезаре, какой-нибудь замечательный актер или певец. По крайней мере, до тех пор, пока он хорошо одет и верит в себя, остальные будут следовать за ним. - Макиавелли отхлебнул вина. - Это часть нас. Да, это не действует на тебя, меня или Леонардо. Но есть

люди, цель жизни которых – следовать за кем-нибудь, и они опасны. - Он допил вино. - К счастью, такие люди, как я, вполне могут ими манипулировать.

- А такие, как я, могут убить.

Какое-то время они сидели молча.

- Кто станет главой ассасинов после смерти Марио? - Спросил Эцио.

- Вот так вопрос! Мы разобщены. Есть несколько кандидатов. Конечно, это важно, и выбор будет сделан. Ладно, пойдем. У нас много работы.

- Возьмем лошадей? Большая часть из них, может, и пала, но Рим - большой город, - предложил Эцио.

- Легче сказать, чем сделать. Завоевание Романьи у Цезаре идет успешно - он уже захватил большую её часть. Борджиа на пике власти, они подчинили лучшие части города. Сейчас мы в районе Борджиа. Мы не сможем взять лошадей в здешних конюшнях.

- Воля Борджиа - единственный закон в Риме?

- Эцио... на что ты намекаешь? Что я одобряю это?

- Не придуривайся, Никколо.

- Я не придуриваюсь. У тебя есть план?

- Будем импровизировать.

Они пошли туда, где размещались местные конюшни, в которых можно было купить лошадей. Идя вниз по улице, Эцио заметил, что многие лавки (которые в обычное время были бы открыты) стояли с опущенными ставнями. Что здесь произошло? Чем ближе они подходили к конюшням, тем больше на их пути встречалось мрачного вида солдат в бордово-желтых мундирах.

Эцио заметил, что Макиавелли с каждым шагом становится всё более осторожным.

И тут их путь заступил дородный сержант, командир дюжины (или около того) бандитов в мундирах.

- Чего ты забыл здесь, друг? - Спросил он у Эцио.

- Время импровизировать? - Шепнул Макиавелли.

- Мы хотели бы купить лошадей, - спокойно ответил сержанту Эцио.

Сержант хохотнул.

- Здесь вам ловить нечего. Убирайтесь, - он указал туда, откуда ассасины только что пришли.

- А это запрещено?

- Да.

- Почему?

Сержант вытащил из ножен меч, остальные последовали его примеру. Он направил острие меча в шею Эцио и слегка нажал, так, что выступила капля крови.

- Знаешь, что любопытство сделало с кошкой? Уматывайте отсюда!

Почти незаметным движением Эцио обнажил скрытый клинок и резанул по сухожилиям на руке сержанта, державшей меч. Беспольное оружие с грохотом упало на землю. Сержант вскрикнул от боли и схватился за рану. В этот момент Макиавелли прыгнул вперед и полоснул по трем ближайшим стражникам, те отшатнулись, пораженные смелостью двух мужчин. Эцио щелкнул скрытым клинком, пряча его, и одним слаженным движением выхватил меч и кинжал. Он успел как раз вовремя, чтобы отбить атаку двух стражников, которые оправились от первоначального шока и кинулись вперед, чтобы отомстить за своего сержанта. Никто из людей Борджиа не владел оружием так же мастерски, как Эцио и Макиавелли, - обучение ассасинов происходило совсем иначе. Но, даже учитывая все это, шансы были против двух друзей, потому что противник превосходил их численностью. Тем не менее, неожиданно свирепой атаки было достаточно, чтобы дать ассасинам несомненное преимущество. Взятые врасплох, непривыкшие отступать в бою, солдаты были уничтожены. Но шум схватки сыграл свою роль - на помощь своим кинулись более двух десятков солдат Борджиа. Они чуть не

подавили Эцио и Макиавелли числом, ассасины были вынуждены сражаться с несколькими врагами одновременно. Они оставили показушный бой, перейдя на более эффективное и быстрое фехтование, убивая одного противника за каждые три секунды. Двое мужчин не отступали, на их лицах застыла мрачная решимость. Вскоре их враги либо бежали, либо лежали у их ног - мертвые, раненные или умирающие.

- Нам лучше поторопиться, - выдавил Макиавелли, тяжело дыша. - То, что мы отправили людей Борджиа к Создателю, еще не значит, что нам удастся попасть в конюшни. Обычные люди по-прежнему боятся. Именно поэтому они не собираются открывать свои лавки.

- Ты прав, - согласился Эцио. - Мы должны подать им сигнал. Жди здесь!

Рядом стояла жаровня, в которой горел огонь. Эцио поджег от него факел и влез по стене конюшни туда, где висело знамя Борджиа - черный бык на золотом поле - развеваемое легким ветерком. Эцио поджег его. Когда знамя догорело, ворота конюшни и окна в паре лавок приоткрылись.

- Так-то лучше! - Воскликнул Эцио. Он повернулся к небольшой толпе. - Не бойтесь Борджиа! Не служите им! Их дни сочтены, а час расплаты близок!

К толпе присоединились ещё люди и одобрительно закричали.

- Они вернутся, - вздохнул Макиавелли.

- Не сомневаюсь, но мы показали людям, что Борджиа - не всемогущие тираны, какими хотят казаться!

Он спрыгнул со стены во двор конюшни, где уже ждал его Макиавелли. Они быстро выбрали двух крепких коней и оседлали их.

- Мы вернемся, - пообещал Эцио главному конюху. - Теперь вы сможете немного привести это место в порядок - оно вновь принадлежит вам, как и должно было быть по праву.

- Мы так и сделаем, милорд, - отозвался мужчина, но выглядел он испуганным.

- Не бойтесь. Они не сумеют вам навредить, если увидят, что вы можете быть им полезными.

- Как это, милорд?

- Вы нужны им. Они не смогут без вас обойтись. Покажите им, что не будете терпеть издевательства и попытки помыкать вами, и им придется задобрить вас, чтобы получить помощь.

- Они нас повесят или сделают ещё что похуже!

- Вы хотите провести остаток жизни под их игом? Восстаньте против них. И им придется прислушаться к разумным доводам. Даже тираны не смогут ничего сделать, если большинство людей откажется им подчиняться.

Макиавелли, сидевший в седле, достал из кармана небольшую черную записную книжку и что-то написал в ней, рассеянно улыбаясь себе под нос. Эцио вскочил в седло.

- Я думал, мы спешим, - подколот Эцио.

- Спешим. Я просто записывал твои слова.

- Я должен быть этим польщен?

- О да, должен. Поспешим!

- Ты можешь наносить раны, Эцио, - продолжил Макиавелли, пока они ехали. - Но можешь ли ты исцелять их?

- Я собираюсь исцелить болезнь в сердце нашего общества, а не бороться с симптомами.

- Смелые слова! Но не спорь со мной. Не забывай, что мы на одной стороне. Я просто сужу с другой точки зрения.

- Ты меня испытываешь? - Подозрительно прищурился Эцио. - Тогда давай поговорим начистоту. Я уверен, что смерть Родриго Борджиа не решила бы наши проблемы.

- Правда?

- Ну... Взгляни на этот город. Рим - оплот Борджиа и тамплиеров. То, что я сказал конюху, - правда. Убийство Родриго ничего не изменит, - если голову отрезать человеку, он умрет. Но мы сражаемся с гидрой.

- Я понял, о чем ты - о том, как Геракл убил семиглавого монстра. Его головы отрастали вновь и вновь, пока он не понял, как остановить это.

- Именно.

- Так ты предлагаешь обратиться к людям?

- Возможно... А что еще?

- Прости, Эцио, но люди непостоянны. Полагаться на них - всё равно, что строить замки из песка.

- Я не согласен, Никколо. Вера в людей лежит в основе Кредо ассасинов.

- И ты намерен убедиться в этом на собственном опыте?

Эцио собирался ответить, но в это время молодой вор, бежавший рядом с лошадью, быстро и уверенно полоснул ножом по шнурку, которым крепилась к поясу сумка с деньгами.

- Что за..? - возмутился Эцио.

Макиавелли рассмеялся.

- Он, наверное, из твоих сподвижников! Смотри, как он убегает! Ты, наверное, сам его этому научил! Иди! Верни украденное. Нам нужны эти деньги! Я буду ждать тебя на Капитолийском холме!

Эцио развернул коня и помчался в погоню за вором. Тот побежал по переулкам, слишком узким для лошади, и Эцио пришлось ехать в обход. Он беспокоился, что может упустить цель, но в то же время прекрасно осознавал, что, к его огорчению, молодой человек мог легко его обогнать пешком. Вор бежал почти так же, как если бы действительно учился у ассасинов. Но как такое могло быть?

Наконец, он загнал вора в тупик и прижал его к стене.

- Отдай, - спокойно приказал он, обнажая меч.

Казалось, парень хочет попытаться вырваться, но вор понял, что положение, в которое он попал, безнадежно. Плечи его опустились, и он молча протянул руку с сумкой. Эцио выхватил её и спрятал понадежнее. При этом он отпустил коня, и тот отступил назад. В мгновение ока вор влез по стене с невероятной скоростью и скрылся с другой стороны.

- Эй! Вернись! Я ещё с тобой не закончил! - Крикнул Эцио, но в ответ услышал только топот ног.

Вздохнув и не обращая внимания на собравшуюся толпу, ассасин направил коня в сторону Капитолийского холма.

Когда он нашел Макиавелли, уже стемнело.

- Ты забрал свои деньги у нашего друга?

- Да.

- Небольшая победа.

- Это только начало, - ответил Эцио. - Со временем, если приложим усилия, мы одержим и другие.

- Надеюсь, нам это удастся раньше, чем Чезаре вновь обратит на нас внимание, и мы опять будем сломлены. В Монтериджони он был чертовски близок к успеху. Теперь, давай перейдем к делу.

Он прищипорил коня.

- Куда мы едем?

- В Колизей. У нас там встреча с моим осведомителем, Виницио.

- И?

- Думаю, у него кое-что для меня есть. Поехали!

Пока они ехали по городу в сторону Колизея, Макиавелли сухо комментировал новые здания, возведенные в период правления Папой Александром VI.

- Ты только взгляни на все эти здания, в которых, якобы, заседает правительство! Родриго поступил умно, сохранив их. Этим он без труда обманул твой любимый «народ»!

- Когда ты успел стать таким циником?

Макиавелли улыбнулся.

- Я не циник. Я просто описываю Рим таким, каков он есть! Не волнуйся Эцио... Возможно, порой я бываю слишком язвителен, слишком пессимистичен. Не всё ещё потеряно. Хорошая новость в том, что в городе у нас есть союзники. Ты встретишься с ними. Да и Коллегия кардиналов не вся еще под каблуком у Родриго, хотя он бы хотел иного. Но это будет слишком сложно...

- Что именно?

- Добиться окончательной победы.

- Мы должны попробовать. Бросать - верный путь к провалу.

- А кто сказал, что всё надо бросить?

Они ехали в молчании, пока не добрались до мрачной громады разрушенного Колизея. Здания, которое, как подумал Эцио, всё ещё помнило ужасные игры, проводившиеся там много лет назад. Но внимание ассасина привлек отряд солдат Борджиа с папским курьером. Мечи их были обнажены, алебарды угрожающе направлены вперед, мерцающие факелы подняты над головами. Солдаты пихали низенького, затравленного на вид, мужика.

- Черт! - выругался Макиавелли. - Это Виницио. Они добрались до него первыми.

Оба ассасина, собираясь воспользоваться элементом неожиданности с большей эффективностью, бесшумно и спокойно приблизились к отряду. До них донеслись обрывки разговора.

- Что у тебя там? - Спросил один из стражников.

- Ничего.

- Ты пытался украсть папскую почту из Ватикана?

- Извините, синьор, но вы ошибаетесь.

- Мы не ошибаемся, воришка, - прорычал другой, тыча в мужика алебардой.

- На кого ты работаешь, вор?

- Ни на кого!

- Отлично! Тогда никто не поплачет о тебе.

- Я услышал достаточно, - произнес Макиавелли. - Мы должны спасти его и забрать письма, которые он нес.

- Письма?

- Вперед!

Макиавелли ударил коленями по бокам лошади, та рванула вперед, Макиавелли натянул поводья. Лошадь встала на дыбы, передние ноги замолотили воздух. Одно копыто задело ближайшего стражника, впечатав шлем тому в голову. Солдат упал, как подкошенный. Тем временем Макиавелли развернулся вправо и, свесившись с седла, зло полоснул по плечу солдата, угрожавшего Виницио. Охранник выронил алебарду и упал, завыв от боли и схватившись за раненое плечо. Эцио пришпорил собственного коня, рванул вперед к другим охранникам. Одному он с силой ударил по голове эфесом меча (удар оказался смертельным), а второму всадил клинок промеж глаз. Другой солдат был уничтожен из-за своей невнимательности. Отвлекаясь на внезапную атаку, он забыл про Виницио, который схватился за древко его алебарды и редко дернул на себя. Кинжал Виницио вонзился в глотку солдата. Охранник, издав клопочущий звук, упал на землю, в легкие его хлынула кровь. В очередной раз элемент неожиданности сыграл на руку ассасинам. Люди Борджиа явно не привыкли, чтобы им оказывали такое сопротивление. Виницио, не теряя времени, указал на главную дорогу, ведущую к центральной площади. По ней скакала лошадь курьера, - всадник привстал в стремях, призывая животное ехать быстрее.

- Дай мне письмо. Быстро! - приказал Макиавелли.

- Но я не сумел забрать его, оно у курьера, - возразил Виницио, указывая на убегающую лошадь. - Они отобрали его у меня.

- Догони его! - Крикнул Макиавелли Эцио. - Любой ценой заberi это письмо и принеси мне, в полночь к термам Диоклетиана! Я буду ждать.

Эцио рванул в погоню.

Поймать курьера оказалось легче, чем вора. Конь Эцио был лучше лошади курьера, к тому же противник не был бойцом. Эцио с легкостью выбил его из седла. Эцио не хотелось его убивать, но он не мог допустить, чтобы курьер сбежал и поднял тревогу. «Покойся с миром», - прошептал ассасин, перерезая ему горло. Не читая письма, он убрал его в поясную сумку и хлопнул лошадь курьера по крупу, надеясь, что она сама отыщет дорогу в родную конюшню. Эцио оседлал своего коня и отправился к термам Диоклетиана.

Вокруг стояла почти кромешная тьма, лишь кое-где на стенах висели факелы, разгоняющие мрак. По пути к термам Эцио пришлось пересечь большой участок пустоши. На полпути конь встал на дыбы, заржал от страха. Эцио услышал леденящий сердце волчий вой. Но все-таки чем-то он отличался от обычного воя. Он звучал так, словно его имитировали люди. Эцио заставил коня пойти в темноту.

Но времени, чтобы задуматься над странным происшествием у него не было, Эцио добрался до пустынных терм. Макиавелли еще не появился - без сомнения, опять пропадал на одном из своих секретных заданий в городе... И тут...

Из-за холмиков и кустов, покрывающих развалины древнеримского города, появились фигуры и окружили ассасина. Они выглядели дико, и вряд ли были людьми, если судить по внешнему виду. Они стояли прямо, но уши у них были длинные, вместо лица - морда, вместо рук - лапы, сзади хвосты. Тела их были покрыты грубой серой шерстью. Глаза, казалось, мерцали красным. Эцио судорожно втянул воздух - что это за дьявольские отродья? Он быстро окинул развалины взглядом. Его окружало не меньше десятка этих волколюдов. Эцио снова обнажил меч. Похоже, хорошие деньки не окончились.

С рычанием и воем, подобными волчьим, создания напали на ассасина. Когда они приблизились, Эцио понял, что это были обычные люди, но они, казалось, были безумны, словно находились в некоем священном трансе. Их оружием были длинные острые когти, вшитые в кончики перчаток. Они полоснули по ногам и бокам лошади, надеясь, что та сбросит Эцио.

Меч навел на них страх. Казалось, что под волчьей шкурой у них нет ни кольчуги, ни какой иной защиты, поэтому Эцио успешно атаковал их мечом. Он резанул по локтю одного из существ, и оно отползло в сторону, ужасно воя в темноте. Эцио показалось, что странные создания скорее агрессивны, нежели умелы - их оружие не могло даже сравниться с мелькающим клинком Эцио. Он шагнул вперед, раскроив голову одному и выбив левый глаз другому. Оба волколюда упали на месте, смертельно раненные. Другие волколюды передумали атаковать ассасина. Они растаяли в темноте, в котловинах и пещерах, в которые превратились заросшие руины терм. Эцио погнался за ними, догнал и ударил по бедру одного из потенциальных противников, другой попал под копыта лошади, и та затоптала его. Догнав шестого, Эцио пригнулся, развернулся на месте и резанул по солнечному сплетению, кишки врага вывалились на землю. Противник запнулся о них и упал замертво.

Всё стихло.

Эцио успокоил коня, сел и привстал в стременах. Острые глаза вглядывались в темноту, уши ловили каждый звук, источник которого глаз определить не мог. Ему показалось, что он слышит чье-то приглушенное дыхание недалеко от себя, но ничего не увидел. Он заставил коня идти шагом и бесшумно проехал туда, откуда доносился звук.

Он шел из темноты небольшой пещеры, образованной из обвалившейся арки, увитой растениями и сорняками. Спешившись и привязав коня к какому-то пню, Эцио испачкал лезвие грязью, чтобы оно не блестело и не выдавало его местоположения, а потом медленно

стал пробираться вперед. В какой-то короткий миг ему показалось, что в глубине пещеры он заметил мерцание факела.

Над его головой пронеслись летучие мыши и скрылись в ночи. В пещере воняло их пометом. Невидимые насекомые и еще какие-то существа с шумом бросились от него врассыпную. Проклиная их за произведенный шум, который показался ему громом, Эцио ждал, чтобы кто-нибудь напал на него из засады (если она, конечно, была). Никто не появился.

Потом он снова увидел пламя и услышал, в этом он мог бы поклясться, слабый скулеж. Пещера оказалась меньше, чем можно было предположить по упавшей арке. Эцио увидел длинный изогнутый коридор, который, почти незаметно сужаясь, уводил во мрак. Когда он завернул за угол, то увидел, что мерцающее пламя превратилось в небольшой костер. В его свете ассасин разглядел сгорбленную фигуру.

Воздух здесь казался свежее. Скорее всего, в потолке были дыры, незаметные снизу. Это объясняло, почему горело пламя. Эцио замер, следя за происходящим.

Скуля, существо потянулось левой рукой (тощей, грязной и очень костлявой) к костру и вытащило из пламени железный прут. Один его конец был раскален докрасна. Дрожа, существо прижало раскаленный конец к обрубку другой руки, стиснув зубы, чтобы не закричать, словно пыталось прижечь рану.

Эцио удалось искалечить волколюда!

Когда внимание волколюда обратилось исключительно на боль в руке, Эцио рванул вперед. Он практически опоздал - существо было быстрее его и почти ускользнуло, но кулак Эцио сомкнулся вокруг здоровой руки создания. Это было нелегко. Конечность оказалась липкой и противной, а зловоние, исходившее от создания, было просто омерзительным, но Эцио держал крепко. Задерживая дыхание и отшвырнув в сторону железный прут, Эцио процедил:

- Твою мать, кто вы такие?

- Rrrrr, - раздалось в ответ.

Эцио грубо ударил его по голове кулаком в тяжелой перчатке. Рядом с левым глазом потекла кровь, волколюд застонал от боли.

- Кто вы? Отвечай!

- Грррр, - в приоткрытом рту показались обломанные серые зубы, а запах, шедший оттуда был таким, что вонь от пьяной шлюхи показалась бы ароматом розы.

- Говори! - Эцио приставил меч к культе и повернул его. Он не собирался возиться с этим ничтожеством, его больше беспокоила лошадь.

- Агррррх, - на этот раз это был крик боли. Затем из нечленораздельного рычания он разобрал слова, произнесенные грубым, хриплым голосом - на отличном итальянском.

- Я последователь Секты Волков.

- Секты Волков? Что это еще за хрень?

- Скоро узнаешь. То, что ты сделал сегодня...

- Заткнись, - Эцио крепче стиснул руку врага и переместился ближе к костру, чтобы оглядеться по сторонам. Он увидел, что находится в куполообразной комнате, которую, возможно, выдолбили под землей намеренно. Обстановка была скудной - два стула, грубый стол с какими-то бумагами, прижатыми камнем.

- Мои братья скоро вернутся, и тогда...

Эцио подтащил его к столу и, указывая мечом на бумаги, спросил:

- А это? Что это такое?

Мужчина посмотрел на него и сплюнул. Эцио приблизил клинок к окровавленному обрубку.

- Нет! - Завопил волколюд. - Только не снова!

- Тогда говори!

Эцио бросил взгляд на бумаги. Когда придет время их забрать, ему придется на краткий миг отложить меч. Кое-что из написанного было на итальянском, кое-что на латыни, но

встречались и незнакомые символы. В них было что-то знакомое, но расшифровать их Эцио не мог.

Потом он услышал шорох, доносившийся от входа. Глаза волколюда сверкнули.

- Это наша тайна, - произнес он.

В этот самый момент в комнату, рыча и царапая воздух стальными когтями, заскочили ещё двое существ. Тот, кого держал Эцио, рванул к ним, но ассасин успел перерезать ему горло. Отрезанная голова покатилась к его товарищам. Эцио перепрыгнул на другую сторону стола, схватил документы и швырнул стол во врагов.

Костер потух. Нужно было вновь помешать угли, добавить дров. Глаза Эцио напряженно высматривали двоих волколюдов. Они напоминали две серые тени. Эцио отступил в темноту, спрятал документы под рубашку и притаился.

Возможно, волколюды обладали безумной силой, но они не умели с ней обращаться (если не считать умения пугать людей до смерти). Поэтому они не смогли сохранять тишину и двигаться молча. Больше полагаясь на уши, чем на глаза, Эцио обошел их по кругу, прижимаясь к стенам, пока не понял, что стоит за их спинами. Волколюды по-прежнему считали, что он находится в темноте перед ними.

Больше нельзя было терять время. Ассасин вложил меч в ножны, обнажил скрытый клинок, а потом, словно настоящий волк, приблизился со спины к одному из противников. Схватить его, и перерезать глотку было делом нескольких секунд. Волколюд умер мгновенно и бесшумно, Эцио, сохраняя тишину, опустил тело на пол. Эцио решил попытаться взять одного живым, но времени для допроса не оставалось. В темноте могли скрываться другие, а Эцио не был достаточно уверен, что его сил хватит на еще один бой. Ассасин ощущал панику человека, и это чувство подтвердилось, когда волколюд вышел из образа волка и с тревогой в голосе позвал в темноту: «Сандро?»

Этот вопрос выдал его местонахождение. Эцио уже собирался подойти к цели и в очередной раз перерезать горло, когда волколюд обернулся, безумно молотя когтистыми руками перед собой. Он мог видеть Эцио во мраке, но ассасин помнил, что под их маскарадными костюмами нет никакой брони. Он убрал скрытый клинок и вонзил большой тонкий кинжал с зазубренными кромками на лезвии в грудь врага. В открытой ране были видны сердце и легкие, а потом последний волколюд рухнул лицом вперед, в костер. Запах жженных волос и горелой плоти чуть не вывернул Эцио наизнанку, но он отпрыгнул подальше и, борясь с подступающей паникой, так быстро, как только мог, направился к свежему ночному воздуху.

Волколюды не тронули лошадь. Возможно, они были слишком уверены в том, что им удастся его захватить, потому и не стали тратить время на то, чтобы убить лошадь или прогнать ее. Он отвязал животное и понял - его трясет так, что он вряд ли сможет ехать верхом. Поэтому он взял поводья и пошел обратно к термам Диоклетиана. Уж лучше бы Макиавелли был там, и уж лучше бы он, Эцио, был хорошо вооружен. Бога ради, если бы у него все еще был пистолет из Кодекса! Или хотя бы одна из пушек, которые Леонардо сконструировал для своего нового хозяина. Но Эцио был доволен, осознавая, что он по-прежнему может сражаться и побеждать, используя лишь свой ум и опыт - две вещи, которых его никто не мог лишить. По крайней мере, до тех пор, пока его не поймают и не запытают до смерти.

На обратном пути он не терял бдительности ни на мгновение. Он обнаружил, что шарахается от каждой тени - этого не случилось бы с ним, будь он моложе. Мысли о безопасном пути назад, к термам, не принесли успокоения. Что, если там его ждет еще одна засада? Что, если эти создания застали врасплох Макиавелли? Знал ли сам Макиавелли о Секте Волков?

Кому теперь предан Макиавелли?

Он дошел до сумрачных, огромных развалин - памятника прошлому веку, когда Италия правила миром, в безопасности и покое. Сперва он не увидел никаких признаков жизни. Макиавелли сам вышел из-за оливкового дерева и спокойно его поприветствовал:

- Ты опоздал.

- Я приехал раньше тебя. Но меня... отвлекли.

- О чем ты?

- О шутниках в маскарадных костюмах. Знакомо?

Глаза Макиавелли проницательно блеснули.

- Одеты как волки?

- Ты знаешь о них.

- Да.

- И почему же предложил встретиться здесь?

- Ты думаешь, что я..?

- А что мне еще думать?

- Дорогой Эцио, - Макиавелли шагнул вперед. - Уверяю тебя, святостью Кредо, что я понятия не имел о том, что они тоже будут здесь. - Он помолчал. - Но ты прав. Я хотел встретиться в месте, где не будет людей, не осознавая, что они тоже могут выбрать это место.

- Особенно, если их предупредили.

- Ставишь под сомнение мою честь..?

Эцио нетерпеливо отмахнулся.

- Хватит, - проговорил он. - Нам еще много предстоит сделать вместе, не будем ссориться. По правде говоря, Эцио знал, что в данный момент он должен доверять Макиавелли. До сих пор у него не было причин, чтобы усомниться в нём. Но в будущем он, Эцио, не будет открывать свои карты столь поспешно. - Кто они? Или что они?

- Секта Волков. Иногда они называют себя Последователями Ромула.

- Может нам стоит убраться отсюда? Я захватил их бумаги, эти твари могут попытаться забрать их обратно.

- Сперва скажи, удалось ли тебе добыть письмо, и что еще с тобой случилось? Ты выглядишь так, словно поучаствовал в нескольких битвах, - сказал Макиавелли.

Когда Эцио рассказал ему обо всем, его друг улыбнулся.

- Я сомневаюсь, что они вернутся сегодня. Мы оба опытные и хорошо вооруженные бойцы. Похоже, ты здорово их потрепал. И это взбесит Чезаре. Видишь ли, хоть у нас пока еще немного доказательств, мы считаем, что они на службе у Борджиа. Это группа ложных язычников, которые уже несколько месяцев наводят на город ужас.

- Почему они это делают?

Макиавелли развел руками.

- Политика. Пропаганда. Надежда, что люди попросят о защите Папу, и, в свою очередь, поклянутся ему в преданности.

- Весьма удобно. Но, может, все-таки покинем это место? - Эцио неожиданно и с удивлением ощутил страшную усталость. У него болела душа.

- Они не вернутся сегодня. Я не умаляю твое мужество, Эцио, но волколюды не бойцы, и тем более не убийцы. Борджиа используют их как доверенных посредников. Но их основная работа состоит в том, чтобы пугать людей. Это бедные, введенные в заблуждение люди, которым Борджиа «промыли мозги», дабы те работали на них. Они считают, что новые хозяева помогут им заново отстроить Рим. Таким, каков он был при основателях, Ромуле и Реме. Их, младенцами, вскормила волчица.

- Я помню легенду.

- Для волколюдов это не легенда. Но они - опасное оружие в руках Борджиа. - Он немного помолчал. - Теперь, письмо! И те бумаги, что ты захватил из их логова. Кстати, ты правильно поступил.

- Если, конечно, они полезны.

- Посмотрим. Дай мне письмо.

- Держи.

Макиавелли поспешно сломал печать и развернул пергамент.

- Черт, - пробормотал он. - Зашифровано.
 - О чем ты?
 - Кое-кто уверял меня, что это будет обычный текст. Виницио был одним из моих агентов у Борджиа. Он сказал, что уверен в этом. Глупец! Они передают зашифрованную информацию. Не зная кода, мы ничего не поймем.
 - Может бумаги, которые я принес, помогут?
- Макиавелли улыбнулся.
- Иногда, Эцио, я благодарю Бога, что мы с тобой на одной стороне. Давай посмотрим!
- Он быстро пролистал бумаги, которые захватил Эцио, и его нахмуренное лицо просветлело.
- Ну, как, удачно?
 - Думаю... возможно... - он прочитал еще что-то, на лбу появились морщины. - Да! Ради Бога, да! Думаю, это оно! - Он хлопнул Эцио по плечу и рассмеялся.
- Эцио тоже засмеялся.
- Вот видишь? Порой логика - не единственный способ выиграть войну. Удача тоже играет свою роль. Пошли! Ты говорил, что в городе у нас есть союзники. Пошли! Покажешь их мне!
 - Следуй за мной!

ГЛАВА 15

как же лошадь? - спросил Эцио.

- Оставь её. Она сама вернется в конюшню.

- Я её не брошу.

- Тебе придется. Мы возвращаемся в город. Если мы отпустим её там, они поймут, что ты вернулся. Если же лошадь найдут здесь, то подумают, что ты бродишь где-то поблизости, и поиски уйдут в

другую сторону.

Эцио неохотно поступил так, как сказал Макиавелли. Потом они подошли к спрятанной в руинах лестнице, уводящей вниз. В шаге от них горел факел. Макиавелли взял его.

- Где мы? - удивился Эцио.

- Ступени ведут к древним подземным тоннелям, пересекающим город. Их обнаружил твой отец, и до сих пор эти тоннели оставались тайной ассасинов. Мы пользуемся этой дорогой, чтобы избежать встреч со стражниками, которые нас разыскивают. Будь уверен - сбежавший волколюд поднимет тревогу. Тоннель достаточно большой - в древние времена он использовался для проведения под городом войск - и сложен на совесть, как тогда и делали. Но многие выходы в город обвалились, и тоннели оказались заблокированы. Нам придется тщательно выбирать дорогу. Держись поближе - если ты здесь заблудишься, то погибнешь.

Два часа они плутали по лабиринту, казавшемуся бесконечным. Эцио видел другие тоннели, уводившие в обе стороны, обвалившиеся проходы, странные изображения древних богов над арками. Иногда встречались лестницы, уводившие вверх, другие - шли в темноту, на третьих (их было около десятка) мерцал свет. Наконец-то, Макиавелли, который всю дорогу шел быстрым шагом, но придерживался одного темпа, остановился у одного из таких пролетов.

- Пришли, - сообщил он. - Я пойду первым. Почти рассвело. Мы должны быть осторожными. - Он скрылся на лестнице.

Казалось, прошла целая вечность, Эцио даже подумал, что его бросили, когда, наконец, расслышал шепот Макиавелли: «Все чисто!»

Не смотря на усталость, он взбежал по ступенькам, радуясь возможности снова оказаться на свежем воздухе. Тоннелей и пещер ему хватило на всю оставшуюся жизнь.

Лестница выходила к большому люку, открывавшемуся в огромный зал, настолько большой, что он вполне мог оказаться складом.

- Где мы?

- На острове посреди Тибра. Много лет назад его использовали как склад. Теперь сюда никто не приходит, кроме нас.

- Нас?

- Братства. Если хочешь, можешь считать это нашим убежищем в Риме.

Крупный, самоуверенно выглядящий молодой человек, сидевший за столом, на котором лежали бумаги и остатки еды, поднялся со стула и поспешил им навстречу.

- Никколо! Хорошо, что ты пришел! - Он повернулся к Эцио. - А ты, должно быть, знаменитый Эцио! Добро пожаловать! - Он схватил руку Эцио и крепко пожал. - Фабио Орсини, к твоим услугам. Я слышал о тебе от своего кузена - и твоего старого друга - Бартоломео д'Альвиано.

Эцио улыбнулся, услышав имя.

- Он прекрасный воин.

- Именно Фабио разыскал это место, - вставил Макиавелли.

- Здесь есть все удобства, - проговорил Фабио. - А если смотреть снаружи, то за зарослями плюща (и ещё непонятно каких растений) ничего не разглядишь!

- Хорошо, что ты на нашей стороне.

- Борджиа причинили много зла моей семье, так что теперь моя цель - отомстить им и вернуть свое наследие. - Он с сомнением посмотрел вокруг. - Конечно, это место после замка в Тоскане может показаться вам несколько потрепанным.

- Сойдет.

Фабио улыбнулся.

- Отлично. Ну, теперь, когда вы добрались, я прошу извинить меня - мне придется вас немедленно покинуть.

- Куда ты собрался? - спросил Макиавелли.

Лицо Фабио стало более серьезным.

- Я уезжаю, чтобы начать подготовку к компании в Романье. На сегодняшний день Чезаре держит под контролем мои владения и мой народ, но, надеюсь, скоро мы обретем свободу.

- Удачи!

- Спасибо!

- До встречи!

- Увидимся!

На этой дружественной волне Фабио и удалился.

Макиавелли освободил на столе место и положил туда зашифрованные письма и бумаги с кодом, отнятые у волколудов.

- Мне нужно заняться этим, - произнес он. - Ты, наверное, устал. Вот там есть еда, вино и свежая, чистая римская вода. Отдохни, пока я буду работать. Нам ещё многое предстоит сделать.

- Фабио - это тот самый союзник, о котором ты упоминал?

- Верно. Есть и другие. Один из них - очень важен.

- Это союзник? Или союзница? - Спросил Эцио, думая (и злясь за это на самого себя) о Катерине Сфорца. Он не мог выкинуть её из своих мыслей. Она все ещё оставалась в плену у Борджиа. Для него было очень важно освободить её. Но не играла ли она с ним? Он никак не мог избавиться от сомнений, пустивших корни в его душе. Она была свободолюбивой. И не принадлежала ему. Ему вовсе не льстила мысль о том, что он мог оказаться дураком. Он не хотел, чтобы его использовали.

Макиавелли замаялся, как будто считая, что и так сказал слишком много, но потом все-таки ответил:

- Это кардинал Джулиано делла Ровере. Он тоже претендовал на пост Папы, но проиграл. Но он всё ещё остается влиятельным человеком с могущественными друзьями. У него есть потенциально сильные связи с Францией, но он выжидает. Ему известно, что король Людовик использует Чезаре, пока тот ему нужен. Он ненавидит Борджиа всей душой. Знаешь, скольких испанцев Борджиа поставили на влиятельные посты в правительстве? Пока они управляют Италией, мы в большой опасности.

- Тогда он нам нужен. Когда я смогу с ним встретиться?

- Время ещё не пришло. Перекуси, пока я работаю.

Эцио был рад отдохнуть часок, но обнаружил, что ни еда, ни вино не лезут в него. Зато он с удовольствием выпил воды и поковырялся в жареной куриной ножке, наблюдая, как Макиавелли зарылся в бумаги.

- Ну, как? - Поинтересовался он.

- Шшш!

Солнце уже достигло башен у церкви Рима, когда Макиавелли отложил перо и протянул Эцио пачку исписанных листов.

- Готово.

Эцио не шевельнулся.

- Это распоряжение для волколудов, - продолжил Макиавелли. - В нём говорится, что Борджиа заплатят им как обычно, и даны указания по нападениям. Они должны были провести диверсии в разных частях города, которые Борджиа ещё не окончательно взяли

под контроль. Нападения приурочены к «случайным» появлением священника Борджиа, который, используя власть Церкви, «изгонит» волколудов.

- Что ты предлагаешь?

- Если ты не против, Эцио, то мы должны начать планировать атаку на Борджиа. Продолжай то, что ты начал на конюшне.

Но Эцио всё ещё колебался.

- Думаешь, мы готовы к подобной атаке?

- Да.

- Сперва я хотел бы узнать, где держат Катерину Сфорца. Она могущественный союзник. Макиавелли замер в замешательстве.

- Если она в плену, её будут держать в замке Сан-Анжело. Борджиа превратили его в крепость. - Он помолчал. - Жаль, что Яблоко у них. Эцио... как ты мог это допустить?

- Тебя не было в Монтериджони. - Теперь настала очередь Эцио сердито замолчать. – Нам действительно известно о действиях наших врагов? Здесь есть хотя бы подполье, с которым можно сотрудничать?

- Вряд ли. Большинство наших наемников, как Фабио, борются с силами Чезаре. А его всё ещё поддерживают французы.

Эцио вспомнил французского генерала, которого видел в Монтериджони - Октавиана.

- И что мы имеем?

- У нас есть один надежный источник. В борделе работают девушки. Высококласные шлюхи, которых часто посещают кардиналы и другие влиятельные римляне, но и здесь есть загвоздка. *Мадам* крайне ленива и, кажется, больше заботится о собственном удовольствии, чем о сборе информации для нас.

- А как же воры? - Спросил Эцио, вспомнив ловкого воришку, который едва не оставил его без денег.

- Они отказываются говорить с нами.

- Почему?

Макиавелли пожал плечами.

- Понятия не имею.

Эцио встал.

- Тогда лучше подскажи, как выбраться отсюда.

- Куда ты?

- Заводить новых друзей.

- Каких еще друзей?

- Думаю, на этот раз тебе лучше предоставить это мне.

ГЛАВА 16

огда Эцио нашел в Риме штаб-квартиру Гильдии воров, на город опустилась ночь. Закончился еще один долгий день. Эцио незаметно расспрашивал по тавернам, в ответ получая подозрительные взгляды и ответы, вводившие его в заблуждение, и, наконец, окружным путем, выяснил местонахождение Гильдии. Мальчишка-оборванец провел его по лабиринту переулков в полуразрушенный район и оставил у какой-то двери, мгновенно исчезнув из виду.

Посмотреть было решительно не на что: большой, разбитый постоялый двор. На знаке, криво висевшем у входа, была изображена лиса, то ли спящая, то ли мертвая. На окнах висели сломанные ставни, явно нуждающиеся в покраске. Это был тот самый постоялый двор «Спящая лиса», в котором они с Марио были всего неделю назад.

Дверь в постоялый двор была закрыта, что было необычно. Эцио постучал. Бесполезно.

Потом у него из-за спины раздался тихий голос, удививший Эцио. Ассасин повернулся. На него это было непохоже - раньше он никому не позволял приблизиться к нему бесшумно со спины. Нужно будет убедиться, что такое не повторится вновь.

К счастью, голос был дружелюбным.

- Эцио!

Говоривший вышел из-за дерева, за которым прятался, и Эцио немедленно узнал его. Его старый союзник, Гильберто – Ла Вольпе, - который руководил ворами во Флоренции и некоторое время назад работал в союзе с ассасинами.

- Ла Вольпе! Почему ты здесь?

Гильберто усмехнулся, когда они обнялись.

- Ты имеешь в виду, почему я не во Флоренции? На этот вопрос легко ответить. Глава Гильдии умер, и они выбрали меня. Я ощутил, как дует ветер перемен, а мой старый помощник, Коррадин, решил вернуться домой. Однако, - он заговорщически понизил голос, - как раз в тот момент Рим бросил мне... вызов, скажем так.

- Это вполне достойная причина. Мы войдем?

- Конечно.

Ла Вольпе сам постучал в дверь - очевидно, кодовым стуком, потому что дверь открылась почти незамедлительно. За ней обнаружился просторный внутренний двор, заставленный столами и лавками, как и ожидалось от постоялого двора, но всё было очень грязным. Дюжина мужчин и женщин металась туда-сюда через дверь, ведущую в сам постоялый двор.

- Выглядит не очень, да? - Поинтересовался Ла Вольпе, усаживаясь на лавку и подзывая девушку, чтобы налила вина.

- Ну... да.

- Этого мы и добивались. У меня есть кое-какие планы. Но что привело сюда тебя? – Ла Вольпе поднял руку. - погоди! Не говори. Думаю, мне известен ответ.

- Как обычно.

- Ты хочешь нанять моих воров в качестве своих шпионов.

- Именно! - Эцио нетерпеливо перегнуллся через стол. - Ты присоединишься ко мне?

Ла Вольпе поднял бокал в безмолвном тосте и отпил вина, прежде чем категорически отрезал:

- Нет.

Эцио опешил.

- Что? Но почему?

- Потому что это будет на руку Никколо Макиавелли. Нет уж, спасибо. Он предал Братство.

Это заявление почти не удивило Эцио, хотя он сильно сомневался в его истинности.

- Это очень серьезное обвинение, особенно из уст вора, - проговорил ассасин. - У тебя есть доказательства?

Ла Вольпе смерил его кислым взглядом.

- Как ты знаешь, он был послом к Папскому двору, и прибыл в Рим как личный гость Чезаре.

- Он делал это по нашему поручению!

- Да? Тогда буду рад напомнить, как он оставил тебя перед самой атакой на Монтериджони.

Эцио с отвращением поморщился.

- Чистая случайность! Послушай, Гильберто, может Макиавелли не всем нравится, но он ассасин, и он не предатель.

Ла Вольпе упрямо посмотрел на него.

- Я в этом не уверен.

В этот момент в их разговор вмешался вор, в котором Эцио узнал парня, срезавшего его кошелек. Он подошел и что-то шепнул на ухо Ла Вольпе. Глава воров встал, парень ушел. Эцио, почуяв беду, тоже поднялся.

- Прошу прощения за поведение Бенито несколько дней назад, - проговорил Ла Вольпе. - Тогда он не знал, кто ты. Он просто увидел, что ты ехал с Макиавелли.

- К черту Бенито! Что случилось?

- Бенито принес весть, что Макиавелли встречается с кем-то в Трастевере. Я собираюсь разузнать, что происходит. Составишь компанию?

- Пойдем.

- Мы воспользуемся старым маршрутом - по крышам. Здесь это несколько сложнее, чем во Флоренции. Уверен, что справишься?

- Пойдем уже!

Это оказалось сложно. Крыши в Риме находились друг от друга дальше, чем во Флоренции, и большинство из них было разрушено, поэтому сложно было найти опору. Не раз на землю из-под ног Эцио обрушивались плитки черепицы. На улицах были люди, но ассасин и вор бежали слишком быстро. Стражники Борджиа реагировали на их появление, только когда они уже скрывались из виду. Наконец, они добрались до рыночной площади. Все лавки на ней были закрыты, за исключением пары ярко освещенных винных палаток, у которых толпились люди. Эцио и Ла Вольпе замерли на крыше и спрятались за дымовыми трубами, осматриваясь.

Вскоре на площади появился Макиавелли. Он шел, подозрительно оглядываясь. Эцио разглядел, как другой мужчина, одетый в плащ со знаменем Борджиа на спине, подошел к Макиавелли и осторожно передал ему что-то, похожее на записку, а потом, не задерживаясь, зашагал дальше. Макиавелли тоже пошел прочь от площади.

- Ну, что скажешь? - спросил у Эцио Ла Вольпе.

- Я пойду за Макиавелли, ты - за тем парнем, - сухо отозвался Эцио.

Но в этот момент у одной из винных палаток вспыхнула драка. До них донеслись разгневанные крики, в свете факелов блеснуло оружие.

- Чёрт! Там мои люди. Они сцепились с людьми Борджиа! - Крикнул Ла Вольпе.

Эцио увидел спину Макиавелли, удаляющуюся по улице, ведущей к Тибру, а потом ассасин и вовсе скрылся из виду. Догонять его было поздно. Эцио снова обратил внимание на драку. На земле распростерся охранник Борджиа.

Большинство воров разбежались, влезли по стенам на безопасные крыши, но один остался внизу. Юноша, почти ребенок, стонал, лежа на земле и зажимая кровь, текущую из раны на руке.

- Помогите! На помощь! Моего сына ранили! - Раздался тоскливый голос.

- Я узнаю его, - скривившись, проговорил Лис. - Это Трималькио. - Он внимательно посмотрел на раненого вора. - А это - Клаудио, его младший сын.

На обе стороны от рынка, на парапетах двух крыш, появились солдаты Борджиа с ружьями в руках. Прицелились.

- Они собираются стрелять! - Воскликнул Эцио.

- Действуем быстро! Я беру на себя группу слева, ты - справа!

На каждой стороне от рынка было по три стражника. Двигаясь незаметно, как тени, и быстро, словно пантеры, Эцио и Ла Вольпе побежали каждый по своей стороне. Эцио увидел, как трое солдат подняли оружие, целясь в лежащего мальчишку. Ассасин кинулся по крыше - казалось, его ноги почти не касались черепицы - и одним огромным прыжком бросился на трех вооруженных мужчин. Высота оказалось достаточно большой, чтобы Эцио удалось впечатать в крышу среднего из солдат, попав тому пяткой по шее. Эцио приземлился, присел, амортизируя толчок, и почти сразу встал и ударил руками по обе стороны от себя. Двое оставшихся солдат упали. Левому в правый глаз вошло лезвие кинжала, застрявшее в черепе. Другому - вонзился в ухо скрытый клинок, темная вязкая кровь потекла на шею. Эцио поднял взгляд и увидел, что Ла Вольпе так же эффективно расправился со своими противниками. Через минуту все солдаты, державшие огнестрельное оружие, были мертвы. Но на площадь уже спешили алебардчики, которые опустив оружие, бросились к несчастному Клаудио. Люди у винных лавок отшатнулись.

- Клаудио! Убирайся! - Заорал Ла Вольпе.

- Я не могу! Мне больно...

- Держись! - Крикнул Эцио, бывший немного ближе к мальчишке. - Я иду!

Он спрыгнул с крыши на тент над одним из прилавков, тот сломался под его тяжестью. Эцио, не теряя времени, бросился к мальчишке. Быстро ощупал рану. Выглядела она куда серьезнее, чем была на самом деле.

- Вставай, - приказал он.

- Не могу! - Клаудио явно ударился в панику. - Они убьют меня!

- Послушай, ты можешь идти, так ведь? - Мальчишка кивнул. - Когда мы отойдем подальше, ты сможешь убежать. Будь внимателен. Иди за мной. Делай то же, что и я. Мы должны скрыться от стражи.

Эцио помог парню встать и пошел к ближайшей винной палатке. Он быстро растворился в толпе нервных алкоголиков и с удивлением увидел, что Клаудио оказался способным учеником и сделал то же самое. Они с легкостью пробрались через толпу к ближайшей стене, пока алебардчики пытались пробиться через толпу силой. Скоро ассасин и вор свернули на переулок, ведущий от площади. Там их уже ждали Ла Вольпе и Трималькио.

- Мы догадывались, что ты пойдешь этим путем, - проговорил Ла Вольпе, пока отец обнимал сына. - Идите! - Приказал он вора. - Мы не должны терять время! Возвращайтесь в штаб-квартиру, Терезина перевяжет твою рану. Ступайте!

- И некоторое время старайся не высовываться, понял? - Добавил Эцио, обращаясь к Клаудио.

- Большое спасибо, мессер, - сказал Трималькио, уходя. Он обнял мальчика, направляя его, и строго проговорил: - Бежим!

- Теперь у тебя будут неприятности, - сообщил Ла Вольпе, когда они дошли до тихой площади. - Особенно после этого. Я уже видел плакаты с твоим изображением, после того, что ты натворил в конюшне.

- А Макиавелли?

Ла Вольпе покачал головой.

- Нет. Но вполне возможно, что они его плохо разглядели. Мало кто знает, насколько хорошо он обращается с мечом.

- Но ты ему всё равно не веришь.

Ла Вольпе снова покачал головой.

- А как быть с этими плакатами?

- Не волнуйся. Мои люди уже сорвали их.

- Рад, что некоторые из них дисциплинированы настолько, чтобы не начинать бой с людьми Борджиа без веской причины.

- Послушай, Эцио... Если ты ещё не заметил, город трясет от напряжения.

- Правда? - Эцио еще не успел рассказать другу о схватке с волколлюдом.

- Глашатаев же можно подкупить парой дукатов, - продолжил Ла Вольпе.
- Или... Я мог бы ликвидировать свидетелей.
- Верно, - более жизнерадостным тоном заметил Ла Вольпе. - Ты умеешь «исчезать». Но будь осторожен, Эцио. У Борджиа множество врагов, но ни один не раздражает их сильнее, чем ты. Они не успокоятся, пока не вздернут тебя на виселице в замке Сан-Анжело.
- Сперва им придется меня поймать.
- Держись настороже.
Окружным путем они вернулись в Гильдию Воров, куда уже успешно добрались Клаудио и его отец. Терезина перевязала рану. Как только кровотечение удалось остановить, оказалось, что это просто глубокий порез, чертовски болезненный, но не опасный. Клаудио значительно повеселел.
- Что за ночка, - устало вздохнул Ла Вольпе. Перед ними стояли стаканы с треббиано и тарелка с жестким копченым мясом.
- Да уж. Нам удалось сделать не очень-то много.
- Пока продолжается битва с Борджиа, на большее не стоит рассчитывать.
- Послушай, Гильберто, - сказал Эцио. - Я знаю, что мы видели, но уверен, что ты не должен бояться Макиавелли. Ты же знаешь его методы.
Ла Вольпе посмотрел на него спокойным взглядом.
- Да. Он очень хитер. - Он помолчал. - Я не поблагодарил тебя за спасение Клаудио. Если ты считаешь, что Макиавелли верен Братству, то я поверю тебе на слово.
- Так что на счет воров? Вы мне поможете?
- Я уже говорил, что планирую кое-что сделать с этим местом, - задумчиво проговорил Ла Вольпе. - Теперь, когда ты и я снова работаем вместе, я бы хотел узнать, что ты об этом думаешь.
- А мы работаем вместе?
Ла Вольпе улыбнулся.
- Похоже на то. Но я по-прежнему не буду спускать глаз с твоего друга.
- Если это не навредит делу. Только не делай ничего безрассудного.
Ла Вольпе пропустил его слова мимо ушей.
- Скажи... как думаешь, что мы должны сделать с этим местом?
Эцио задумался.
- Мы должны любой ценой убедиться, что Борджиа ничего не заподозрят. Возможно, стоит превратить это место в настоящую, работающую таверну.
- Отличная идея!
- Потребуется много сил - всё покрасить, заново покрыть крышу, сделать новый знак.
- У меня достаточно людей. Под твоим руководством...
- Тогда так и сделаем.
Следующий месяц принес Эцио, занятого ремонтом штаб-квартиры воров, кратковременную передышку. К счастью, ему помогало много желающих. Вору обладали всевозможными навыками, в их числе было много торговцев, оставивших работу после отказа пресмыкаться перед Борджиа. Через месяц постоянный двор преобразился. Стены были покрашены, окна вымыты, ставни заменены на новые. Крыша больше не ходила ходуном, а на знаке постоянного двора теперь изображался именно спящая лиса, а вовсе не дохлая, как казалось ранее. Выглядела лиса так, словно вот-вот проснется и стащит из курятника не меньше пятидесяти куриц за раз. Двойную дверь перевесили на новые петли, и теперь она открывалась в безукоризненно чистый двор.
Эцио, уезжавший по делу в Сьену в последнюю неделю работ, был в восторге, увидев конечный результат, когда вернулся. Постоянный двор уже работал полным ходом.
- Я сохранил название, - сообщил Ла Вольпе. - Оно мне нравится. «Спящая лиса». Только не спрашивай, почему.

- Надеюсь, оно усыпит бдительность врага, и он поверит в ложную безопасность, - усмехнулся Эцио.

- По крайней мере, эта деятельность не привлечет к нам ненужного внимания. Это всего лишь обычный постоялый двор. У нас тут играют на деньги. Это моя идея. Она приносит большой доход, ведь у нас стражники Борджиа, которые теперь нам покровительствуют, всегда проигрывают!

- А где..? - Эцио понизил голос.

- А. Сюда.

Лис прошел в западное крыло таверны и вошел в дверь с надписью «Служебное помещение», у которой стояли на страже двое воров.

Они прошли по коридору, ведущему к анфиладе комнат за тяжелыми дверями. Стены были увешаны картами Рима, столы и стулья были завалены аккуратно сложенными бумагами, над которыми уже работали люди, хотя ещё только-только рассвело.

- Здесь разворачивается наша основная работа, - сказал Ла Вольпе.

- Выглядит неплохо.

- У воров есть, по крайней мере, одна хорошая черта, - вздохнул Ла Вольпе. - Они умеют мыслить независимо, и любят конкурировать даже друг с другом.

- Я запомню.

- Ты, наверное, мог бы их научить паре вещей.

- Обязательно.

- Тебе небезопасно оставаться тут надолго, - проговорил Ла Вольпе: - И для тебя, и для нас. Но я не против, если ты будешь заходить сюда. Почаще.

- Хорошо.

Эцио вспомнил о собственном холостяцком жилище - одиноком, но довольно комфортабельном и (что главное) секретном. Он больше нигде не был счастлив. Эцио заставил себя вернуться к делам.

- Теперь, когда мы подготовились, самое главное - выяснить, где Яблоко. Мы должны его вернуть.

- Хорошо.

- Мы знаем, что оно у Борджиа, но, не смотря на все наши усилия, мы не в состоянии выяснить, где оно. По крайней мере, пока что они его ещё не использовали. Я могу только предположить, что они до сих пор изучают его, и пока что все их усилия тщетны.

- А если им потребуется совет... эксперта?

- Уверен, они его получают. Но он может сделать вид, что вовсе не так умен, как кажется. Будем надеяться, так и будет. И что у Борджиа хватит терпения.

Ла Вольпе улыбнулся.

- Не буду тебя больше допрашивать. И будь уверен, у нас уже есть люди, прочесывающие Рим в поисках этой штуки.

- Они хорошо его спрятали. Очень хорошо. Возможно, даже друг от друга. Юный Чезаре - мятежник по натуре, и его отцу это не очень нравится.

- Кто кроме воров сможет выяснить всё про хорошо спрятанные ценности?

- Верно. А теперь мне пора.

- По стаканчику на дорожку?

- Нет. У меня ещё много дел. Но мы увидимся в ближайшее время.

- Куда мне отсылать отчеты?

Эцио подумал и сказал:

- В Братство ассасинов - на остров Тиберина!

ГЛАВА 17

осле этого Эцио решил, что пришло время разыскать своего старого друга Бартоломео д'Альвиано, кузена Фабио Орсини. Братья плечом к плечу сражались против папских войск в 1496 году, но не так давно Бартоломео вернулся в Рим с наемной службы в Испании.

Бартоломео был одним из величайших наемников и старым товарищем Эцио по оружию. И, не смотря на некоторую неуклюжесть и склонность поддаваться приступам гнева или депрессии, он оставался человеком невероятной верности и чести. Именно эти качества сделали его одним из важнейших членов Братства, - они и его непримиримая ненависть к секте Тамплиеров.

Но как Эцио мог отыскать его в Риме? Впрочем, он вскоре понял, как. Эцио выяснил, что Бартоломео недавно вернулся из боя и теперь находился в казармах собственной армии, на окраине Рима. Казармы размещались за пределами города, в сельской местности на северо-востоке. Недалеко от них возвышалась укрепленная сторожевая башня Борджиа, - подобные ей были разбросаны по всему городу и его окрестностям. Но Борджиа прекрасно знали, что связываться с Бартоломео не стоит, по крайней мере, до тех пор, пока они не наберут достаточно сил, чтобы раздавить его, как таракана, коим он, по их мнению, и являлся. И силы эти, как было хорошо известно Эцио, росли с каждым днем.

Он прибыл в казармы вскоре после обеда. Солнце уже достигло своего пика, день выдался ужасно жарким, но духоту смягчал западный ветерок. Эцио подошел к массивным воротам в частоколе, окружавшем бараки, и постучал кулаком.

Смотровое окошко открылось. Потом раздался радостный, низкий баритон, кто-то отодвинул задвижки, и, наконец, дверь распахнулась. За ней стоял крупный мужчина, чуть моложе Эцио. На нем была грубая армейская форма, выглядящая попроще, чем обычно. Мужчина раскинул руки.

- Эцио Аудиторе! Ты старый сукин сын! Входи! Входи! Если ты не сделаешь этого, я убью тебя!

- Бартоломео!

Двое друзей крепко обнялись, а потом пошли по площадке у барачных в сторону комнат Бартоломео.

- Идем! Идем! - С обычным рвением воскликнул Бартоломео. - Я хочу кое с кем тебя познакомиться.

Они вошли в хорошо освещенную, длинную комнату с низким потолком. Огромные окна выходили на внутреннюю площадку. Просторная комната одновременно служила и столовой, и жилой комнатой. Но было к ней кое-что, совсем не походившее на Бартоломео. Чистые шторы на окнах. Вышитая скатерть на столе, с которого уже были убраны все объедки. Картины на стенах. И даже книжный шкаф. Бьянки, любимого двуручного меча Бартоломео, нигде не было видно. В общем, комната была просто потрясающе чистой.

- Подожди здесь, - велел Бартоломео, щелчком пальцев приказав дежурному принести вина. Капитан явно был очень взволнован. - Ты даже не догадаешься, с кем я хочу тебя познакомиться!

Эцио снова осмотрел комнату.

- Ну, с Бьянкой я уже знаком...

Бартоломео нетерпеливо отмахнулся.

- Нет, нет! Сейчас она обитает в кабинете. Попробуй угадать ещё раз!

- Ну, - лукаво произнес Эцио, - может, это твоя жена?

Бартоломео выглядел таким унылым, что Эцио почти пожалел, что так быстро угадал ответ. Хотя, на самом деле, это было не так уж сложно. Но громила быстро повеселел и продолжил:

- Она просто сокровище. Ты не поверишь!

Он развернулся в сторону внутренних комнат и заорал: «Пантасилея! Пантасилея!». Пришел дежурный, принесший на подносе сладости, графин и бокалы. «Где же она?» - спросил у него Бартоломео.

- Ты под столом смотрел? - Подколол Эцио.

И тут по лестнице, идущей вдоль западной стены комнаты, спустилась сама Пантасилея.

- Вот она!

Эцио встал, чтобы поприветствовать её, поклонился.

- Эцио Аудиторе.

- Пантасилея Бальони. Теперь Бальони-д'Альвиано.

Насколько мог судить Эцио, она была молода, ближе к тридцати. Судя по её имени, она была из благородной семьи. Одета она хоть и скромно, но довольно мило и со вкусом. Лицо, обрамленное тонкими светлыми волосами, овальной формы, кончик носа немного вздернут вверх, губы полноватые. Она явно обладала чувством юмора. В глубоких темно-карих глазах был ум, и когда она смотрела на тебя, взгляд был дружелюбным, но в то же время казалось, что она что-то скрывает. Девушка была высокой, но доставала лишь до плеча Бартоломео, и стройной, с довольно широкими плечами и узкими бедрами. Руки были длинными и тонкими, а ноги стройными. Бартоломео действительно отыскал сокровище. Эцио надеялся, что друг в состоянии будет удержать её.

- Приятно познакомиться, - проговорила Пантасилея.

- Взаимно.

Она перевела взгляд с одного на другого.

- Надеюсь, у нас еще будет время познакомиться, - сказала она Эцио, давая понять, что она не оставляет мужчин разбираться с их делами, а удаляется, чтобы заняться собственными.

- Останься ненадолго, моё сокровище.

- Нет, Барто, ты же знаешь, я должна найти клерка. Он всегда умудряется испортить отчёты. К тому же с водоснабжением что-то не так. Я должна разобраться с этим, - и добавила, обращаясь к Эцио. - Прошу меня извинить.

- Не беспокойтесь.

Они оба улыбнулись, девушка поднялась по лестнице и скрылась во внутренних помещениях.

- Ну, что скажешь? - Спросил Бартоломео.

- Я очарован, правда, - Эцио был искренен. И еще он заметил, что друг был в её присутствии сдержаннее. Он подумал, что вокруг Пантасилеи наверняка почти не было слышно обычной казарменной ругани. И ещё он удивился, что же такого она нашла в своем муже, но потом подумал, что совсем её не знает.

- Мне кажется, она на все ради меня готова.

- Где вы познакомились?

- Я расскажу об этом в другой раз, - Бартоломео одной рукой схватил графин и два стакана, а второй обнял Эцио за плечи. - Я очень рад, что ты зашел. Как ты, должно быть, знаешь, я недавно вернулся из кампании. Я слышал, что ты в Риме и собирался послать людей, чтобы отыскать тебя. Знаю, ты хочешь сохранить свое место жительства в тайне, и не виню тебя - в этом гнезде гадюк иначе нельзя. К счастью, ты меня опередил. И это замечательно, потому что я хотел поговорить с тобой о войне. Пойдем в кабинет.

- Я знаю, что Чезаре в союзе с французами, - кивнул Эцио. - Как идет борьба?

- Хорошо. Кампания, с которой я вернулся, и которая перешла под командование Фабио, как раз их и сдерживает. Я вернулся, чтобы тренировать людей, нам нужны силы.

Эцио обдумал эти слова.

- Кажется, Макиавелли считает, что положение дел куда более... серьезно.

Бартоломео пожал плечами.

- Ты же знаешь Макиавелли. Он...

Его перебил один из сержантов. Рядом с ним стояла Пантасилея. Солдат был в панике, женщина - спокойна.

- Капитан! - Выпалил сержант. - Нам нужна ваша помощь. Борджиа атакуют.

- Что? Я не ожидал, что они нападут так скоро! Прости, Эцио. - Бартоломео крикнул Пантасилея: - Брось мне Бьянку!

Она тут же кинула двуручный меч через всю комнату, Бартоломео подхватил его и выбежал прочь, сразу за сержантом. Эцио хотел последовать их примеру, но Пантасилея удержала его, крепко схватив за руку.

- Подождите! - Попросила она.

- Что?

Она выглядела очень обеспокоенной.

- Эцио. Позвольте, я скажу прямо. Борьба идет не очень хорошо - и здесь, и в Романье. Нас атакуют в двух сторон. На одной стороне Борджиа, на другой - французский генерал Валуа. Но знайте: у Борджиа скверные солдаты. Если нам удастся победить их, мы сможем сосредоточиться на французском фронте. Если бы удалось захватить эту башню, это бы нам помогло. Если бы кто-нибудь смог обойти её...

Эцио склонил голову.

- Думаю, я знаю, как вам помочь. Ваша информация бесценна. Тысячи благодарностей, госпожа д'Альвиано.

Она улыбнулась.

- Это меньшее, что жена может сделать для мужа.

ГЛАВА 18

Борджиа выбрали для неожиданной атаки время сиесты. Людям Бартоломео удалось отбить нападение с помощью мечей и арбалетов. Враг отступил к башне, и Эцио увидел, что в руках у столпившихся на крепостных стенах солдат Чезаре новые ружья, которые они навели на стоявших внизу наемников.

Эцио обогнул сцепившихся в схватке, благополучно избежав столкновения с солдатами Борджиа. Он кружным путем направился к задней части башни. Как он и ожидал, всё внимание защитников было сосредоточено на битве, начавшейся у главных ворот. Он взобрался по наружной стене, легко отыскивая опору на неровных камнях, из которых та была сложена. Люди Бартоломео были вооружены кто арбалетами, кто мушкетами, способными бить на далекое расстояние, но они ничего не могли противопоставить смертельным залпам современных ружей.

Эцио взобрался на самый верх - около сорока футов над землей - меньше, чем за полминуты. Он, напрягая мышцы, подтянулся на парапете, и молча опустил на крышу. Потом бесшумно двинулся к мушкетерам, шаг за шагом всё ближе подбираясь к противнику. Так же безмолвно выхватил кинжал и скрытый клинок. Ассасин подкрался к противникам со спины и неожиданно безумным движением двух клинков избавился от всех четырех охранников. Только после этого стрелки Борджиа осознали, что враг уже среди них. Эцио увидел, как один из стрелков повернулся, заряжая ружье. Он находился в пятнадцати футах, поэтому Эцио просто кинул в него кинжал. Клинок трижды перевернулся в воздухе, а потом с отвратительным звуком вошел промеж глаз противника. Стрелок упал, но при этом успел нажать на курок, - к счастью для Эцио, ствол отклонился. Пуля угодила в стрелка, стоявшего справа, прошла навылет через кадык и попала в плечо солдату, стоявшему позади. Оба солдата Борджиа упали, и противников на крыше башни осталось лишь трое. Ни на секунду не останавливаясь, Эцио прыгнул в сторону и с такой силой врезал кулаком по лицу ближайшего стражника, что тот перевалился через зубцы. Эцио подхватил оружие, которое тот выронил, за дуло, и прикладом ударил по лицу следующего. С ужасающим криком тот последовал за своим товарищем - вниз, с башни. Последний поднял руки, сдаваясь, но было поздно - скрытый клинок Эцио нашел свою цель меж ребер врага.

Эцио подхватил другую винтовку и, перепрыгивая через ступеньки, спустился на этаж ниже. Там было четверо солдат, ведущих стрельбу через узкие бойницы в толстой каменной стене. Эцио нажал на курок, держа приклад у пояса. Дальний из солдат вздрогнул от удара - грудь его разорвало выстрелом. Сделав два шага вперед, Эцио, воспользовавшись винтовкой, как дубинкой (на этот раз он держал её за приклад), ударил другого по коленям. Хрустнуло. Один из оставшихся в живых солдат пришел в себя настолько, что успел выстрелить. Эцио инстинктивно сделал шаг вперед. Он ощутил струю горячего воздуха, когда пуля прошла в дюйме от его щеки и врезалась в стену позади ассасина. Эцио моментально набросился на стрелявшего - солдата отбросило назад, его голова с хрустом врезалась в толстую каменную зубчатую стену. Солдат резко повернулся, сбивая Эцио с ног неожиданным ударом. Он смотрел, как ассасин поднимается с пола, но длилось это недолго - скрытый клинок вошел под нижнюю челюсть солдата.

Тот, кому Эцио перебил колени, пошевелился, пытаясь достать кинжал. Эцио пнул его по голове и повернулся, совершенно спокойный, посмотреть на битву, разворачивающуюся внизу. Нападение перешло в отступление. Без огневой поддержки с башни солдаты Борджиа труслили и убежали, поджав хвосты, оставив башню наемникам.

Эцио по лестнице спустился к главным воротам башни. Он столкнулся с горсткой стражников, оказавших жестокое сопротивление, прежде чем, наконец-то, умерли от его меча, но больше никого в башне не осталось. Убедившись, что башня очищена от людей

Борджиа, Эцио распахнул ворота и вышел, присоединившись к Бартоломео. Битва закончилась, поэтому рядом с мужем стояла Пантасилея.

- Эцио! Молодец! Вместе мы отогнали этих трусливых тварей в горы!

- Да, - Эцио и Пантасилея обменялись незаметными заговорщическими улыбками. Именно её разумный совет помог выиграть битву.

- Эти новомодные винтовки, - добавил Бартоломео: - Мы захватили несколько, но всё ещё разбираемся, как они работают, - тут он просиял. - В любом случае, теперь, когда папские псы разбежались, я смогу привлечь больше людей на нашу сторону. Но сперва, и особенно после случившегося сегодня, я бы хотел укрепить казармы.

- Отличная идея. Но кто этим займется?

Бартоломео покачал головой.

- Я в этом не разбираюсь. Это у тебя есть образование, так что ты этим и займись изучением планов.

- Ты делал планы укрепления?

- Да! Заказал их одному довольно выдающемуся парню. Он флорентиец, как и ты. Его зовут Микеланджело Буонаротти.

- Я слышал о нём, но лично знаком не был. В любом случае, хорошо. Взамен я хочу знать о каждом шаге Чезаре и Родриго. Кто-нибудь из твоих людей может незаметно проследить за ними?

- В чем я никогда не испытывал недостатка, так это в людях. По крайней мере, у меня их вполне достаточно, чтобы оказать тебе помощь при восстановлении казарм. И ещё у меня есть отличные разведчики, которые проследят за Борджиа.

- Отлично!

Эцио знал, что у Макиавелли тоже есть шпионы, но Макиавелли никогда не раскрывал всех своих планов, в отличие от Бартоломео. Макиавелли казался запертой комнатой, Бартоломео - открытым небом. В тоже время Эцио не разделял подозрений Ла Вольпе, от которых - Эцио надеялся на это - он сумел избавить друга. И всё же не было никакого вреда в том, чтобы иметь запасной вариант.

Весь следующий месяц Эцио следил за работами по укреплению и восстановлению казарм после атаки. Были построены высокие и крепкие сторожевые башни, а внутренний двор обнесен каменной стеной. Когда работы были завершены, они с Бартоломео отправились проводить осмотр.

- Разве она не прекрасна? - Бартоломео просто сиял.

- Выглядит впечатляюще.

- Есть ещё более хорошая новость - с каждым днем к нам присоединяется всё больше людей. Конечно, я устраиваю между ними соревнования, - это укрепляет боевой дух, да и вообще - неплохая тренировка. Поэтому они идут и бьются по-настоящему. - Он показал Эцио большую деревянную доску со шлемом сверху, установленную на подставке. - Как видишь, здесь записаны имена наших лучших бойцов. Чем они лучше, тем выше в списке находятся.

- А где я?

Бартоломео взглянул на него и помахал рукой в воздухе над доской.

- Думаю, где-то здесь.

Потом к ним подошел кондотьер и сказал, что скоро на плацу под казармами начнет биться один из лучших людей Бартоломео, Джан.

- Если захочешь показать, на что способен, помни - мы устраиваем спарринги. А теперь прошу меня извинить, я поставил на этого парня! - Смеясь, он ушел.

Эцио прошел в новый, значительно улучшенный кабинет. Он был куда лучше освещен, комната стала значительно больше, вмещающая подставки под оружие и широкие столы, на которых были разложены карты. Эцио внимательно изучал карту Романьи, когда к нему подошла Пантасилея.

- А где Бартоломео? - Спросила она.

- Смотрит на бой.

Пантасилея вздохнула.

- У него такой агрессивный взгляд на мир. Но я считаю, что стратегия тоже важна. Вы согласны?

- Вполне.

- Я хочу показать вам кое-что.

Она вывела его на широкий балкон, выходящий во внутренний двор казарм. В одном углу двора стояла внушительная новая голубятня, в которой уже сидели птицы.

- Это почтовые голуби, - объяснила Пантасилея. - Каждый из них был отправлен Никколо Макиавелли из города и принес мне имя агента Борджиа в Риме. Борджиа хорошо нажились на праздновании в честь наступления 1500 года. В их карман пошли деньги паломников, которые стремились купить себе отпущение грехов. А те, кто не заплатил им, были ограблены.

Эцио помрачнел.

- Но ваши многочисленные атаки выбили Борджиа из колеи, - продолжала Пантасилея. - Их шпионы прочесывают город в поисках наших людей и разоблачают их, где могут. Макиавелли выяснил некоторые из имен шпионов. Он часто отправляет мне эти имена голубиной почтой. Родриго ввел в Курию новых членов, пытаясь сохранить равновесие сил между кардиналами. Как вы знаете, у него огромный опыт в политике Ватикана.

- Действительно.

- Когда вы соберетесь возвращаться в город, возьмите эти имена с собой. Они могут вам пригодиться.

- Я в восхищении, госпожа.

- Выследите этих людей и по возможности устраните, тогда мы все сможем вздохнуть спокойно.

- Я должен немедленно вернуться в Рим. Но сперва поделюсь с вами тем, что заставляет меня спокойно выдохнуть.

- И что же?

- Ваши слова доказывают, что Макиавелли, без сомнения, один из нас, - Эцио помедлил. - Но даже если так...

- Да?

- Я договорился с Бартоломео. Подождите неделю, а потом попросите его приехать на Тиберину - он знает это место, и, осмелюсь предположить, вы тоже - и рассказать мне, что он выяснил о Родриго и Чезаре.

- Вы всё ещё сомневаетесь в Макиавелли?

- Нет, но я убежден, что лучше перепроверить всю полученную информацию, особенно в такие времена, как сейчас.

Казалось, тень прошла по лицу девушки, но потом она улыбнулась и сказала:

- Он придет.

ГЛАВА 19

огда Эцио вернулся в Рим, он первым делом отправился в бордель, о котором Макиавелли говорил, как об еще одном источнике информации. Возможно, кое-какие имена из тех, что он посылал Пантасилее, он выяснил именно в борделе. Эцио собирался проверить, как девушки добывают информацию, и решил отправиться туда инкогнито. Если бы они узнали, кто он такой, они могли просто дать ему ту информацию, которую он, по их мнению, и хотел от них услышать.

Он добрался до места и изучил вывеску – «Цветущая роза». Это был тот самый бордель, но все-таки он не был похож на место, куда часто навещаются сторонники Борджиа. Если конечно они не имели обыкновения посещать труппы с благотворительными целями. Бордель ни в коей мере не напоминал заведение Паолы во Флоренции. По крайней мере снаружи. Заведение Паолы выглядело довольно скромно. Эцио с сомнением постучал в дверь.

Её сразу открыла привлекательная пухлая девушка лет восемнадцати. Одета она была в изношенное шелковое платье.

Она послала ему профессиональную улыбку.

- Добро пожаловать, незнакомец! Добро пожаловать в «Цветущую розу».

- Здравствуй, - пробормотал Эцио, входя внутрь.

Главный зал, безусловно, выглядел куда лучше входа, но при этом казалось, что в самом воздухе висит пренебрежение.

- Чего вы желаете? - Поинтересовалась девушка.

- Не будете ли вы так любезны отвести меня к своей хозяйке?

Глаза девушки сузились до щелочек.

- Госпожи Солари нет.

- Я вижу, - Эцио помолчал, не зная, что делать. - Вы знаете, где она?

- Вышла, - теперь девушка была куда менее дружелюбной.

Эцио улыбнулся ей как можно очаровательнее, но он уже был не так молод, и улыбка не произвела на девушку впечатления. Она решила, что он какое-нибудь официальная шишка. Черт! Если он хотел добиться успеха, нужно было притвориться клиентом. А если притворство бы не сработало, нужно действительно стать их клиентом, и будь что будет.

Он уже решил так и действовать, когда входная дверь внезапно распахнулась, и внутрь ворвалась другая девушка - волосы её были растрепаны, платье порвано. Она казалась обезумевшей.

- Помогите! Помогите! - Безостановочно кричала она. - Госпожа Солари... - она заплакала, не в силах продолжать.

- Что случилось, Лючия? Возьми себя в руки. Почему ты вернулась так быстро? Я думала, ты ушла с госпожой и клиентами.

- Они не были клиентами, Аньелла! Они... они сказали, что отведут нас в дом, вниз по Тибру, но там был корабль. Они начали бить нас и достали ножи. Они затащили госпожу Солари на борт и связали её.

- Лючия! Боже мой! Как ты сбежала? - Аньелла обняла подругу и отвела к одной из кушеток, стоявших вдоль стены.

Потом она вытащила платок и приложила к кровоточащей царапине на щеке Лючии.

- Они отпустили меня, сказали, чтобы я сообщила, что они работоторговцы, Аньелла! Они сказали, что отпустят, если только мы заплатим им! Иначе они её убьют!

- И сколько они хотят? - Спросил Эцио.

- Тысячу дукатов.

- Сколько у нас времени?

- Они будут ждать час.

- Значит, у нас ещё есть время. Подожди здесь! Я верну её вам.

«Твою мать, - подумал Эцио. - Похоже, дела плохи. Мне нужно поговорить с этой женщиной».

- Где они? - Поинтересовался он.

- На пристани, мессер. Возле острова Тиберина. Знаете, где это?

- Очень хорошо.

Эцио поспешил. Времени, чтобы добраться до банка Киджи не было, а все три филиала были не по пути, поэтому ассасин отправился к ростовщику. Тот начал торговаться, но все же пополнил уже имеющуюся у Эцио сумму до необходимой тысячи дукатов. Взяв деньги и решив не отдавать ни монетки, если будет такая возможность, ассасин дал себя клятву полностью взыскать деньги с ублюдков, похитивших единственного человека, с которым ему было необходимо поговорить. Эцио взял лошадь и поехал по улицам в сторону Тибра, разгоняя в стороны людей, цыплят и собак, которые заводнили улицы.

Он без труда, слава Богу, отыскал корабль - огромный по сравнению с маленькими лодками - спешился и побежал к причалу, возле которого был пришвартован корабль, окликая госпожу Солари.

Но его уже ждали. На палубе, направив на него пистолеты, стояли два человека. Эцио прищурил глаза. Пистолеты? В руках таких ничтожных ублюдков, как эти?

- Не подходи.

Эцио отступил, держа палец на кнопке, выбрасывающей скрытый клинок.

- Притащил чертовы деньги?

Эцио левой рукой медленно вытащил мешочек с тысячью дукатов.

- Отлично. Сейчас посмотрим, в достаточно ли хорошем настроении капитан, чтобы не перерезать её чертову глотку.

- Капитан! Да что вы, уроды, о себе возомнили? Отпустите её! Отпустите немедленно!

Ярость в голосе Эцио произвела впечатление на работорговца. Он слегка повернулся и обратился к кому-то в трюме. Они наверняка слышали весь разговор, потому что по лестнице снизу поднялись двое мужчин, волочащие женщину примерно тридцати пяти лет. Макияж её размазался от слез и грубого обращения. На лице, плечах и груди виднелись синяки, сиреневое платье было разорвано, обнажив тело. Немного ниже на платье виднелась кровь, её руки и ноги были скованы.

- Вот и наше маленькое сокровище, - глумливо сказал работорговец, который уже говорил с Эцио.

Эцио судорожно вдохнул. Они находились в излучине реки, но в пятидесяти ярдах от берега он видел остров Тиберина. Если бы он только мог позвать друзей. Но даже если они что-нибудь и расслышали, они могли решить, что это просто кучка пьяных матросов, которые толпами слонялись по берегу. И если бы Эцио повысил голос или позвал на помощь, Ла Солари была бы мертва в мгновение ока, да и он сам тоже – может, работорговцы и были плохими стрелками, но расстояние было слишком мало.

Глаза женщины, в которых плескалось отчаяние, встретились с глазами Эцио. По лестнице поднялся ещё один работорговец, одетый в тряпье, напоминавшее капитанский мундир. Он посмотрел на Эцио, потом перевел взгляд на мешок с деньгами.

- Бросай, - грубо приказал он.

- Сперва отпустите её. И снимите кандалы.

- Ты глухой, урод? Быстро. Бросай. Чертовы. Деньги!

Невольно, Эцио шагнул вперед. Тут же были угрожающе вскинуты пистолеты, капитан обнажил меч, двое других крепче схватили женщину, заставив её вскрикнуть и вздрогнуть от боли.

- Не подходи! Мы прикончим её, если ты приблизишься!

Эцио остановился, но отступать не стал. Он на глаз измерил расстояние между собой и бортом корабля. Его палец дрожал на кнопке, которая выбрасывала скрытый клинок.

- Деньги у меня. Всё здесь, - сказал он, подкинул мешочек и шагнул вперед, пока работорговцы отвлеклись на деньги.

- Стой на месте! Не испытывай моё терпение. Если сделаешь ещё хоть один шаг – она умрёт.
- Тогда ты не получишь денег.
- Да неужели? Нас пятеро, ты – один. Не думаю, что ты хоть одним пальцем ноги успеешь ступить на палубу, до того, как мои друзья выстрелят тебе в голову и отстрелят яйца.
- Отпустите её!
- Ты идиот? Никто не ступит на этот корабль, или ты хочешь, чтобы эта шлюха сдохла?
- Мессер! Помогите мне! – Зарыдала несчастная женщина.
- Заткнись, сучка! – Прорычал один из державших и ударил её по лицу рукоятью кинжала.
- Хорошо! – Прокричал Эцио, увидев, как струится кровь по лицу женщины. – Довольно. Отпустите ее. Сейчас же!

И он швырнул мешок с деньгами в «капитана». Мешочек приземлился у его ног.

- Так-то лучше, - пробурчал работороговец. – А теперь пора кончать с этим.

Прежде чем Эцио смог среагировать, он приставил меч к горлу женщины и вонзил так глубоко, что наполовину отрезал её голову от тела.

- Мессер Чезаре рассмотрит любые возражения, - усмехнулся капитан.

Тело упало на палубу, заливая её фонтаном крови. Потом капитан почти незаметно кивнул двум стрелкам.

Эцио знал, что будет дальше, и был к этому готов. С молниеносной скоростью он увернулся от обеих пуль и в момент прыжка на палубу выхватил скрытый клинок. Он вогнал его глубоко в левый глаз мужика, который первым схватил пленницу; клинок проник в мозг. Прежде чем тело упало на палубу, Эцио уклонился от фальчиона капитана и снизу вонзил клинок в живот другого противника, постарался сделать глубокий разрез. Лезвие не было предназначено для того, чтобы резать, поэтому рана получилась скорее рваной. Но это не имело значения.

Теперь стрелки. Как Эцио и ожидал, они отчаянно пытались перезарядить оружие, но паника сделала их неуклюжими. Он быстро убрал клинок и обнажил тяжелый кинжал с зазубренным лезвием. Враг был слишком близко к нему, чтобы Эцио смог воспользоваться мечом. Он отрезал одному из стрелков руку, в которой тот держал пистолет, а затем с силой ткнул клинком ему в бок. Но работа ещё не была закончена, предстояло разобраться со вторым стрелком. Тот подкрался к ассасину со спины и попытался ударить его рукоятью пистолета. К счастью, удар пришелся вскользь, и Эцио, помотав головой, чтобы разогнать появившийся перед глазами туман, развернулся и вонзил кинжал в грудь противника, который собирался нанести очередной удар. Стрелок поднял руку, и это сделало его уязвимым.

Эцио огляделся по сторонам. Где капитан?

Он увидел, как тот, спотыкаясь, бежит по берегу реки, сжимая мешок, из которого сыпались монеты. Глупец, подумал Эцио. Лучше бы он взял лошадь. Паника. Ассасин бросился вслед за капитаном и легко догнал, мешок был слишком тяжел. Он схватил капитана за волосы и пнул под ноги, заставив его упасть на колени. Голова капитана была запрокинута назад.

- Попробуй на себе свои методы, - сказал Эцио, и сделал с капитаном то же, что тот сделал с женщиной.

Позволив телу упасть и оставив его корчиться на земле, ассасин взял сумку и направился обратно в лодку, подбирая по пути рассыпавшиеся монеты. Раненый работороговец сжался в комок на палубе. Эцио проигнорировал его и спустился вниз. Обыскав маленькую каюту, он нашел небольшой сундук, который сумел открыть окровавленным лезвием кинжала. Сундук был полон бриллиантов.

- То, что надо, - пробормотал Эцио себе под нос, засунул под мышку сундук и поднялся наверх.

Он положил мешок с монетами и сундук с бриллиантами в седельную сумку, туда же отправил пистолеты. Затем Эцио вернулся к раненому, почти поскальзываясь на крови, по

которой полз работорговец. Нагнувшись, Эцио резанул его по бедру, зажав рот рукой, чтобы заглушить вой. Это не даст ему быстро подняться. К счастью.

Он нагнулся к самому уху мужчины.

- Если ты выживешь, - сказал Эцио, - и вернешься к подлецу, зараженному сифилисом, которого ты называешь своим хозяином, передай, что Эцио Аудиторе передает ему привет. А если не выживешь – покойся с миром.

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

ГЛАВА 20

цио не стал возвращаться в бордель. Было уже поздно. Он вернул лошадь на конюшню, купил у конюха за несколько монет сумку и уложил туда свою добычу и деньги. Эцио повесил сумку через плечо и отправился к ростовщику, который был одновременно удивлен и расстроен, увидев, что клиент пришел отдавать долг так быстро. Ростовщик отдал Эцио его вещи. Потом ассасин пошел в свое жилище, стараясь смешиваться с толпой, когда замечал стражников Борджиа.

Уже дома он приказал слугам натаскать воду для купания, разделся и, устало опускаясь в воду, подумал, что было бы неплохо, если бы внезапно появилась Катерина и снова удивила его. Но в этот раз никто не прервал его столь приятным образом. Он переоделся в чистую одежду, а ту, что была на нем, порванную за тяжелый день, запихнул в мешок. Позже он от них избавится. Потом он почистил пистолеты и убрал в сумку. Эцио хотел их оставить, но они оказались тяжелыми и громоздкими, поэтому он решил отдать их Бартоломео. Большую часть бриллиантов он так же планировал отдать Барто, но, тщательно их осмотрев, отобрал пять самых лучших и крупных камней и положил в кошель на пояс. Они гарантировали, что некоторое время ему не придется заботиться о деньгах.

Остальное он поручит Ла Вольпе отправить в казармы. Если вы не можете доверять другу-вору, кому вы вообще можете доверять?

Теперь он снова был готов идти. Повесив сумку через плечо, Эцио положил руку на щеколду. И тут... тут он почувствовал, что устал. Устал убивать. Устал от жадности и жажды власти, и от страданий, к которым они приводили.

Он почти устал сражаться.

Он опустил руку, снял сумку, бросив её на кровать, надежно запер дверь и снова разделся. Потом он потушил свечу и упал на кровать. Но прежде чем провалиться в сон, он обнял одной рукой сумку.

Эцио знал, что передышки не будет ещё долго.

В «Спящей лисе» Эцио передал сумку с точными инструкциями. Он никому не хотел бы поручать эту работу, но в Риме у него были другие дела. Отчетов «шпионов» Ла Вольпе было немного, но информация в них совпадала с той, что прислал Пантасилее голубиной почтой Макиавелли. Это успокоило опасения Эцио по поводу друга, хотя, как заметил Эцио, Ла Вольпе остался при своем мнении. Эцио понимал его. Макиавелли мог казаться отстраненным, даже холодным. Хотя они оба были флорентийцами - а Флоренция не испытывала любви к Риму, как не испытывала её и к Борджиа - казалось, что Ла Вольпе, не смотря на все свидетельства обратного, продолжал сомневаться. «Называй это шестым чувством», - мрачно сказал он, когда Эцио на него надавил.

Вестей о Яблоке не было, за исключением того, что оно по-прежнему оставалось у Борджиа, хотя у кого именно - Чезаре или Родриго - было неясно. Родриго хорошо знал о возможностях Яблока, хотя Эцио сомневался в том, что Родриго поделился с сыном подобными знаниями, особенно учитывая их напряженные отношения. А Чезаре, хоть и был последним человеком, у кого в руках Эцио видел Яблоко, но никаких признаков того, что он воспользовался им, не было. Эцио молился, чтобы тот, к кому Яблоко попало для изучения - если конечно Чезаре отдал его кому-то - либо зашел в тупик, либо скрыл возможности Яблока от своего хозяина.

Макиавелли куда-то запропастился. Даже в тайном укрытии ассасинов на острове Тиберина он не оставил никаких известий. Всё, что смог выяснить Эцио, это то, что друг «далеко», но он не говорил, что собирается во Флоренцию.

Двое друзей, временно находившиеся в Риме и в данный момент работавшие под прикрытием - Бальтазар Кастильоне и Пьетро Бембо - были абсолютно надежны. Оба были членами Братства, не в последнюю очередь по той причине, что один был связан с Чезаре, а второй - с Лукрецией. Жаль, подумал Эцио, что первый скоро возвращается в

Мантую, а второй в Венецию. Но Эцио утешал себя мыслью о том, что в своих родных городах они будут не менее полезны Братству.

Удовлетворенный тем, что сделал все возможное, Эцио решил вернуться в «Цветущую розу».

На этот раз, когда он пришел в бордель, дверь была открыта. Воздух внутри казался свежее, и дышать было легче. Он вспомнил имена девушек, которых встретил в прошлый раз, и спросил, где их искать у старших и более опытных женщин в главном зале. Зал охраняли двое хорошо одетых, молодых, довольно вежливых крепких парней. Они проводили его во внутренний двор и сказали, что он найдет девушек там.

Он оказался в розовом саду, окруженном высокими стенами из красного кирпича. Вдоль одной из стен стояла беседка, почти полностью скрытая под зарослями вьющихся розовых роз. В центре беседки был небольшой фонтан с белыми мраморными скамьями вокруг него. Девушки, которых он искал, вместе с другими разговаривали с двумя женщинами постарше, стоявшими спинами к Эцио. Именно их охранники проводили Эцио в сад. Когда он подошел, женщины обернулись.

Он собрался было представиться - на этот раз Эцио решил попробовать другую тактику - но у него отвисла челюсть.

- Мама! Клаудия! Что вы здесь делаете?

- Ждем тебя. Мессер Макиавелли перед отъездом сказал, что мы сможем найти тебя здесь.

- Где он? Вы виделись с ним во Флоренции?

- Нет.

- Но что вы делаете в Риме? - тупо повторил он. Его переполняли растерянность и тревога.

- На Флоренцию напали?

- Нет... ничего подобного, - ответила Мария. - Но слухи оказались правдивы - наш палаццо был разрушен. Там у нас больше ничего не осталось.

- Но даже если бы он не был разрушен, я никогда бы не вернулась в цитадель Марио в Монтериджони, - вставила Клаудия.

Эцио посмотрел на неё. Он понимал, что для женщины вроде сестры, это место окажется тихой заводью. Он кивнул, но на сердце у него было беспокойно.

- Поэтому мы здесь. Мы купили дом в Риме, - продолжала Мария. - Наше место рядом с тобой.

Мысли лихорадочно крутились в голове Эцио. В глубине сердца (хотя он с трудом мог заставить себя признать это) он всё ещё чувствовал, что мог предотвратить убийство отца и братьев. Но у него не вышло. Мария и Клаудия были теперь его единственной семьей. Не подведет ли он на этот раз их? Он не хотел, чтобы они от него зависели.

Он притягивал опасности. Если они будут рядом, не навлечет ли он на мать и сестру беды? Он не хотел, чтобы их смерти тоже легли на его плечи. Лучше бы они оставались во Флоренции, где у них были друзья. В городе, снова процветающем под мудрым правлением Пьеро Содерини, они были бы в полной безопасности.

- Эцио, - проговорила Клаудия, прерывая его размышления. - Мы хотим помочь.

- Я собирался уберечь вас, отправив во Флоренцию, - он пытался скрыть раздражение, звучавшее в голосе, но внезапно понял, что огрызается. Мария и Клаудия выглядели растерянными, и хотя мать быстро успокоилась, Эцио заметил, что сестру задела и обидели его слова. Она сумела угадать его мысли?

К счастью, их прервали Аньелла и Лючия.

- Мессер, простите нас, но мы беспокоимся. Мы до сих пор ничего не знаем о госпоже Солари. Вы знаете, что с ней?

Мысли Эцио все еще крутились вокруг Клаудии и выражения обиды в её глазах, но он обратил внимание на вопрос. Чезаре, должно быть, много времени посвящал сокрытию своих преступных действий. Практически каждый день из Тибра вылавливали тела, причем некоторые уже пробыли в воде некоторое время.

- Она умерла, - резко сказал он.

- Что? - воскликнула Лючия.
- Дерьмо! - Коротко выругалась Аньелла.
Новость быстро разошлась среди девушек.
- И что нам теперь делать? - Спросила одна.
- Нам придется закрыться? - Поинтересовалась другая.
Эцио ощутил их смутное беспокойство. Под руководством госпожи Солари (хотя Макиавелли и сказал, что она работала неэффективно) эти девушки добывали информацию для ассасинов. Если они останутся без защиты – а, как подсказывала гибель Солари, Чезаре подозревал «Цветущую розу» - что будет со всеми этими девушками? С другой стороны, если он полагал, что у Солари здесь не только агенты, не должен ли он был сейчас же сделать свой ход?
Вот оно! Надежда ещё есть.
- Вы не закроетесь, - сказал он им. - Мне нужна ваша помощь.
- Но, мессер, если кто-то не будет управлять делами, мы разоримся.
Голос рядом с Эцио решительно произнес: «Я этим займусь».
Это была Клаудия.
Эцио развернулся к ней.
- Тебе здесь не место.
- Я знаю, как ведут дела, - возразила она. - Я много лет помогала дяде в крепости.
- Это совсем иное!
Тут вмешался успокаивающий голос матери.
- А что предлагаешь ты, Эцио? По-видимому, тебе срочно нужен кто-то на место хозяйки. Ты же знаешь, что можешь доверять сестре.
Эцио видел в её словах логику, но это означало бы допустить Клаудию на линию фронта - туда, где он меньше всего на свете хотел бы её видеть. Он посмотрел на неё. Она с вызовом встретила его взгляд.
- Хорошо, Клаудия, делай, как хочешь. Но не жди от меня особой защиты!
- Я прекрасно обходилась без неё двадцать лет, - усмехнулась она.
- Хорошо, - холодно отозвался он. - Тогда принимайся за работу. Прежде всего, я хочу, чтобы здесь тщательно убрались и отремонтировали здание, чтобы это место, любой ценой, выглядело прекрасно. Даже этот сад нуждается в том, чтобы его привели в порядок. Я хочу, чтобы это заведение стало лучшим в городе. И видит Бог, сколько у вас конкурентов. И я хочу, чтобы девушки были здоровы - об этой *Новой болезни* никто ничего не знает. Хуже всего дела обстоят в портах и в крупных городах, так что вы сами понимаете, что из этого следует.
- Мы проследим за этим, - холодно ответила Клаудия.
- Так-то лучше. И ещё. Пока ты здесь, я хочу, чтобы куртизанки отыскивали Катерину Сфорца.
Лицо его окаменело.
- Ты можешь на нас рассчитывать.
- Теперь ты в деле, Клаудия, и любая ошибка ляжет на твою голову.
- Я смогу позаботиться о себе, брат.
- Надеюсь, - прорычал Эцио, поворачиваясь на каблуках.

ГЛАВА 21

течение нескольких следующих недель Эцио был занят - оставшиеся силы Братства собрались в Риме, чтобы решить, как поступить, исходя из информации, которую Эцио получил от Ла Вольпе и своевременных отчетов, посланных Бартоломео. Он почти не надеялся, что удача отвернется от Борджиа, и его не оставляла мысль, что, возможно, он, Эцио, скоро станет свидетелем начала конца. Однако он помнил старую поговорку - легче справиться с молодым львом, чем приблизиться к старому и опытному. На фоне осторожного оптимизма Эцио Чезаре усилил попытки захватить Романью, а французы взяли Милан. Французы также не стали отказываться от поддержки командующего папскими войсками. Несколькими годами ранее кардинал Сан-Петро в Винкуле, Джуллиано делла Ровере, величайший враг Папы Римского, пытался натравить французов на Борджиа и сместить Александра с места Папы, но Александр его перехитрил. Мог ли Эцио преуспеть там, где ничего не вышло у делла Ровере? Но, по крайней мере, никто еще не отравил кардинала - он был слишком влиятелен, и поэтому оставался тузом в рукаве Эцио.

Также Эцио решил, хотя и не сказал никому об этом, что необходимо подтолкнуть Братство к мысли окончательно перенести штаб-квартиру в Рим. Рим был центром мировых событий и центром мировой коррупции. Какое место подойдет для базы лучше Рима, особенно теперь, когда Монтериджони перестал быть приемлемым вариантом? Ещё у Эцио были планы по материальному поощрению некоторых ассасинов после успешного выполнения задания. Бриллианты, которые он забрал у работяг, пришлось очень кстати - они стали долгожданным пополнением капитала компании.

Однажды...

Но до «однажды» было по-прежнему далеко. Братство всё ещё не выбрало нового лидера, хотя по общему согласию и в силу своих действий Эцио и Макиавелли заняли место временных руководителей. Но всё это было временно. Формально совет так и не одобрил их назначение.

А ещё его терзали мысли о Катерине.

Эцио полностью доверил Клаудии восстановление «Цветущей розы», не контролируя сестру и не вмешиваясь. Если она настолько самонадеянна, что ж - будь, что будет. Если у неё ничего не выйдет, по крайней мере, это случится не по его вине. Но бордель был важным звеном в цепи Эцио, и он признался сам себе, что если он до конца и не доверяет сестре, то должен хотя бы попытаться положиться на неё в этом деле. Пришло время довериться сестре и посмотреть, справится ли она. Это испытание.

Когда Эцио вернулся в «Цветущую розу», он был одновременно удивлен и доволен. Всё прошло успешно - так же, как когда он сам занимался ремонтом казарм Бартоломео (хотя даже тогда он был достаточно сдержан и практичен, чтобы не требовать выплаты всех долгов). Он постарался не показывать восторга, рассматривая роскошные комнаты, увешанные дорогими гобеленами, широкие диваны, мягкие шелковые подушки и бокалы с белым вином, охлажденным плавающими в них кубиками льда - большая роскошь.

Девушки выглядели как дамы, а не шлюхи, а, судя по их манерам, кто-то, видимо, научил их быть более утонченными. Что же касается клиентов - Эцио сделал вывод, что дела идут успешно. И, хотя у него были определенные сомнения по поводу того, как дела шли раньше, сейчас в успехе сомневаться не приходилось. Оглядев центральный зал, Эцио увидел дюжину кардиналов и сенаторов, членов папского кабинета и других должностных лиц курии. Все веселились, были расслаблены, и ничего, Эцио на это надеялся, не подозревали. Но заработная плата девушек напрямую зависела от ценности информации, которую куртизанки Клаудии смогут добыть из кучки этих продажных тварей.

Эцио заметил сестру - скромно одетую, к его радости - слишком (по его мнению) ласково разговаривающую с Асканио Сфорца, бывшим вице-канцлером курии, который после своего краткого позора снова вернулся в Рим в попытке вновь заслужить благосклонность

Папы. Когда Клаудия увидела Эцио, выражение её лица изменилось. Она извинилась перед кардиналом и подошла к брату, едва заметно улыбаясь.

- Добро пожаловать в «Цветущую розу», брат, - сказала она.

- Ну, да, - он даже не улыбнулся.

- Как видишь, это самый популярный бордель в Риме.

- Коррупция останется коррупцией, в какие тряпки её не обряди.

Клаудия закусил губу.

- Мы хорошо справились. И не забывай, благодаря кому это место всё ещё существует.

- Да, - отозвался Эцио. - Похоже, деньги Братства оказались удачно вложены...

- Это ещё не всё. Пойдем в кабинет.

К своему удивлению, в кабинете Эцио увидел Марию, которая вместе со счетоводом разбиралась в бумагах.

Мать и сын сдержанно поздоровались.

- Я хотела показать тебе вот это, - произнесла Клаудия, протягивая книгу. - Там записано всё, чему я учу своих девочек.

- Твоих девочек? - Эцио не смог скрыть сарказм в голосе. Сестра чувствовала себя в этом бизнесе так же хорошо, как рыба в воде.

- Почему бы и нет? Взгляни, - Клаудия держалась скованно.

Эцио быстро пролистал книгу.

- Довольно скромный список.

- Думаешь, у тебя получилось бы лучше? - Насмешливо спросила она.

- Разумеется, - огрызнулся Эцио.

Почувствовав, что обстановка накаляется, Мария отложила счета и подошла к детям.

- Эцио, - сказала она, - Борджиа осложняют жизнь девочкам Клаудии. Они стараются держаться подальше от неприятностей, но избегать подозрений становится всё труднее. Есть кое-что, чем ты бы мог им помочь...

- Я учту. Покажете, с кем надо разобраться, - Эцио снова повернулся к Клаудии. - Что-нибудь ещё?

- Нет, - она помолчала, а потом добавила, - Эцио...

- Что?

- Ничего.

Эцио повернулся, чтобы уйти и сказал:

- Вы нашли Катерину?

- Мы над этим работаем, - холодно ответила сестра.

- Рад это слышать. Хорошо. Когда узнаешь, где они её держат, сразу приходи ко мне на остров Тиберина. - Он прислушался к звукам веселья, доносившимся из главного зала. - Я надеюсь, это не составит для вас труда.

И он ушел.

Уже на улице он осознал, что вел себя как подонок. Они проделали огромную работу. Но сможет ли Клаудия постоять за себя?

Мысленно он пожал плечами. Эцио в очередной раз признал, что настоящий источник его гнева - неуверенность в своей способности защитить самых дорогих для него людей. Да, он нуждался в них, но всегда помнил, что страх за их безопасность угрожает ограничить его действия.

ГЛАВА 22

скоре после посещения борделя Эцио, наконец-то, встретился на острове Тиберина с Макиавелли. Сперва Эцио держался холодно - ему не нравилось, что кто-то из членов Братства куда-то отправился, не сообщив об этом - но в глубине сердца, ассасин признал, что должен сделать исключение для Макиавелли. Действительно, само Братство было союзом вольнодумцев, свободных духом людей, которые действовали сообща не по принуждению или из послушания, а исходя из общности взглядов и интересов. Они не его собственность, и он не имеет права контролировать кого-либо из них.

Серьезно и решительно он пожал руку своему старому товарищу - Макиавелли избегал крепких объятий.

- Мы должны поговорить, сказал ему Эцио.

- Верно, должны, - Макиавелли посмотрел на него. - Полагаю, тебе известно о моем маленьком соглашении с Пантасилеей?

- Да.

- Хорошо. У этой женщины в мизинце больше способности мыслить тактически, чем во всем теле у её мужа, хотя, конечно, в своей области он лучший. - Макиавелли помолчал. - От одного из моих шпионов пришла важная информация. У нас есть имена девяти агентов тамплиеров, нанятых Чезаре, чтобы терроризировать Рим.

- Скажи, как я смогу их найти?

Макиавелли задумался.

- Думаю, надо искать признаки беды во всех районах города. Пообщайся с людьми. Возможно, кто-нибудь из горожан укажет тебе верный путь.

- Ты получил эту информацию от одного из стражников Борджиа?

- Да, - осторожно признал Макиавелли после паузы. - Откуда ты узнал?

Эцио, вспомнив о встрече, которую наблюдал с Ла Вольпе на рыночной площади, подумал, что это, возможно, была первая попытка наладить контакт.

- Удачная догадка, - ответил он. - Спасибо.

- Клаудия, Бартоломео и Ла Вольпе ждут нас в кабинете, - Макиавелли снова помолчал. - Это была очень удачная догадка.

- Случайность, дорогой Макиавелли, только и всего, - отозвался Эцио, шагая впереди.

- Случайность? - Проговорил себе под нос Макиавелли.

Их товарищи по Братству ожидали в спрятанном под землей святилище. Лица их были мрачными.

- Добрый вечер, - поприветствовал их Эцио и перешел сразу к делу. - Что вы выяснили?

Первым заговорил Бартоломео.

- Мы выяснили, что этот ублюдок Чезаре сейчас находится в замке Сан-Анжело, - с Папой!

Ла Вольпе добавил:

- Мои шпионы подтвердили, что он кому-то отдал Яблоко для исследования. Я пытаюсь выяснить, кто это может быть

- И кто это может быть..?

- Гадать можно, сколько угодно. Мы должны знать наверняка.

- У меня есть новости о Катерине Сфорца, - вставила Клаудия. - В четверг на закате её перевезут в тюрьму замка.

Сердце Эцио невольно ёкнуло. Но это была хорошая новость.

- Отлично, - сказал Макиавелли. - Так значит, замок. Рим быстро восстановится, как только Чезаре и Родриго не станет.

Эцио поднял руку.

- Как только представится возможность их убить, я это сделаю.

Макиавелли раздраженно посмотрел на него.

- Не повторяй ошибки, совершенной в Сокровищнице. На этот раз ты *должен* их убить.
 - Поддерживаю Никколо, - согласился Бартоломео. - Мы не должны больше тянуть.
 - Бартоломео прав, - поддержал Ла Вольпе.
 - Они должны заплатить за смерть Марио, - добавила Клаудия.
- Эцио успокоил их, сказав:
- Не волнуйтесь, друзья мои, они умрут. Даю вам слово.

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

ГЛАВА 23

день, когда Катерину должны были привезти в замок Сан-Анжело, Эцио и Макиавелли присоединились к толпе, собравшейся перед великолепной каретой. Окна её были занавешены, а на дверях был нарисован герб Борджиа. Гвардейцы, окружавшие карету, удерживали людей в стороне, и это было неудивительно, поскольку люди не испытывали единодушного восторга. Один из кучеров прыгнул со своего места и обогнул карету, чтобы открыть ближайшую дверь и опустить лесенку, и застыл, готовый

помочь пассажирам выйти.

Первой появилась фигура в синем платье с белым лифом. Эцио узнал красивую блондинку с кривой улыбкой. В последний раз он видел её при разрушении Монтериджони, но это лицо он не забыл бы никогда. Лукреция Борджиа. Она с достоинством ступила на землю, но это впечатление испортилось, когда она шагнула назад к экипажу, схватила что-то - или кого-то - и потянула.

Лукреция за волосы вытащила Катерину Сфорца из кареты и швырнула её на землю перед собой. В испачканной, в цепях, одетой в грубое коричневое платье, Катерине, даже потерпевшей поражение, чувствовалась огромная непонятная сила и дух, о которых похитители и не догадывались. Макиавелли опустил руку на плечо Эцио, удерживая автоматически шагнувшего вперед друга на месте. Эцио достаточно насмотрелся на то, как издеваются над его близкими, но сейчас нужно было ждать. Попытка спасения была бы обречена на провал.

Лукреция, одной ногой стоявшая на поверженной жертве, проговорила:

- Тише, жители Рима! Тише и возрадуйтесь! Полюбуйтесь невероятным зрелищем. Катерина Сфорца, шлюха из Форли! Слишком долго она сопротивлялась нам! И теперь мы, наконец-то, поставили её на колени!

Толпа почти не отреагировала на эти слова, и в наступившей тишине Катерина подняла голову и крикнула:

- Ха! Никто не сможет пасть ниже, чем Лукреция Борджиа! Кто подбил тебя на это? Брат? Отец? А может оба? Одновременно?

- Заткнись! Заткнись! - закричала Лукреция, ударив её. - Никто не смеет оскорблять Борджиа! - Она наклонилась, поставила Катерину на колени и ударила её с такой силой, что та снова упала в грязь. Лукреция гордо вскинула голову. - Это произойдет с каждым, кто осмелится бросить нам вызов!

Она жестом отдала приказ гвардейцам, те схватили несчастную Катерину, поставили на ноги и грубо потащили в сторону ворот замка. Тем не менее, Катерина крикнула через плечо: «Добрые жители Рима! Будьте сильными! Ваше время скоро придет! Вы освободитесь, клянусь!»

Когда её утащили, Лукреция вернулась в карету, а Макиавелли повернулся к Эцио.

- Похоже, графиня сохранила присутствие духа.

Эцио был морально вымотан.

- Они будут пытаться её.

- Жаль, что Форли пал. Мы отобьем его обратно. И заберем Катерину. Но мы должны сосредоточиться. Ты здесь ради Чезаре и Родриго.

- Катерина сильный союзник, и одна из нас. Если мы поможем ей сейчас, когда она слаба, она поможет нам в будущем.

- Может быть. Но в первую очередь надо убить Чезаре и Родриго.

Толпа начала расходиться, гвардейцы Борджиа ушли в замок, оставив у ворот часовых. Вскоре, только Макиавелли и Эцио остались на площади, держась в тени.

- Можешь уходить, Никколо, - сказал Эцио, смотря, как удлинились тени. - У меня есть дело.

Он посмотрел на отвесные стены древнего, круглого мавзолея императора Адриана, возведенного почти тысячу лет назад, и ныне ставшего неприступной крепостью. На самом верху он увидел несколько окон, но стены были гладкими. Замок соединялся с базиликой Святого Петра укрепленным каменным коридором. Уже две сотни лет это была великая папская крепость.

Эцио изучил стены. В мире не было ничего абсолютно неприступного. С наступлением ночи в свете мерцающих факелов его глаза различили небольшие бороздки, трещины и сколы, которые, какими бы маленькими они не были, могли бы помочь ему подняться. Просчитав маршрут, Эцио прыгнул как кошка, вцепившись в первую опору пальцами. Он задержал дыхание, а потом, намеренно не торопясь, стал взбираться по стене, по возможности держась подальше от света факелов.

На полпути он добрался до не застекленного окна в каменной стене, за которым был виден проход для стражи. Он посмотрел в одну сторону, но там было пусто. Молча, он забрался внутрь и выглянул в окно на другой стороне. Там, как он понял, находился двор конюшни. Туда направлялись четверо людей, и Эцио немедленно узнал их. Чезаре о чем-то говорил с тремя своими главными помощниками: французским генералом Октавианом де Валуа, кузеном Хуаном Борджиа (римским ландскнехтом), и худым мужчиной в черных одеждах, с неприятным, исполосованным шрамами, лицом - Микелетто Корельей, который был правой рукой Чезаре и самым верным его убийцей.

- Забудьте о Папе, - проговорил Чезаре. - Вы отвечаете только передо мной. Рим - столп, который держит всё наше предприятие. Он не может поколебаться. А значит, не можете и вы!

- Что слышно из Ватикана? - Спросил Октавиан.

- Что? От этого сборища уставших стариков? - Презрительно ответил Чезаре. - Пока что мы используем кардиналов, но скоро они нам будут не нужны. Он прошел во двор конюшни, оставив трех мужчин за воротами.

- Похоже на то, что он оставил Рим под нашим управлением, - сказал после паузы Хуан.

- Значит город в хороших руках, - равнодушно отозвался Микелетто.

Эцио послушал ещё немного, но они больше не сказали ничего из того, что уже не было бы известно Эцио. Поэтому он продолжил взбираться по стене, пытаясь отыскать Катерину. Вскоре он заметил свет, идущий из застекленного, но приоткрытого окна с внешним подоконником, за который он мог уцепиться. Так и сделав, Эцио осторожно заглянул через окно в освещенный свечами коридор с простыми деревянными стенами. Там на покрытой скамье сидела Лукреция и что-то писала в блокнот, часто поднимая голову, будто ждала кого-то.

Несколько минут спустя в дальнем конце коридора появился Чезаре и поспешил к сестре.

- Лукреция, - произнес он и не по-братски поцеловал её.

Когда они поздоровались таким способом, Чезаре отнял её руки от своей шеи и, держа их в своих ладонях и глядя девушке в глаза, сказал:

- Я надеюсь, ты хорошо обходишься с нашей гостьей?

Лукреция скривилась.

- Её грязный рот!.. Я бы с радостью зашила его, чтобы он, наконец, закрылся.

Чезаре улыбнулся.

- Я бы предпочел, чтобы он был открыт.

- Да неужели?

Игнорируя её лукавство, он продолжил:

- Ты говорила с отцом о деньгах, которые просил мой банкир?

- Папа сейчас в Ватикане, но когда он вернется, нужно будет его уговаривать. Как и его банкира. Ты же знаешь, насколько осторожен Агостино Киджи.

Чезаре коротко рассмеялся.

- Он не разбогател бы, будь он безрассуден. - Он помолчал. - Но ты же справишься?

Лукреция снова обхватила брата за шею и покачала головой.

- Да, но... когда тебя нет, здесь очень одиноко. Мы так мало времени проводим вместе в последнее время, ты занят своими завоеваниями.

Чезаре привлек её к себе.

- Не волнуйся, котенок. Когда я стану правителем Италии, ты станешь моей королевой и навсегда забудешь об одиночестве!

Она немного отодвинулась и заглянула ему в глаза.

- Но я не хочу ждать.

Чезаре провел рукой по прекрасным светлым волосам.

- Пока меня нет, води себя хорошо.

После очередного долгого поцелуя Чезаре покинул сестру, удалившись через ту же дверь, откуда пришел. Грустная Лукреция ушла в противоположную сторону.

Куда пошел Чезаре? Он решил немедленно уехать? После такого прощания это было самым вероятным вариантом. Эцио быстро полез вдоль стены, пока не занял такое место, откуда он мог бы видеть главные ворота в замок.

И как раз вовремя. Он увидел, как они распахнулись, раздались крики стражи: «Внимание! Капитан-генерал уезжает в Урбино!» Вскоре после этого в сопровождении небольшого войска из замка на черном коне выехал Чезаре.

- Удачи, господин Чезаре! - Крикнули ему часовые.

Эцио смотрел, как его заклятый враг уезжает в ночь. Это был мимолетный визит, подумал он про себя. Не было ни единого шанса убить его. Никколо будет очень разочарован.

ГЛАВА 24

цио мысленно вернулся к текущей задаче. Нужно найти Катерину. Высоко на западной стене замка Эцио заметил маленькое окошко, из которого лился тусклый свет. Ассасин подобрался к нему. У окошка не было подоконника, на котором Эцио мог бы передохнуть, но вместо него у окна была поперечная перекладина, за которую он смог уцепиться одной рукой.

Эцио заглянул внутрь. Комната была пуста, хотя на стене горел факел. Выглядела она, как караульное помещение, но Эцио понадеялся, что он на верном пути.

Чуть дальше по стене было ещё одно похожее окно. Эцио подлез к нему и всмотрелся за решетку, в которой, как ему казалось, смысла не было. Никто не был настолько худ, чтобы пробежать через такое окошко, а если бы кто и смог, то ему предстояло как-то спуститься с добрых ста пятидесяти футов на землю, пробежать по открытой местности до реки, и только тогда, возможно, ему удалось бы спастись. Помещение было плохо освещено, но Эцио все равно разглядел, что это ни что иное, как камера.

Потом он судорожно вдохнул. Внутри, по-прежнему в цепях, была Катерина! Она сидела на грубой скамье у одной из стен, но Эцио не видел - прикована ли девушка ещё и к ней. Голова её была опущена, и ассасин не знал, спит она или нет.

Но тут оглушительно грохнула дверь, и Катерина вскинула голову.

- Открывай! - Услышал Эцио крик Лукреции.

Один из двух полусонных стражников поспешил исполнить приказ: «Да, Ваша Светлость! Сейчас, Ваша Светлость».

Войдя в камеру в сопровождении одного из охранников, Лукреция не стала терять времени. Эцио, который слышал её разговор с Цезарем, угадал причину её ярости: ревность. Лукреция считала, что Цезарь и Катерина стали любовниками. Но сам Эцио не мог поверить, что это правда. Мысль о том, что Катерина могла быть осквернена таким похотливым чудовищем, была столь ужасна, что разум просто отказывался её принимать. Лукреция ворвалась в камеру, схватила Катерину за волосы и, рывком поставив на ноги, наклонилась к ней.

- Ну, сучка! Как прошло путешествие из Форли в Рим? Ты ехала на личной карете Цезаря? Что ты для этого сделала?

Катерина взглянула ей в глаза.

- Ты жалка, Лукреция. И еще более жалка, если полагаешь, что я буду поступать так же, как ты.

Лукреция в ярости швырнула ее на пол.

- О чем он говорил? О планах на счет Неаполя? - Она сделала паузу. - Они тебе... понравились?

Катерина стерла с лица кровь и произнесла:

- Я, правда, не помню.

Её дерзкое спокойствие привело Лукрецию в ещё большую ярость. Отпихнув охранника в сторону, она схватила железный прут, которым запирали дверь, и с силой ударила Катерину по спине.

- Может, теперь вспомнишь?

Катерина громко вскрикнула от боли. Лукреция отступила, удовлетворенная.

- Отлично. Знай свое место!

Она бросила железный прут на пол и вылетела из камеры. Охранник вышел следом, закрыл дверь. Эцио заметил, что на ней была решетка.

- Запри и отдай мне ключ, - приказала Лукреция.

Раздался грохот и скрип - повернулся ключ - зазвенели цепи, и охранник передал ключ госпоже.

- Вот, Ваша Светлость, - голос мужчины дрожал.

- Отлично. Запомни, если я вернусь и застаю тебя спящим на посту, я велю тебя выпороть. Получишь сто ударов плетью. Понял?

- Да, Ваша Светлость.

Эцио прислушался к шагам Лукреции, постепенно они стихли вдали. Он подумал. Лучший способ добраться до камеры - сверху.

Он взобрался ещё выше, к очередной открытому окну, выходившему на мостки, по которым патрулировала стража. На этот раз часовые были настороже, но оказалось, что их всего двое, и патрулируют они вместе. Он подсчитал, что на один круг у них уходит по пять минут, дождался, пока они пройдут мимо, а потом влез внутрь.

Эцио вслед за охранниками прокрался вперед, пока не увидел в стене дверной проем, от которого вниз уходила каменная лестница. Он знал, что забрался в замок двумя этажами выше камеры, где держали Катерину, поэтому спустился по лестнице на два пролета вниз и оказался в коридоре, похожем на тот, где встречались Чезаре и Лукреция, только этот был каменный, а не деревянный. Он с удвоенной скоростью кинулся в направлении камеры Катерины. На пути ему никто не встретился. Эцио прошел мимо множества тяжелых дверей с решетками, каждая из которых вела в какую-либо камеру. Когда стена повернула, он услышал доносившиеся из-за угла голоса и узнал пьемонтский акцент стражника, который чуть раньше говорил с Лукрецией.

- Это место не для меня, - проворчал он. - Ты слышал, как она со мной говорила? Хотел бы я вернуться в чертов Турин.

Эцио подкрался чуть ближе. Стражники стояли лицом к двери камеры, а Катерина подошла к решетке. Она заметила Эцио, стоявшего за спинами охранников, ассасин отступил в тень.

- Бедная моя спина, - сказала женщина страже. - Вы не дадите мне воды?

Возле двери, где чуть раньше сидели охранники, действительно стоял кувшин с водой. Один из них взял его и поднес близко к решетке.

- Вам что-нибудь еще нужно, принцесса? - Издевательски поинтересовался он.

Стражник из Турина хихикнул.

- Дай кувшин, прояви милосердие, - проговорила Катерина. - А если вы откроете дверь, я смогу показать вам кое-что стоящее.

Охранники сразу напустили на себя официальный вид.

- Не нужно, графиня. У нас приказ. Вот.

Охранник с кувшином открыл решетку на двери, сунул Катерине кувшин и снова запер решетку.

- Уже время смены караула, да? - Спросил стражник из Пьемонта.

- Да, Луиджи и Стефано уже должны были бы быть здесь.

Они переглянулись.

- Как думаешь, эта сучка Лукреция в ближайшее время вернется?

- Думаю, нет.

- Тогда, может, спустимся в караулку и посмотрим, что их задержало?

- Ладно. Тем более это займет не больше пары минут.

Эцио посмотрел, как они уходят, а потом подбежал к решетке.

- Эцио, - выдохнула Катерина. - Какого черта ты здесь делаешь?

- Зашел к портному, а что, не видно?

- Ради Бога, Эцио, ты думаешь, у нас есть время для дурацких шуток?

- Я собираюсь вытащить тебя отсюда. Сегодня вечером.

- Если ты это сделаешь, Чезаре объявит на тебя настоящую охоту.

- Думаю, он уже это сделал. Но, кажется, его люди не настолько фанатичны, по крайней мере, если судить по этим двум. У охранников есть другой ключ?

- Нет. Они отдали его Лукреции. Она ко мне заглядывала.

- Знаю. Видел.

- И почему ничего не сделал, не остановил её?
 - Я был за окном.
 - Снаружи? Ты сумасшедший?
 - Я просто сильный и ловкий. Что ж, если ключ только у Лукреции, я пойду и добуду его. Знаешь, где она может быть?
- Катерина задумалась.
- Я слышала, как она упоминала, что её комнаты находятся на самом верху.
 - Замечательно. Считай, ключ уже у меня в руках! Оставайся здесь, пока я не вернусь!
- Катерина посмотрела на него, потом на цепи и на дверь камеры.
- И куда я, по-твоему, могу уйти? - Произнесла она, сухо улыбнувшись.

ГЛАВА 25

цио уже привык к стенам замка Сан-Анжело, поэтому, чем выше он поднимался, тем ему легче было отыскивать опоры для рук и ног. Цепляясь за стену, словно банный лист за тело, Эцио (его плащ слегка качался от ветра) подобрался к высокому парапету и влез на него.

На другой стороне был небольшой спуск - узкая кирпичная дорожка, не шире четырех ступней, от которой в сад вела лестница со ступенями через неравные промежутки. Сад располагался на крыше замка, в центре него стояло каменное строение - в один этаж высотой - с плоской крышей. В здании были огромные окна. Место было почти незащищено. Внутри горел свет от множества свечей, и Эцио разглядел роскошные, со вкусом обставленные комнаты. Если дорожка к зданию была пуста, то сад - нет. На лавке под раскидистым деревом, свесившим ветви с нераскрытыми почками, скромно сидела Лукреция, держа за руки привлекательного молодого человека. В нем Эцио узнал одного из ведущих романтических актеров Рима - Пьетро Бенинтенди. Чезаре бы не понравилось, узнай он об этом! Эцио - не более чем тень - пополз вдоль дорожки как можно ближе к паре, мысленно поблагодарив растущую луну, которая давала не только свет, но и обманчивые, маскирующие тени. Эцио прислушался.

- Я так люблю тебя, что хотел бы пропеть это небесам! - Пылко произнес Пьетро. Лукреция шикнула.

- Прошу! Шепчи это лишь себе под нос. Если Чезаре узнает об этом, никому неизвестно, что он сделает.

- Но разве ты не свободна? Я слышал о твоём покойном муже и соболезную тебе, но...

- Тише, дурак! - Карие глаза Лукреции заблестели. - Разве ты не знаешь, что Чезаре убил герцога Бишелье?.. Мой муж был задушен.

- Что?

- Это правда.

- Что с ним случилось?

- Я любила мужа. Чезаре сильно ревновал. Альфонсо был красив, а Чезаре знал, что *Новая болезнь* сделала с его лицом, хотя, видит Бог, изменения почти незаметны. Его люди подстерегли Альфонсо и избили его. Чезаре думал, тот прислушается к предупреждению. Но Альфонсо никогда не был марионеткой. Он нанес ответный удар. Сам он ещё не оправился от нападения Чезаре, поэтому послал своих людей. Чезаре чудом удалось избежать участи святого Себастьяно! Но потом он послал *его*! Этого жестокого человека! Он подослал Микелетто Корелью в спальню к моему мужу, где он оправлялся от ран, и тот задушил его.

- Это невозможно, - Пьетро нервно оглянулся.

- Я любила своего мужа. А теперь притворяюсь, будто люблю Чезаре, чтобы развеять его подозрения. Но он змея - всегда начеку, всегда подозрителен. - Она посмотрела Пьетро в глаза. - Слава Богу, что у меня есть ты, который может всегда меня утешить. Чезаре всегда ревнует, когда я уделяю внимание кому-то кроме него, но это не должно нам мешать. Тем более он уехал в Урбино, продолжать свою кампанию. Нам ничто не помешает.

- Ты уверена?

- Я сохраню всё в тайне, если ты поступишь так же, - настойчиво сказала Лукреция. Она взяла его руку и передвинула себе на бедро.

- О, Лукреция! - Выдохнул Пьетро. - Как же твои губы зовут меня!

Они стали целоваться, сперва деликатно, а потом всё более страстно. Эцио слегка изменил положение, и случайно задел ногой кирпич, который свалился в сад. Ассасин замер. Лукреция и Пьетро отшатнулись друг от друга.

- Что это? - Спросила девушка. - Никому не разрешается входить в мой сад и в мои комнаты без моего разрешения! Никому!

Пьетро уже вскочил, испуганно озираясь.

- Мне лучше уйти, - поспешно завил он. - Мне нужно подготовиться к утренней репетиции.

Я пойду! - Он наклонился и в последний раз поцеловал Лукрецию. - Прощай, любовь моя!

- погоди, Пьетро... Я уверена, здесь никого нет!

- Нет... Уже слишком поздно. Мне пора!

Напустив на себя меланхолический вид, он проскользнул через сад и вышел в дверь на другой стороне.

Лукреция немного подождала, потом встала и щелкнула пальцами. Из-за прикрытия высоких близ растущих кустов вышел солдат из ее личной охраны и поклонился.

- Я всё слышал, моя синьора, и могу за это поручиться.

Лукреция поджала губы.

- Отлично. Расскажи Чезаре. Посмотрим, что он сделает.

- Слушаюсь, синьора.

Ещё раз поклонившись, солдат удалился.

Оставшись в одиночестве, Лукреция сорвала с цветочной клумбы маргаритку и начала отрывать с неё лепестки, один за другим.

- Любит, не любит, любит, не любит...

Эцио соскользнул к ближайшей лестнице и пошел к девушке. Она присела, наблюдая за его приближением, и не выказывая страха, лишь удивление. Что ж, если у неё в саду еще есть стража, Эцио уделит им немного времени.

- Прошу, продолжай. Я не хотел тебя прерывать, - проговорил Эцио, не без иронии поклонившись.

- Так, так. Эцио Аудиторе да Фиренце, - она подала ему руку для поцелуя. - Чрезвычайно приятно с тобой познакомиться. Я так много о тебе слышала, особенно в последнее время. Думаю, никто не виноват в том, что в Риме нас преследовали небольшие огорчения? - Она помолчала. - Жаль, что Чезаре здесь нет. Ему бы понравилось.

- Я не ссорился с тобой, Лукреция. Освободи Катерину и я уйду. - В его голосе появились металлические нотки.

- Боюсь, это невозможно.

Эцио развел руками.

- Тогда ты не оставляешь мне выбора! - Он быстро приблизился к ней, не забывая об осторожности. У неё были длинные ногти.

- Стража! - Закричала она, в мгновение ока превращаясь из дворянки в гарпию, и хлестнула его по глазам ногтями, так что Эцио едва успел перехватить её за запястья. Вытащив из кожаного мешочка на поясе кусок бечевки, он вывернул руки Лукреции за спину и быстро связал запястья, потом швырнул её на землю и наступил одной ногой на платье, не давая девушке вскочить и убежать. После этого Эцио обнажил меч и кинжал и застыл, готовый лицом к лицу столкнуться со стражниками, спешащими от здания на помощь госпоже. К счастью для Эцио, они хоть и были крепко сложены, но оказались легко вооружены и не носили кольчуг. Эцио не стал менять позицию, потому что не мог позволить Лукреции вырваться и убежать (она уже попыталась укусить его за лодыжку, защищенную сапогом), поэтому пригнулся, уворачиваясь от клинка первого из подбежавших стражников и ударил того по незащищенному боку. Тот упал. Второй был более осторожен, но, заметив рычащую на полу Лукрецию, кинулся вперед, атакуя Эцио. Он ударил ассасина в грудь, но Эцио отбил удар вверх, сцепив оба клинка гардами, а потом, взмахнув левой рукой, послал кинжал прямо в голову противника. Стражник рухнул на землю. Последний, пользуясь тем, что Эцио не мог воспользоваться оружием, бросился вперед. Эцио резким движением кинул клинок, который, вращаясь, полетел вперед, к новому противнику. Последний стражник был вынужден вскинуть меч в попытке отбить лезвие, но было поздно - клинок порезал руку. Тот поморщился от боли,

но сделал шаг вперед, замахнувшись мечом на Эцио. Ассасин восстановил равновесие и со злостью вонзил кинжал в тело атакующего. Всё было кончено. Стражники лежали без движения, а Лукреция впервые за всё время заткнулась. Тяжело дыша, Эцио рывком поставил пленницу на ноги.

- Пошли, - приказал он. - И не пытайся кричать, а то вырву тебе язык.

Он потащил её к двери, через которую ушел Пьетро, и вскоре оказался в коридоре. Эцио потащил упирающуюся Лукрецию вниз, к тюремным камерам.

- Спасаете принцесс из замка? Как романтично! - Зло выплюнула Лукреция.

- Заткнись.

- Полагаю, ты считаешь, что, обвиняя, сея хаос и убивая всех, кого пожелаешь, ты послужишь великой цели?

- Я сказал: заткнись.

- Чего ты добиваешься? Чего? Разве ты не знаешь, насколько мы сильны?

Эцио в нерешительности замер на лестнице, ведущей вниз.

- Куда? - Спросил он девушку.

Она засмеялась, не удостоив его ответом. Эцио встряхнул её.

- Куда?

- Налево, - буркнула она.

Она некоторое время молчала, но потом снова заговорила. На этот раз Эцио не стал её перебивать. Теперь он знал, куда идти. Она пыталась вырваться из захвата, поэтому ассасин сосредоточился на двух задачах: во-первых, не дать ей вырваться, а во-вторых, быть готовым к засаде охранников, защищающих замок.

- Знаешь, что стало с семьей Пацци во Флоренции, когда ты сломил их? Твой дорогой друг Лоренцо, так же известный как Великолепный, завладел всем их имуществом и бросил Пацци в тюрьму. Всех их! Даже тех, кто не был замешан в заговоре против него. - Эцио невольно вспомнил, как Катерина отомстила тем, кто поднял против неё восстание в Форли. Меры принятые ей были куда более жестоки, чем те, что предпринял Лоренцо, которые выглядели попросту мягкими. Эцио отогнал эти мысли.

- Женщинам было запрещено выходить замуж, надгробные плиты семьи были стерты в порошок, - продолжала Лукреция. - Целые поколения были вычеркнуты из исторических книг. Пуфф! Так просто!

Но их не пытали и не казнили, - подумал Эцио. Вполне возможно, что в то время и в тех условиях действия Катерины были необходимы. Тем не менее, за эту жестокость Катерине пришлось заплатить преданностью людей, на которых она раньше могла положиться. Возможно, именно поэтому Чезаре удалось взять Форли.

Но Катерина всё ещё оставалась ценным союзником. Эцио должен был об этом помнить. И ещё о том, что нужно подавить все чувства, - воображаемые и реальные, - которые он испытывал к ней.

- Ты и твои друзья-ассасины игнорируете последствия ваших действий. Вы довольствуетесь тем, что приводите всё в движение, но не думаете о последствиях! - Лукреция остановилась, чтобы вдохнуть воздух, и Эцио грубо дернул её за собой. Но это не заставило её замолчать - В отличие от тебя Чезаре закончит начатое и принесет мир в Италию! Он убивает ради высшей цели, - опять-таки в отличие от вас!

- Невежественность и бездеятельность делают из человека легкую цель, - возразил Эцио.

- Говори что хочешь, - ответила Лукреция, заметив, что её слова достигли цели. - В любом случае, я говорю впустую, ты - лицемер!

Они добрались до камеры.

- Помни, - прошептал Эцио, обнажив кинжал, - если попытаешься позвать охрану, твой язык...

Лукреция тяжело задышала, но не произнесла ни звука. Эцио осторожно двинулся вперед. За столом сидели и играли в карты два охранника. Ассасин швырнул Лукрецию на пол и прыгнул на стражников, убив их прежде, чем они успели среагировать. Потом он

обернулся и бросился за Лукрецией, которая вскочила и побежала туда, откуда они только пришли, призывая на помощь. В два прыжка Эцио догнал её, заткнул одной рукой рот, а второй прижал к себе, развернул и потащил к камере Катерины. Лукреция попыталась зубами прокусить руку в перчатке, но, видя бесполезность своих действий, сдалась и обмякла.

Катерина уже стояла возле решетки, которую Эцио оставил открытой.

- Привет Лукреция, - проговорила, неприятно улыбаясь, Катерина. – Как же я по тебе соскучилась!

- Иди нахрен, шлюха!

- Как всегда очаровательна, - сказала Катерина. - Эцио! Подтащи её ближе, я возьму ключ, - обратилась она к ассасину, который тут выполнил её приказ. Он увидел, как ладонь Катерины коснулась груди Лукреции, скользнула между ними и вытащила ключ, висевший на черном шелковом шнуре.

Катерина протянула ключ Эцио, тот быстро отпер дверь. Тот же ключ отлично подошел к замку на цепях - Катерина по-прежнему была прикована к стене. Как только цепи были сняты, Эцио затолкнул в камеру Лукрецию.

- Стража! Стража! - закричала Лукреция.

- Да заткнись ты, - огрызнулась Катерина, схватила со стола стражников грязную тряпку и засунула этот кляп Лукреции в рот. Эцио веревкой связал ноги Лукреции, а потом захлопнул дверь в камеру и надежно её запер.

Эцио и Катерина посмотрели друг на друга.

- Мой герой, - сухо улыбнулась она.

Эцио проигнорировал эти слова.

- Ты сможешь иди?

Катерина попыталась, но пошатнулась.

- Не думаю - кандалы, в которые они меня заковали, натерли ноги.

Эцио вздохнул и поднял её на руки. Ему придется бросить её, словно куль, если они натолкнутся на стражу и ему потребуется быстро достать оружие.

- Куда? - Спросила она.

- Сперва в конюшни. А оттуда нам удастся быстро уйти.

- Почему ты спасаешь меня, Эцио? Нет, правда. Форли взят, и я для тебя бесполезна.

- У тебя есть семья.

- Но тебе-то они - чужие.

Эцио не останавливался. Он помнил, в какой стороне от них находятся конюшни. Удачно, что Катерина оказалась единственной пленницей в этой части тюрьмы. Других охранников здесь тоже не было. Тем не менее, он шел тихо и быстро, хотя и не настолько быстро, чтоб бездумно угодить в ловушку. Он часто останавливался и прислушивался. Женщина на его руках казалась легкой, от её волос всё ещё пахло ванилью и розами, напоминая от тех счастливых времен, когда они были вместе.

- Послушай, Эцио... Той ночью, в Монтериджони... когда мы... купались вместе... Я хотела убедиться в твоей верности. В том, что ты защитишь Форли. Конечно, защита моего города была не менее важна для ассасинов, чем для меня самой, но... - она оборвала себя. - Ты понимаешь, Эцио?

- Если ты хотела убедиться в моей верности, ты могла просто сказать об этом.

- Я хотела, чтобы ты встал на мою сторону.

- Тебе было недостаточно того, что моя преданность и мой меч - на твоей стороне. Ты хотела убедиться, что я предан тебе и сердцем. - Эцио шел, перенося вес женщины с одной руки на другую. - Но это всего лишь политика. Конечно. Я знал об этом. Не оправдывайся.

Где-то глубоко внутри он ощутил, как замерло сердце, словно он рухнул в бездонную шахту. Почему от её волос по-прежнему пахнет розами?

- Катерина, - начал он, чувствуя, как пересохло в горле. - Они?... Чезаре?..

Она смутно чувствовала то же, что и Эцио, и улыбнулась - одними губами, потому что ассасин не заметил в её глазах и тени улыбки.

- Ничего не было. Моё имя всё ещё чего-то стоит. Меня... не тронули.

Они добрались до главных ворот в конюшню. Стражи не было, но ворота были надёжно заперты. Эцио опустил Катерину на землю.

- Попробуй немного походить. Нужно, чтобы к ногам вернулась сила.

Он оглянулся, ища что-нибудь, что помогло бы отпереть ворота. Не было ни засовов, ни ручек. Но должен же быть способ...

- Попробуй там, - посоветовала Катерина. - Похоже, это какой-то рычаг?

- Жди здесь, - произнес Эцио.

- Как будто у меня есть выбор!

Он подобрался к рычагу и увидел в полу квадратную дыру с открытым люком. Судя по запаху, это должно было быть что-то вроде зернохранилища. Вглядевшись вниз, Эцио увидел множество мешков. Ещё там были ящики, огромное количество ящиков, заполненных чем-то похожим на порох.

- Поторопись, - крикнула Катерина.

Эцио взялся за рычаг и потянул. Сперва тот не поддавался, но потом, под тяжестью тела, пошевелился и, наконец, легко скользнул в сторону. Врата распахнулись.

Но в конюшне находились стражники, которые обернулись на скрип ворот и бросились к выходу, обнажив мечи.

- Эцио! На помощь!

Ассасин подбежал к ней, подхватил на руки и отнес к дыре в полу.

- Ты что делаешь?

Он держал её прямо над отверстием в полу.

- Не смей!

Эцио отпустил руки, не удержав смехом, когда она в панике вскрикнула. Расстояние было невелико, и ассасин увидел, как Катерина приземлилась на мягкие мешки. Потом Эцио обернулся к противникам. Бой был коротким и жестоким, стражники оказались вымотанными, к тому Эцио удалось застать их врасплох. Ассасин обращался с мечом куда лучше, чем многие из них. Тем не менее, одному из них удалось достать Эцио, но лезвие скользнуло по дуpletу, просто порвав ткань. Эцио и сам ощутил, что устал.

Когда всё закончилось, Эцио помог Катерине выбраться из зернохранилища.

- Сукин сын, - прошипела она, отряхиваясь. - Никогда больше так не делай.

Эцио показалось, что теперь она двигается более уверенно.

Ассасин выбрал лошадей, и вскоре те уже были оседланы и готовы к скачке. Он помог Катерине сесть на одну из них, сам оседлал вторую. С одной стороны от конюшни к главным воротам замка вела арка. Врата охранялись, но были открыты. Приближался рассвет, и, несомненно, вскоре из города в замок потянутся с товарами торговцы.

- Скачи изо всех сил, - напомнил Катерине Эцио. - Чтобы у них не было времени разобраться в том, что произошло. Сперва через мост, а потом на остров Тиберина. Там ты будешь в безопасности. Найди Макиавелли. Он ждет меня.

- Мы оба должны выбраться отсюда!

- Я поеду следом. Но сейчас я должен остаться и сделать что-нибудь, что задержит стражников.

Катерина так резко натянула поводья, что лошадь встала на дыбы.

- Возвращайся назад целым, - сказала она. - Или я тебя никогда не прощу!

Эцио пытался понять, что она имела в виду, когда Катерина послала лошадь в галоп. Она пронеслась мимо охранников у ворот, те отшатнулись с ее пути. Когда Эцио убедился, что она отдалилась на достаточное расстояние, он проехал обратно через конюшню к зерно- и порохо- хранилищу. По пути он прихватил факел, висевший на стене. Эцио бросил факел в дыру, развернул лошадь и поскакал к воротам, обнажая на ходу меч.

Стражники преградили ему путь, подняв алебарды. Эцио не знал, на что способна эта лошадь, но знал, что надо сделать. Он скакал прямо на стражников, а потом, в последнее мгновение, натянул поводья и наклонился вперед в седле, одновременно стукнув коленями лошадь. В тот же миг, когда лошадь бросилась вперед, со стороны конюшни раздался сильный взрыв. Он был прав! Это был порох! Земля задрожала от взрывов, некоторые из стражников инстинктивно бросились на землю. Лошадь, испуганная взрывами, оказалась достаточно решительна, чтобы всё-таки прыгнуть. Она взлетела в воздух, перепрыгнув через стражников так же легко, как перепрыгивала через забор. Чувствуя, как паника и смущение оставляют его, Эцио скакал в направлении восходящего солнца. Сердце его радостно билось. Он спас Катерину!

ГЛАВА 26

Эцио не был уверен, что, как и раньше, сумеет оторваться ото всех возможных преследователей, поэтому развернул коня. Ему не хотелось отказываться от такого великолепного животного, но все-таки он отвел его на конюшню, где когда-то (казалось, целую жизнь назад) вместе с Макиавелли брал коней, и передал его главному конюху. Конюшни были чистыми и явно процветали, располагаясь в районе, избавившемся от правления Борджиа, к тому же владельцу удалось сохранить независимость, по крайней мере, пока что. Оставив лошадь, Эцио пешком отправился на остров Тиберина. На берегу его уже ждал тайный паром ассасинов. Оказавшись на острове, Эцио поспешил к убежищу.

Там он увидел, что Катерина благополучно добралась до острова. Она лежала на чем-то вроде кровати возле двери, возле девушки крутился доктор. Она улыбнулась, увидев Эцио, и попыталась сесть, но доктор мягко удержал её.

- Эцио! Рада видеть, что ты в безопасности.

Он взял её за руку и сжал.

- Где Макиавелли?

Катерина никак не отреагировала на пожатие, хотя, возможно, она была еще слишком слаба.

- Не знаю.

Из тени в дальнем конце комнаты появился Ла Вольпе.

- Эцио! Рад тебя снова видеть!

Он обнял младшего друга.

- Это я привел сюда графиню. А Макиавелли...

Но тут двери распахнулись, и вошел сам Макиавелли. Он выглядел растерянным.

- Где ты был? - Поинтересовался Лис.

- Разыскивал Эцио. И я не обязан перед тобой отчитываться, - ответил Макиавелли, и Эцио с огорчением заметил, что между двумя его друзьями всё ещё существует напряженность. Макиавелли повернулся к Эцио и бесцеремонно спросил. - Что с Чезаре и Родриго?

- Чезаре почти сразу отправился в Урбино. А Родриго в Ватикане.

- Странно, - проговорил Макиавелли. - Родриго должен был быть в замке.

- Действительно, очень странно, - невозмутимо вставил Ла Вольпе.

Если Макиавелли и заметил колкость в голосе Ла Вольпе, он предпочел проигнорировать её.

- Что ж, мы зря потеряли время, - задумчиво сказал он, затем, спохватившись, быстро произнес. - Не обижайтесь, графиня. Мы рады видеть Вас в добром здравии.

- Я не обижаюсь, - отозвалась Катерина.

- Теперь, когда Чезаре уехал в Урбино, мы должны сосредоточиться на том, чтобы собрать силы.

Макиавелли поднял брови.

- Я думал, мы собираемся ударить прямо сейчас! Мы должны отправиться следом за ним и прикончить на месте.

- Это невозможно, - ответила Катерина. - Я видела его армию. Она огромна. Вам никогда до него не добраться.

- Мы будем работать здесь, - сказал Эцио. - В Риме. Мы уже неплохо начали. Поэтому нам нужно продолжить ослаблять влияние Борджиа, одновременно укрепляя собственное. На самом деле, я бы хотел приступить к этому немедленно.

- Ты говоришь так, словно тебя уже избрали главой Ордена, - укоризненно произнес Макиавелли. - Но твоё назначение не обсуждалось, не говоря уже об одобрении на совете.

- А я считаю, что нам нужен руководитель, и как можно скорее, - возразил Ла Вольпе. - У нас нет времени на советы и одобрения. Братство необходимо объединить и усилить, и,

клянусь своими деньгами, Эцио отлично для этого подходит. Макиавелли, я обращаюсь к тебе. Ты и я - двое самых влиятельных ассасинов в Братстве. Бартоломео будет обязан согласиться с нашим решением. Давай примем его прямо сейчас - если хочешь, можешь сохранить всё в тайне - а потом, когда-нибудь, проведем формальное голосование. Макиавелли собрался было что-то возразить, но, промолчав, лишь пожал плечами.

- Я не подведу вас, - заверил Эцио. - Гильберто, я хочу, чтобы ты привел сюда Бартоломео и мою сестру, Клаудию. Есть кое-что, что нам предстоит обсудить. Никколо, прошу, пойдем со мной.

По пути к выходу, Эцио остановился у постели Катерины.

- Позаботьтесь о ней, - попросил он доктора.

- Куда мы идем? - Спросил Макиавелли, когда они снова оказались в центре города.

- Я хочу тебе кое-что показать.

Эцио прошел к ближайшей рыночной площади. Половина лавок была открыта: работала пекарня, отгонял мух от мяса мясник, а зеленщик выставлял на продажу вялого вида фрукты. Как и раньше, лучше всего шли продажи у владельцев винных лавок. Эцио заметил, как небольшой отряд солдат Борджиа направляется к лавке несчастного кожевенника.

- Смотри, - сказал Эцио, когда отряд вошел в небольшую толпу покупателей.

- Я знаю, что происходит, - отозвался Макиавелли.

- А я знаю, что ты знаешь, Никколо, - кивнул Эцио. - Прости, но ты смотришь на картину в целом. Ты понимаешь, что нужно сделать, чтобы политически сломить Борджиа, и лично я не сомневаюсь в твоей искренности, - он помолчал. - Но мы должны начать с чего-то меньшего. Борджиа безнаказанно забирают у людей всё, что пожелают, пользуясь тем, что власть находится в их руках.

Они смотрели, как стражники толкнули торговца на землю, а потом, смеясь, забрали с прилавка всё, что хотели, и отправились дальше. Торговец поднялся с земли, с бессильной яростью смотря им вслед, а затем, чуть не плача, начал переставлять на прилавке товары. Какая-то женщина подошла, чтобы утешить его, но он лишь отмахнулся. Тем не менее, она осталась с ним рядом, смотря на него со смесью заботы и участия.

- Почему ты не помог ему? - Поинтересовался Макиавелли. - Почему позволил сделать это?

- Послушай, - вздохнул Эцио. - Помочь одному - это, конечно, хорошо, но это не решит проблему. Они вернутся, когда нас не будет рядом, и всё повторится. Посмотри на то, что здесь продают. Овощи вялые, мясо испорчено, хлеб черствый. Всё лучшее достается Борджиа. Как думаешь, почему люди пьют?

Макиавелли пожал плечами.

- Я не знаю.

- От горя, - отозвался Эцио. - У них нет надежды, их всячески притесняют. Они хотят забыть об этом. Но мы всё изменим.

- Как?

- Привлечем их на нашу сторону, - он развел руками. - Именно с этих людей начнется наше сопротивление Борджиа.

- Мы уже говорили об этом, - резко ответил Макиавелли. - Ты шутишь.

- Я начну с этого торговца. Чтобы победить в войне, Никколо, нам нужны верные солдаты, которые будут сражаться за нас. Мы должны посеять в их умах семена бунта, - он снова помолчал, а затем, более серьезно, продолжил. - Государство запугало этих людей, сделав их своими врагами. Если мы привлечем их на свою сторону, у нас будут люди, которые сломят власть Борджиа.

Макиавелли посмотрел на друга долгим, тяжелым взглядом.

- Тогда иди, - сказал он, наконец. - Иди и завербуй наших первых рекрутов.

- Я и собирался это сделать, - ответил Эцио. - Скоро ты увидишь, как из группы полных решимости мужчин и женщин, которых я соберу вокруг нас, я выкую меч, способный отрезать головы и руки с ногами Борджиа... и даже самим тамплиерам.

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

ГЛАВА 27

спешно закончив начатую утром работу и втайне приобщив нескольких недовольных граждан к делу ассасинов, Эцио вернулся в штаб-квартиру на Тиберинском острове.

Кроме преданных слуг, работавших и охранявших убежище, там никого не было, и Эцио понадеялся, что у него наконец-то появится свободное время, чтобы как следует все обдумать и спланировать. Но, уже оказавшись на месте, Эцио понял, что у него посетитель. Тот, кто хотел убедиться, что его присутствие не будет замечено, кто терпеливо ждал, пока слуги разойдутся

по своим делам по всему зданию, и только потом дал о себе знать.

- Пссс! Эцио! Сюда!

- Кто здесь? - Тут же встревожился Эцио, хотя голос показался ему знакомым.

По обеим сторонам от тропинки, ведущей к убежищу, росли высокие кусты, и никому за пределами Братства об Убежище известно не было. Если была хоть какая-то возможность, что кто-то вызнал секрет...

- Сюда!

- Кто это?

- Это я!

На тропинку из своего укрытия вышел Леонардо да Винчи, как всегда великолепно одетый и смущенный.

- Лео! Господи!

Но Эцио тут же вспомнил, кто был новым хозяином Леонардо, и подавил первое желание подойти и обнять старого друга.

Леонардо заметил его реакцию. Друг Эцио немного постарел, но можно было быть уверенным, что он не растерял ни стремительности, ни заразительного энтузиазма. Леонардо шагнул вперед, опустив голову.

- Я не удивлен, что ты не проявляешь особого энтузиазма, увидев меня.

- Должен признать, Лео, ты меня разочаровал.

Леонардо развел руками.

- Я знал, что ты проник в замок. Это мог быть только ты. Так я понял... что ты всё ещё жив!

- Разумеется, твои новые хозяева сказали бы тебе, если бы это было не так.

- Они ничего мне не говорят! Я для них не более чем слуга, - в глазах Леонардо мелькнул огонек. - Но они мне верят.

- Лишь пока ты им нужен.

- Думаю, я способен постоянно быть на шаг впереди них, - Леонардо сделал к Эцио еще один шаг, неуверенно протянув руку. - Как же хорошо снова видеть тебя, мой друг.

- Ты создал для них оружие - мы ничего не можем противопоставить новым pistolетам.

- Знаю. Но если ты позволишь мне объяснить...

- Как ты нашел это место?

- Я могу всё объяснить...

Леонардо выглядел таким раскаявшимся, таким несчастным, и казался настолько искренним, что сердце Эцио, призирая самое себя, потеплело от радости при виде старого друга. Кроме того, ассасин подумал, что Леонардо, без сомнения, пришел сюда, рискуя собственной жизнью. И что, если Леонардо хочет восстановить их дружбу, то он, Эцио, был бы полным глупцом, недостойным быть главой Братства, если бы отказался от дружбы и партнерства с таким человеком.

- Иди сюда! - Воскликнул ассасин, широко раскинув руки.

- Эцио! - Леонардо кинулся к другу, и двое мужчин крепко обнялись.

Эцио провел друга внутрь убежища, где они и расположились. Эцио знал, что Катерину перенесли во внутреннюю комнату, где она могла отдыхать в тишине и покое, и что доктор приказал её не беспокоить. Он боролся с искушением нарушить приказ доктора, но

он мог поговорить с ней и позднее. Кроме того, появление Леонардо заставило поменять приоритеты местами.

Эцио захватил с собой вино и лепешки.

- Расскажи мне всё, - попросил он.

- Я всё объясню. Но сперва, прости меня. Борджиа силой заставили меня служить им. Если бы я отказался, они бы сделали так, чтобы я умирал долго и в страшных муках. Они подробно рассказали, что сделают со мной, если я откажусь им помогать. Даже теперь я не могу вспоминать об этом без содрогания.

- Теперь ты в полной безопасности.

Леонардо покачал головой.

- Нет! Я должен к ним вернуться. Я буду куда более полезен для тебя, если они будут уверены, что я всё ещё работаю на них. Я и так сделал всё от меня зависящее, чтобы создать для них как можно меньше различных устройств, - Эцио хотел его перебить, но Леонардо вскинул дрожащую руку. - Пожалуйста, считай это исповедью, я хочу закончить. Тогда ты будешь волен судить меня так, как посчитаешь нужным.

- Никто тебя не осудит, Леонардо.

Леонардо еще сильнее напрягся. Не обращая внимание на угощение, он наклонился вперед, к Эцио.

- Я сказал, что работаю на них под принуждением, - продолжил он, - но это ещё не всё. Ты же знаешь, я стараюсь держаться подальше от политики. Я не хочу ввязываться в неприятности. Но те, кто стремится к власти, ищут меня, потому что знают, что я могу для них сделать.

- Я знаю.

- Но я тоже в игре. Мне приходится играть, чтобы выжить. Почему я так хочу выжить? Потому что я хочу ещё так много сделать! - Он перевел дыхание. - Я даже не могу тебе рассказать, Эцио, сколько мыслей в моей бедной голове! - Он сделал всеобъемлющий жест, показавшийся Эцио жестом отчаянья. - Ещё предстоит столько открытий!

Эцио промолчал. Это ему тоже было известно.

- Вот так, - закончил Леонардо. - Теперь ты всё знаешь.

- Почему ты пришел сюда?

- Чтобы загладить свою вину. Я хотел заверить тебя, что сердцем я не с ними.

- Что им от тебя надо?

- Все, что они только смогут от меня получить! В первую очередь военные машины. Они знают, на что я способен.

Леонардо вытащил пачку бумаг и передал другу.

- Это некоторые из устройств, которые я сделал для них. Взгляни! Вот бронированная машина, которая, если она верно построена, способна передвигаться по любой местности. Люди, спрятавшись внутри, могут вести огонь из пушек - огромных пушек - оставаясь полностью защищенными. Я назвал ее «танк».

Эцио побледнел, когда увидел чертежи друга.

- И он... уже построен?

Леонардо хитро улыбнулся.

- Я же сказал: «если она построена правильно». К сожалению, как видно из чертежей, эта штука способна поворачиваться только вокруг своей оси!

- Ясно, - улыбнулся Эцио.

- Теперь смотри сюда.

Эцио увидел изображение всадника, управляющего парой лошадей, запряженных бок о бок. Сзади была расположены длинные горизонтальные шесты, спереди и сзади, к которым крепились колеса, вращающие косообразные устройства, которые были способны перерубить любого врага, на которого направлял лошадей всадник.

- Дьявольское устройство, - ужаснулся Эцио.

- Да! Но, к сожалению, сам всадник... полностью беззащитен, - глаза Леонардо снова заблестели.

Эцио расплылся в улыбке, но тут же стер её с лица.

- А как же те пушки, что ты им дал?

Леонардо пожал плечами.

- Церберу нужно было бросить какую-нибудь подачку, - пояснил он. - Я должен был дать им хоть что-то работающее, чтобы они не заподозрили меня.

- Но это слишком эффективное оружие.

- Да, верно, - но они намного хуже того маленького пистолета, который я когда-то сделал для тебя, несколько лет назад, основываясь на чертежах из Кодекса. Правда, жаль, что я не смог удержаться от соблазна сделать ещё один.

Эцио с грустью вспомнил утраченное оружие из Кодекса. Но он должен вернуть его.

- В бумагах есть что-нибудь ещё?

Хотя они были одни, Леонардо понизил голос.

- Я скопировал не только чертежи больших машин, но и те страницы, где показано, как они могут использоваться в битве, - он иронически развел руками. - Увы, в бою они будут не особо эффективны!

Эцио с восхищением посмотрел на старого друга. Этот человек создал для венецианцев субмарину, которую те использовали против турецких галер! Если бы он не внес в эти чертежи намеренные дефекты, они никогда бы не смогли совладать с Борджиа. Он был рад снова приветствовать Леонардо. Этот человек стоил дороже двух армий.

- Ради Бога, Лео, выпей хотя бы бокал вина. Я знаю, что теперь я у тебя в неоплатном долгу.

Но Леонардо отмахнулся от предложенного бокала.

- Есть более важные новости. Ты знаешь, что Яблоко у них?

- Конечно.

- Они принесли мне его для исследований. И ты, и я уже знаем, какой силой оно обладает. Родриго знает немного меньше, но он куда умнее Чезаре, хотя Чезаре любит наблюдать за исследованиями.

- Сколько ты рассказал им о Яблоке?

- Куда меньше, чем мог, но я должен был рассказать хоть что-то. К счастью, Чезаре, кажется, был доволен и этими довольно ограниченными возможностями, о которых я ему рассказал. Но Родриго знает куда больше, и его терпение кончается, - Леонардо помолчал.

- Я думал о том, чтобы украсть его, но оно под постоянным наблюдением, а мне разрешено исследовать его только под строгим контролем. Но мне хватило сил, чтобы отыскать тебя. Ты знаешь, что Яблоко у Чезаре. Просто великолепно.

- Ты рассказал им о его особенностях?

- Конечно, нет! Всё, что я хочу - чтобы оно вернулось к законному владельцу.

- Не бойся, Лео. Мы вернем его. Постарайся держать Борджиа и дальше в неведении, насколько возможно, и если сможешь, сообщай о том, какую информацию о Яблоке ты им предоставишь.

- Хорошо.

Эцио помолчал.

- Есть ещё кое-что...

- Рассказывай.

- Я потерял всё оружие из Кодекса, которое ты для меня сделал.

- Ясно.

- Только первый клинок всё ещё со мной. Но пистолет, отравленный и двойной клинки, защитная пластина - всё утеряно.

- Хммм, - пробормотал Леонардо, потом улыбнулся. - Восстановить их будет не сложно.

- Правда? - Эцио едва смог поверить в это.

- Чертежи, которые ты мне передал, всё ещё во Флоренции, надежно спрятаны моими помощниками Аньоло и Инноченто. Борджиа никогда их не получат. Даже если им - не дай бог! - удастся захватить Флоренцию, или если это сделают французы, у Аньоло есть четкий приказ уничтожить бумаги. Ни Аньоло, ни Инноченто - не то, чтобы я не доверял им - никогда не смогут сделать это оружие без моей помощи. А я... я никогда не забываю чертежей. Однако...

Он почти смущенно замолчал.

- Тебе придется заплатить мне за материалы, которые мне понадобятся. И деньги вперед.

- Серьезно? - Поразился Эцио. - Ватикан тебе не платит?

Леонардо закашлялся.

- Очень... очень мало. Мне кажется, они считают, что моя жизнь - уже достойная плата. И я не настолько глуп, чтобы полагать, что день, когда мои услуги станут... ненужными, никогда не настанет. Они убьют меня так же легко, как убили бы собаку.

- Да, - отозвался Эцио. - Они скорее убьют тебя, чем позволят работать на кого-то ещё.

- Да, я думал о том же, - согласился Леонардо. - И оттуда действительно не сбежать. Не то, чтобы я хотел... Я хотел бы, чтобы Борджиа были разбиты. Я так глубоко увяз во всей этой политике! Но мой любимый Милан в руках французов... - он погрузился в размышления. - Может быть... потом... когда всё это закончится... Я мог бы попытаться удачи во Франции. Говорят, это цивилизованная страна...

Пришло время вернуть друга с небес на землю. Эцио сходил к железному сундуку и достал оттуда кожаный мешочек, полный дукатов. Его он и передал Леонардо.

- Оплата за оружие из Кодекса, - быстро пояснил он. - Когда оно будет готово?

Леонардо задумался.

- Это будет сложнее, чем в прошлый раз, - произнес он. - Я должен буду работать в тайне, в одиночку - я не могу полностью доверять тем, кто помогает мне у Борджиа. - Он помолчал. - Я свяжусь с тобой снова. Как только смогу, обещаю. - Он взвесил на ладони тяжелый мешочек. - Кто знает, тут много денег, что, возможно, я смогу предоставить тебе новое оружие, по моим собственным чертежам. Думаю, оно тебе пригодится.

- Тем, что ты делаешь для нас, ты заслужил мою вечную благодарность, и я буду защищать тебя, где бы ты ни оказался, - пообещал Эцио. Он сделал заметку в памяти, чтобы послать пару рекрутов, как только они закончат подготовку, внимательно следить за Леонардо и регулярно о нём докладывать.

- Как мы будем связываться?

- Я хотел предложить - вот так, - сказал Леонардо, взял кусок мела и начертил на столе перед ними руку с вытянутым указательным пальцем.

- Великолепно, - одобрил Эцио.

- Спасибо, это просто эскиз картины, которую я задумал - святой Иоанн Креститель. Я нарисую где-нибудь этот знак. Садись туда, куда он указывает.

Эцио подчинился.

- Вот так, - подытожил Леонардо. - Скажи своим людям, пусть держат глаза открытыми. Если они увидят один из таких знаков - для других он будет выглядеть просто как обычный рисунок - пусть дадут тебе знать. Приходи на это место. Так мы и встретимся.

- Отлично, - ещё раз одобрил Эцио.

- Не волнуйся, я постараюсь убедиться, что тебя предупредили. На тот случай, если ты отправишься на какое-нибудь задание или еще куда.

- Спасибо.

Леонардо встал.

- Мне пора. Иначе меня раскроют. Но сперва...

- Сперва что?

Леонардо усмехнулся и подкинул в руке мешочек с деньгами.

- Сперва я пройду по лавкам!

ГЛАВА 28

цио покинул убежище вскоре после ухода Леонардо, чтобы продолжить вербовку и занять себя хоть чем-нибудь. Он с нетерпением ждал момента, когда получит новое оружие из Кодекса.

Когда, уже на закате, Эцио вернулся, чтобы встретиться со своими союзниками, он обнаружил, что Макиавелли его опередил. Катерина сидела рядом с ним в кресле, ноги её были укрыты пледом. Макиавелли как обычно не стал церемониться.

- Где ты был? - Спросил он.

Эцио его тон не понравился.

- У каждого из нас свои секреты, - ответил он, стараясь сохранять спокойствие. - Могу ли я поинтересоваться, чем занимался ты?

Макиавелли улыбнулся.

- Я улучшил нашу голубиную почту. Теперь мы можем использовать голубей, чтобы отправлять сообщения рекрутам по всему городу.

- Отлично. Спасибо, Никколо.

Они посмотрели друг на друга. Макиавелли был почти на десять лет моложе Эцио, в его глазах (и в этом не приходилось сомневаться) всё ещё можно было заметить стремление к независимости и амбициозность. Он возмущен, что лидером стал Эцио? Надеялся, что выбор падет на него самого? Эцио отогнал эти мысли прочь: нет, конечно. Макиавелли был скорее теоретиком, дипломатом, политиком. Он мог не сомневаться в его полезности - и в его преданности - Братству. Если бы только Эцио мог окончательно убедить в этом Ла Вольпе.

Откликаясь на его мысли, в убежище вошел Ла Вольпе в сопровождении Клаудии.

- Есть новости? - Поинтересовался Эцио, как только они поприветствовали друг друга.

- Бартоломео просил передать извинения. Кажется, генерал Валуа усилил натиск.

- Понятно.

- Они с удвоенной силой продолжают нас атаковать. Но мы защищаем свою землю.

- Хорошо. - Эцио повернулся к сестре и холодно кивнул. - Клаудия, - проговорил он, склонив голову.

- Брат, - ледяным тоном вторила она.

- Прошу вас, садитесь, - сказал Эцио.

Когда все расселись, Эцио продолжил:

- У меня есть план, как остановить Борджиа.

- Я предлагаю, - немедленно перебил Макиавелли, - лишить его либо средств, либо сторонников.

- Благодарю, Никколо, - спокойно проговорил Эцио. - Мой план лишит его и того, и другого. Если мы лишим его средств, Чезаре потеряет армию и вернется ни с чем. Где он берет деньги?

- Мы знаем, - ответил Ла Вольпе, - что в основном он зависит от денег Родриго, банкиром которого является Агостино Киджи. Но у Чезаре есть и свой банкир, нам пока не известно, кто он, но у нас есть кое-какие подозрения.

Эцио решил, что в данный момент ему лучше не делиться собственными подозрениями. Было бы лучше, если б они подтвердились, если возможно, людьми Ла Вольпе.

- Я знаю человека, - он часто посещает «Цветущую розу» - который должен денег этому банкиру. Сенатор Эгидио Троке постоянно жалуется девочкам на жизнь.

- Отлично, - кивнул Эцио. - Я займусь этим.

- Есть кое-что ещё, - добавил Макиавелли. - Нам сообщили, что Борджиа собираются разместить французские войска на дороге, ведущей к замку Сан-Анджело. Похоже, твое нападение взволновало их. По всей видимости, Чезаре планирует вернуться в Рим. Немедленно. Почему так скоро - я не знаю. Но мы выясним это. В любом случае, когда он вернется, он будет окружен такой охраной, что тебе никогда до него не добраться. Наши

шпионы докладывают, что Чезаре хочет сохранить свое возвращение в тайне, по крайней мере, пока что.

- У него что-то есть в рукаве, - предположил Ла Вольпе.

- Блестящая мысль, - отозвался Макиавелли, и двое мужчин обменялись враждебными взглядами.

От Эцио это не ускользнуло.

- Похоже, что лучший вариант для нас - загнать в угол этого французского генерала, Октавиана, и убить его. Как только его не станет, французы перейдут от нападения к обороне, а значит, оставят свои позиции у замка Сан-Анджело.

Впервые за всё время подала голос Катерина:

- Даже если так, Эцио... Даже если солдаты покинут свою службу, папская гвардия продолжит защищать мост и главные ворота.

- Да, - согласился Ла Вольпе, - но есть потайной вход. У последнего любовника Лукреции, актера Пьетро Бенинтенди, есть ключ.

- У него? - Удивился Эцио. - Я видел их в замке.

- Я пошлю людей выяснить, где он, - пообещал Ла Вольпе. - Это будет несложно.

Катерина улыбнулась.

- Звучит неплохо. Я тоже хочу помочь. Есть вероятность, что у него отберут ключ, и он перестанет встречаться с Лукрецией. Эта сучка быстро теряет интерес к своим игрушкам.

- Минуточку, графиня, - перебил Макиавелли. - Мы обойдемся без вашей помощи.

Катерина с удивлением посмотрела на него.

- Почему?

- Потому что мы хотим вывезти вас из города - возможно, во Флоренцию, по крайней мере, до тех пор, пока не сможем отбить Форли. Ваши дети уже в безопасности. - Он оглядел всех. - Ваше спасение имеет неприятные последствия. Глашатаи по всему городу объявляют о щедром вознаграждении тому, кто доставит Борджиа графиню, живой или мёртвой. И никакие взятки не заткнут им рты.

Наступила тишина. Потом Катерина встала, плед упал на пол.

- Похоже, что я не могу больше здесь оставаться, - сказала она. - Прошу меня извинить.

- О чем ты говоришь? - Встревожено спросил Эцио.

- О том, что здесь я в опасности...

- Мы тебя защитим!

- И, что более важно, я у тебя в должниках, - она посмотрела на Макиавелли и добавила: - Не так ли, Никколо?

Макиавелли промолчал.

- Я всё сказала, - отрезала Катерина. - И немедленно пойду собираться в дорогу.

ГЛАВА 29

ы уверена, что сможешь ехать верхом? - спросил Эцио у Катерины.

- Ну, я же ехала из замка, когда ты меня спас.

- Да. Но тогда не было выбора.

- А сейчас есть?

Эцио промолчал. Наступило утро, и теперь Эцио смотрел, как Катерина и две служанки, которых выделила ей в помощь Клаудия, упаковывают одежду и провизию. Завтра утром, еще до рассвета, она покинет город. Небольшой отряд людей Эцио должен был проехать часть пути вместе с Катериной, чтобы убедиться, что она благополучно покинула Рим. Эцио хотел присоединиться к ним, но Катерина отказалась.

- Не люблю прощаться, - пояснила она. - Долгие проводы - лишние слёзы.

Эцио смотрел, как она хлопотала, собираясь в дорогу. Он подумал о временах, когда они еще были вместе, много лет назад, в Форли, а потом о том, как наивно было считать их встречу в Монтериджони возобновлением старых отношений. Ему показалось, что Братство ассасинов завладело всей его жизнью... И оставило в одиночестве.

- Я хочу, чтобы ты осталась, - попросил он.

- Эцио, я не могу. Ты же знаешь.

- Пусть служанки уйдут.

- Я спешу.

- Выстави их. Это ненадолго.

Катерина поступила, как он и просил, но от Эцио не скрылось, с какой неохотой она сделала это. После этого Катерина повернулась к нему и сказала:

- Через пять минут по водяным часам они вернутся, можешь быть уверен.

Теперь, когда они наконец-то остались одни, Эцио не знал, с чего начать.

- Ну? - Спросила она более мягко, и Эцио увидел беспокойство в её глазах, хотя и не мог предположить, что могло её обеспокоить.

- Я... Я тебя освободил, - запинаясь, произнес он.

- Да, и я благодарна тебе за это. Но почему ты не сказал остальным, что сделал это лишь потому, что я для вас по-прежнему полезный союзник... даже без Форли?

- Мы отобьем Форли.

- И тогда я вернусь туда.

Эцио снова замолчал. Сердце его наполнила пустота.

Она подошла ближе и положила ладони ему на плечи.

- Эцио, послушай. Без Форли я бесполезна. Если я и уезжаю сейчас, то лишь затем, чтобы оказаться в безопасном месте... рядом с детьми. Разве ты не желаешь, чтобы так всё и было?

- Желаю.

- Тогда...

- Я освободил тебя не потому, что ты ценный союзник.

На этот раз замолчала Катерина.

- Я сделал это, потому что...

- Молчи, Эцио.

- Почему?

- Потому что я не смогу ответить тебе тем же.

Никакое оружие не смогло бы ранить его сильнее, чем эти слова.

- Ты всего лишь использовала меня?

- Это звучит слишком грубо.

- А как мне ещё это называть?

- Я пыталась тебе объяснить.

- Ты безжалостная женщина.

- Я женщина, у которой есть незаконченные дела и долг.

- И значит, цель оправдывает средства.

Катерина помолчала, а потом ответила:

- Я уже пыталась тебе это объяснить. Смирись с этим. - Она отняла руки. Эцио заметил, что мысленно она снова вернулась к подготовке к путешествию. Катерина посмотрела на ещё не сложенные вещи.

Эцио опрометчиво подумал: *«К черту Братство! Я знаю, чего хочу! Почему я не могу пожить так, как пожелаю, хотя бы для разнообразия?»*

- Я еду с тобой, - произнес он.

Катерина снова обернулась к нему, глаза её были серьезны.

- Эцио, выслушай. Возможно, ты принял решение, но сделал это слишком поздно. Возможно, я тоже опоздала. Теперь ты глава Ордена ассасинов. Не смей бросать начатое - это огромная работа по восстановлению Рима, особенно после того, как Монтериджони был разрушен. Без тебя всё снова пойдет ко всем чертям, и кто тогда всем нам поможет?

- Ты никогда по-настоящему не хотела, чтобы я был с тобой.

Он посмотрел на неё. Катерина всё ещё стояла здесь, в одной с ним комнате, но мыслями была уже далеко. Он не знал, как давно она от него отдалилась, - возможно, она никогда и не была рядом. Возможно, он сам просто надеялся на это, или всё выдумал. В этот миг Эцио почувствовал, что смотрит на умершую любовь, но всё ещё не мог поверить в то, что она умерла. Но, как и в случае с любой другой смертью, Эцио понимал, что теперь у него нет иного выбора, кроме как принять её.

В дверь постучали.

- Войдите, - позвала Катерина, и в комнату вошли служанки.

Эцио оставил их заниматься делами.

На следующее утро он был полон решимости проводить Катерину и отряд, но не смог. Было холодно. Когда он добрался до площади в безопасном районе города, все уже сидели в седлах, лошади волновались. Возможно, хотя бы сейчас, в последний момент, Катерина уступит ему.

Но её взгляд, хоть в нем и светилась доброта, смотрел сквозь него. Эцио подумал, что было бы намного лучше, если бы она не смотрела с такой добротой. Доброта была почти оскорблением.

Всё, что он смог сказать, это: «Удачи, графиня... и прощайте».

- Надеюсь, мы ещё не прощаемся.

- А я думаю, как раз наоборот.

Она еще раз посмотрела на него.

- Что ж... тогда и тебе удачи, *мой принц*. И... Да победят ассасины!

Она развернула лошадь и, не говоря ни слова, не бросив на него даже прощального взгляда, поскакала во главе сопровождающего её отряда на север, прочь из его жизни. Он смотрел им вслед, пока они не превратились в едва различимые точки на горизонте, одинокий мужчина средних лет, которому выпал последний шанс найти любовь, а он его упустил.

- Да победят ассасины, - глухо пробормотал Эцио себе под нос, а потом повернулся и пошел обратно, в спящий город.

ГЛАВА 30

избежное возвращение Чезаре заставило Эцио отложить на время горе и взяться за дело, которое предоставила ему Судьба. Первым делом чтобы лишить Чезаре финансирования, необходимо было найти и обезвредить его банкира, а ниточка, ведущая к нему, вела из «Цветущей розы».

- Зачем ты пришел? - Даже если бы Клаудия пожелала этого, она не смогла бы быть еще менее дружелюбной.

- На собрании ты рассказывала о сенаторе.

- Да. И что?

- Ты сказала, что он должен денег банкиру Чезаре. Он здесь?

Она пожала плечами.

- Поищи его на Капитолийском холме. И я не думаю, что тебе потребуется моя помощь в этом деле.

- Как он выглядит?

- Дай подумать... обычно?

- Не играй со мной, сестра!

Клаудия немного смягчилась.

- Ну, ему около шестидесяти, худой, выглядит нервным, гладко выбрит, с седыми волосами, ростом примерно с тебя, может немного ниже. Его зовут Эгидио Троке. Он упрям, Эцио, пессимист, стоит на своём. Тебе придется потрудиться, чтобы уговорить его.

- Спасибо, - Эцио строго посмотрел на сестру. - Я собираюсь разыскать этого «Банкира» и убить его. У меня есть идея, насчет того, кто он, но мне нужно знать, где его искать. Этот сенатор приведет меня к нему.

- У Банкира много охраны. Тебе предстоит приложить много усилий, чтобы добраться до него.

- Думаешь, я не справлюсь?

- Мне всё равно.

- Послушай, Клаудия, если я был с тобой груб, то лишь потому, что беспокоился о тебе.

- Избавь меня от объяснений.

- Ты хорошо справляешься...

- Спасибо на добром слове...

- ...но мне нужно, чтобы ты сделала для меня еще кое-что. Когда я уничтожу Банкира, мне понадобятся твои девушки, чтобы спрятать его деньги в безопасном месте.

- Сообщи мне, когда - или лучше сказать «если»? - расправишься с ним.

- Только... будь осторожна.

Эцио, в плохом настроении отправился на Капитолийский Холм, административный центр Рима. Там он увидел кое-что занятное. На широкой площади, вокруг которой располагались правительственные здания, в сопровождении секретарей и помощников, державших кожаные папки с документами, ходили от здания к зданию сенаторы. Помощники суешили вокруг хозяев. Каждый из сенаторов пытался выглядеть чрезвычайно важным и занятым. Эцио смешался с толпой, выискивая человека, подходившего под описание Клаудии. Миновав толпу, ассасин насторожил уши, в надежде услышать хоть что-нибудь, способное помочь ему в поисках. Среди сенаторов не было никого похожего на Эгидио, хотя Эцио показалось, что он наконец-то отыскал его коллег, поглощенных оживленной беседой.

- Эгидио снова просил денег, - проговорил один.

- Как всегда. И на что на этот раз?

- Предложил сократить количество публичных казней.

- Это просто смешно!

Эцио перебрался к другой группе сенаторов и подслушал еще один разговор. Он пока не понял, был ли Эгидио просто воинствующим (а значит глупым) либеральным реформатором или же довольно неуклюжим мошенником.

- Эгидио ходатайствовал о прекращении пыток свидетелей в уголовном суде, - сообщил кто-то.

- Глупая попытка! - отозвался загнанного вида мужчина, с которым тот разговаривал. - Это просто блеф. Чего он действительно хочет, так это заполучить деньги, чтобы рассчитаться с долгами!

- Эгидио хочет запретить выкуп преступников!

- Да ладно! Такое никогда не произойдет! Каждый житель, к которому закон отнесся несправедливо, безусловно, должен иметь возможность заплатить за возможность уйти от наказания! Это наш долг! В конце концов, Святой Отец, который и разрешил выкуп преступников, последовал примеру самого Христа, сказавшего: «Блаженны милостивые!» Очередная афера Борджиа для того, чтобы получить ещё больше денег, подумал Эцио, а другой сенатор добавил:

- Почему мы должны давать Эгидио деньги? Все знают, на что он их тратит.

Оба рассмеялись и ушли по своим делам.

Тут внимание Эцио привлек отряд стражников Борджиа в бордово-желтых мундирах. Ассасин заметил вышитый на их дуллетах личный герб Чезаре - двух алых быков, которые вместе с лилиями делили герб на четыре части. Появление стражников всегда предвещало проблемы, поэтому Эцио двинулся к ним и, подойдя ближе, увидел, что они окружили сенатора. Другие сенаторы вели себя так, словно не происходило ничего не обычного, но Эцио заметил, что они держатся на приличном расстоянии от стражников.

Несчастный сенатор в точности подходил под описание Клаудии.

- Хватит спорить, - приказал командир отряда стражников.

- Давай деньги, - добавил капрал. - Долг есть долг.

Эгидио не проявлял никаких признаков наличия самоуважения. Он умоляюще попросил:

- Дайте старику отсрочку! - Сенатора затрясло. - Прошу вас!

- Нет, - прорычал сержант и кивнул двум своим людям. Те схватили Эгидио и швырнули на землю. - Банкир послал нас забрать долг, и тебе известно, что это значит!

- Прошу! Дайте мне время до завтра... до сегодняшнего вечера! Клянусь, я найду деньги!

- Плохой ответ, - ответил сержант и пнул сенатора в солнечное сплетение. Потом отступил, и капрал вместе с еще двумя солдатами принялись избивать лежащего старика.

- Так вам из него денег не выбить, - проговорил Эцио, выходя из тени.

- Ты кто такой? Его друг?

- Скорее заинтересованный наблюдатель.

- Тогда бери свой интерес и засунь себе в задницу! Это не твоё собачье дело!

Как Эцио и надеялся, сержант подошел к нему слишком близко. Ассасин с привычной легкостью извлек скрытый клинок, взмахнул рукой и перерезал офицеру глотку чуть выше воротника мундира. Остальные стражники в изумлении застыли, смотря, как их командир падает на колени, тщетно зажимая руками рану, из которой фонтаном хлестала кровь. Прежде чем они среагировали, Эцио кинулся на них, и несколько секунд спустя они присоединились к командиру в смерти, глотки у всех троих были перерезаны. У Эцио не было времени для схватки на мечах - только для быстрого эффективного убийства.

Площадь, словно по мановению волшебной палочки, опустела. Эцио помог сенатору подняться на ноги. На его одежде была кровь, а сам сенатор выглядел шокированным. Но это был шок, смешанный с облегчением.

- Нам лучше уйти отсюда, - предложил Эцио.

- Я знаю одно место. Иди за мной, - отозвался Эгидио, и очень быстро для своего возраста кинулся в переулок между двумя большими зданиями правительства. Они прошли по проулку вниз, повернули налево, спустились вниз по лестнице в подвал. Сенатор быстро отпер дверь, и впустил Эцио в маленькую, темную, но удобную на вид комнатку.

- Это моё убежище - пояснил Эгидио. - Весьма полезно для человека, у которого столько кредиторов, как у меня.

- Но один из них весьма влиятелен.

- Я ошибся, связавшись с Банкиром. Я не в полной мере смог оценить последствия такого шага. Лучше б я связался с Киджи. По крайней мере, он честен, насколько это вообще возможно для банкира! - Эгидио помолчал. - Но... кто ты такой? Добрый самаритянин в Риме? Я думал, они все вымерли.

Эцио решил не медлить.

- Вы Эгидио Троке, сенатор?

Эгидио удивился.

- Только не говори мне, что я должен денег ещё и тебе!

- Нет... но вы можете мне помочь. Я ищу банкира Чезаре.

Сенатор выдавил слабую улыбку.

- Банкира Чезаре Борджиа? Ха! А ты..?

- Скажем так, я - друг семьи.

- Сейчас у Чезаре много друзей. К несчастью, я не отношусь к их числу. Так что прошу меня простить, но мне надо собрать вещи.

- Я тебе заплачу.

Эгидио остановился и нервно обернулся.

- Заплатишь? Что за чудо! Он в одиночку справился со стражниками, а теперь предлагает деньги! Скажи, где ж ты был всю мою жизнь?

- Меня послали не небеса. Если поможешь мне, я помогу тебе. Все очень просто.

Эцио обдумал предложение.

- Пойдем к моему брату. Они не станут с ним конфликтовать, а здесь мы остаться не можем - тут слишком удручающе, к тому же мои - осмелюсь предположить, наши? - враги слишком близко.

- Пойдем.

- Но тебе придется защищать меня. За мной охотятся солдаты Чезаре, они будут не очень-то дружелюбны, если ты понимаешь, о чем я, - особенно после того представления, что ты устроил на площади.

- Пошли.

Эгидио осторожно вышел, убедился, что никого нет, и только потом пошел по лабиринту переулков и убогих улочек, по краю пересек небольшую площадь и несколько рынков. Дважды им встречались отряды стражников, и дважды Эцио вступал с ними в бой. Казалось весь город ополчился против Эцио и Эгидио - двое мужчин представляли для приспешников Борджиа желанную добычу. Время было не на стороне Эцио, так что когда на другой стороне небольшой площади появилась пара стражников, ассасин и Эгидио были вынуждены просто сбежать. Эцио с грузом в виде Эгидио не мог взобраться на безопасные крыши, поэтому единственное, что ему оставалось сделать - полностью положиться на знание Эгидио Рима. Наконец-то они добрались до нового, красивого особняка, окруженного высокой стеной, в нескольких кварталах от Престола Святого Петра. Эгидио отпер небольшую металлическую дверь в стене и провел Эцио во внутренний двор.

Оказавшись внутри, оба вздохнули с облегчением.

- Похоже, кто-то действительно хочет твоей смерти, - выдохнул Эцио.

- Нет - они хотят, чтобы я сперва заплатил.

- Почему? Значит, как только они получают свои деньги..? Ты для них что-то вроде дойной коровы.

- Не так все просто. На самом деле это я был глупцом. Я не стал Борджиа другом, даже если взял их деньги. Недавно ко мне попала кое-какая информация, которая дала мне возможность немного... обмануть Борджиа.

- Какая информация?

- Пару месяцев назад мой брат Франческо, казначей Чезаре - знаю, знаю, не начинай! – так вот, Франческо рассказал мне о планах Чезаре на счет Романьи. Я имею в виду, о том, что тот планировал там сделать. Он собирается создать там небольшое королевство, откуда

начнет завоевание всей страны, которую он будет держать в кулаке. А так как через Романью открываются пути на земли Венецианской республики, Венеции крайне не понравится, что Цезаре вторгся на их территорию.

- И что ты сделал?

Эгидио развел руками.

- Я написал послу Венеции, сообщив то, что узнал от Франческо. Чтобы предупредить его. Но должно быть одно из моих писем перехватили.

- Разве ты не впутал в это дело своего брата?

- До сих пор он сам мог отлично о себе позаботиться.

- Но что заставило тебя так поступить?

- Я хотел сделать хоть что-нибудь. Сейчас Сенат занимается только тем, что одобряет новые указы Борджиа, и ничем больше. Если бы не это, Сенат бы вообще распустили. Сенату нечем заняться, всем заправляют Борджиа. Знаешь, что делает с людьми безделье? – Эгидио тряхнул головой. – Оно меняет человека. Сознаюсь, я начал играть в кости, пить...

- И распутничать.

Сенатор посмотрел на Эцио.

- А ты догадливый. Даже очень. Что меня выдало? Одежда пропахла духами?

- Вроде того, - улыбнулся Эцио.

- Хммм. В общем, как я уже говорил, мы, сенаторы, привыкли заниматься тем, чем занимались прежде – прошениями о решении реальных проблем, типа - ох, я даже не знаю, с чего начать? – незаконная жестокость, брошенные дети, уличная преступность, процентные ставки по кредитам. В некотором роде, мы сдерживали Киджи и других банкиров. Теперь же законодательство заключается в том, что нам позволяют самостоятельно выбрать тему для обсуждения, - какую-нибудь ерунду, вроде того, какой ширины должны быть рукава женских платьев.

- Но ты не такой. Ты выманиваешь деньги на решение выдуманных проблем, чтобы расплатиться с долгами.

- Мальчик мой, эти проблемы вовсе не выдуманы. Как только власть снова окажется в руках законного правительства, а я укреплю свое финансовое положение, я намерен с удвоенной энергией взяться за решение этих проблем.

- И когда же наступит сей день?

- Будь терпелив. Тирания, конечно, невыносима, но и она не вечна. Она слишком хрупка.

- Хотел бы я в это поверить.

- Конечно, ты должен восстать против неё. Что бы ни случилось. Думаю, ты этим и занимаешься. – Он помолчал. – Я, наверное, лет на десять-пятнадцать старше тебя. Я многое должен успеть за оставшееся мне время. Ты никогда не смотрел на могилы и не думал: «Самое значительное дело, которое я сделал в своей жизни, - это смерть»?

Эцио промолчал.

- Нет, - продолжил Эгидио. – Думаю, не думал, - он снова стал самим собой. – Проклятые письма! Не нужно было посылать их послу! Цезаре убьет меня, как только ему представится такой шанс, не смотря на долги, если, конечно, он, каким-то чудом, не решит сорвать злость на ком-нибудь другом. Видит Бог, Цезаре очень непостоянен.

- Есть ещё кто-нибудь? Твой брат?

- Я себя никогда не прощу!

- Почему? Ты же политик.

- Мы не все настолько плохи.

- Где твой брат?

- Понятия не имею. Слава Богу, не здесь. Мы не разговаривали с тех самых пор, как он узнал про письма. Я перед ним в огромном долгу. Если бы он тебя увидел...

- Может, вернемся к делу? – Перебил Эцио.

- Конечно. Долг платежом и так далее.* Так чего ты хотел?

- Я хочу знать, где сейчас банкир Чезаре. Где он работает. Где он живет. И самое главное, кто он.

Эгидио заметно оживился.

- Точно! Я должен принести деньги. – Он снова развел руками. – Только есть проблема: денег у меня нет.

- Я же сказал, что дам их тебе. Просто скажи, сколько тебе надо. И где ты встречаешься с Банкиром.

- Я не знаю. Его посланники встречаются со мной в одном из трех условленных мест и отводят к нему... Я должен десять тысяч дукатов.

- Без проблем.

- Серьезно? – Эгидио прямо-таки просиял. – Перестань! Не вселяй в меня надежду!

- Будь здесь. Я принесу деньги на закате.

Эцио вернулся к Эгидио ранним вечером, сенатор недоверчиво посмотрел на него. Ассасин передал ему две тяжелые кожаные сумки.

- Ты вернулся! Ты правда вернулся!

- А ты, как вижу, ждал.

- Я в отчаянии. Не могу поверить, что ты правда сделал это!

- Есть одно условие.

- Я так и знал!

- Слушай, - произнес Эцио. – Если ты останешься в живых, - а я надеюсь, что так и будет,

- я хочу, чтобы ты следил за тем, что происходит в мире политики. Я хочу, чтобы ты докладывал обо всем, что узнаешь... - он помедлил, но потом продолжил, - Госпоже Клаудии в борделе «Цветущая роза». В особенности о том, что ты узнаешь о Борджиа. – Эцио мысленно улыбнулся. – Ты знаешь этот бордель?

Эгидио закашлялся.

- Я... У меня есть друг, который иногда его посещает.

- Отлично.

- И что ты будешь делать с этой информацией? Заставишь Борджиа исчезнуть?

Эцио усмехнулся.

- Я просто... вербую тебя.

Сенатор посмотрел на сумки с деньгами.

- Ненавижу их за то, что придется отдать им деньги. – Он погрузился в задумчивое молчание, а потом добавил: - Мой брат прикрывал меня, потому что мы семья. Я ненавижу этот кусок дерьма, которым он и является, но он всё ещё мой брат.

- Он работает на Чезаре.

Эгидио сумел взять себя в руки.

- Хорошо. Они сообщили мне о месте встречи в полдень, когда ты ушел. Как раз вовремя. Им не терпится заполучить деньги, поэтому встреча состоится сегодня вечером. Знаешь ли, с меня чуть не лился кровавый пот, когда я сказал посланникам, что принесу с собой всю сумму. – Сенатор снова замолк. – Скоро надо будет идти. Что ты будешь делать? Пойдешь следом?

- Будет плохо, если им покажется, что ты не один.

Эгидио кивнул.

- Верно. Я хотел выпить стакан вина на дорожку. Присоединишься?

- Нет.

- Что ж, а мне стаканчик просто необходим.

* Тут Эгидио вспоминает пословицу «Долг платежом красен» - прим.пер.

ГЛАВА 31

цио шел по лабиринту улиц следом за сенатором. Улицы, лежавшие ближе к Тибру, были ему более-менее знакомы. Он проходил мимо знакомых памятников, площадей и фонтанов, мимо дворцов, театров и галерей, строительство которых щедро профинансировали Борджиа, искавшие всё новые способы самовосхваления. Наконец Эгидио остановился на небольшой, но очень уютной площади, образованной стоявшими с двух сторон частными домами и рядом дорогих лавок с третьей. На четвертой стороне располагался небольшой ухоженный парк, спускавшийся к реке.

Туда Эгидио и направился. Сенатор присел на каменную лавку и сгорбился, напустив на себя уныние, посмотрел по сторонам, но, по всей видимости, сумел сохранить спокойствие. Эцио даже восхитился его самообладанием. Любое проявление нервозности заставило бы посланников Банкира насторожиться.

Эцио спрятался за кедром и замер. Но долго ждать не пришлось. Буквально через минуту после появления Эгидио, к сенатору подошел высокий мужчина в незнакомой Эцио форме. Эмблема на его плече была разделена на две части - на одной был изображен герб, черный бык на золотом поле, на другой - широкие черные и золотые вертикальные полосы. Эцио не имел ни малейшего понятия, чей это знак.

- Добрый вечер, Эгидио, - проговорил мужчина. - Кажется, ты готов умереть как мужчина!
- Не слишком-то дружелюбно, капитан, - отозвался Эгидио. - Посмотри, я принес деньги.

Мужчина поднял бровь.

- Правда? Так это же всё меняет. Банкир будет очень доволен. Надеюсь, ты пришел один?

- А ты видишь здесь кого-то ещё?

- Тогда иди за мной, умник.

Они пошли на восток и пересекли Тибр. Эцио следовал за ними на почтительном расстоянии, но старался держаться в пределах слышимости.

- Вы слышали что-нибудь о моем брате, капитан? - Спросил по пути Эгидио.

- Могу только сказать, что герцог Чезаре очень хочет с ним поговорить. Когда вернется из Романьи, конечно.

- Надеюсь, он в порядке.

- Если он ничего не скрывает, ему нечего бояться.

Дальше они шли в тишине, и у церкви Санта-Мария-сопра-Минерва повернули на север, в сторону Пантеона.

- Что будет с моими деньгами? - Поинтересовался Эгидио. Эцио понял, что он расспрашивает капитана специально для него. Умно.

- Твоими деньгами? - Рассмеялся капитан. - Надеюсь, там вся сумма с процентами.

- Да.

- Было бы лучше, если б так и оказалось.

- И всё же?

- Банкир любит делать подарки своим друзьям. Он их уважает. И может себе это позволить.

- И вас он тоже уважает?

- Думаю да.

- Какое благородство, - заметил Эгидио с таким нескрываемым сарказмом, что его заметил даже капитан.

- Что ты сказал? - Угрожающе спросил он, замедляя шаг.

- О... ничего.

- Пойдем, мы почти на месте.

Величественная громада Пантеона выросла из мрака. Площадь рядом с ним казалось тесной. Высокий коринфский портик здания, полторы тысячи лет назад построенного как храм всех римских богов, но уже давно превращенного в церковь, возвышался над площадью. В тени портика уже ждали трое мужчин. Двое были одеты так же, как капитан.

Третий - в гражданское. Это был высокий мужчина с сухощавой фигурой; прекрасные одежды висели на нём, как на вешалке. Они поприветствовали капитана, а гражданский холодно кивнул Эгидио.

- Луиджи! Луиджи Торчелли! - Громко воскликнул Эгидио, так, чтобы услышал Эцио. - Как приятно снова тебя увидеть. Я вижу, ты всё ещё работаешь на Банкара. А я-то думал, ты получил повышение по службе. Канцелярская работа и всё такое.

- Заткнись, - огрызнулся старик.

- Он принес деньги, - сообщил капитан.

Глаза Торчелли заблестели.

- Ну и ну! Хозяину понравится эта новость. Сегодня ночью он устраивает особый приём, так что я лично доставлю эти деньги ему в особняк. И я должен поторопиться. Время - деньги. Давайте их сюда!

Эгидио не собирался подчиняться, но двое охранников направили на него алебарды, и сенатор был вынужден передать сумки старику.

- Уф, - выдохнул он. - Они тяжелые. Рад от них избавиться!

- Заткнись, - повторил посланник Банкара и повернулся к охранникам. - Не отпускайте его, пока я не вернусь.

С этими словами он исчез в пустынной, похожей на пещеру, церкви, закрыв за собой тяжелые двери.

Эцио должен был пойти за ним, но не хотел проходить через двери. Тем более у них стояли охранники, мимо которых нельзя было пройти незамеченным. Но Эгидио тоже подумал об этом, потому что решил отвлечь и без того раздраженных охранников.

- Почему бы вам не отпустить меня? Я же уже заплатил, - с негодованием заявил он.

- А что если ты принес не всю сумму? - ответил капитан. - Сперва надо пересчитать деньги. Уж ты-то должен это понимать.

- Что? Десять тысяч дукатов? Это займет всю ночь!

- Значит, придется подождать.

- Если Луиджи опоздает, ему не поздоровится. Я могу вообразить, как страшен в гневе Банкар!

- Заткнись!

- Похоже, у вас довольно скудный словарный запас. Подумайте о бедном старике Торчелли, если он в ближайшее время не принесет деньги, он пропустит всё веселье. Или Банкар разрешает своим лакеям веселиться на его приеме?

Капитан раздраженно, но не слишком сильно треснул сенатора по голове. Эгидио молча упал, но ухмылка на его лице не исчезла. Он видел, как за спинами стражников проскользнул Эцио и начал взбираться по фасаду, направляясь к куполу.

Уже на крыше величественного круглого строения, Эцио направился к круглому отверстию на самом центре купола – окулусу. Это было тяжелое испытание для Эцио, но, уже оказавшись внутри, ассасин разглядел внизу посланника Банкара и моментально составил следующую часть плана. Посланник был примерно одного роста с Эцио, хотя и не такой мускулистый, но если всё пойдет хорошо, его свободные одежды скроют телосложение Эцио.

Сложность состояла в том, чтобы пролезть через отверстие в куполе и найти способ спуститься вниз. Но до этого Эцио уже был в Пантеоне и знал, что кадильницы, висевшие далеко внизу, были подвешены на цепи, закрепленные на куполе. Если у него получится добраться до одной из цепей... если она выдержит его вес...

Но другого пути не было. Эцио слишком хорошо знал, что даже он не сможет взобраться, как муха, по внутренней части собора (хотя потолок и был кессонным), на высоту в 140 футов над холодными серыми мраморными плитами.

Ассасин склонился над краем окулуса и заглянул внутрь. Точечка света внизу показывала, что посланник сидит на скамье у стены. Деньги лежали с ним рядом, а он внимательно

пересчитывал их в свете свеч. Эцио огляделся в поисках цепи. Ни одной в пределах досягаемости не обнаружилось. Если б он мог просто...

Он сменил позицию, опустил ноги в отверстие и повис на руках. Риск был велик, но цепи выглядели старыми и крепкими, и казались гораздо тяжелее, чем он думал. Он посмотрел на крепления в потолке, везде, насколько он мог разглядеть, они были вмурованы в камень.

В любом случае, иного варианта не было. Раскачавшись на руках, он бросил тело вперед, в пустоту.

На миг ему показалось, что завис в воздухе, что воздух держит его, как вода - пловца. Но потом он начал падать.

Он вытянул руки вперед к ближайшей цепи. И ухватился за неё! Перчатки заскользили по звеньям, и он пролетел несколько футов вниз, прежде чем смог надежно ухватиться и повиснуть в пустоте, слегка раскачиваясь. Он прислушался. Ни звука. Наверху было слишком темно, чтобы посланник смог бы разглядеть колеблющуюся цепь прямо над тем местом, где он сидел. Эцио посмотрел на свет. Свечи горели ровно, не было никаких признаков того, что его заметили.

Он медленно, но уверенно, стал спускаться, пока не оказался примерно в двадцати футах над полом. Ассасин подобрался настолько близко к посланнику, что мог разглядеть его силуэт, склоненный над сумками с деньгами, и золотые монеты, блестевшие в свете свечей. Эцио услышал бормотание посланника и тихое ритмичное пощелкивание счет.

Неожиданно - хотя это было скорее ужасно - сверху донесся скрежет. Крепление цепи не выдержало лишнего веса и сорвалось. Эцио отпустил цепь, едва почувствовав, как она ослабела, и рухнул к свечам. Когда он летел вниз, он услышал испуганное: «Кто там?» посланника и показавшийся бесконечным грохот 140-футовой цепи, которая, извиваясь, упала на пол. Эцио поблагодарил бога за то, что двери церкви закрыты, и их толщина заглушает любые звуки. Эцио рухнул на посланника всем своим весом, выбив из того дух. Оба распластались на полу – снизу посланник, а сверху - Эцио.

Посланник, извиваясь, пытался освободиться, но Эцио прижал его рукой.

- Кто ты? Господи, спаси и сохрани!

- Мне очень жаль, друг, - проговорил Эцио, выпустив скрытый клинок.

- Что? Нет! Нет! - Зататорил посланник. - Возьми деньги! Они твои! Все - твои!

Эцио усилил захват и подтащил мужчину ближе.

- Не прикасайся ко мне!

- Покойся с миром, - сказал Эцио.

Оставив тело на полу, Эцио быстро снял с покойника одежду и надел её поверх собственной, обмотав шарф вокруг шеи и нижней половины лица и низко опустив шляпу посланника. Одежда немного обтягивала его тело, но это было не слишком заметно.

Потом ассасин переложил оставшиеся деньги из сумок в металлический сундучок, который специально для этого и принес с собой посланник. Захватив с собой бухгалтерские книги и оставив на скамье счеты и кожаные сумки, Эцио сунул тяжелый ящик подмышку и направился к двери. Он надеялся, что достаточно хорошо запомнил манеру речи посланника, чтобы выдать себя за него. Во всяком случае, он должен был попытаться.

Эцио подошел к двери, открыл ее и услышал снаружи голос капитана: «Как продвигается?»

- Почти закончил.

- Хорошо, поспеши, Луиджи, а то мы опоздаем!

Эцио вышел на портик.

- Пересчитал?

Эцио кивнул.

- Отлично! - Воскликнул капитан, а потом, повернувшись к солдатам, державшим Эгидио, сухо приказал: - Убить его.

- Подождите! - Перебил Эцио.

- Что?

- Не убивайте его.

Капитан удивленно воззрился на ассасина.

- Но... Это же обычная процедура, Луиджи. Ты же знаешь, что он сделал?

- У меня приказ. От самого Банкира. Его нужно оставить в живых.

- Могу я узнать, почему?

- Хочешь обсудить приказ Банкира?

Капитан подал плечами и кивнул охранникам, державшим сенатора.

- Тебе повезло, - прорычал он Эгидио, который старался не смотреть на Эцио, а потом поспешил прочь, не говоря ни слова.

Капитан повернулся к Эцио.

- Хорошо, Луиджи. Веди.

Эцио растерялся. Он понятия не имел, куда идти, поэтому слова капитана завели его в тупик. Он взвесил на руках сундук.

- Он тяжелый. Пусть его понесут твои люди.

- Конечно.

Эцио передал им сундук, не двигаясь с места.

Стражники ждали.

- Сэр Луиджи, - проговорил капитан через несколько минут, - со всем уважением, хочу напомнить вам, что мы должны вовремя доставить деньги Банкиру. Конечно, я не ставлю под сомнение ваш авторитет... но, может быть нам пора идти?

Смысла тянуть время, чтобы подумать, не было. Эцио знал, что должен действовать по наитию. Возможно, Банкир живет где-то в окрестностях Сан-Анжело или Ватикана. Но где именно? Он выбрал замок Сан-Анжело и направился на запад. Охранники переглянулись, но пошли следом. Эцио практически спиной чувствовал их беспокойство, а, после того, как они отошли от Пантеона, услышал перешептывание:

- Это что, какое-то испытание?

- Не уверен.

- Может, мы слишком рано?

- Возможно, мы идем окольным путем по какой-то веской причине.

Наконец капитан похлопал Эцио по плечу и спросил:

- Луиджи, ты в порядке?

- Да, разумеется.

- Тогда вопрос... Со всем уважением, но почему ты ведешь нас к Тибру?

- Из соображений безопасности.

- О! А я удивился. Обычно мы ходим напрямик.

- Это важное нововведение, - ответил Эцио, надеясь, что так и есть. Но капитан никак не отреагировал.

Хотя Эцио и капитан больше не разговаривали, ассасин услышал, как один из охранников шепнул другому: «Если хочешь знать мое мнение, это полная чушь! То, что мы без дела слоняемся по городу, заставляет меня желать снова вернуться к кузнечному делу».

- Я проголодался. И хочу домой, - пробормотал второй. - Проклятая безопасность. Это же всего в паре кварталов к северу.

Услышав это, Эцио вздохнул с облегчением, вспомнив, где находится особняк другого банкира, Агостино Киджи, который занимался делами Папы. Он располагался к северо-востоку от того места, где они находились сейчас. Это наводило на мысль, что особняк Банкира тоже был недалеко - в финансовом районе. Было глупо не подумать об этом раньше. Но день, и правда, выдался слишком напряженным.

- Мы хорошо замели следы, - решительно сказал Эцио. - Отсюда пойдем напрямик.

Он уверенно направился к особняку Киджи и сопровождающие вздохнули с облегчением. Немного погодя, капитан сам пошел впереди, указывая путь. Они ускорили шаг и вскоре

оказались в районе с чистыми, широкими улицами. По обеим сторонам стояли высокие, хорошо освещенные здания из мрамора. Они подошли к солдатам, стоявшим на страже у подножья лестницы у одного из таких зданий, над их головами высилась впечатляющих размеров дверь.

Очевидно, они ждали Луиджи.

- Вы вовремя, - кивнул офицер, который явно был выше капитана по положению. Повернувшись к Эцио, он добавил: - Отдай сундук моим людям, Луиджи. Я лично удостоверюсь в том, что Банкир его получит. Но тебе тоже лучше пойти со мной. Кое-кто хочет с тобой поговорить. - Он огляделся. - А где сенатор Троке?

- Мы сделали всё, как было приказано, - быстро, прежде чем смог ответить кто-то ещё, проговорил Эцио.

- Отлично, - отозвался офицер.

Эцио поднялся по ступенькам вслед за новыми солдатами, тащившими сундук. Капитан, стоявший позади, попытался пойти следом.

- Тебя нельзя, - отрезал офицер.

- Нас не впустят?

- Не сегодня. Ты и твои люди должны остаться и патрулировать здесь. Можешь отправить одного из них за другим отрядом. Мы должны обеспечить идеальную безопасность. Приказ герцога Чезаре.

- Сукин сын, - проворчал один из охранников Эцио, тот, что раньше был кузнецом.

Эцио наострил уши. «Чезаре? Здесь?» - подумал он, лихорадочно размышляя.

Эцио вошел через открытые двери в ярко освещенный холл, в котором, к счастью, толпилось много людей.

Капитан и офицер продолжали спорить о необходимости патрулирования, когда к ним подошел отряд папской гвардии. Они запыхались, лица их выглядели озабоченными.

- В чем дело, сержант? - Спросил офицер у их командира.

- Простите, полковник... но мы были у Пантеона... двери были открыты...

- И что?

- Мы заглянули внутрь. Я послал своих людей вну...

- К делу!

- Мы нашли мессера Торчелли, сир! Мёртвого!

- Луиджи?

Офицер оглянулся на входную дверь, через которую только что прошел Эцио.

- Невозможно. Он только что пришел. С деньгами. Должно быть, кто-то ошибся.

ГЛАВА 32

цио быстро и незаметно стащил с себя одежду Луиджи и спрятал ее за колонной, потом прошел через толпу богато одетых гостей, многие из которых носили маски. Эцио не спускал глаз с солдат, тащивших сундук с деньгами. Он подкрался ближе к ним и увидел, как они передали сундук слуге в великолепной ливрее.

- Для Банкара, - пояснил один из стражников.

Слуга кивнул и, с легкостью подняв сундук, начал пробираться на другую сторону зала. Эцио собирался идти следом, когда к нему подошли три девушки и слегка коснулись руками. Их платья были такими же роскошными, как и у других гостей, но декольте почти не оставляли шанса воображению. Со смесью удивления и радости Эцио узнал куртизанок из «Цветущей розы». Он явно недооценил сестру. Не удивительно, что она так на него разозлилась.

- Мы выведем тебя отсюда, Эцио, - сказала одна из них.

- Ты не сможешь слишком близко к нему подобраться, - добавила вторая, - поэтому положишься на нас.

Они скользнули за слугой и быстро догнали. Одна из девушек заговорила с ним.

- Привет, - сказала она.

- Здравствуй, - осторожно проговорил мужчина. Ему было не слишком приятно находиться на таком приеме и в то же время не иметь возможности развлечься со всеми.

- Не возражаете, если я пойду с вами? Все эти люди! Через эту толпу просто невозможно пробраться.

- Конечно. Я хотел сказать, что не возражаю, если ты составишь мне компанию.

- Я никогда здесь раньше не была.

- А откуда ты?

- Из Траставере, - она театрально вздрогнула. - По пути сюда мы проходили через древние руины. Они пугают меня.

- Здесь ты в безопасности.

- Вы хотели сказать, с вами?

Слуга улыбнулся.

- Я смогу защитить тебя при необходимости.

- Даже не сомневаюсь, - она посмотрела на сундук. - Боже, какой у тебя огромный сундук!

- Он не мой.

- О... но ты держишь его в своих сильных руках. Должно быть, у тебя потрясающие мускулы!

- Хочешь их потрогать?

- Потрясающе! Но что же я расскажу на исповеди своему священнику?

Они подошли к зарешеченным дверям, которые охраняли два стражника. Эцио увидел, как один из них постучал в дверь. Мгновение спустя та открылась и появилась фигура в красной кардинальской мантии, которую сопровождал просто одетый слуга.

- Вот деньги, которые вы так ждали, Ваше Высокопреосвященство, - проговорил первый слуга, передавая сундук второму.

Эцио задержал дыхание, его подозрения подтверждались. Банкир был никем иным, как Хуаном Борджиа-старшим, архиепископом Монреаля и кардиналом-священником церкви Санта-Сюзанна. Именно его он видел вместе с Чезаре в Монтериджони и в конюшнях замка Сан-Анжело!

- Отлично, - проговорил Банкир. Черные глаза сверкнули на желтоватом лице. Он присмотрелся к девушке, стоявшей рядом со слугой. - Думаю, её я тоже заберу с собой.

Он схватил её за руку и подтянул к себе. Потом спокойно перевел взгляд на слугу.

- А ты - свободен.

- Большая честь! - Охотно проговорила девушка, прижавшись к Банкиру, а его слуга попытался скрыть проступившее на лице выражение. Второй слуга скрылся в комнате за дверью, туда же, на прием, ушел Банкир с девушкой, и двери закрылись.

Первый посмотрел им вслед, потом печально вздохнул, и хотел было уйти, когда хлопнул себя по боку и остановился.

- Мой кошель! Где же он? - Пробормотал он, потом посмотрел в ту сторону, куда ушли Банкир с девушкой. Они были окружены смеющимися гостями, среди которых бродили слуги с серебряными подносами, полными еды и напитков.

- Вот дерьмо! - Выругался он себе под нос и пошел обратно к входным дверям. Едва он прошел обратно, входная дверь закрылась. Очевидно, все гости были в сборе. Эцио посмотрел ему вслед и подумал: «Если Борджиа продолжают так относиться к людям, мне не составит труда набрать рекрутов».

Эцио повернулся и стал подбираться ближе к Банкиру. В этот момент на галерее появился герольд и трубач продул в фанфары, призывая к молчанию.

- Высокопреосвященство, синьоры, - объявил герольд. - Наш уважаемый господин, почетный гость, герцог Валенсии и Романьи, генерал-капитан Папской гвардии, принц Андрии и Венафро, граф дийосский, правитель Пьомбино, Камерино и Урбино - его святейшество мессер Чезаре Борджиа - имеет честь пригласить нас во внутреннюю комнату!

- Пойдем, дорогая, - ты будешь сидеть рядом со мной, - сказал Банкир куртизанке из «Цветущей розы», положив костлявую руку ей на попку. Эцио, зажатый в толпе, проследовал через двойные двери, ведущие во внутреннюю комнату. Он заметил, что другие две девушки были рядом, но теперь они благоразумно не обращали на него внимания. Он удивился, что сестра умудрилась заслать сюда столько союзников. Если ей удалось сделать всё, что он просил, ему придется приложить все усилия, чтобы переплюнуть сестру. Но одновременно с этим он почувствовал гордость и успокоился.

Он сел рядом с проходом в центре. Папская стража выстроилась вдоль стен комнаты, еще один отряд стоял перед возведенным на другом конце комнаты помостом. Когда все расселись, женщины принялись обмахиваться веерами - в комнате было жарко. На помосте появилась знакомая фигура в черном. Чезаре, как заметил Эцио, сопровождал отец, но Родриго просто молча сел позади. К счастью, Лукреции нигде не было видно, хотя её уже должны были освободить из камеры.

- Добро пожаловать, друзья мои, - с легкой улыбкой начал Чезаре. - Знаю, у нас впереди долгая ночь... - Он сделал паузу, ожидая пока стихнут смешки и рассеянные аплодисменты. - Но я не задержу вас надолго... Друзья мои, для меня большая честь, что кардинал-священник церкви Санта-Сюзанна приложил столько усилий, чтобы помочь мне отметить мои недавние победы...

Аплодисменты.

- ...А что может быть лучше, чем отпраздновать их, предавшись пирам и разврату? Скоро, скоро мы соберемся здесь на великолепном празднестве, чтобы отметить объединение Италии. И тогда, тогда, друзья мои, пиршество и веселье будет длиться не одну-две ночи, и даже не пять, не шесть и не семь. Мы будем праздновать сорок дней и ночей!

Эцио увидел, как при этих словах напрягся Папа, но Родриго ничего не сказал и не стал перебивать сына. Речь, как и обещал Чезаре, была короткой, - он огласил список захваченных им городов-государств, поделился смутными планами будущих завоеваний. Когда речь подошла к концу, Чезаре, под громкие крики одобрения и аплодисменты, повернулся чтобы уйти, но дорогу ему преградил Родриго, пытавшийся скрыть свою ярость. Эцио пробился вперед, чтобы услышать короткий спор, начавшийся между отцом и сыном. Остальные гуляки потянулись обратно в зал, с радостью предвкушая веселье.

- Мы не собирались завоевывать Италию, - полным ярости голосом проговорил Родриго.

- Но, дорогой отец, если твой талантливый генерал-капитан говорит, что мы сможем это сделать, почему бы не порадоваться и не дать этому случиться?

- Ты рискуешь разрушить всё! Нарушить хрупкий баланс сил, который мы с таким трудом сохранили!

Губы Чезаре сжались.

- Я ценю всё, что вы для меня сделали, дорогой отец. Но не забывайте, что именно я сейчас управляю армией, а значит, именно я принимаю решения. - Он замолчал, и слова его повисли в воздухе. - Что за взгляд! Развлекайся!

С этими словами Чезаре спустился с помоста и скрылся за занавешенной дверью. Родриго несколько секунд смотрел ему вслед, а потом, что-то бормоча себе под нос, пошел следом. «Можешь строить из себя кого угодно, Чезаре, - подумал Эцио. - Но я повергну тебя. И твой банкир должен заплатить ту же цену, что и ты».

Выйдя на улицу с гостями, Эцио побрел туда, куда ушли остальные. Пока Чезаре произносил речь, главный зал изменили - кровати и кушетки поставили под тяжелые балдахины а на полу разложили дамасские подушки и толстые персидские ковры. Слуги, как и раньше, бродили среди гостей, разнося вино, но гости были больше заинтересованы друг другом. Все люди в зале, мужчины и женщины, принялись скидывать с себя одежды, и расходиться по парам, тройкам, четверкам, и куда большими группами. В воздухе висел густой запах пота. Не все в помещении присоединились к веселью и играм, поэтому на Эцио мало кто обратил внимание. Прячась за колоннами, ассасин подобрался к Банкиру, который уже стащил с себя головной убор, великолепный плащ, и мантию, явив всем длинное худое тело в белой рубаше из хлопка и длинных шерстяных панталонах. Он и куртизанка полусидели, полулежали на диване под балдахином, который стоял в алькове, более-менее скрытом от глаз гостей. Эцио подобрался ближе.

- Надеюсь, тебе нравится вечер, моя дорогая, - проговорил Банкир, его костлявые руки неуклюже пытались справиться с платьем девушки.

- Да, высокопреосвященство. Очень. Тут столько интересного!

- Замечательно. Я не пожалел денег. - Его губы облизывали ей шею. Он кусал и посасывал её, опуская руку все ниже.

- Могу предположить, - ответила девушка. Она посмотрела через плечо Банкира, встретила взглядом с Эцио и предупредила, чтобы он оставался на месте.

- Да, дорогая, - власть помогает наполнить жизнь прекрасными вещами. Если я вижу яблоко, растущее на дереве, я просто срываю его. И никто меня не остановит.

- Ну, - отозвалась девушка, - думаю, это зависит от того, кому принадлежит дерево.

Банкир рассмеялся.

- Ты не поняла меня, моя дорогая, все деревья принадлежат мне!

- Но не моё, дорогой.

Банкир немного отпрянул, а когда снова заговорил, в голосе его был холод.

- Напротив, дорогая, я видел, как ты украла кошель у моего слуги. Чтобы искупить сей грех, ты предоставишь мне свои услуги бесплатно. На самом деле, ты будешь делать это бесплатно всю ночь!

- Бесплатно? - Эцио надеялся, что девушка знает, что делает. Он осмотрел комнату. Несколько солдат стояло по периметру с интервалом в пятнадцать футов. Но рядом никого не было. Банкир, на своей территории, был самоуверен. Возможно, даже слишком.

- Как я и сказал, - ответил Банкир, в его голосе звучала скрытая угроза. Потом к нему пришла другая мысль. - У тебя случайно нет сестры?

- Нет, но у меня есть дочь.

Банкир обдумал ответ.

- Триста дукатов?

- Семьсот.

- Ты умеешь торговаться, но я согласен! С тобой приятно иметь дело.

ГЛАВА 33

ечер тянулся медленно. Эцио прислушивался к голосам, звучащим вокруг: «Давай еще раз!», «Нет, нет... ты делаешь мне больно!», «Нет, не делай этого. Я не позволю!», - к звукам боли и наслаждения. Боль была реальной, наслаждение - притворным.

Банкир, к несчастью, не растерял энтузиазма, и, потеряв терпение, принялся срывать платье с девушки. Он по-прежнему одними глазами умоляла Эцио оставаться на месте. Казалось, она говорила: «Я сама справлюсь!».

Он оглядел комнату. Кое-кто из слуг и большинство стражников соблазнились возможностью присоединиться к всеобщему веселью. Ассасин заметил людей, державших дилдо из дерева и слоновой кости и короткие черные хлысты.

Рано...

- Иди сюда, дорогая, - проговорил Банкир, толкнув девушку на диван и заставив раздвинуть ноги, а потом опустил сверху. Потом его ладони сомкнулись вокруг её шеи, и Банкир стал душить девушку. Она из всех сил пыталась вдохнуть воздух, а потом потеряла сознание.

- О да! Замечательно! - Выдохнул он, вены на его шее вздулись. Его пальцы стискивали горло девушки. - Тебе понравится! И уж точно нравится мне! - Минуту спустя он закончил и тяжело рухнул на неё, переводя дух и скользя потным телом по телу девушки. Он не убил её. Эцио видел, как поднимается и опускается её грудь.

Банкир поднялся, оставив девушку лежащей наполовину на диване, наполовину на полу.

- Избавьтесь от неё! - Бросил он двум слугам, дежурившим неподалеку.

Банкир пошел в сторону, где разворачивалась главная оргия, Эцио и слуги смотрели ему вслед. Как только тот отошел достаточно далеко, занявшись чем-то, слуги переложили девушку на диван, поставили возле нее графин с водой, и укрыли пледом. Один из них заметил Эцио. Ассасин приложил палец к губам. Мужчина улыбнулся и кивнул. Всё-таки даже в этой зловонной адской дыре были порядочные люди.

Эцио тенью пошел за Банкиром; тот, подтянув панталоны, двигался от одной группы к другой, бормоча под нос что-то одобрительное, словно ходил по картинной галерее.

- О, великолепно, - время от времени говорил он, останавливаясь, чтобы посмотреть.

Потом он пошел к зарешеченной двери, через которую вышел в начале вечера, и постучал. Дверь открыл второй слуга, который наверняка все это время проверял новоприбывших.

Эцио не дал им не единого шанса закрыть дверь. Он прыгнул вперед, всем своим телом заталкивая обоих мужчин внутрь. Эцио закрыл дверь и повернулся к ним. Слуга, человек маленького роста в рубашке с закатанными рукавами, что-то пробормотал и упал на колени, темное пятно расплывалось по его штанам. Потом он потерял сознание. Банкир встал.

- Ты! - Воскликнул он. - Ассасин! Тебе не жить.

Его рука потянулась к шнурку колокольчика, но Эцио оказался быстрее. Выскочил скрытый клинок, и ассасин полоснул по ладони Банкира. Банкир отдернул покалеченную руку, на пол упали три пальца.

- Отойди! - Закричал он. - Если ты меня убьешь, тебе не поздоровится! Чезаре тебя везде найдет! Но...

- Что?

На лице мужчины появилось хитрое выражение.

- Если ты пощадишь меня...

Эцио улыбнулся. Банкир всё понял. Он баюкал покалеченную руку.

- Что ж, - произнес он, в глазах его появились слезы боли и ярости. - В конце концов, я успел пожить. Я столько увидел, почувствовал и попробовал. И я ни о чем не жалею. Не жалею о том, что я сделал в жизни.

- Ты развлекался, пользуясь властью. По-настоящему сильный мужчина презирает подобные вещи.

- Я давал людям то, что они хотят!
 - Ты обманывал сам себя.
 - Избавь меня от нравоучений!
 - Ты должен был выполнять свой долг, высокопреосвященство. Незаслуженное удовольствие уничтожает само себя.
- Банкир упал на колени, бормоча полузабытые молитвы.
- Эцио занес скрытый клинок.
- Покойся с миром, - произнес он.
- Уходя, он не стал закрывать дверь. Оргия перешла в сонное, зловонное копошение. Пару гостей рвало, их поддерживали слуги. Еще пара слуг тащили труп, - очевидно, чье-то сердце не вынесло происходящего. Стражи не было.
- Мы готовы, - раздался голос справа.
- Эцио повернулся и увидел Клаудию. Девушки в комнате помогали друг другу подняться, развязывали связанных, и собрались вокруг Клаудии. Среди них Эцио увидел девушку, с которой так отвратительно обошелся Банкир. Она была снова одета, и выглядела потрясенной и в то же время решительной. Слуги, которые помогли ей, стояли рядом. Новые рекруты.
- Уходи отсюда, - предложила Клаудия. - Мы забрали деньги. С процентами.
 - А ты..?
 - Один раз... хотя бы раз поверь мне, Эцио.

ГЛАВА 34

отя Эцио и терзали опасения из-за того, что он оставил сестру разбираться со всем в одиночку, ассасин признался себе, что сам просил её сделать за него эту работу. От этого зависело многое, но ему лучше подчиниться сестре и довериться ей.

Новый день только начинался, было холодно, поэтому он, накинув капюшон, проскользнул мимо дремлющих у входа в особняк Банкаира стражников. Факелы снаружи почти догорели, а само здание, из которого больше не сверкали огни, выглядело серым, старым и скучным. Он подумал о том, чтобы поискать Родриго, которого не видел с тех пор, как тот в ярости ушел после речи Чезаре, - да и сам Чезаре явно не собирался задерживаться на приёме, - но отмел эту мысль в сторону. Он не собирался в одиночку штурмовать Ватикан, к тому же он устал. Он вернулся на Тиберину, чтобы помыться и привести себя в порядок, но расслабляться себе не позволил. Нужно было как можно скорее выяснить, что с Клаудией. И только после этого он сможет отдохнуть.

Солнце вставало над горизонтом, превращая крыши Рима в золото, Эцио бежал по ним в сторону «Цветущей розы». С выгодной позиции наверху, Эцио увидел патрули Борджиа, курсирующие по городу. Солдаты были крайне взволнованы и возбуждены, но бордель был хорошо скрыт, а уважаемые клиенты надежно хранили тайну его местоположения. Никто не хотел отчитываться перед Чезаре, если тот вдруг пронюхает об этом. Поэтому Эцио не удивился, не увидев в окрестностях борделя солдат в бордово-желтой форме. Он спустился с крыш на улицу и пошел к борделю, стараясь не сорваться на бег.

Когда он дошел, напряжение его возросло. Снаружи были следы борьбы, мостовая залита кровью. Выхватив меч, Эцио, с бешено колотящимся сердцем, осторожно вошел в приоткрытую дверь.

Мебель в зале была перевернута, в комнате царил беспорядок. На полу лежали разбитые вазы, а картины - великолепные копии картин Боккаччо - сорваны со стен. Но это было еще не всё. У входа лежали тела трех мертвых стражников Борджиа, повсюду кровь. Когда Эцио вошел, к нему подбежала девушка-куртизанка, та самая, что пострадала от рук Банкаира. Её платье и руки были в крови, но глаза сияли.

- О, Эцио..! Слава богу, ты здесь!

- Что случилось?

Мысли Эцио крутились вокруг матери и сестры.

- Нам удалось уйти, но солдаты Борджиа преследовали нас всю дорогу до борделя...

- Что случилось?!

- Они попытались устроить засаду внутри.

- Где Клаудия и Мария?

- Идем со мной, - позвала она.

Она пошла во внутренний дворик «Цветущей розы». Эцио пошел следом, тревога не оставляла его, но он обратил внимание, что девушка не вооружена и, не смотря на боль, шла вперед без страха. Что здесь была за резня?.. Неужели стражники убили всех, кроме неё и забрали деньги? И как ей тогда удалось сбежать?

Девушка открыла калитку во внутренний дворик. Глазам Эцио предстало ужасное зрелище, но несколько иного рода, чем он ожидал.

Повсюду лежали тела мёртвых Борджиа, а те, что были ещё живы - были тяжело ранены или умирали. Среди них у фонтана стояла Клаудия в платье, залитом кровью, с длинным кинжалом в одной руке и стилетом в другой. Большая часть девушек, которых Эцио видел в особняке Банкаира, была рядом с ней, тоже вооруженная. Сбоку стояла Мария, которую защищали три девушки, а позади них у самой стены были сложены не один, а целых семь сундуков, похожих на тот, что Эцио принес Банкаиру.

Клаудия, как и остальные, была настороже, ожидая новую волну атаки.

- Эцио! - Воскликнула она.

- Да, - отозвался он, глядя на побоище.
- Как ты сумел сюда добраться?
- По крышам, с Тиберины.
- Ты видел других солдат?
- Много, но они кружат по окрестностям. Поблизости никого.
Сестра слегка расслабилась.
- Хорошо. Тогда надо прибрать на улице и закрыть дверь. А потом займемся этим... беспорядком.
- Кто-нибудь погиб?
- Двое - Лючия и Аньелла. Мы уже отнесли их в комнаты. Они храбро сражались. Она даже не дрогнула.
- Ты в порядке? - Неуверенно спросил Эцио.
- В полном, - спокойно ответила она. - Нам понадобится помощь, чтобы избавиться от тел. Ты не позовешь своих рекрутов? Наши новые друзья из слуг остались в особняке, чтобы сбить со следа тех, кто будет интересоваться нами.
- Кто-нибудь из этих, - он кивнул на стражников, - сбежал?
Клаудия помрачнела, не опуская оружия.
- Нет, никто. Чезаре не узнает об этом.
Эцио немного помолчал. Кроме плеска фонтана и щебета птиц не раздавалось ни звука.
- Как давно?
Клаудия чуть улыбнулась.
- Ты пропустил всё веселье.
Он тоже улыбнулся.
- Ну и пусть. Моя сестра знает, как обращаться с ножом.
- И готова продемонстрировать это снова.
- Ты говоришь, как настоящая Аудиторе. Прости меня.
- Ты должен был испытать меня.
- Я хотел тебя защитить.
- Как видишь, я сама могу о себе позаботиться.
- Вижу.
Клаудия убрала кинжалы и махнула в сторону сундуков.
- Этих процентов достаточно?
- Вижу, что ты вполне способна переиграть меня, и я... восхищен.
- Отлично!
И они сделали то, что хотели сделать последние пять минут: крепко обнялись.
- Замечательно, - проговорила Мария, обнимая их обоих. - Рада, что к вам наконец-то вернулся разум!

ГЛАВА 35

цио!

Эцио не ожидал, что так скоро снова услышит этот голос. Одна его часть думала, что больше никогда его не услышит. Тем не менее, он обрадовался, получив записку, оставленную для него на Тиберине, с приглашением на встречу. Эцио не выпускал эту записку из рук всю дорогу до «Спящего лиса», штаб-квартиры Гильдии Воров Ла Вольпе в Риме.

Ассасин оглянулся, но никого не увидел. Улицы были пусты, не было даже солдат Борджиа, потому что район был полностью подконтролен людям Ла Вольпе.

- Леонардо?

- Сюда! - Голос донесся из темного проема.

Эцио подошел, и Леонардо втащил его в тень.

- За тобой следили?

- Нет.

- Слава Богу! Я сильно волновался.

- А за тобой не следят?

- Нет... мой друг, мессер Салаи, прикрывает меня. Я бы доверил ему свою жизнь.

- Он твой друг?

- Мы очень близки.

- Будь осторожен, Лео, - у тебя доброе сердце, и молодые люди могут этим воспользоваться.

- Может я и мягкосердечен, но я не дурак. Пойдем.

Леонардо сперва осмотрел обе стороны улицы, и лишь потом вытащил Эцио. Пройдя несколько метров направо, он свернул в переулок, который извивался между голых стен и окон домов. Пройдя по нему метров двести, они вышли на перекресток трех улиц. Леонардо свернул налево и через несколько метров остановился у низкой, узкой двери, окрашенной в темно-зеленый цвет. Леонардо отпер её. Им обоим пришлось пригнуться, чтобы войти, но внутри оказалась просторный сводчатый зал. Солнечный свет лился в него из окон, расположенных по самому верху стен. Эцио увидел привычные столы, беспорядок, вещи, сложенные в кучи, рисунки, прикрепленные на стены, мольберты, скелеты животных, пыльные книги, карты - редкие и бесценные, как те, что когда-то были в коллекции ассасинов в Монтериджони, и которые по своему невежеству уничтожил Чезаре, так и не забрав их себе - карандаши, ручки, кисти, краски, стопки бумаг... В общем, всё было привычным и знакомым, даже в какой-то мере комфортным, похожим на беспорядок в мастерской, где Эцио впервые встретил Леонардо.

- Это моё убежище, - с гордостью сказал Леонардо. - Оно находится максимально далеко от моей официальной мастерской в замке Сан-Анжело. Сюда никто не приходит кроме меня. И Салаи.

- Разве за тобой не следят?

- Какое-то время следили, но я умею втираться в доверие, когда это необходимо, и они приняли всё на веру. Я снимаю этот склад у кардинала церкви Святого Петра в Винчоли. Он хорошо хранит тайны и ненавидит Борджиа...

- Но на крайний случай не повредит перестраховаться?

- Эцио, друг мой, ничего - ничего - от тебя не скроется! Теперь к делу. Не знаю, что тебе даже и предложить... Где-то у меня здесь была бутылка вина.

- Не надо... Не беспокойся. Просто скажи, зачем ты привел меня сюда?

Леонардо подошел к одному из длинных столов с правой стороны зала и покопался под ним. Он вытащил длинный, завернутый в кожу, деревянный ящик, который поставил на стол.

- Вот! - С показным жестом он открыл ящик.

Внутри ящик был покрыт пурпурным бархатом. «Идея Салаи, благослови его Господь!» - объяснил Леонардо. В ящике лежали потрясающие дубликаты оружия из Кодекса, которое утратил Эцио: браслет с защитной пластиной на левую руку, небольшой выдвижной пистолет, двойной клинок и отравленный.

- Самым сложным оказался защитный браслет, - продолжил Леонардо. - Было очень трудно воссоздать этот необычный металл. Но ты рассказывал мне о том, как потерял настоящее оружие, и я думаю, оно могло сохраниться в целости. Если бы ты мог снова достать его..?

- Даже если оно уцелело, оно погребено под несколькими тоннами камней, - ответил Эцио. - С таким же успехом оно могло оказаться на дне моря. - Он нацепил наруч и ощутил, что тот немного тяжелее первого, хотя выглядел надежно. - Даже не знаю, как тебя благодарить.

- Легко, - отозвался Леонардо. - Деньгами! Но это ещё не всё, - Он снова опустился под стол и достал еще один ящик, еще больше первого. - Это кое-что новое, и возможно пригодится тебе.

Он открыл крышку и достал легкий арбалет, болты к нему, комплект дротиков и кожаную перчатку, защищенную броней.

- Дротики отравлены, - пояснил Леонардо. - Так что не прикасайся к острию голыми руками. Если вытащишь его из... мишени, то сможешь использовать его повторно, до десяти раз.

- А перчатка?

Леонардо улыбнулся.

- Я очень ей горжусь. Она позволит тебе с легкостью забраться по любой поверхности. Почти как ящерице! - Он смущенно помолчал. - На самом деле, я не испытывал его только на стекле, но сомневаюсь, что ты когда-нибудь столкнешься с настолько гладкой поверхностью, - он снова помолчал. - Арбалет совершенно обычный, но очень компактный и легкий. Его особенность в том, что он настолько же мощный, как то оружие, которое сейчас заменяет мушкеты с колесцовым замком - прости - но главное его преимущество над мушкетом в том, что он более-менее бесшумен.

- Я не смогу забрать всё сейчас.

Леонардо пожал печами.

- Ничего страшного. Мы доставим его тебе. На Тиберину.

Эцио задумался.

- Нет. Лучше в бордель «Цветущая роза». Это в районе Монтиум, рядом со старым форумом с колоннами.

- Мы найдём.

- Оставь всё моей сестре, Клаудии. Можно? - Эцио взял лист бумаги и что-то на нём написал. - Передай это ей. Я набросал примерную карту, так как его сложно найти. Я принесу тебе деньги так быстро, как только смогу.

- Пять тысяч дукатов.

- Сколько?

- Это всё стоит недешево...

Эцио стиснул зубы.

- Хорошо, - он забрал назад листок бумаги и что-то дописал. - У нас недавно неожиданно появились... деньги. Сестра тебе заплатит. Послушай, Лео, я верю тебе. Ни говори никому ни слова.

- Даже Салаи?

- Салаи - как хочешь. Но если Борджиа узнают о борделе, я убью и Салаи, и тебя, друг мой.

Леонардо улыбнулся.

- Я знаю, сейчас наступили сложные времена, дорогой, но когда - хоть раз в жизни - я тебя подводил?

Удовлетворившись этим, Эцио попрощался с другом и отправился в «Спящую лису». Он опаздывал, но встреча с Леонардо того стоила.

Он вошел во двор и с радостью заметил, что таверна процветает, и собирался было сказать о своем прибытии ворам, стоявшим на страже у двери с надписью «Служебное помещение», когда из ниоткуда появился сам Ла Вольпе.

- Доброго дня, Эцио!

- Здравствуй, Гильберто!

- Рад, что ты пришел. Ты чего-то хотел?

- Может, присядем где-нибудь в тишине?

- В служебке?

- Давай останемся в гостинице. Я хотел сказать тебе кое-что, чтобы никто не услышал.

- Ладно, у меня тоже есть, что тебе сказать, и что должно остаться между нами.

Они сели за стол в пустой таверне, подальше от пьяниц и игроков.

- Пришло время наведаться к любовнику Лукреции, Пьетро, - сообщил Эцио.

- Хорошо. Мои люди уже ищут его.

- Замечательно, но актёра не сложно разыскать, а уж знаменитого...

Ла Вольпе покачал головой.

- Он достаточно знаменит, чтобы иметь дублеров. Мы полагаем, что он залег на дно, так как боится Чезаре.

- Вполне возможно. Что ж, поступай, как знаешь. Что ты хотел мне сказать?

Несколько секунд Ла Вольпе боролся сам с собой, потом сказал:

- Это деликатное дело... Эцио, могу ли я...

- Ты о чем?

- Кто-то предупредил Родриго, чтобы тот держался подальше от замка Сан-Анжело.

- И ты думаешь, этот кто-то... Макиавелли?

Ла Вольпе промолчал.

- У тебя есть доказательства? - Продолжал давить Эцио.

- Нет, но...

- Я знаю, что Макиавелли беспокоит тебя, но послушай, Гильберто, нельзя действовать на основании одних подозрений.

Дверь с грохотом распахнулась и в гостиницу ввалился раненый вор.

- Плохие новости! - Воскликнул он. - Борджиа узнали, где находятся наши шпионы!

- Кто им сообщил? - Прогремел Ла Вольпе, вскакивая.

- Вчера маэстро Макиавелли спрашивал, как продвигаются поиски актёра.

Ла Вольпе сжал руки в кулаки.

- Эцио? - Тихо позвал он.

- Они захватили четверых наших, - продолжал вор. - Мне посчастливилось сбежать.

- Где?

- Недалеко. Около Санта-Мария-дель-Орто.

- Пошли! - Крикнул Эцио Ла Вольпе.

За считанные минуты люди Ла Вольпе приготовили двух коней, и ассасины поспешно выехали из конюшен «Спящей лисы».

- Я всё ещё не верю, что Макиавелли оказался предателем, - настаивал на своем Эцио, пока они скакали.

- Он на какое-то время затаился, чтобы рассеять наши подозрения, - бросил Ла Вольпе. - Посмотри фактам в лицо: во-первых, нападение на Монтериджони, во-вторых, то, что случилось в Сан-Анжело, а теперь ещё и это! За всем этим стоит он!

- Тогда скачи! Скачи, как молния! Мы должны успеть вовремя, чтобы спасти их!

Они ни поскакали по узким улочкам, расталкивая в стороны людей, надеясь, что не затоптали их, и на огромной скорости снесли несколько торговых палаток. Люди и куры разбегались с их пути, только стражники Борджиа попытались остановить, вскинув алебарды, но ассасины попросту смели их.

Они добрались до места, которое указал раненый вор, за семь минут, и увидели солдат в бордово-желтых мундирах, собиравшихся затолкать четверых пойманных воров в крытый фургон. Солдаты били воров эфесами мечей и издевались над ними. В этот момент на них и обрушились Эцио и Ла Вольпе, словно разъяренные фурии. Обнажив мечи, они ловко направили лошадей, отрезав солдат от заключенных и рассеяв стражников по площади у церкви. Крепко держа меч в правой руке, Ла Вольпе отпустил поводья, которые держал левой, и держась только ногами, объехал вокруг фургона, выхватил у возчика кнут и жестоко хлестнул лошадей по бокам. Те встали на дыбы, заржали, а потом в панике бросились прочь. Возчик тщетно пытался их остановить. Отбросил кнут в сторону, Ла Вольпе чуть было не свалился, но успел схватиться за поводья. Потом послал коня к Эцио, которого окружили пятеро солдат. Стражники ударили коня в грудь мечами и алебардами. Разогнав их своим мечом, Ла Вольпе дал Эцио время вырваться из ловушки и рубануть мечом по ближайшему из стражников. Развернув в тесном кругу коня, он снова с силой ударил и отрубил голову второму. Тем временем Ла Вольпе расправился с последним из стражников - остальные либо лежали раненые, либо сбежали.

- Бегите, придурки! - Крикнул Лис своим людям. - Обратно на базу! Сейчас же! Встретимся там!

Четверо воров, поддерживая друг друга, бросились вниз по главной улице, затерявшись в небольшой толпе, собравшейся посмотреть на бой. Эцио и Ла Вольпе поехали следом, следя, чтобы все вернулись в целостности и сохранности.

Они вошли в «Спящую лису» через потайную дверь и собрались в трактире; на гостинице висела табличка «Закррито». Ла Вольпе приказал подать на всех пива, но не стал дожидаться, пока его принесут, и начал расспросы:

- Что вы узнали?

- Босс, они планируют убить актёра этим вечером. Чезаре послал своего «мясника», чтобы он сделал это.

- Кого? - Удивился Эцио.

- Ты видел его, - ответил Ла Вольпе. - Микелетто Кореллья. Никто не забудет такое лицо. Эцио вспомнил, что видел этого человека по правую руку от Чезаре в Монтерджони, а потом - в конюшнях замка Сан-Анжело. Неприятное, изуродованное лицо, из-за которого он выглядел старше, чем был на самом деле; ужасные шрамы возле рта навсегда закрепили на его лице саркастическую улыбку. Микелетто Кореллья. Или на самом деле, Мигель де Корелла.

Корелла - регион в Наварре был не только родиной неплохих вин, но и этого палача и убийцы?

- Он способен убить человека ста пятьюдесятью разными способами, - сказал Ла Вольпе. - Но предпочитает душить. - Он помолчал. - Безусловно, он лучший убийца в Риме. От него никто не ускользал.

- Будем надеяться, сегодня вечером это случится впервые, - отозвался Эцио.

- Где это случится? Вы узнали? - спросил Ла Вольпе у воров.

- Сегодня вечером Пьетро выступает в мистерии. Он репетирует в секретном месте.

- Наверное, он напуган. Что дальше?

- Он играет Христа. - Воры вместе засмеялись. Ла Вольпе пристально посмотрел на них. - Его подвешат на кресте, - продолжил вор. - Микелетто подойдет с копьем, чтобы проткнуть его, но это будет по-настоящему.

- Вы знаете, где сейчас Пьетро?

Вор покачал головой.

- Нет. Мы не нашли его. Но мы знаем, что Микелетто будет ждать в старых банях императора Траяна.

- В банях Траяна?

- Да, мы думаем, план таков: Микелетто переоденет своих людей в костюмы и выставит убийство, как несчастный случай.

- Но где произойдет это представление?

- Мы не знаем, но где-то недалеко от того места, где Микелетто будет ждать своих людей.

- Я пролежу за ним, - решил Эцио. - Он приведет меня к любовнику Лукреции.

- Еще что-нибудь? – Ла Вольпе кивнул своему вору.

Они покачали головами. Слуга принес пиво, хлеб и мясо, воры с удовольствием набросились на еду. Ла Вольпе отвел Эцио в сторону.

- Эцио, прости, но я убежден, что Макиавелли предал нас, - он поднял руку, не давая Эцио возразить. - Твои слова не разубедят меня. Я знаю, мы оба хотели бы, чтобы это было не так, но теперь всё стало ясно. Я считаю, что мы должны сделать... то, что необходимо. - Он помолчал. - Если это не сделаешь ты, это сделаю я.

- Я понял.

- И еще одно Эцио. Видит Бог, я предан Братству, но я так же должен позаботиться о своих людях. Пока всё не уладится, я не собираюсь подвергать их риску - я хочу сказать, неоправданному риску.

- У тебя свои приоритеты, Гильберто, у меня - свои.

Эцио ушел, чтобы подготовиться. Взяв у Лиса лошадь, он поехал напрямик в «Цветущую розу». Клаудия поприветствовала его.

- Тебе кое-что принесли, - сообщила она.

- Правда?

- Двое мужчин, очень элегантные. Один молодой, похожий на жулика, но всё же довольно красивый. Второму около пятидесяти, примерно лет на пять старше тебя. Конечно же, я его вспомнила - твоего старого друга Леонардо. Но он вел себя довольно официально. Передал мне твою записку. А я им заплатила.

- Быстро они.

Клаудия улыбнулась.

- Он сказал, что подумал, - ты оценишь скорость доставки.

Эцио улыбнулся в ответ. Было бы неплохо столкнуться вечером с врагом - он представил себе людей Микелетто, обученных убивать со всей жестокостью - вооружившись оружием из Кодекса. Но ему нужен был запасной вариант, а из слов Ла Вольпе он знал, что не может рассчитывать на воров.

Он подумал о собственных рекрутах. Пришло время проверить, чему они научились.

ГЛАВА 36

цио не знал, что в это же самое время мессер Кореллья выполняет поручение своего хозяина, перед тем, как отправиться на задание вечером.

Он молча стоял на пустынной пристани близ Тибра. Несколько барж и два корабля мягко качались на волнах, стоя на якоре. Грязные свернутые паруса слегка колыхались от ветра. К кораблям приблизились несколько стражников с гербами Чезаре на мундирах. Они полу тащили, полу вели за

собой мужчину с завязанными глазами. Во главе отряда был сам Чезаре.

Микелетто без удивления узнал в человеке Франческо Троке.

- Прошу, - всхлипнул Франческо. - Я ничего не сделал.

- Франческо, мой дорогой друг, - проговорил Чезаре. - мне известно всё. Ты рассказал своему братцу о моих планах в Романьи, и он связался с послом Венеции. Ты не можешь отрицать свою вину.

- Это была случайность. Я по-прежнему остаюсь твоим слугой и верным союзником.

- Ты требуешь, чтобы я ради дружбы простил тебя?

- Не требую, а умоляю.

- Мой дорогой Франческо, чтобы объединить Италию, я должен держать под контролем всё. Тебе известно, что все мы служим могущественной организации, во главе которой стою я - Ордену тамплиеров.

- Но я думал... что ваш отец...

- Если Церковь не подчинится мне, - жестко продолжал Чезаре, - я её полностью уничтожу.

- Но вы же знаете, что я работаю не на Папу, а на вас.

- Да неужели, Троке? Есть только один способ окончательно убедиться в этом.

- Уверен, что вы не убьете меня намеренно. Я же ваш самый преданный союзник.

Чезаре улыбнулся.

- Ну, конечно же, нет.

Он щелкнул пальцами. За спиной Франческо появился Микелетто.

- Вы... Вы отпустите меня? - В голосе Троке проскользнуло облегчение. - Благодарю, Чезаре. Спасибо от всего сердца. Вы не пожалеете...

Но его речь оборвалась, стоило только Микелетто наклониться вперед и накинуть Франческо на шею тонкий витой шнур. Чезаре мгновение смотрел на это, и, не дожидаясь, пока Франческо умрет, повернулся к капитану стражи:

- Костюмы для мистерии готовы?

- Да, сир!

- Отдайте их Микелетто, когда он закончит.

- Да, сир!

- Лукреция моя, и только моя. Не думал, что она так важна для меня, но когда мне в Урбино доставили послание от одного из её людей, что какой-то отвратительный актёришка смеет её лапать и пускать на неё слюни, я немедленно вернулся! Испытывал ли ты когда-нибудь такую страсть, капитан?

- Да, сир!

- Глупец. Ты закончил, Микелетто?

- Мессер, он мертв.

- Привяжите к нему камни и сбросьте в Тибр.

- Слушаюсь, Чезаре.

Капитан отдал приказ своим людям, и четверо солдат сходили и принесли две больших плетеных корзины.

- Вот костюмы. И дважды убедись, что всё сделал правильно.

- Хорошо, мессер.

Чезаре ушел, оставив своих подчиненных заниматься приготовлениями к миссии. Мекелетто, жестом приказав солдатам идти за ним, направился в сторону терм Траяна.

Эцио вместе с отрядом рекрутов уже был там, прячась в тени разрушенного портика. Он заметил, как недалеко собрались несколько человек в черном. Вскоре появился Микелетто.

Охранники положили костюмы рядом с людьми в черном, Микелетто жестом приказал им одеваться. Под прикрытием глубоких теней Эцио кивнул своим людям, чтобы те были готовы. На левое запястье он прицепил защитный наруч, на правое - отравленный клинок. Люди Микелетто выстроились в линию и по одному стали подходить к командиру, который вручал им костюмы - одежду римских легионеров, живших во времена Христа. Эцио заметил, что сам Микелетто надел костюм центуриона.

Когда все разошлись надевать костюмы, Эцио бесшумно привел в действие отравленный клинок, что сделал для него Леонардо. Ничего не подозревающие бандиты без единого звука валились на землю. Потом один из рекрутов Эцио забрал одежду, и они оттащили тела приспешников Микелетто туда, где их бы не заметили.

Погруженный в работу, Микелетто не подозревал, что теперь он командует совсем не своими людьми. Он спокойно повел их в направлении Колизея, Эцио неотрывно следовал по пятам.

Театральная сцена была возведена на развалинах старого римского амфитеатра, где некогда, еще во времена императора Тита, дрались друг с другом до смерти гладиаторы, а позже десятками сотен содержались дикие животные, и львам бросали на съедение первых христиан. Это было сумрачное место, но мрак разгоняли сотни мерцающих факелов, освещавших сцену. На деревянных трибунах вокруг стояли скамьи, на которых сидели зрители, поглощенные мистерией о муках Христа.

- Я ищу Пьетро Бенинтенди, - сказал привратнику Микелетто, показав ему пропуск.

- Он уже на сцене, синьор, - ответил тот. - Но один из моих людей отведет вас туда, где вы сможете его подождать.

Микелетто повернулся к спутникам.

- Не забудьте, - произнес он. - Я надену этот черный плащ с белой звездой на плече.

Прикрывайте мою спину и ждите сигнала - приказа Понтия Пилата – нанести удар.

Я должен добраться до Пьетро раньше, чем он сделает это, подумал Эцио, который шел в самом хвосте отряда. Вслед за Микелетто они вошли в Колизей.

На сцене были установлены три креста. Эцио увидел, что его рекруты встали так, как им велел Микелетто, который сам занял позицию сбоку.

Представление уже достигло своего апогея:

- Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил? - Кричал с креста Пьетро.

- Слушай, - сказал один из актеров, играющих фарисеев, - Илию зовет Он!

Один из одетых как римский легионер, смочил в уксусе губку и наколол её на кончик копья.

- Постой. Посмотрим, придет ли Илия спасти Его?

- Я хочу пить, о, как я хочу пить, - воскликнул Пьетро.

Солдат поднял губку к губам Пьетро.

- Да, больше ты попить не сможешь, - заметил второй фарисей.

Пьетро вскинул голову.

- Господь Всемогуший! - Прорекламировал он. - Неисповедимы дела твои. Дух мой идет к тебе, прими его в руки свои, - Пьетро глубоко вздохнул. - Свершилось!

Его голова упала на грудь. Христос «умер».

Микелетто поднялся на сцену. Костюм сотника блестел из-под черного плаща. Эцио следил за ним, думая, что же случилось с тем актёром, который должен был изначально играть роль центуриона, и пришел к выводу, что он встретил ту же судьбу, что и большинство жертв Микелетто.

- Лорды, истинно говорю вам, - громко произнес Микелетто, - се есть Сын Господа Вседержителя. Я знаю, что говорю истину, дабы вы поверили. Ибо сие произошло, да сбудется Писание!

- Центурион! - Перебил актер, играющий Каифу. - Видит Бог, как велика твоя глупость. Ты не понимаешь! Когда ты увидишь, как кровь потечет из его сердца, ты поймешь, что ошибался. Лонгин! Возьми копье из моих рук.

Каифа передал деревянное копье актеру, играющему римского легионера Лонгина, крупному мужчине с длинными мягкими волосами, который почти наверняка был любимцем публики и, без сомнения, подумал Эцио, злейшим соперником Пьетро.

- Прими сие копье и внимательно послушай, - добавил один из фарисеев. - Ты должен проткнуть им Иисуса из Назарета, чтобы мы убедились, что он действительно мертв.

- Я сделаю так, потому что ты приказываешь, - проговорил Лонгин. - Но это падет на ваши головы. Что бы ни случилось, мои руки будут чисты.

Потом он ткнул в сторону Иисуса копьем, и как только из спрятанного в набедренной повязке Пьетро мешочка хлынула вода и кровь, продолжил речь. Эцио увидел, как ревниво блеснули бусины «мертвых» глаз Пьетро, который наблюдал за соперником.

- Господь, я вижу, ты здесь. Пусть вода омоет руки мои и копье моё, пусть прояснятся глаза мои, чтобы я яснее смог узреть Тебя. - Он сделал драматическую паузу. - Увы, увy, горе мне! Что я натворил? Я убил человека, но, честно говоря, не знаю, кого... Господь на Небесах, взываю к Твоему милосердию - тело моё направляло мои руки, но не душа. - Сделав ещё одну паузу для аплодисментов, он продолжил. - Господи Иисус, я слышал, что многие говорили о Тебе - что Ты исцелял своей жалостью больных и слепых. Да прославится имя Твое! Сегодня Ты исцелил меня от слепоты - слепоты духа моего. Отныне, Господи, буду я твоим последователем. А три дня спустя воскреснешь Ты и будешь судить нас!

Актер, игравших Иосифа из Ариматеи, богатого правителя евреев, который пожертвовал собственную гробницу, чтобы в ней погребли тело Христа, сказал:

- О, Господь Бог, что за сердце у Тебя, если ты позволил этому человеку убить того, кого я вижу мёртвым, того, кто висит на кресте, и кто никогда не делал ничего дурного? Он - Твой собственный Сын! В гробнице, что построил я для себя, будет похоронено Его тело - ибо Он Царь Блаженства!

Никодим, коллега Иосифа по синедриону, испытывающий сочувствие мужчине, тоже возопил:

- Иосиф, я с уверенностью говорю - это сын всемогущего Бога! Попросим же у Понтия Пилата разрешения забрать Его тело и похороним с почестями. Я помогу тебе снять Его с креста.

Иосиф повернулся к актеру, игравшему Понтия Пилата, и снова заговорил:

- Пилат, прошу тебя даровать мне благо, кое только ты можешь дать. Позволь забрать мне тело пророка, что умер сегодня!

Эцио проскользнул за кулисы. Микелетто занял место рядом с центральным крестом. Он сбросил свой костюм и нашел одеяние раввина, которое торопливо надел. Теперь он сам мог выйти на сцену. Пройдя по кулисам налево, Эцио сумел поближе подобраться к Микелетто так, чтобы никто не обратил на него внимания.

- Иосиф, если Иисус из Назарета мертв, и если центурион подтвердит это, я не стану отказывать тебе в просьбе. - Понтий Пилат обратился к Микелетто. - Центурион! Умер ли Иисус?

- Да, ваша светлость, - уверенно заявил Микелетто, и Эцио заметил, что он прячет в складках плаща стилет. Эцио сменил отравленный кинжал, в котором уже закончился яд, на верный скрытый клинок и вонзил его Микелетто в бок, удержав его прямо и уводя за сцену, туда, откуда сам только что пришел. Оказавшись за кулисами, он опустил противника на землю.

Микелетто смерил его сверкающим взглядом.

- Ха! - Выдохнул он. - Тебе не спасти Пьетро! Губка с уксусом была отравлена. Как я и обещал Цезаре, я дважды убедился в том, что дело сделано. - Он с трудом вдохнул. - Тебе лучше прикончить меня.

- Я пришел сюда не убивать тебя - ты помогал своему хозяину подняться высоко и падешь вместе с ним. Мне ты не нужен. Ты сам себя уничтожишь! Если ты выживешь, то, как собака, всегда возвращающаяся к своему хозяину, ты приведешь меня к моей истинной жертве.

Эцио не стал терять времени. Нужно спасти Пьетро!

Когда он снова оказался на сцене, то увидел воцарившийся там хаос. Пьетро корчился на кресте, его рвало. Лицо у него было бледно-зеленым. Зрители волновались.

- Что происходит? Что случилось? - Кричал Лонгин, остальные актеры уже разбежались.

- Снимите его! - Приказал Эцио рекрутам.

Кто-то из рекрутов-ассасинов метнул кинжал, перерезав веревки, которыми был привязан к кресту Пьетро, другие стояли внизу, чтобы подхватить актера. Остальные же вступили в схватку с солдатами Борджиа, которые появились, словно из ниоткуда, и теперь пытались штурмом взять сцену.

- Этого не было в сценарии, - булькнул Пьетро, свалившись в руки рекрутам.

- Он умрет? - С надеждой в голосе поинтересовался Лонгин. В такой жестокой профессии, чем меньше соперников, тем лучше.

- Задержите стражу! - Закричал Эцио, уводя со сцены рекрутов и унося Пьетро. Они пробежали по мелкому бассейну с водой в центре Колизея. Стая встревоженных голубей взмыла в воздух. Последний отблеск заходящего солнца заливал Эцио и Пьетро тусклым кровавым светом.

Эцио хорошо натренировал рекрутов, и те, прикрывая тылы, успешно отбили атаку солдат Борджиа, а потом все вместе выбрались из Колизея и скрылись в лабиринте улиц к северу от руин. Эцио направился к знакомому доктору. Ассасин забарабанил в дверь и, когда его не слишком охотно пустили, положил Пьетро на соломенный тюфак, лежавший на столе в кабинете доктора. В комнате то тут, то там, были развешены пучки разных сушеных трав, их едкий запах заполнял помещение. На полках были расставлены непонятные предметы и некие создания (а так же части созданий), плавающие в стеклянных бутылках с мутной жидкостью.

Эцио приказал своим людям оставаться на улице. Он подумал, что решат прохожие, увидев целый отряд римских солдат. Наверное, что они увидели призраков, и от страха будут бросаться прочь. Сам он при первой же возможности скинул одежды фарисея.

- Кто ты? - Пробормотал Пьетро. Эцио заметил, что губы актёра посинели.

- Твой спаситель, - ответил Эцио и сказал доктору: - Его отравили, доктор Брунеллески.

Доктор быстро осмотрел актера, в глазах его сверкали огоньки.

- Судя по бледности, они использовали кантареллу. Любимый яд наших дорогих Борджиа.

- И добавил, обращаясь к Пьетро. - Лежи.

- Я засыпаю, - выдавил Пьетро.

- Лежи! Он что, уже был болен? - Спросил Брунеллески у Эцио.

- Да.

- Хорошо, - доктор быстро с привычной легкостью смешал какую-то жидкость из разноцветных бутылочек и вылил смесь в пузырек. Потом приподнял голову Пьетро и поднес пузырек к его губам. - Выпей.

- Быстрее, - нетерпеливо вставил Эцио.

- Дайте время.

Эцио с тревогой смотрел на актера. Казалось, прошел целый век, прежде чем актер сел.

- Думаю, мне стало лучше, - произнес он.

- Это чудо! - С облегчением выдохнул Эцио.

- Не совсем, - отозвался доктор. - У меня почти не было возможностей обследовать жертвы кантареллы, но к счастью, он принял немного яда, это дало мне возможность смешать эффективное противоядие. Теперь, - рассудительно продолжил он, - я принесу пиявок. Они полностью исцелят вас. Отдохни, мой мальчик, и очень скоро ты будешь

здоров, как бык. - Он отошел и принес стеклянную банку полную черных извивающихся существ. Доктор зачерпнул горсть.

- Не знаю, как вас отблагодарить, - сказал Пьетро Эцио. - Я...

- Ты можешь меня отблагодарить, - перебил Эцио. - Ключ от калитки, через которую ты ходишь на свидания с Лукрецией в замок Сан-Анжело. Дай его мне. Быстро!

На лице Пьетро проскользнуло опасение.

- О чём ты? Я просто бедный актер, жертва обстоятельств, я ...

- Послушай, Пьетро. Чезаре узнал о вас с Лукрецией.

Опасение сменилось откровенным страхом.

- О, Боже!

- Но я могу тебе помочь. Если ты отдашь мне ключ.

Пьетро, не говоря ни слова, вытащил ключ откуда-то из набедренной повязки и отдал его Эцио.

- Я всегда ношу его с собой, - проговорил он.

- Мудрое решение, - одобрил Эцио, забрав ключ.

Теперь он сможет проникнуть в Сан-Анжело, когда ему понадобится. И это обнадеживало.

- Мои люди принесут твою одежду и проводят в безопасное место. Я пришлю пару человек, чтобы они постоянно присматривали за тобой. Тебе лучше залечь на дно.

- Но... мои поклонники! - воскликнул актер.

- Им придется обходиться Лонгином, пока не наступит момент, когда ты сможешь без опаски выйти на сцену. - Эцио усмехнулся. - Но я не волнуюсь. Он тебе не чета.

- Ты правда так думаешь?

- Абсолютно уверен.

- Ой! - Вскрикнул Пьетро, когда доктор прицепил первую пиявку. Эцио в мгновение ока оказался снаружи и раздал приказы своим людям.

- Избавьтесь от этих костюмов, как только появится возможность, - добавил он. - Термы Траяна недалеко. Если повезет, то одежда, которую вы оставили, по-прежнему там.

Эцио тоже собрался уходить, но заметил фигуру, прячущуюся в тени. Как только человек увидел, что Эцио заметил его, он кинулся прочь. Эцио узнал в нем Паганино, вора, который должен был погибнуть в Монтериджони.

- Эй! - Крикнул Эцио, бросившись следом. - Минутку!

Конечно, вор куда лучше знал эти улицы. Ловко скользя по ним, вор сумел оторваться от погони, и Эцио не раз приходилось забираться на крыши и осматривать улицы с высоты, чтобы снова отыскать беглеца. Невероятная перчатка, которую изобрел Леонардо, оказалась весьма кстати.

Наконец, ему удалось опередить беглеца и отрезать ему все пути к спасению. Вор выхватил кинжал, опасно выглядящую чинкуэду, но Эцио вырвал оружие у него из рук и отбросил в сторону.

- Почему ты убежал? - Спросил Эцио, схватив его. И тут он заметил письмо, выглядывающее из поясной сумки вора. Печать невозможно было не узнать. Она принадлежала Папе Александру IV - Родриго - Испанцу!

Эцио медленно выдохнул, теперь все встало на свои места. Паганино долгое время работал с Антонио де Маджианисом - главой Гильдии воров в Венеции. Наверное, Борджиа предложили ему достаточно денег, чтобы переманить на свою сторону, и когда он проник в Гильдию Ла Вольпе в Риме, у Борджиа появился шпион в самом сердце Ордена ассасинов.

Именно он предатель, а не Макиавелли!

Но стоило Эцио отвлечься, как вор вырвался и в мгновение ока подхватил упавшее оружие. Его отчаянный взгляд столкнулся с взглядом Эцио.

- Долгой жизни Борджиа! - Крикнул он и вонзил чинкуэду себе в сердце.

Эцио смотрел, как упавший бьется в предсмертной агонии. Лучше мгновенная смерть, чем медленная, от рук своих хозяев - Эцио хорошо знал цену, которую требовали Борджиа за провал. Эцио убрал письмо в карман дуллета и ушел. Чёрт, подумал он про себя, - я был прав! Нужно остановить Ла Вольпе раньше, чем он доберется до Макиавелли!

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

ГЛАВА 37

огда Эцио шёл по городу, он столкнулся с Сарагиной, девушкой из «Цветущей розы».

- Поспеши, - сказала она. - Твоя мать очень хочет тебя видеть.

Эцио закусил губу. Как же не вовремя.

- Пойдем быстрее, - кивнул он.

В борделе он встретил ждущую его Марию. Мать была чем-то обеспокоена.

- Эцио, - произнесла она, - спасибо, что пришел.

- Я тороплюсь, мама.

- Кое-что случилось.

- Что?

- Старая хозяйка этого заведения...

- Госпожа Солари?

- Да, - Мария собралась с мыслями. - Оказалось, что обманывала и лгала нам. Мы выяснили, что она была двойным агентом. Она была тесно связана с Ватиканом. Но хуже всего то, что некоторые девушки из тех, кто работает здесь, могут...

- Не волнуйся, мама. Я их найду. Я пришлю рекрутов, которым доверяю больше всего, и они допросят девушек. Под руководством Клаудии истина скоро откроется.

- Спасибо Эцио.

- Мы убедимся, что здесь работают только те, кому можно доверять. Что-то ещё?.. - На лице Эцио появилось суровое выражение.

- У меня есть новости.

- Какие?

- Нам сообщили, что в Рим прибыли послы от короля Испании Фердинанда и императора Священной Римской Империи Максимилиана. Они хотят заключить с Чезаре союз.

- Ты уверена, мама? Что им от него надо?

- Я не знаю, сынок.

Эцио стиснул зубы.

- Нам лучше позаботиться о своей безопасности, чем тратить время на сожаления. Попроси Клаудию выяснить эту информацию для меня. Я даю ей полное право распоряжаться рекрутами, которых я сюда пришлю.

- Ты доверишь ей такое дело?

- Мама, после той истории с Банкиром я могу доверить вам обеим собственную жизнь. Мне стыдно, что я не сделал этого раньше, но я всего лишь беспокоился о вас...

Мария подняла руку.

- Не объясняй. И тебе не за что извиняться. Теперь мы снова одна семья. Вот что действительно важно.

- Дни Чезаре сочтены. Даже если послы получают его поддержку, они вскоре поймут, что ждать её бесполезно.

- Надеюсь, мы оправдаем твоё доверие.

- Поверь, мама, так и есть. Или будет - если я смогу избавить Макиавелли от ошибочных подозрений Ла Вольпе!

ГЛАВА 38

зав лошадь из конюшни, которую он некогда освободил от власти Борджиа, Эцио помчался в «Спящую лису». Было важно добраться туда прежде, чем с Макиавелли что-то случится. С его смертью Братство потеряет лучший ум. Хотя было ещё не слишком поздно, Эцио встревожился, увидев, что таверна закрыта. У него был собственный ключ, поэтому он вошел через калитку. Увидев разыгравшуюся там сцену, Эцио понял, что прибыл как раз вовремя. Там собрались все члены Гильдии воров. Ла Вольпе и его главные помощники стояли в стороне все вместе, горячо споря о чем-то без сомнения важном. Вскоре согласие было достигнуто, и Ла Вольпе с недобрым взглядом двинулся к Макиавелли с бассилардом в правой руке. Макиавелли смотрел на его приближение равнодушно, не подозревая о том, что происходит.

- Стой! - Закричал Эцио, врываясь внутрь и с трудом переводя дух после бешеной скачки. Все повернулись к нему, Ла Вольпе замер на месте.

- Не делай этого, Гильберто! - Приказал Эцио. - Я выяснил, кто настоящий предатель!

- Что? - Только и проговорил шокированный Ла Вольпе, позади него возбужденно загомонили воров.

- Это был один из твоих людей - Паганино! Он был в Монтериджони в момент нападения, и я уверен - именно он причина наших недавних провалов.

- Ты уверен?

- Он сам признался.

На лоб Ла Вольпе легла тень. Он убрал кинжал в ножны.

- Где он? - Прорычал глава Гильдии.

- Больше он не опасен.

- Мёртв?

- От своей собственной руки. Он собирался доставить это письмо, - Эцио помахал запечатанным пергаментом.

Эцио протянул письмо Ла Вольпе, Макиавелли тоже подошел. Глава воров сломал печать и развернул лист.

- Боже мой! - Воскликнул Ла Вольпе, пробежав взглядом по строчкам.

- Дай взглянуть, - попросил Макиавелли.

- Конечно, - удрученно вздохнул Ла Вольпе.

Но Макиавелли, не обращая на него внимания, уже изучал письмо.

- Оно от Родриго к Чезаре. Подробности наших планов для французского генерала Октавиана - и многое другое.

- Один из моих людей!

- Это хорошие новости, - сказал Макиавелли Эцио. - Мы можем подменить письма. Дадим им ложную информацию, собьем со следа...

- Действительно, отлично, - согласился Эцио, но тон его был холодным. - Гильберто, выслушай меня.

- Я снова у тебя в долгу, Эцио, - тихо произнес Ла Вольпе.

Эцио выдавил улыбку.

- Какие могут быть счёты между старыми друзьями?

Ла Вольпе не успел ответить ему, в разговор вмешался Макиавелли:

- Я хотел тебя поздравить. Слышал, тебе удалось воскресить Христа на три дня раньше!

Эцио рассмеялся, вспомнив о том, как спас Пьетро. Как Макиавелли удастся так быстро обо всем узнавать?

Ла Вольпе оглядел своих людей, собравшихся вокруг него.

- Чего уставились? - Огрызнулся он. - Нечего терять время!

Позднее, когда Макиавелли ушел заниматься подделкой перехваченного письма, Ла Вольпе отвел Эцио в сторону.

- Я рад, что ты пришел, - сказал он. - И не только потому, что ты остановил меня прежде, чем я выставил себя дураком.

- Более чем, - усмехнулся Эцио. - Знаешь, что я бы с тобой сделал, если бы ты убил Никколо?

Ла Вольпе хмыкнул.

- Эцио... - начал он.

Эцио похлопал его по спине.

- Всё нормально. Не будем больше ссориться. Братство не может себе это позволить! Что ты хотел мне сказать? Тебе нужна моя помощь?

- Да. Гильдия сильна, но большинство моих людей слишком молоды и не участвовали в реальных переделках. Вспомни того парнишку, что срезал твой кошель. Вспомни юного Клаудио.

- Переходи к делу...

- Я кое-что выяснил. Римские воры, как правило, молодые люди. Мастера своего дела, конечно, но они молоды. И склонны к соперничеству. Смертельному соперничеству.

- Ты говоришь о другой банде?

- Да. В частности, об одной, которая может представлять угрозу. Мне требуется подкрепление для борьбы с ними.

- Мои рекруты?

Ла Вольпе помолчал, потом сказал:

- Знаю, я отказался тебе помогать, когда подозревал Никколо, но...

- Кто они?

- Они называют себя «Стоглазые». Это банда Чезаре Борджиа, они приносят нам немало неприятностей.

- Где их база?

- Мои шпионы нашли её.

- Где?

- Минуту. Они злы и рвутся в бой.

- Тогда мы должны их удивить.

- Верно!

- Но нужно быть готовыми к ответному удару.

- Мы ударим первыми. Тогда у них не будет возможности отомстить! – Ла Вольпе, в данный момент очень напоминающий себя прежнего, потирал в предвкушении руки. - Главное - убрать их вожakov. Только у них есть непосредственная связь с Борджиа. Уничтожь их, а с обезглавленными «стоглазыми» мы справимся.

- Тебе и правда требуется моя помощь?

- Ты разогнал волколюдов.

- Без твоей помощи.

- Я знаю.

- Разогнать волколюдов мне помог...

- Я знаю!

- Послушай, Гильберто. Мы объединим силы и справимся с этим вместе - на счет этого не бойся. И тогда, полагаю, твоя гильдия станет доминирующей организацией Рима.

- Верно, - неохотно признал Ла Вольпе.

- Я помогу тебе, - медленно проговорил Эцио, - но при одном условии.

- Да?

- Ты больше не будешь разрушать единство Братства. Хватит и того, что ты почти этого добился.

Ла Вольпе склонил голову.

- Я учусь на своих ошибках, - спокойно ответил он.

- Либо мы добьемся успеха в этом рискованном предприятии... либо проиграем.

- Либо добьемся, либо проиграем, - согласился Ла Вольпе. - Но нет.

- Что нет?
Ла Вольпе усмехнулся, словно Мефистофель.
- Мы не проиграем, - отозвался он.

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

ГЛАВА 39

передав в распоряжение Ла Вольпе большой отряд рекрутов для борьбы со «стоглазыми», Эцио отправился домой. Он настолько устал, что сразу уснул.

Когда он проснулся, то залил яд, специально присланный Леонардо, в отравленный клинок, а потом проверил и почистил пистолет, двойной клинок, арбалет и отравленные дротики.

От этого занятия его оторвал посланник Бартоломео, попросивший ассасина как можно скорее прийти в казармы наемников. Чувствуя приближающиеся неприятности и надеясь, что Бартоломео и его наемникам пока удастся сдерживать французов, Эцио, прихватив оружие Кодекса и рассудив, что ему может понадобится седельная сумка, направился в конюшню, где оседлал любимого коня и поехал к другу. День стоял прекрасный, дорога была более-менее сухой - с тех пор, как прошел дождь, прошла неделя. Когда он выехал за город, дорога стала пыльной. Эцио ехал, стараясь лишней раз не попадаться на глаза патрулям Борджиа, часто сворачивая с дороги в лес или на поля, где коровы, оторвавшись от поедания травы, провожали его долгими взглядами.

До казарм он добрался уже после обеда, всё выглядело спокойным. Он заметил, что, с тех пор, как они отремонтировали казармы, на крепостном валу и стенах выбоины от канонад французов, но ущерб выглядел незначительным. Поднявшись по лесам и спустившись в корзины с зубчатых стен, несколько человек заделывали выбоины и трещины от пушечных ядер.

Эцио спешился и сунул поводья подбежавшему конюху, потом стер хлопья пены вокруг рта коня - он старался не загнать животное - погладил его по морде, и только после этого без предупреждения направился через плац к жилищу Бартоломео.

Он мысленно обдумывал свой следующий шаг. Эцио полагал, что теперь, когда Банкир мёртв, его враг может что-нибудь предпринять для того, чтобы снабжение армии не прекращалось. Ассасин так задумался, что опешил, когда ему в нос уперся кончик Бьянки, двуручного меча Бартоломео.

- Стой, кто идет? - Взревел Бартоломео.

- И я тебя приветствую, - отозвался Эцио.

Бартоломео громко хохотнул.

- Попался!

- Учишь меня быть всегда начеку.

- Верно, - Бартоломео подмигнул. - Я думал, это моя жена!

- Ясно.

Бартоломео опустил меч и обнял Эцио. Когда он выпустил его из своих медвежьих объятий, лицо Барто было серьезным.

- Я рад, что ты приехал, Эцио.

- Что случилось?

- Смотри!

Эцио проследил за взглядом друга и увидел взвод входящих на плац раненых наемников.

- Эти французские шлюхи снова на нас напали, - ответил Бартоломео на незадаанный вопрос Эцио.

- Я думал, ты уже содрал шкуру с их генерала - как там его звали?

- Октавиан де Валуа. Он считает себя потомком дворянского рода Валуа. А я считаю его ублюдком.

Бартоломео сплюнул на землю, в крепость вошел еще один отряд с ранеными.

- Похоже, их серьезно потрепали, - сказал Эцио.

- Похоже, король Людовик прислал Чезаре подкрепление. После того, как мы задали Валуа трепку. - Бартоломео почесал бороду. - Полагаю, я должен быть польщен.

- Каково положение дел?

- Им удалось отбить свою чертову башню, - недовольно проворчал Бартоломео.

- Заберем обратно. Где сейчас Валуа?

- Ты прав! - Бартоломео не обратил на вопрос никакого внимания. - Конечно, мы заберем её обратно! Мы заставим их отступить прежде, чем ты скажешь «Бля!» Это только вопрос времени.

Мимо просвистела пуля и врезалась в стену позади.

- Когда я ехал, было тихо, - удивился Эцио и посмотрел на небо. Солнце скрылось за облаком, медленно плывущим по небу.

- Ты хотел сказать - казалось тихим? Эти французы - подлые ублюдки. Но помани мое слово, скоро я схвачу этого Валуа за горло. - Он повернулся и приказал подбежавшему сержанту. - Закройте ворота! Отгоните их от стен! Шевелись!

По бастиону метались люди, взбирались на крепостную стену, заряжали пушки.

- Не беспокойся, дружище, - заявил наемник. - Я держу ситуацию под контролем.

И тут в вал рядом с ними врезалось пушечное ядро, осыпав ассасинов пылью и разлетевшимися вокруг каменными осколками.

- Кажется, они приближаются! - Прокричал Эцио.

Люди Бартоломео сделали залп из главного орудия - казалось, стены содрогнулись от грохота огромной пушки. Но ответ французов был не менее свирепым - гром от залпов сорока пушек разорвал воздух. На этот раз почти все ядра нашли свою цель. Люди Бартоломео отчаянно пытались дать нападавшим отпор. Раздался ещё один залп французской пушки, стены содрогнулись, но теперь французы сосредоточили огонь на главных воротах. Двое солдат, оказавшихся рядом с ними, погибли.

- Закройте чертовы ворота! - Проревел Бартоломео.

Под командованием Бартоломео хорошо обученные солдаты кинулись вперед, чтобы отразить атаку французов, которые уже были почти у ворот. Спокойствие и тишина были затишьем перед бурей - французы явно выжидали момента для внезапного нападения. Эцио с сожалением подумал, что им, безусловно, удалось застать Бартоломео врасплох, который не был готов к этой атаке.

Бартоломео прыгнул со стены и бросился к воротам. Вращая Бьянкой, он возвышался над французами, словно скала, а его огромный двуручный меч яростно прореживал их ряды. Казалось, с его появлением французские солдаты в страхе замешкались. Эцио, не теряя времени, приказал мушкетерам стрелять по французам, пытающимся открыть ворота, которые сейчас удерживали наемники Барто. Через пару секунд раздался грохот - массивный деревянный брусок надежно запер ворота. Пока наемники отвлеклись на тех, кто пытался прорваться внутрь, французы подтащили к воротам таран.

- Нужно было вырыть этот чертов ров! - Рычал Бартоломео.

- Не было времени!

Эцио приказал мушкетерам стрелять по французам. Бартоломео взлетел на крепостную стену и встал рядом с Эцио. Внизу, появившись, словно из ниоткуда, разворачивали свои войска французы.

- Мы окружены! - Выдохнул Бартоломео.

Позади них ворота, наконец, не выдержали и с треском разлетелись. Защитники ничего не успели сделать, как внутрь ворвался огромный отряд французов. Мечи у всех были обнажены, а сами солдаты были готовы сражаться до смерти. Это вторжение унесло жизни почти четверти итальянцев Бартоломео.

- Господи, да сколько их там? - Прокричал Бартоломео.

Солдаты ассасинов были лучше обучены, нежели французские, и обычно были более решительны в своих действиях, но внезапное нападение и численный перевес противника сыграли свою роль. Всё, что они могли сейчас сделать - сохранять строй, и очень медленно попытаться заставить французов отступить. Густой воздух был наполнен хаосом рукопашной схватки. На небольшой территории казарм было столько людей, что временами казалось, что сражение перешло в обычный кулачный бой - места, чтобы воспользоваться оружием, не было.

Атмосфера накалялась еще и приближающейся бурей - казалось, боги нахмурились из-за происходящего на земле, огромные грозовые облака затянули небо. Пыль на учебном плацу стояла столбом, словно туман, а погожий день, еще недавно солнечный, померк. А потом как из ведра хлынул дождь. Сражение превратилось в беспорядочное столпотворение, в котором обе армии не видели, что делал противник. Под ногами хлюпала грязь, битва стала ещё более отчаянной и хаотичной.

И тут, словно враг добился, чего хотел, раздался сигнал к отступлению, и французская армия откатилась так же быстро, как обрушилась на казармы.

Некоторое время ушло на то, чтобы привести всё хоть в какое-то подобие порядка. Первым делом Бартоломео вызвал плотников, чтобы заменить разрушенные ворота. У них была подготовлена замена, как раз на такой случай, но чтобы установить новые врата требовалось не меньше часа. После этого Бартоломео отвел в сторону Эцио.

- Что им нужно от нас? - Спросил он, не обращаясь ни к кому конкретно. - Мои карты? Они весьма ценные!

Но его перебили звуки фанфар, донесшиеся со стороны французского лагеря. Вместе с Эцио он взбежал по лестнице на высокий бастион над главными воротами. Снаружи рядом с низким кипарисом, росшим напротив казарм, восседал на коне герцог-генерал Октавиан де Валуа, которого окружали офицеры и пехотинцы. Двое солдат держали пленника, на голову которого был одет мешок.

- Bonjour, генерал д'Альвиано, - вкрадчиво произнес француз, глядя прямо на Бартоломео.

- Ты готов сдаться?

- Может, подойдешь поближе и повторишь, вшивый лягушатник?

- Ах, генерал. Вам и вправду стоит выучить французский. Он бы скрыл вашу варварскую несдержанность, *mais franchement, je m'en doute*. * - Улыбаясь, он оглянулся на офицеров, которые одобрительно захохотали.

- Может, ты меня научишь? - Крикнул в ответ Бартоломео. - А я научу тебя сражаться, потому что ты совсем этого не умеешь. По крайней мере, не умеешь сражаться честно и справедливо, как и пристало джентльмену!

Валуа изобразил легкую улыбку.

- Хм. Что ж, мой дорогой друг, все эти переговоры довольно забавны, но я вынужден повторить свою просьбу. Я жду вашей безоговорочной капитуляции до рассвета.

- Подойди и повтори! Леди Бьянка шепнет ответ тебе на ушко!

- Думаю, другая дама будет против.

Он кивнул пехотинцам, и те стащили с головы пленника мешок. Это оказалась Пантасилея!

- *Il mio marito vi ammazzerà tutti!* - Вызывающе заявила она и повторила на итальянском. - Мой муж убьет вас всех!

Бартоломео потребовался целый миг, чтобы прийти в себя. Эцио схватил его за руку, а наемники с ужасом переглянулись.

- Я убью тебя, вшивый лягушатник! - Прорычал Бартоломео.

- Тише, любезный генерал, - издевательски проговорил Валуа. - Хотя бы ради жены. Хочу вас заверить, что ни один француз никогда без нужды не причинит вреда женщине. - Он перешел на деловой тон. - Даже такой болван, как вы, может представить, что произойдет, если вы не примете моё условие. - Он ударил лошадь коленями, разворачивая.

- Приходите в мой лагерь на рассвете. Безоружный. И хоть немного выучите французский. Скоро вся Италия будет говорить на нём!

Он взмахнул рукой. Пехотинцы забросили Пантасилею на спину коня одного из офицеров, и весь отряд умчался прочь. Пехота пешком пошла следом.

- Я доберусь до тебя, сукин ты сын! - В бессильной ярости крикнул им вслед Бартоломео.

- Сукин сын, - повторил он и спустился вниз.

- Куда ты? - Окликнул его Эцио.

- Я собираюсь вернуть её!

- Бартоломео! Подожди!

Но Бартоломео не остановился, а когда Эцио догнал его, тот уже был в седле и приказывал открыть ворота.

- Ты не справишься в одиночку! - Заявил Эцио.

- Я не один, - ответил наемник, хлопнул Бьянку, висевшую на поясе. - Иди со мной, если хочешь! Только быстро! - Он прищипил коня и выехал за ворота.

Эцио на него уже не смотрел. Ассасин отдал приказ кавалерии, и через пару минут вместе с отрядом наемников быстро скакал вслед за Бартоломео.

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

* Но, честно говоря, я в этом сильно сомневаюсь. – (фр.) прим.пер.

ГЛАВА 40

агерь генерала Валуа располагался в руинах, где некогда размещалась личная гвардия древнеримских императоров - преторианцы. Руины находились в восемнадцатом районе, на северо-востоке Рима. Но в настоящее время Рим значительно уменьшился, из-за чего руины оказались за городом. В годы своего расцвета, полторы тысячи лет назад, в Риме проживал один миллион жителей. Это был огромный город, самый большой в мире.

Эцио и солдаты догнали Бартоломео ещё на дороге и теперь стояли на холме недалеко от лагеря французов. Они попытались атаковать лагерь, но пули только отскакивали от крепких стен, которые Валуа приказал возвести поверх старых. Поэтому им пришлось отступить на безопасное расстояние, куда не долетали снаряды, выпущенные французами в ответ. Все, что мог сделать Бартоломео, это обругать противника.

- Вы трусы! Украли чужую жену и спрятались в крепости? Ха! У вас между ног ничего нет, слышите? Ничего! *Vous n'avez même pas une couille entre vous tous!** Вот так! Такой французский вам нравится, ублюдки? Хотя я не думаю, что оно у вас есть, даже одно на всех!

Французы открыли огонь из пушек. Наемники стояли в пределах досягаемости ядер. Одно из них выбило землю в паре футов от них.

- Барто, - сказал Эцио. - Успокойся. Ты нужен ей живым. Нужно перегруппироваться и взять ворота штурмом, как тогда в Арсенале, в Венеции, когда мы охотились за Сильвио Барбариго.

- Не сработает, - мрачно отозвался Бартоломео. - За ними французов больше, чем на улицах Парижа.

- Тогда влезем по стене.

- Она неприступна. Но даже если бы ты смог забраться туда, то в одиночку не продержался бы. - Он задумался. - Пантасилея подсказала бы, что делать. - Он снова замолчал, задумавшись, и Эцио увидел, что его другом овладело уныние. - Наверное, это конец, - закончил Бартоломео мрачно. - Я должен сделать так, как он хочет - приду на рассвете в их лагерь с дарами, в надежде, что он пощадит мою жену. Трусливый ублюдок! Но Эцио его не слушал, он напряженно размышлял, потом щелкнул пальцами.

- Почему я раньше об этом не подумал!

- А? Что я такого сказал?

Глаза Эцио сияли.

- Возвращаемся в казармы!

- Что?

- Прикажи людям возвращаться. Я всё объясню там. Поехали!

- Надеюсь, ты что-то придумал, - кивнул Бартоломео и приказал своим людям: - Возвращаемся!

Когда они вернулись, наступила ночь. Лошадей отвели в конюшни, люди разместились на плацу. Эцио и Бартоломео сидели за столом в кабинете наемника.

- Итак, что ты придумал?

Эцио развернул карту, на которой были детально изображены Кастра Претория и окружающие земли. Он ткнул пальцем в крепость.

- Если твои люди проникнут внутрь, они справятся с патрулями в лагере, верно?

- Да, но...

- Особенно, если французов застанут врасплох?

- Верно. Элемент неожиданности всегда...

- Тогда нам нужно много французских мундиров. И их доспехи. Как можно быстрее. На рассвете мы выступаем, в наглую. Но времени терять нельзя.

* У вас, наверное, одно яйцо на всех! – (фр.) прим.пер.

Бартоломео, наконец, осознал смысл его слов, на его лице отразились понимание и надежда.

- Ха! Ты старый хитрый паршивец! Эцио Аудиторе, ты моя родственная душа! И заслужил уважение моей Пантасилей! Великолепно!

- Дай мне несколько человек в помощь. Я хочу добраться до башни французов, влезть туда и украсть то, что нам нужно.

- Я дам тебе столько, сколько захочешь. Они снимут мундиры с мертвых французов.

- Хорошо.

- Эцио...

- Да?

- Постарайся убивать аккуратно. Нам не нужны окровавленные мундиры.

- Они ничего не заподозрят, - взгляд у Эцио был стальным. - Верь мне.

Пока Бартоломео собирал людей в помощь Эцио, ассасин достал из седельной сумки отравленный клинок.

Отряд бесшумно подъехал к башне Борджиа, которой теперь управляли французы. Чтобы не было слышно топота, копыта коней обернули мешковиной. Спешившись рядом с башней, Эцио велел отряду подождать, а сам практически взлетел по стене с мастерством альпийского скалолаза и ловкостью хитрого кота. Для того чтобы убить, было достаточно одной царапины, а самоуверенные французы не посчитали нужным усилить охрану. Поэтому Эцио застал противников врасплох и убил раньше, чем они осознали, что произошло. Как только охранники скончались, Эцио открыл ворота. Они заскрипели, сердце Эцио забилося чаще. Он замер, прислушиваясь, но гарнизон спал. Его люди бесшумно вбежали внутрь и расправились с не оказывающими сопротивления спящими солдатами. На то, чтобы снять с них одежду, ушло больше времени, чем они рассчитывали, но через час отряд уже вернулся в казармы. Миссия была выполнена!

- Вот на этом кровь, - недовольно проворчал Бартоломео, осматривая их добычу.

- Да. Он единственный был на страже. Пришлось прикончить его обычным способом - мечом, - сказал Эцио, наблюдая, как отряд наемников превращается в отряд французов.

- Нужно было захватить кольчугу и для меня, - заметил Бартоломео.

- Ты не будешь надевать кольчугу, - ответил Эцио, переодеваясь в мундир французского лейтенанта.

- Почему это?

- Тебе нельзя! План состоит в том, что ты нам сдался. Мы - французский патруль, который доставит тебя к герцогу-генералу де Валуа.

- Ясно, - задумчиво согласился Бартоломео. - И что потом?

- Барто, сосредоточься. Потом твои люди по моему сигналу пойдут в атаку.

- Отлично! - Просиял Бартоломео. - Поживей! - Приказал он наемникам, которые еще переодевались. - Рассвет уже близко, а нам предстоит долгий путь.

Отряд построился. Они в полной темноте доехали почти до французского лагеря, спешили и оставили оруженосцев присматривать за лошадьми. Прежде чем отправиться дальше, Эцио незаметно прицепил на запястье пистолет из Кодекса, который Леонардо усовершенствовал. Теперь можно было сделать несколько выстрелов, и лишь потом перезаряжать. Вместе с отрядом «французских» солдат Эцио пешком направился в сторону Кастра Претория.

- Валуа считает, что Чезаре позволит французам править Италией, - проговорил Бартоломео, пока они с Эцио шли бок о бок. Эцио изображал старшего офицера в патруле, которому якобы сдался Бартоломео. - Глупый дурак! Он настолько ослеплен тем, что в его жилах течет пара капель королевской крови, что отказывается видеть всю картину в целом.

- Хвастливый коротышка, вот он кто! - Он помолчал. - Ты и я знаем - и не важно, что думают французы - что Чезаре сам намерен стать первым королем Италии!

- Если мы его не остановим.

- Да, - Бартоломео задумался. - Знаешь, твой план великолепен, хотя я не одобряю подобные уловки. Я верю в честную борьбу и в то, что побеждает сильнейший!

- У Валуа и Чезаре могут быть разные цели, но и тот и другой играют по-грязному. У нас нет иного выбора - только бороться против них их же методами.

- Хм. «Придет день, когда люди больше не будут обманывать друг друга. И тогда мы увидим, на что действительно способно человечество», - процитировал он.

- Где-то я это уже слышал.

- Конечно! Это однажды написал твой отец.

- Шшш!

Они уже достаточно близко подошли к лагерю французов, и Эцио разглядел впереди движущиеся фигуры - французские патрули.

- Что будем делать? - Вполголоса поинтересовался Бартоломео.

- Я их убью. Их не слишком много. Но нужно будет сделать это без суеты и шума.

- У тебя в кинжале хватит яда?

- Они настороже и стоят довольно далеко друг от друга. Если я убью одного, другие могут вернуться и поднять тревогу, и я ничего не смогу сделать.

- Зачем их убивать? Мы одеты как французы. То есть, почти все одеты.

- Они будут задавать вопросы. Если мы приведем тебя в цепях...

- В цепях?!

- Шшш! Если мы проникнем внутрь, Валуа будет так счастлив, что вряд ли поинтересуется, откуда мы взялись. По крайней мере, я надеюсь на это.

- Не волнуйся! У него куриные мозги! Но как тогда мы от них избавимся? Стрелять в них нельзя. Грохот выстрелов выдаст нас.

- Я перестреляю их из этого, - ответил Эцио, демонстрируя компактный быстро перезаряжаемый арбалет Леонардо. - Я все рассчитал. Их пятеро. Болтов у меня шесть. Отсюда сложно прицелиться - света не хватает, поэтому я подберусь поближе. Подожди здесь с остальными.

Эцио проскользнул вперед и остановился, не доходя около двадцати шагов до ближайшего французского часового. Натянув тетиву, он вложил первый болт, потом, упершись арбалетом в плечо, прицелился и выстрелил. Раздался негромкий щелчок, и едва слышный свист, часовой рухнул на землю, словно марионетка, у которой перерезали ниточки. Эцио подкрался через заросли папоротника к следующей жертве - звон спускаемой арбалетной тетивы был едва различим. Короткий болт воткнулся солдату в горло, он приглушенно булькнул и рухнул на колени. Через пять минут все закончилось. Эцио потратил все шесть болтов - один раз он все-таки промахнулся, чем встревожил часового, но успел перезарядить оружие и выстрелить раньше, чем тот успел отреагировать на странный шум.

Больше болтов у него не было, но Эцио мысленно поблагодарил Леонардо. Он знал, что это оружие ему ещё очень понадобится. Эцио забросал мертвецов пучками редкой травы, надеясь, что этого будет достаточно, чтобы их не заметили, если кто-нибудь вдруг пройдет мимо. Еще он, помня совет Леонардо, подобрал болты. Зарядив арбалет, он вернулся к Бартоломео.

- Всё? - Поинтересовался гигант.

- Всё.

- Следующий Валуа, - поклялся Бартоломео. - Я заставлю его визжать, как свинью!

Небо посветлело, на рассвете на дальних холмах к востоку выпала роса.

- Ну что, вперед, - произнес Бартоломео.

- Пошли, - отозвался Эцио, защелкивая на запястьях друга наручники прежде, чем тот смог возразить. - Не волнуйся. Они ненастоящие. Внутри пружина. Просто сожми ладони в кулаки, и они спадут. Но, ради Бога, дождись моего сигнала. И кстати, «охранник» слева будет всё время держаться рядом. У него под плащом Бьянка. Всё, что тебе потребуется, это протянуть руку и... - Эцио еще раз повторил: - Но только по моему сигналу!

- Да, да, сир, - улыбнулся Бартоломео.

Эцио смело повел отряд к главным воротам французского лагеря. Бартоломео шел в двух шагах позади сопровождаемый эскортом из четырех наемников. Лучи восходящего солнца сверкали на их кольчугах и нагрудниках.

- Halte-la! - Приказал офицер, стоящий у ворот. Позади него стояла дюжина хорошо вооруженных солдат. Офицер узнал форму французской армии. - Declarez-vous!**

- Je suis le Lieutenant Guillemot, et j'emmene le General d'Alviano ici present a Son Excellence le General Duc Monsieur de Valois. Le General d'Alviano s'est rendu, seul et sans armes, selon les exigences de Monsieur le Duc,*** - спокойно отозвался Эцио, Бартоломео удивленно вскинул брови.

- Лейтенант Гилльмо, генерал будет счастлив видеть генерала д'Альвиано, и узнать, что тот прислушался к голосу разума, - ответил капитан стражи. - Но я никак не пойму, что у тебя за акцент. Скажи, откуда ты?

Эцио задержал дыхание.

- Из Монреалья, - уверенно произнес он.

- Открыть ворота, - приказал командир сержанту.

- Открыть ворота! - Крикнул сержант.

Уже через несколько секунд Эцио и его отряд оказались в центре французского лагеря. Он замедлил шаг, чтобы идти бок о бок с Бартоломео и его эскортом.

- Я убью их всех, - пробормотал Бартоломео. - И зажарю их почки на завтрак. Кстати, я не подозревал, что ты говоришь по-французски.

- Научился во Флоренции, - небрежно бросил Эцио. - Там была пара девушек... - Он радовался, что его акцент прошел проверку.

- Ты плут! Говорят, это лучшее место, чтобы выучить язык.

- Флоренция?

- Дурак - я про кровать!

- Тише!

- Ты уверен, что эти наручники ненастоящие?

- Не совсем, Барто. Терпи! И молчи!

- Я стараюсь терпеть. Что они говорят?

- Я тебе потом расскажу.

Эцио подумал: хорошо, что Бартоломео почти не знает французского, потому что сам ассасин постоянно слышал насмешки, обращенные к его другу. «Chien d'Italien» — итальянский пёс; «Prosterne-toi devant tes superieurs» — он унижается перед сильнейшим; «Regarde-le, comme il a honte de ce qu'il est devenu!» - смотрите, как низко он пал!

Но вскоре испытание закончилось. Они подошли к широкой лестнице, ведущей к покои французского генерала. Сам Валуа стоял во главе своих офицеров, рядом с ним - его пленница, Пантасилея. Руки у неё были связаны за спиной, а на лодыжках болтались кандалы, которые позволяли делать лишь небольшие шаги. Увидев её, Бартоломео не смог удержать гневный рык. Эцио пнул его. Валуа поднял руку.

- Не нужно насилия, лейтенант, хотя мне приятно ваше рвение. - Он повернулся к Бартоломео. - Мой дорогой генерал, похоже, вы наконец-то узрели свет истины.

- Кончай нести чушь! - прорычал Бартоломео. - Освободи мою жену! И сними с меня наручники!

- Ах, генерал, - произнес Валуа. - Такая бестактность от того, кто носит совершенно ничтожное родовое имя.

Эцио собирался дать сигнал, когда Бартоломео, сорвавшись на крик, ответил Валуа:

** Стой! Кто идет? - (фр.) прим.пер.

***Я лейтенант Гилльмо, я привел генерала д'Альвиано к его превосходительству монсеньору герцогу-генералу де Валуа. Генерал д'Альвиано пришел один и без оружия, как того желал монсеньор герцог. - (фр.) прим.пер.

- У моего имени есть достоинство, в отличие от твоего фальшивого!

Окружающие замолчали.

- Да как ты посмел? - Прорычал побелевший от ярости Валуа.

- Думаешь, командование армией дает тебе статус дворянина? Благородство духа заключается в борьбе бок о бок со своими людьми, а не в похищении женщин для оправдания своего поражения. Почему ты не отпускаешь мою жену?!

- Вы, дикари, никогда ничему не научитесь, - зло отозвался Валуа, достал пистолет, взвел курок и направил его в голову Пантасилее.

Эцио знал, что действовать нужно быстро. Он достал пистолет и выстрелил в воздух. Бартоломео, казавшийся оцепеневшим, напряг запястья, и наручники отлетели прочь.

Воцарился хаос. Переодетые наемники тут же напали на французов, а Бартоломео, выхватив у «охранника» Бьянку, бросился к лестнице. Но Валуа опередил его. Ухватив Пантасилею, он скрылся в доме, захлопнув дверь.

- Эцио! - Попросил Бартоломео. - Спаси мою жену! Только ты с этим справишься! Это место слишком укреплено!

Эцио кивнул и ободряюще улыбнулся другу. Он внимательно посмотрел на здание. Оно было не слишком велико, но выглядело массивным, его спроектировали французские военные архитекторы, и здание должно было стать неприступным. Был только один вариант - проникнуть внутрь через крышу, откуда никто не ждал нападения, а значит, там могли быть слабые места. Могли быть.

Больше ничего не оставалось кроме как попытаться. Эцио взбежал по лестнице и, пользуясь тем, что вокруг шла битва, искал место, где он смог бы взобраться наверх. Внезапно на него надвинулся целый десяток французов, обнаженные мечи сверкали в лучах утреннего солнца. Но между ними и Эцио встал Бартоломео, грозно сжимая Бьянку. Стены казались неприступными, но Эцио разглядел выбоины и трещины и взглядом проследил будущий маршрут. Через несколько минут он уже был на плоской, деревянной крыше, покрытой черепицей. Там стояло пятеро солдат. Когда он перескочил через перила, они спросили пароль. Эцио не ответил, поэтому они бросились на него, грозно опустив алебарды. К счастью для Эцио, мушкетов и пистолетов у них не оказалось. Эцио выстрелил в первого, а потом, выхватив меч, вступил в схватку с оставшимися четырьмя. Французы окружили его, удары алебард неслись со всех сторон. Один из противников сумел зацепить руку Эцио, порезав локоть. Пошла кровь. Но второй его удар пришелся по защитной пластине на левом запястье Эцио.

Отбивая удары мечом и наручем, ассасин успешно оборонялся от неистовых ударов. Эцио приходилось использовать все свои навыки обращения с мечом, борясь сразу против четырех противников. Но его не оставляли мысли о любимой жене Бартоломео - он знал, что не может проиграть. Просто не имеет права. Удача была на его стороне - он увернулся от двух мечей, несущихся ему в голову, отбил удар третьего защитным наручем, заставив меч отлететь в сторону четвертого. Маневр заставил француза открыться, и ассасин ударил мечом прямо в челюсть противнику. Осталось трое. Эцио шагнул к ближайшему французу, так близко, что тот не смог занести меч. Эцио вонзил скрытый клинок в живот солдату. Осталось двое, и оба явно нервничали. Потребовалась всего пара минут, чтобы расправиться с ними. Эцио был мастером меча, и они не могли с ним сравниться. Тяжело дыша, Эцио ненадолго оперся на свой меч, стоя рядом с поверженными врагами.

По крыше Эцио добрался до большой площадки внизу. Перезарядив пистолет, он осторожно приблизился к краю крыши. Двор был пуст, внизу не росли растения, не было ни стульев, ни столов, только пара-тройка каменных скамеек вокруг высохшего бассейна с фонтаном.

Пока Эцио смотрел с крыши, раздался выстрел, и мимо его уха просвистела пуля. Ассасин отступил. Он не знал, сколько у Валуа пистолетов. Если один, то, подсчитал Эцио, ему потребуется десять секунд на перезарядку. Ассасин с сожалением вспомнил об арбалете, но возвращаться было некогда. На поясе у него было пять отравленных дротиков, но

чтобы бросить их, нужно было подобраться к врагу достаточно близко. А Эцио не хотел подвергать жизнь Пантасилеи опасности.

- Не подходи! - Прокричал снизу Валуа. - Я убью её, если приблизишься!

Эцио лег и посмотрел во двор, но, находится ли кто под крышей, видно не было. Но в голосе Валуа звучала паника.

- Кто ты такой? - Крикнул генерал. - Кто тебя послал? Родриго? Скажи ему, что всё это был план Чезаре!

- Лучше расскажи всё, что знаешь, если хочешь целым и невредимым вернуться в Бургундию!

- А если я тебе расскажу, ты меняпустишь?

Валуа осторожно вышел из-за колонны и встал возле сухого фонтана. К шее Пантасилеи была привязана веревка, один конец которой держал Валуа; руки девушки были связаны за спиной. Эцио увидел, что она беззвучно плачет, но женщина старалась держать голову поднятой. Взгляд, который она бросила на Валуа, был таким убийственным, что если бы действительно мог убивать, с ним бы не сравнилось ни одно оружие из Кодекса.

Сколько ещё человек внизу? В голосе генерала был страх. Поэтому Эцио решил, что у генерала нет путей к отступлению, и он загнан в угол.

- Чезаре подкупил кардиналов, чтобы переманить их на свою сторону. Когда он захватил бы оставшуюся часть страны, я бы пошел на столицу и взял Ватикан, расправившись с теми, кто выступал против воли генерал-капитана.

Валуа размахивал пистолетом, и Эцио увидел, что за поясом у него ещё два.

- Это не я придумал, - продолжал Валуа. - Я выше подобных интриг. - В его голосе слышалось старое тщеславие. Эцио подумал, стоит ли опускаться подобного человека. Он встал и прыгнул во двор, приземлившись, словно пантера.

- Назад! - Заорал Валуа. - Или я...

- Если хоть один волосок упадет с её головы, мои лучники настигнут тебя стрелами похлеще, чем святого Себастьяно, - прошипел Эцио. - Итак... продолжай.

- Я из Дома Валуа, поэтому Чезаре отдал бы Италию мне. Я правил бы здесь, как мне и положено по праву рождения.

Эцио чуть не засмеялся. Бартоломео вовсе не преувеличивал, говоря, что у этого хлыща куриные мозги, скорее уж преуменьшал! Но Пантасилея всё ещё у него, и генерал по-прежнему опасен.

- Хорошо. А теперь отпусти женщину.

- Сперва отпусти меня. А потом я освобожу её.

- Нет.

- У меня есть связи с королем Людовиком. Проси, чего хочешь во Франции, и это будет твоим. Поместье? Где?

- У меня уже есть всё это. Здесь. И ты никогда не будешь здесь править.

- Борджиа пытаются изменить заведенный порядок, - заговорил Валуа, меняя тактику. - Я же хочу, чтобы всё было правильно. Править должен представитель королевской династии, а не дураки, в чьих венах течет вода. - Он помолчал. - Я знаю, что ты не такой варвар, как все остальные.

- Пока я жив, ни ты, ни Чезаре, ни Папа - никто из тех, на чье стороне нет мира и справедливости - никогда не будет править Италией, - проговорил Эцио, медленно шагнув вперед.

Казалось, страх заставил французского генерала застыть на месте. Рука, в которой он держал пистолет, приставленный к голове Пантасилеи, дрожала, но Валуа не отступил. Очевидно, в здании больше никого не было, если не считать попрятавшихся слуг. До них донесся равномерный звук сильных ударов, двери в дом сотряслись. Должно быть, Бартоломео справился с французами и приказал притащить таран.

- Прошу... - Выговорил генерал со всей учтивостью. - Я же убью её.

Он поднял глаза, пытаясь увидеть на крыше лучников, выдуманных Эцио, и даже не задумался над правдивостью этого заявления. Эцио ляпнул первое, что пришло в голову. В современных битвах лучников уже не использовали, несмотря на то, что лук перезаряжался куда быстрее пистолета или мушкета.

Эцио ещё раз шагнул вперед.

- Я дам тебе всё, что хочешь. Здесь много денег, я хотел заплатить своим людям, но теперь всё достанется только тебе! И я... я... я сделаю всё, что ты захочешь! - Он уже умолял, а фигура его выглядела настолько жалкой, что Эцио едва скрыл презрение. И этот человек считал себя практически королем Италии!

Он не заслуживал даже смерти.

Эцио подошел ближе. Они посмотрели глаза в глаза. Эцио медленно забрал из вялых рук генерала сперва пистолет, а потом веревку. Всхлипнув, Пантасилея отошла в сторону, наблюдая за происходящим широко распахнутыми глазами.

- Я... я только хотел уважения, - слабо прошептал генерал.

- Настоящее уважение можно только заработать, - отозвался Эцио. - Его нельзя получить по наследству или купить. И нельзя добиться силой. «Пусть ненавидят, лишь бы боялись»

- самое глупое выражение, которое когда-либо придумывали. Не удивительно, что оно нравилось Калигуле. И не удивительно, что современные Калигулы живут по этому же принципу. А ты им служишь.

- Я служу моему королю, Людовику XII! - Валуа уныло посмотрел на ассасина. - Но, пожалуй, ты прав. Теперь я понял. - В его глазах сверкнула надежда. - Мне нужно больше времени...

Эцио вздохнул.

- Увы, мой друг. Ты проиграл, - он обнажил меч, Валуа, осознав всё, с достоинством опустился на колени и склонил голову.

- Покойся с миром, - шепнул Эцио.

С треском развалились двери, и во дворе появился Бартоломео, весь в пыли и залитый кровью, но невредимый. За его спиной стояли наемники. Он бросился к жене и обнял так крепко, что у неё перехватило дыхание. Бартоломео стал развязывать веревку у неё на шее, но пальцы дрожали, поэтому этим занялся Эцио. Барто двумя ударами Бьянки перерубил кандалы на ногах у жены и перерезал веревку на запястьях.

- О, Пантасилея, голубка моя, сердце мое, ты только моя! Никогда больше так не исчезай! Без тебя бы меня самого не стало!

- Нет! Ты спас меня!

- О, - Бартоломео смутился. - Нет. Не я - Эцио! Он придумал...

- Госпожа, я рад видеть, что вы целы, - оборвал его Эцио.

- Мой дорогой Эцио, как я могу тебя отблагодарить? Ты спас мне жизнь!

- Я всего лишь действовал в соответствии с великолепным планом твоего мужа.

Бартоломео посмотрел на Эцио с растерянностью и благодарностью.

- Мой принц! - Проговорила Пантасилея, обнимая мужа. - Мой герой!

Бартоломео покраснел и, подмигнув Эцио, сказал:

- Ну, если я теперь твой принц, мне надо будет добиться этого титула. Имей в виду, это всё было моей идеей...

Они пошли к выходу, но по пути Пантасилея коснулась руки Эцио и прошептала: «Спасибо».

ГЛАВА 41

Через несколько дней после того, как Бартоломео одержал сокрушительную победу над остатками армии Валуа, Эцио, прихватив с собой Ла Вольпе, отправился в убежище ассасинов на острове Тиберина, куда Эцио приказал явиться всем членам Братства.

- Каково положение дел в Риме? - Спросил Эцио.

- Всё хорошо, Эцио. Французская армия в смятении, Цезаре потерял важного союзника. Твоя сестра, Клаудия, сказала, что послы Испании и Священной Римской Империи поспешно вернулись к себе на родину, а мои люди справились со «стоглазыми».

- Но нам предстоит сделать ещё много...

Они добрались до убежища, где во внутренней комнате уже собрались их товарищи. В центре комнаты в очаге уже горел огонь.

Они поздоровались и заняли свои места. Макиавелли встал и произнес по-арабски:

- *Laa shay'a waqi'un moutlaq bale kouloun moumkine*. В этих словах заключена мудрость наших предков. Мы работаем во Тьме, но служим Свету. Мы - ассасины.

Эцио тоже встал и обратился к сестре:

- Клаудия, мы посвятили свою жизнь защите свободы человечества. Марио Аудиторе и его брат, Джованни, наш отец, когда-то точно так же стояли у огня. И теперь я предлагаю тебе присоединиться к нам.

Он протянул руку, и она взяла её. Макиавелли вытащил из огня знакомое железное тавро для клеймения, оканчивающееся двумя половинками кольца, которые соединялись с помощью рычага на ручке.

- Всё дозволено. Ничто не истинно, - спокойно проговорил он. И остальные - Бартоломео, Ла Вольпе, Эцио - повторили эти слова.

Макиавелли, как когда-то Антонио де Маджианис в момент принятия Эцио в Братство, торжественно сомкнул тавро на безымянном пальце Клаудии, навсегда выжигая на нём символ ассасинов.

Клаудия вздрогнула, но не закричала. Макиавелли убрал тавро и отложил в сторону.

- Добро пожаловать в Братство, - официально сказал он Клаудии.

- Сестры тут тоже есть? - Поинтересовалась она, нанося на обожженный палец успокаивающую боль мазь, пузырек с которой протянул ей Бартоломео.

Макиавелли улыбнулся.

- Разумеется.

Все смотрели на него, и Макиавелли повернулся к Эцио.

- Мы с тобой расходимся во многих вопросах, - начал он.

- Никколо, - возразил Эцио, но Макиавелли предупреждающе поднял руку.

- Но с тех пор как ты увидел богиню в Сокровищнице под Сикстинской капеллой, ты раз за разом доказывал нам, что ты – именно тот человек, который необходим Ордену. Ты выступил против тамплиеров, ты гордо и высоко нёс наше знамя, ты постепенно возродил Братство после поражения в Монтериджони. - Он оглядел всех собравшихся. - Друзья мои, настало время официально назначить Эцио на ту должность, которую он уже занимает по нашему общему согласию - лидера Братства. Я рад представить вам Эцио Аудиторе да Фиренце - великого магистра нашего Ордена. - Макиавелли посмотрел на Эцио. - Друг мой, отныне ты будешь носить имя Наставник - хранитель Братства и его тайн.

У Эцио от волнения закружилась голова, хотя какая-то часть его по-прежнему хотела оставить такую жизнь, в которой главная цель отнимала всё время, оставляя на сон лишь пару часов. Тем не менее, он шагнул вперед и уверенно повторил слова из Кредо.

- Там, где другие ограничены моралью или законом, мы, в достижении священной цели, всегда должны помнить: всё дозволено. Ничто не истинно. Ничто не истинно. Всё дозволено.

Другие повторили за ним эти слова.

- А теперь, - сказал Макиавелли, - пришло время нашему новому члену Ордена совершить прыжок веры.

Они отправились к церкви Санта-Мария-ин-Космедин и влезли на колокольню. Сопровождаемая Бартоломео и Ла Вольпе, Клаудия бесстрашно бросилась в пустоту. Золотые лучи поднимающегося на востоке солнца отразились от серебристого платья девушки и окрасили его в золото. Эцио увидел, что сестра благополучно приземлилась и ушла вместе с Бартоломео и Ла Вольпе к ближайшей колоннаде. Макиавелли и Эцио остались наедине. Макиавелли уже собирался прыгнуть, когда Эцио его остановил.

- С чего такая перемена в отношении ко мне, Никколо?

Макиавелли улыбнулся.

- Какая перемена? Я всегда поддерживал тебя. Я всегда был предан нашему общему делу. Я виноват лишь в независимости мышления. Именно это заставило сомневаться во мне тебя и Гильберто. Но теперь все наши разногласия позади. Я никогда не хотел становиться лидером. Я скорее... наблюдатель. Давай вместе совершим прыжок веры, как друзья и напарники по Кредо!

Он протянул руку, Эцио улыбнулся в ответ и принял её. А потом они вместе прыгнули с колокольни.

Едва они присоединились к товарищам, как подъехал курьер и, задыхаясь, сообщил:

- Маэстро Макиавелли, Чезаре вернулся в Рим после последнего похода в Романью. Один. Он направился в замок Сан-Анжело.

- Спасибо, Альберто, - кивнул Макиавелли, курьер развернул коня и умчался обратно.

- Итак? - Спросил Эцио.

Макиавелли развел руками.

- Решение за тобой, а не за мной.

- Никколо, лучше продолжай мне говорить всё, что думаешь. Мне важно мнение моих самых верных советников.

Макиавелли улыбнулся.

- Тогда тебе уже известно моё мнение. Оно не изменилось. Борджиа должны быть уничтожены. Иди и убей их, Наставник. Заверши то, что начал.

- Хороший совет.

- Конечно, - согласился Макиавелли и оценивающе посмотрел на друга.

- Ты чего? - Поинтересовался Эцио.

- Я собирался написать книгу о средствах, которыми Чезаре добивается цели. Но теперь думаю уравновесить её тем, что подробно опишу твои методы.

- Если ты собрался писать обо мне книгу, - проговорил Эцио, - пусть она будет короткой!

ГЛАВА 42

риблизившись к Сан-Анжело, Эцио увидел людей, собравшихся на противоположном от замка берегу реки. Протолкавшись через толпу, он увидел, что мост охраняют французские войска, а сам замок буквально гудит от беспокойства. Некоторые солдаты уже собрали свои вещи, но офицеры метались среди них, приказывая снова разбивать лагерь. Приказы были настолько противоречивы, что кое-где начались драки.

Собравшаяся толпа с удовольствием наблюдала за происходящим. Одет Эцио по-прежнему был во французский мундир, оставшийся после нападения на Кастра Претория, а его собственная одежда лежала в сумке, висящей через плечо. Так что он просто скинул плащ и быстро направился к мосту. На него не обратили никакого внимания, и Эцио, шагая через французское войско, подслушал пару интересных разговоров.

- Когда нападет д'Альвиано со своими наемниками?
- Говорят, что он уже выступил.
- Тогда почему мы сворачиваем лагерь? Мы отступаем?
- Надеюсь на это! *Tout cela, c'est rien qu'un tas de merde.**

Один из солдат остановил Эцио.

- Сир! Сир! Каковы будут приказы?
- Я как раз иду узнавать, - ответил Эцио.
- Сир!
- Что ещё?
- Кто теперь командует? Ведь генерал Валуа мертв...
- Не сомневаюсь, что король пришлет замену.
- Сир, а, правда, что он с доблестью принял смерть?

Эцио про себя усмехнулся.

- Правда. Во главе своих людей.

Эцио пошел дальше, к замку.

Оказавшись там, Эцио поднялся на бастión и осмотрел внутренний двор. Там он увидел Чезаре, разговаривающего с капитаном папской гвардии, который стоял у дверей ведущих в цитадель.

- Я хочу увидеть Папу! - Быстро проговорил Чезаре. - Мне немедленно нужно увидеть отца!
- Конечно, ваше сиятельство! Его Святейшество в своих покоях наверху замка.
- Прочь с моего пути, дурак!

Чезаре отпихнул с дороги несчастного капитана, который поспешно отдал приказ открыть врата. Эцио прошел вокруг замка до секретной калитки, и отпер её ключом Пьетро.

Внутри он осторожно осмотрелся, и, никого не заметив, спустился вниз по лестнице, ведущей к тюремным камерам, откуда, казалось, целый век назад, он освободил Катерину Сфорца. Отыскав укромный уголок, Эцио снял с себя французскую униформу и одел свою, более подходящую для той работы, которую ему предстояло сделать. Потом он быстро проверил оружие, подтянул ремни на наручѣ, проверил отравленный клинок и убедился, что отравленные дротики надежно закреплены на поясе. И, прижимаясь к стене, прокрался к лестнице, ведущей наверх. К несчастью, она охранялась, и Эцио пришлось отправить к Создателю троих охранников.

В конце концов, он оказался в саду, где впервые увидел свидание Лукреции с её любовником. При дневном свете было видно, что её комнаты - лишь часть огромного комплекса. Позади располагались большие величественные покои, которые, как догадался Эцио, принадлежали Папе. Но едва он двинулся к ним, как услышал разговор, долетавший из комнаты Лукреции. Эцио прокрался к открытому окну, из-за которого доносились

*Все это плохо пахнет - (фр.) прим. пер.

голоса, и прислушался. Он видел только Лукрецию, которая ничуть не пострадала после того, как ей пришлось посидеть в камере, и слугу, которого она послала к ревнивому Чезаре сообщать о её романе с Пьетро. И, судя по тому, как быстро Чезаре вернулся в Рим, он отлично справился с заданием.

- Не понимаю, - раздраженно проговорила Лукреция. - Я только вчера вечером заказала новую партию кантареллы. Тоффана лично передал мне её в полдень. Ты её видел? Что произошло?

- Мне очень жаль, госпожа, но я слышал, что Папа перехватил ваш заказ. Он всё забрал себе.

- Старый ублюдок! Где он?

- В своих покоях, госпожа. У него встреча...

- Встреча? С кем?

Слуга заколебался.

- С Чезаре, госпожа.

Лукреция помолчала и произнесла, обращаясь то ли к самой себе, то ли к слуге.

- Странно. Отец не говорил, что Чезаре вернулся.

Погруженная в мысли, она вышла из комнаты.

Оставшись в одиночестве, слуга начал уборку, переставляя столы и стулья и что-то ворча себе под нос.

Эцио думал, что он скажет хоть что-то полезное, но тот проговорил только:

- От этой женщины столько хлопот... Почему я не остался в конюшне, там было так хорошо! Продвижение по службе? У меня сердце останавливается при каждом приказе. И мне приходится пробовать её еду, прежде чем она сама сядет есть. - Он помолчал.

- Чертова семейка! - добавил он.

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

ГЛАВА 43

о Эцио ушел раньше, чем услышал эти слова. Он через сад прокрался в покои Папы. Единственный вход в них охранялся, и Эцио, не желая привлекать к себе внимания - тела стражников, которых убил на лестнице, уже должны были обнаружить - нашел место, откуда он легко мог подобраться к окну. Его догадка, что окно это окажется окном в покои Папы, оправдалась, и к тому же у окна снаружи был широкий подоконник, на котором он мог устроиться, не боясь, что его заметят. С помощью кинжала он вынул боковое окошко, чтобы слышать, что происходит в комнате.

Родриго - Папа Александр VI - в одиночестве застыл у стола, на котором стояла огромная чаша с красными и желтыми яблоками, и явно нервничал. Дверь без предупреждения распахнулась, и в комнату влетел Чезаре. Он был зол и без предисловий язвительно начал:

- Что, черт возьми, происходит?

- Не понимаю о чем ты, - холодно ответил ему отец.

- Нет, понимаешь! У меня кончились средства, войска разбегаются.

- Ну, ты же знаешь, что после трагической... гибели твоего банкира, Агостино Киджи взял на себя все его дела...

Чезаре невесело рассмеялся.

- Твой банкир! Стоило догадаться! А мои люди?

- У всех нас иногда бывают финансовые трудности, сынок, даже у тех, кто обладает армиями и чрезмерным тщеславием.

- Ты собирался попросить Киджи выдать мне деньги или нет?

- Нет.

- Ещё посмотрим, кто кого! - В бешенстве Чезаре схватил из чаши яблоко. Эцио увидел, как внимательно Папа посмотрел на сына.

- Киджи тебе не поможет, - спокойно произнес Папа. - И он не подчинится тебе.

- В таком случае я воспользуюсь Частицей Эдема, чтобы получить то, что хочу. И твоя помощь мне не понадобится! - С улыбкой он укусил яблоко.

- Я этого ожидал, - сухо кивнул Папа. - Кстати, ты уже слышал о гибели генерала Валуа? Улыбка исчезла с лица Чезаре.

- Нет. Я только что вернулся в Рим. - Внезапно его тон стал угрожающим. - Это ты..?

Папа развел руками.

- И зачем, по-твоему, я стал бы его убивать? Или он замыслил против меня заговор, возможно, вместе с моим собственным, дорогим, блестящим, коварным генерал-капитаном?

Чезаре еще раз укусил яблоко.

- Я не собираюсь это выслушивать! - Прожевав, прорычал он.

- Если хочешь знать, его убили ассасины.

Чезаре сглотнул, глаза его расширились. А потом лицо потемнело от ярости.

- Почему ты их не остановил?

- А я мог? Это ты решил атаковать Монтериджони, а не я. Пора тебе отвечать за свои поступки - если, конечно, еще не слишком поздно.

- За мои действия, - гордо ответил Чезаре. - И это несмотря на постоянное вмешательство таких неудачников как ты!

Парень повернулся, чтобы уйти, но Папа поспешил его остановить, преградив путь.

- Ты никуда не пойдешь, - прорычал он. - И ты ошибаешься. Частица Эдема у меня!

- Лжец! Убирайся с дороги, старый дурак!

Папа только покачал головой.

- Я дал тебе всё, что имел, но тебе всё равно мало.

И тут Эцио увидел, как в комнату ворвалась Лукреция, глаза у неё яростно сверкали.

- Чезаре! - Крикнула она. - Осторожнее! Он хочет тебя отравить!

Чезаре замер. Он посмотрел на яблоко в руке, выплюнул кусок, лицо его окаменело. На лице Родриго торжество сменилось страхом. Он отошел от сына, встав так, чтоб между ними был стол.

- Ты отравил меня? - Произнес Чезаре, сверля отца взглядом.

- Ты не хотел прислушаться к голосу разума, - пробормотал Папа.

Чезаре улыбнулся и подошел к Родриго ближе.

- Отец, дорогой отец. Разве ты не понял? Я контролирую всё. Всё это. Если я хочу жить, то, не смотря на все твои усилия, я буду жить. Если я чего-то хочу, я это получаю! - Чезаре схватил Папу за шиворот, в другой руке он держал отравленное яблоко. - И, например, если я захочу, чтобы ты умер, ты умрешь!

С этими словами он запихнул в рот отца яблоко, прежде чем тот успел отстраниться и, схватив за голову, заставил его сомкнуть зубы. Родриго пытался вырваться, яблоко застряло у него в горле, он задыхался. Папа упал на пол, корчась в конвульсиях, а двое его детей хладнокровно смотрели, как он умирает.

Чезаре, не теряя времени, опустил на колени и обыскал мертвого отца.

Ничего не было. Он поднялся и подошел к сестре, которая отчаянно пыталась стать незаметной.

- Тебе нужно к доктору. Тебя отравили, - воскликнула она.

- Все нормально, - хрипло огрызнулся он. - Ты думаешь, я был настолько глуп, чтобы не принять в качестве профилактики противоядие еще до возвращения в замок? Я знаю, каким старым куском дерьма был наш отец, и как он поступит, осознав, что реальная власть уходит из его рук в мои. Он сказал, что Частица Эдема у него.

- Он... он... сказал правду.

Чезаре ударил её наотмашь.

- Почему я об этом не знаю?

- Ты уехал... он решил действовать... он боялся ассасинов...

Чезаре еще раз ударил сестру.

- Ты заодно с ним!

- Нет! Нет! Я думала, он сообщил тебе!

- Лгунья!

- Я говорю правду. Я, правда, думала, что ты знаешь или, по крайней мере, узнаешь довольно скоро о том, что сделал отец.

Чезаре еще раз ударил её, так сильно, что девушка упала.

- Чезаре! - Воскликнула она, задыхаясь, в её глазах смешались страх и паника. - Ты сошел с ума? Это же я, Лукреция! Твоя сестра! Твой друг! Твоя любовница! Твоя королева! - Она поднялась и робко коснулась его щеки. В ответ Чезаре схватил её за горло и стал трясти.

- Ты сука! - Он наклонился к ней ближе. - А теперь скажи, - продолжил Чезаре, в голосе его звучала угроза. - Где. Яблоко?

Когда Лукреция ответила, борясь с тошнотой, в её голосе звучало недоверие.

- Ты... никогда меня не любил?

Чезаре отпустил её горло и ударил сестру кулаком в лицо.

- Где Яблоко? Яблоко! - Заорал он. - Говори!

Она плюнула ему в лицо, Чезаре схватил её за руку и швырнул на пол, а потом принялся грубо пинать ногами, раз за разом повторяя свой вопрос. Эцио силой заставил себя не вмешиваться, хотя и был сильно потрясен увиденным. Но ассасин хотел услышать ответ.

- Хорошо! Хорошо! - Дрожащим голосом воскликнула девушка.

Чезаре поставил её на ноги, Лукреция шепнула ему что-то на ухо, к невероятному разочарованию Эцио.

Довольный Чезаре оттолкнул её.

- Правильное решение, сестричка.

Она вцепилась в него, но Чезаре снова с отвращением оттолкнул сестру и вышел из комнаты.

Как только он ушел, Эцио перегнулся через окно и впрыгнул в комнату рядом с Лукрецией, которая, совсем упав духом, медленно сползла по стене на пол. Эцио присел рядом с неподвижным телом Родриго и пощупал пульс.

Ничего.

- Покойся с миром, - прошептал Эцио, встал и повернулся к Лукреции. Она посмотрела на ассасина и горько улыбнулась.

- Ты был здесь? Все это время?

Эцио кивнул.

- Хорошо, - кивнула она. - Я знаю, куда пошел этот ублюдок.

- Ты скажешь, куда?

- С удовольствием. В собор Святого Петра. В павильон во дворе...

- Спасибо, госпожа.

- Эцио...

- Да?

- Будь осторожен.

ГЛАВА 44

цио бросился по проходу Борго, проходу, идущему через район Борго и связывающему замок Сан-Анжело с Ватиканом. Он хотел бы, чтобы рядом был кто-нибудь из его людей, или чтобы бы было время найти лошадь, но обстоятельства складывались таким образом, что ему пришлось, словно на крыльях, бежать. Стражники, которые оказались у него на пути, разлетелись в разные стороны.

Оказавшись в Ватикане, Эцио кинулся к павильону во дворе, о котором сообщила Лукреция. Теперь, когда Родриго умер, появился шанс, что Борджиа не смогут влиять на нового Папу, потому что Коллегия кардиналов (кроме тех, что были подкуплены Борджиа) была сыта ими по горло и люто ненавидела эту семью. Но сперва ему нужно было остановить Чезаре прежде, чем тот доберется до Яблока и сумеет воспользоваться его силой и, Эцио смутно понимал желание противника, вернуть те земли, что потерял.

Пришло время нанести врагу решающий удар. Сейчас или никогда.

Эцио ворвался во двор и обнаружил, что тот пуст. В центре двора не было обычного фонтана. Вместо него стояла большая скульптура из песчаника, изображавшая сосновую шишку, стоящую на постаменте в каменной чаше. Она была около десяти футов в высоту. Эцио осмотрел залитый солнцем двор. Свет, отражавшийся от голого белого пола, слепил глаза. Во дворе не было колоннады, а стены окружающих двор зданий были некрашены. Лишь высоко, почти под крышей, были видны ряды узких окон, и на каждой стороне двора на уровне земли была дверь. Все три были заперты. Место выглядело запустевшим.

Эцио повернулся к сосновой шишке и подошел ближе. Внимательно приглядевшись, он увидел узкую щель между верхушкой шишки и основной её частью. Щель эта бежала по окружности. Взобравшись на постамент, Эцио, придерживаясь одной рукой за шишку, осторожно обошел вокруг, стараясь нащупать скрытую кнопку, которая открывала бы тайник.

Есть! Нашел. Эцио нажал на неё, верхняя часть шишки откинулась на бронзовых петлях, которые не были заметны снаружи. В центре шишки была полость, и Эцио увидел лежавший там мешочек из темно-зеленой кожи. Он развязал шнурок. Слабое свечение, льющееся изнутри, подтвердило его надежды - он нашел Яблоко!

Сердце его тревожно билось, когда он вытаскивал мешочек - он знал Борджиа, и гарантий, что внутри не окажется мины-ловушки, не было. Но он решил рискнуть.

Но где же Чезаре? Он, без сомнения, выехал сюда на лошади и опережал Эцио на несколько минут.

- Я заберу его, - сообщил холодный жестокий голос из-за спины ассасина. Не выпуская мешочек из рук, Эцио спрыгнул вниз и повернулся лицом к Чезаре, который вошел через дверь в южной стене вместе с отрядом гвардейцев. Солдаты развернулись веером по двору, окружая Эцио.

Эцио подумал, что Чезаре рассчитывал встретить здесь конкурента. Поэтому и решил сперва организовать прикрытие.

- Попробуй забрать, - усмехнулся ассасин.

- Зачем эти игры, Эцио Аудиторе? Ты слишком долго безнаказанно пытался мне мешать. Но теперь всё закончится. Я убью тебя своими руками.

Он обнажил современную чиавону с плетеной рукоятью и шагнул к Эцио. Но внезапно лицо его посерело, он схватился за живот, едва не выронив меч, ноги у него подкосились. Слабое противоядие, с облегчением подумал Эцио.

- Стража! - Прохрипел Чезаре, пытаясь устоять на ногах.

Гвардейцев было десять, пятеро - с мушкетами. Эцио увернулся от выстрелов, пули чиркнули по полу и стенам. Ассасин укрылся за постаментом. Вытащив один за другим отравленные дротики, Эцио выскочил из укрытия, бросая в противников отравленное

оружие. Люди Чезаре не ожидали сопротивления и в недоумении смотрели, как Эцио кидает дротики. Первые трое умерли через три секунды, едва яд попал в кровь. Один из мушкетеров швырнул свое оружие в Эцио, но тот увернулся, и мушкет, вращаясь, пролетел у него над головой. Ассасин кинул еще два дротика, и мушкетеры рухнули на землю. Времени на то, чтобы, как и советовал Леонардо, забрать дротики, не было. Пятеро мечников (полагавших, что их товарищи справятся с ассасином), оправившись от шока, окружили противника и обнажили тяжелые фальчионы. Но мечи были слишком тяжелы для фехтования, поэтому Эцио легко, словно танцуя, уходил от неуклюжих ударов и бил стражников в ответ отравленным клинком и собственным мечом. У него не было времени долго и красиво сражаться, поэтому техника боя Эцио была простой и эффективной. Он отбивал удар своим мечом, а потом наносил удар отравленным клинком. Первые двое безмолвно упали на пол, и остальные решили атаковать одновременно. Эцио сделал пять шагов, отступая, и сделав широкий замах, кинулся на ближайшего противника. Оказавшись рядом, Эцио упал на землю, уворачиваясь от меча стражника. Резанув врага по бедру, ассасин прокатился дальше, к оставшимся гвардейцам и рубанул мечом по сухожилиям ног. Оба противника закричали от боли и упали на землю. Чезаре потрясенно смотрел на происходящее. Но, когда в противниках у Эцио осталось всего трое гвардейцев, не стал дожидаться окончания боя. Ему вполне хватило сил, чтобы развернуться и бежать.

Эцио краем глаза увидел, как он уходит, но не мог броситься в погоню.

Но Яблоко всё ещё было у ассасина. И Эцио вспомнил о силе артефакта - да и как он вообще мог о таком забыть? - и применил её, чтобы выбраться из Ватикана. Он пошел другой дорогой, справедливо рассудив, что Чезаре наверняка не стал терять времени и вызвал охрану к проходу Борго. Яблоко ярко светилось в кожаном мешочке, освещая высокие расписные залы и комнаты, ведущие к Сикстинской капелле, а потом и южный коридор, выходящий к Собору Святого Петра. Сила Яблока была такова, что проходящие мимо монахи и священники Ватикана отворачивались от Эцио, избегая с ним встречи, а солдаты папской гвардии оставались на своих постах.

Эцио подумал, как скоро весть о смерти Папы достигнет этих людей, находящихся в самом низу иерархической лестницы. Чтобы сдержать беспорядки, которые неизбежно начнутся после этого, потребуется сильная рука. Эцио молил бога, чтобы Чезаре не смог воспользоваться ситуацией, дабы повлиять если не на самого Папу - это было выше его сил - то, по крайней мере, на результаты выбора нового Папы, и посадить на Престол Святого Петра нужного ему человека.

Эцио обогнул слева великолепную скульптуру «Пьета» молодого Микеланджело, свернул в базилику и затерялся в толпе на старой площади у восточного выхода из Ватикана.

ГЛАВА 45

огда Эцио добрался до убежища ассасинов на Тиберине, церковные колокола звонили по всему Риму. И звон их звучал похоронной мелодией.

Друзья Эцио уже ждали его.

- Родриго мертв, - сообщил он.

- Мы догадались по звону колоколов, - ответил Макиавелли. - Ты отлично справился!

- Это не я, а Чезаре.

Смысл сказанного дошел до ассасинов лишь спустя целое мгновение.

- А сам Чезаре? - Наконец спросил Макиавелли.

- Жив, хотя Папа попытался его отравить.

- Змея укусила себя за хвост, - кивнул Ла Вольпе.

- Значит, мы победили! - Воскликнула Клаудия.

- Нет! - Отрезал Макиавелли. - Даже если Чезаре освободился от чрезмерного контроля со стороны отца, он ещё может вернуть земли, которые потерял. Мы не можем позволить ему снова собрать своих сторонников. Всё решится в ближайшие недели!

- С вашей помощью я свергну его, - сказал Эцио.

- Никколо прав, мы должны действовать быстро, - добавил Ла Вольпе. - Слышите трубы? Они приказывают людям, верным Борджиа, собраться в условленном месте.

- И ты знаешь, где? - Спросил Бартоломео.

- Скорее всего, они соберут свои войска на площади перед дворцом Чезаре в Траставере.

- Мои люди будут патрулировать город, - сообщил Бартоломео. - Но нам потребуется целая армия, чтобы сделать всё, как надо.

Эцио осторожно вытащил из мешочка тускло светившееся Яблоко.

- У нас кое-что есть, - проговорил он. - По крайней мере, это хорошо.

- Ты знаешь, что делать? - Поинтересовался Макиавелли.

- Я вспомнил многое из давнишних экспериментов Леонардо, ещё в Венеции, - ответил Эцио. Он приподнял странный артефакт и сосредоточился, пытаясь мысленно коснуться его.

Несколько минут ничего не происходило, и Эцио был готов сдаться, но Яблоко, наконец, засветилось. Сперва тускло, а потом всё сильнее и ярче, пока свет, исходящий от Яблока не стал их слепить.

- Назад! - Прокричал Бартоломео.

Клаудия в испуге ахнула, а Ла Вольпе отшатнулся в сторону.

- Нет, - сказал Макиавелли. - Хотя это наука... но это что-то вне нашего понимания. - Он взглянул на Эцио. - Если бы только Леонардо был здесь!

- Пока что он помогает нам в другом месте, - ответил Эцио.

- Смотрите! - Воскликнул Ла Вольпе. - Оно показывает колокольню Санта-Мария-ин-Траставере! Чезаре должен быть там!

- Ты был прав! - Кивнул Бартоломео. - Но вы только посмотрите, сколько у него солдат!

- Я пойду. Сейчас же, - решил Эцио, изображение, проецируемое Яблоком, исчезло, а сам артефакт потускнел.

- Мы пойдем с тобой.

- Нет. - Эцио поднял руку. - Клаудия, возвращайся в «Цветущую розу». Пошли девушек разузнать всё, что смогут, о планах Чезаре. И прикажи рекрутам быть наготове. Гильберто, разошли, пожалуйста, своих воров по всему городу и сообщи, что тамплиеры попытаются реорганизоваться. Наши враги будут бороться за свои жизни! Бартоломео, собери своих людей, пусть будут готовы выступить в любой момент.

- Никколо, - Эцио повернулся к Макиавелли. - Возвращайся в Ватикан. Коллегия кардиналов скоро соберется на конклав, чтобы избрать нового Папу.

- Верно. И Чезаре наверняка попытается воспользоваться оставшимся влиянием, чтобы посадить на папский престол своего кандидата или, по крайней мере, того, кем он сможет манипулировать.

- Кардинал делла Ровере сейчас имеет большой авторитет. И как вы знаете, он был непримиримым врагом Борджиа. Если бы...

- Я поговорю с камерарием, казначеем папского двора. Выборы могут затянуться.

- Мы должны воспользоваться любыми преимуществами, которые даст нам эта задержка. Спасибо, Никколо.

- А ты будешь действовать сам по себе, Эцио?

- Я не сам по себе, - отозвался Эцио, осторожно убирая в мешочек Яблоко. - Я оставляю его у себя.

- Держи его при себе, если знаешь, как контролировать эту штуку, - недоверчиво пробормотал Бартоломео. - Я вообще считаю, что это адское изобретение!

- В чужих руках, возможно, но пока оно у нас...

- Тогда не выпускай его из рук и не своди с него глаз!

Потом они разошлись выполнять задания, данные им Эцио, а сам ассасин отправился на западный берег реки и пробежал до церкви, которую Лис узнал в видении, показанном Яблоком.

Когда он добрался до места, то увидел лишь несколько отрядов солдат в мундирах Чезаре, которые организованно, словно по приказу, покидали площадь. Солдаты помнили о дисциплине и прекрасно понимали, что отказ подчиняться будет приравнен к смерти.

Чезаре не было видно, и Эцио подумал, что ему должно быть очень плохо от яда. Но войска без сомнения призвал он. Было только одно место, куда он мог отступить - в свой укрепленный дворец, недалеко отсюда. Эцио бросился туда.

Он присоединился к группе служащих из людей Борджиа, на одежде которых увидел герб Чезаре, и смешался с ними. Хотя, даже если бы он не воспользовался своим секретным навыком, они бы не заметили его. Служащие были слишком взволнованы. Используя их как прикрытие, Эцио прошел через дворцовые ворота, которые быстро открылись перед ними, а потом так же быстро захлопнулись позади.

Эцио скользнул в тень от колоннады и двинулся вдоль стен, останавливаясь лишь для того, чтобы заглянуть в каждое открытое окно по пути. Наконец, он увидел впереди дверь, охраняемую двумя солдатами. Эцио огляделся. Больше во дворе никого не было. Ассасин подкрался и со скрытым клинком набросился на обоих охранников, которые даже не поняли, что произошло. Первый погиб мгновенно. Второму удалось нанести удар, который, если бы не защитный наруч, мог серьезно повредить руку Эцио. Солдат растерялся, решив, что это какое-то колдовство, и в это время Эцио вонзил клинок ему в горло. Стражник упал на землю.

Дверь не была заперта. Когда Эцио осторожно приоткрыл дверь, то выяснилось, что петли хорошо смазаны и не скрипят. Он бесшумно скользнул в комнату.

Внутри оказалось большое мрачное помещение. Эцио прикрыл дверь, пока не подул сквозняк, и спрятался за гобеленом. За дубовым столом в центре комнаты сидели люди. Стол был завален бумагами и освещался свечами в двух железных подсвечниках. Во главе стола сидел Чезаре, а справа от него - его личный доктор, Гаспар Торелла. Лицо у Чезаре было серым, со лба стекал пот. Он посмотрел на своих офицеров.

- Поймайте их! - Приказал он, крепко стиснув руками подлокотники кресла, чтобы не упасть.

- Они везде и одновременно нигде! - Заявил один из офицеров, более смелый, чем все остальные, беспомощно молчавшие.

- Меня не волнует, как вы это сделаете, просто выполняйте приказ!

- Мы не можем, синьор... без вашего руководства... Ассасины перегруппировались. Французы ушли, а наши собственные силы с трудом способны им противостоять. У них

везде шпионы - наша собственная сеть не в состоянии их истребить! Эцио Аудиторе привлек на свою сторону большинство горожан.

- Я болен, идиоты! И целиком полагаюсь на вас! - Чезаре выдохнул и откинулся в кресле. - Я был чертовски близок к смерти! Но я ещё не сдался!

- Сир...

- Просто загоните их в тупик, если это всё, на что вы способны! - Чезаре замолчал, тяжело дыша, доктор Торелла промакнул лоб хозяина куском ткани, смоченном в уксусе или чем-то другим, столь же сильно пахнущим, и что-то успокаивающе пробормотал своему пациенту. - Скоро, - продолжил Чезаре. - Скоро Микелетто приведет в Рим мои войска из Романьи и с севера, и вы увидите, как быстро ассасины будут стерты в порошок!

Эцио шагнул вперед и открыл мешочек с Яблоком.

- Ты ошибаешься Чезаре! - Громко сказал он. В голосе его чувствовалась уверенность.

Чезаре вскочил с кресла, в глазах его был страх.

- Ты! Сколько у тебя жизней, Эцио? На этот раз ты точно умрешь! Позовите стражу! Немедленно! - рявкнул он на офицеров и позволил доктору быстро увести себя в соседнюю комнату.

Один из офицеров бросился к двери, чтобы поднять тревогу. Остальные выхватили пистолеты и направили их на Эцио. Ассасин вытащил Яблоко и поднял его вверх, сконцентрировался и низко опустил на глаза капюшон.

Яблоко начало пульсировать и светиться; свечение становилось всё ярче, но не давало тепла. Оно было ярким, словно свет солнца. Комнату наполнило белое сияние.

- Что это за колдовство? - Прокричал один из офицеров, открывая огонь. Случайно одна из пуль задела Яблоко, но это никак на него не подействовало.

- Истинно говорю вам, на его стороне сам Господь! - Заорал другой, тщетно пытаясь защитить глаза, и слепо пошел туда, где, как ему показалось, должна была быть дверь.

Свет стал ещё ярче. Офицеры столпились вокруг стола, закрывая руками лица.

- Что происходит?

- Как такое возможно?

- Пощади, господи!

- Я ослеп!

От напряжения губы Эцио сжались; он продолжал проецировать свою волю через Яблоко, но не смел даже взглянуть на него из-под капюшона. Наконец, Эцио решил, что пора прекратить. Как только он сделал это, его накрыла волна истощения. Яблоко, невидимое из-за собственного света, внезапно, без угасания, померкло. В комнате было тихо. Эцио осторожно скинул капюшон и увидел, что комната не изменилась. Свечи всё так же стояли на столе, освещая мрак вокруг. Они светили почти успокаивающе, так, словно ничего не случилось. Пламя было ровным, в комнате не было ни намека на ветерок.

Лишь гобелен на шпалерах был абсолютно белым, лишенным всех цветов.

Мёртвые офицеры лежали вокруг стола, кроме одного, кто первым бросился к двери. Он лежал возле выхода, схватив рукой засов. Эцио подошел к нему. Чтобы пройти, нужно было сдвинуть офицера в сторону.

Ассасин уже оттащил его, когда случайно взглянул ему в глаза.

Лучше бы он этого не делал - этот взгляд он уже никогда не сможет позабыть.

- Покойся с миром, - произнес Эцио, с дрожью осознав, что на самом деле у Яблока была такая сила, которая, если дать ей волю, могла контролировать умы людей, и которая могла открывать немыслимые возможности и миры.

И сеять разрушения настолько ужасные, что их невозможно было даже вообразить.

ГЛАВА 46

онклав колебался. Несмотря на все усилия кардинала делла Ровере перехитрить Чезаре, у того хватило влияния, чтобы сдержать кардинала. Страх или личная заинтересованность заставляли кардиналов медлить с принятием решения. Макиавелли предположил, что они пытаются отыскать такого кандидата, который удовлетворил бы все стороны, и избрание которого было бы по возможности единогласным. Временного Папу - пока баланс сил не будет восстановлен.

Поэтому Эцио обрадовался, когда через несколько дней затишья, Клаудия принесла на Тиберину новости.

- Кардинал Руаны, француз, Жорж д'Амбуа, заявил... под давлением... что Чезаре собирается встретиться с союзниками-тамплиерами за пределами Рима. Сам кардинал тоже собирался туда.

- Когда?

- Вечером.

- Где?

- Место встречи будет держаться в секрете до самой последней минуты.

- Тогда я пойду в резиденцию кардинала и прослежу за ним.

- Они избрали нового Папу, - сообщил Макиавелли, врываясь в комнату. - Твой любимчик, французский кардинал, Клаудия, сегодня сообщит Чезаре эту новость. Собственно, вместе с ним отправится небольшая группа кардиналов, по-прежнему поддерживающих Борджиа.

- И кто новый Папа? - Спросил Эцио.

Макиавелли улыбнулся.

- Как я и думал, - проговорил он, - это кардинал Никколomini. Ещё не старик - ему всего шестьдесят четыре, - но у него плохое здоровье. Он избран под именем Пий III.

- Кого он поддерживает?

- Мы не знаем, но все иностранные послы уговаривали Чезаре на время выборов покинуть Рим. Делла Ровере в ярости, но он умеет ждать.

Оставшуюся часть дня Эцио советовался с Бартоломео, а потом вместе с ним собрал объединенный отряд из рекрутов и наемников - достаточно сильный, чтобы противостоять любым силам, которые выставит в битве Чезаре.

- Всё-таки хорошо, что ты не убил Чезаре во дворце, - сказал Бартоломео. - Теперь он призовет к себе всех своих сторонников, и мы сможем выпустить им кишки. - Он посмотрел на Эцио. - Доберись до него, друг мой. Ты же наверняка так всё и планировал. Эцио улыбнулся. Он вернулся к себе, пристегнул на запястье пистолет и спрятал в поясной кошель двойной клинок.

С небольшой группой подручных Эцио шёл в авангарде, остальная часть их войска двигалась далеко позади. Кардинал Руаны вместе со своими товарищами и их свитой выехали после обеда, и Эцио со своими всадниками отправился следом, держась на безопасном расстоянии. Поездка, вопреки ожиданиям, была недолгой. Кардиналы остановились возле большого загородного поместья с укрепленными стенами. Поместье располагалось возле озера Браччано.

Эцио в одиночку перебрался через стену и тенью проследовал за кардиналами в большой зал поместья, где затерялся в толпе сотни лучших офицеров Борджиа. Кроме них в зале находились люди из других стран, которых Эцио не знал, но предположил, что они - члены Ордена тамплиеров. Чезаре, полностью выздоровевший, стоял на помосте в центре переполненного зала. На стенах горели факелы, отбрасывая тени так, что казалось, будто Эцио присутствует на ведьмовском шабаше, а не на военном собрании.

Снаружи было столько солдат Борджиа, что Эцио сразу вспомнил слова Чезаре о том, что Микелетто приведет на помощь оставшуюся часть войска. Эцио боялся, что даже с наёмниками Бартоломео и его собственными рекрутами, ждавшими в сотне метров от

поместья, они могут не справиться со всеми противниками. Но теперь было слишком поздно.

Эцио увидел, как люди в зале расступились, пропуская к помосту кардиналов.

- Присоединяйтесь ко мне! И я верну вас Рим! - Провозгласил Чезаре, когда появился кардинал Руаны в сопровождении своих прелатов. Заметив их, Чезаре осекся.

- Какие новости от Конклава? - Хмуро поинтересовался он.

Кардинал Руаны некоторое время размышлял.

- Есть хорошая новость... и плохая, - наконец ответил он.

- Говори!

- Мы выбрали Пикколомини.

Чезаре обдумал новость.

- Что ж, по крайней мере, это не сын рыбака - делла Ровере! - Чезаре кивнул кардиналу. - Но я хотел не Пикколомини. Мне нужна марионетка! Пикколомини, возможно, уже и стоит одной ногой в могиле, но способен принести ещё немало вреда. Я заплатил за то, чтобы назначили тебя! И так ты меня отблагодарил?

- Делла Ровере - опасный враг, - кардинал снова замялся. - Да и Рим уже не тот, что был раньше. Борджиа платят кровавыми деньгами!

Чезаре смерил его холодным взглядом.

- Ты еще пожалеешь об этом решении, - спокойно сказал он.

Кардинал поклонился и повернулся, чтобы уйти, но в этот момент заметил Эцио, который протолкался вперед.

- Ассасин! - Закричал он. - Это его сестра меня допрашивала! А теперь он здесь! Бегите! Он убьет нас всех!

Кардиналы - все, как один - бросились в панике прочь. Эцио побежал следом и, едва выбежав наружу, выстрелил из пистолета. Это был условный знак авангарду, ожидавшему недалеко от стен. Авангард, в свою очередь, выстрелил из мушкетов, давая Бартоломео сигнал к атаке. Едва ворота в поместье открылись, чтобы выпустить кардиналов, как появились наемники. Охранники поместья не успели закрыть ворота, и внутрь ворвались войска Эцио. Они сумели удержать ворота до подхода основных сил Бартоломео, который ворвался в поместье, вращая над головой Бьянку и издав боевой клич. Эцио выстрелил второй раз прямо в живот солдата Борджиа, который, крича, кинулся к нему, размахивая булавой. Времени на перезарядку пистолета не было. К тому же для ближнего боя не было ничего лучше двойного клинка. Отыскав нишу в стену, Эцио спрятался там и сменил пистолет на клинок. А потом бросился обратно в зал, надеясь отыскать Чезаре.

Битва в поместье и у его стен была короткой и кровавой. Борджиа и войска тамплиеров не были готовы к подобной атаке и оказались в ловушке. Они яростно боролись. Когда битва закончилась, многие наемники и ассасины были мертвы. Преимуществом ассасинов было то, что они сражались верхом, а из союзников Борджиа мало кому удалось добраться до лошадей.

Когда осела пыль, уже стемнело. Эцио, с кровоточащей раной на груди, так яростно ударил противника двойным клинком, что прорезал собственную перчатку и задел свою руку. Вокруг ассасина лежало множество тел, примерно половина из них - те, кто был на собрании и не смог сбежать на юг, в ночь.

Но Чезаре среди них не было. Ему удалось сбежать.

ГЛАВА 47

следующие недели произошло много событий. Ассасины из всех сил пытались отыскать Чезаре, но безуспешно. В Рим он не вернулся. Сам город, казалось, избавился от влияния Борджиа и тамплиеров, но Эцио и его товарищи оставались начеку. Они прекрасно понимали, что пока жив враг, опасность остается. И ещё ассасины подозревали, что в городе остались подкупленные Борджиа сторонники, которые только и ждут сигнала Чезаре. Ватикан в очередной раз ждало потрясение. Пий III очень любил книги и был глубоко религиозным человеком. Он правил всего двадцать шесть дней. Из-за давления, оказываемого на него, и ответственности за папство, его, и без того слабое, здоровье окончательно пошатнулось, и в октябре он скончался. Но, вопреки опасениям Эцио, Пий не был марионеткой Борджиа. Во время своего короткого правления он вместе с коллегией кардиналов провел реформу, которая положила конец коррупции и похотливости, которые процветали во времена господства его предшественника. Ватикан больше не продавал кардинальские должности и не брал взятки от состоятельных убийц, которые желали избежать виселицы. Приверженность категорическим взглядам Александра VI: «Пусть живут, чтобы каяться», продержалась не долго.

И ещё Пий III разослал по всей Папской области приказ арестовать Чезаре Борджиа.

Его приемник был выбран с первого раза, подавляющим числом голосов. Против него выступили лишь три кардинала, одним из которых был Жорж д'Амбуа, Кардинал Руаны, который тщетно надеялся, что тройная тиара достанется французам. После того, как на прошлом собрании избрали Пия III, Джулиано делла Ровере, кардинал Сан-Петро в Винчоли, не теряя времени, объединил своих сторонников и решил добиться Папства при первой же возможности, которая, как он знал, скоро представится.

Он назвал себя Юлием II. Это был грубоватый мужчина лет шестидесяти, всё ещё крепкий - не только телом, но и умом. Он был весьма энергичен, и, как Эцио скоро понял, был весьма подкован как в искусстве политических интриг, так и на военном поприще. Он гордился тем, что родился в семье рыбака - разве сам Святой Пётр не был рыбаком?

Но угроза Борджиа всё ещё тенью висела над всеми.

- Если бы только Чезаре показался, - прорычал Бартоломео.

Они с Эцио сидели в его кабинете в казармах.

- Он покажется. Но только когда будет готов.

- Шпионы докладывают, что он хочет собрать своих лучших людей, чтобы напасть на Рим со стороны главных ворот.

Эцио кивнул.

- Если Чезаре придет с севера, как почти наверняка и будет, он попытается взять врата возле Кастра Претория. Он может попытаться захватить Кастра. Это важная стратегическая позиция.

- Наверное, ты прав.

Эцио поднялся.

- Собери ассасинов. Мы вместе встретим Чезаре, лицом к лицу.

- А если у нас не выйдет?

- Странно слышать такое от тебя, Барто! Если у нас не выйдет, я встречу с ним лично.

Они разошлись, договорившись встретиться в Риме во второй половине дня. Если нападение неизбежно, святой город должен быть к нему готов.

Эцио не ошибся. Он попросил Бартоломео собрать остальных на площади возле церкви недалеко от Кастра. Потом они вместе двинулись к северным вратам. Те были хорошо укреплены - Юлий II считал за счастье прислушаться к совету Эцио. Но то, что они увидели в паре сотен ярдов от ворот, отрезвляло. На светлой лошади в окружении офицеров из своей личной армии сидел Чезаре, а за его спиной стоял, по меньшей мере, целый батальон.

Даже на таком расстоянии Эцио услышал напыщенные речи Чезаре - странно, почему хоть кто-то на них поддался? Почему на них поддаются до сих пор?

- Вся Италия должна быть объединена, и, встав на мою сторону, вы не ошибетесь! - провозгласил Чезаре.

Потом он повернулся и увидел Эцио и ассасинов, выстроившихся вдоль бастиона у ворот. Чезаре подъехал ближе, но не настолько, чтобы стрелы или пули из мушкетов могли его достать. Он был один.

- Пришли полюбоваться моим триумфом? - Крикнул он. - Не беспокойтесь. Это ещё не все мои силы. Скоро Микелетто приведет мои армии! Но вы к тому времени будете мертвы! У меня хватит людей, чтобы разделаться с вами!

Эцио смерил его взглядом и обернулся, чтобы посмотреть вниз на армию из папских войск, рекрутов-ассасинов и наемников, стоявших перед воротами в ожидании приказа. Эцио вскинул руку, привратники убрали деревянные перекладины, закрывавшие ворота. По следующему сигналу врата должны были открыться. Эцио поднял руку.

- Мои люди не подведут меня! - Прокричал Чезаре. - Они знают, что их ждет, если они это сделают. Скоро - скоро! - вы будете стерты с лица земли, и мои владения вернутся ко мне!

Эцио подумал: «Новая болезнь повредила его разум» и резко опустил руку. Врата под ним распахнулись, и римское войско кинулось в бой: сперва конница, а за ней - пехота. Чезаре отчаянно дернул поводья - лошадь протестующе захрипела - и отступил. Но лошадь споткнулась и скинула всадника. Батальон Чезаре при виде римского войска бросился бежать.

«Что ж, - подумал Эцио. - Вот и ответ на мой вопрос. Они были готовы драться за деньги, а не из преданности. Ты не смог купить их верность».

- Убить ассасинов! - Яростно проорал Чезаре. - Защитите честь Борджиа!

Но всё было зря. Его окружили.

- Сдавайся, Чезаре, - приказал Эцио.

- Никогда!

- Это больше не твой город. Ты больше не капитан-генерал. Семьи Орсини и Колонна на стороне нового Папы. Когда они пообещали тебе служить, это было только на словах. Они только и ждали шанса, чтобы вернуть города и поместья, что ты у них отнял.

Из ворот выехала небольшая делегация. Шестеро рыцарей в черных доспехах, один из них нёс знамя Юлия II, на котором был изображен дуб. Во отряда главе на серой в яблоках лошади, совершенно не годившейся для участия в бою, ехал элегантно одетый мужчина, в котором Эцио узнал Фабио Орсини. Делегация подъехала к горделиво стоявшему Чезаре.

Наступила тишина.

- Чезаре Борджиа, называемый так же Валентино, а так же кардиналом Валенсии и герцогом Валенсии, - провозгласил Орсини, и Эцио увидел, как в его глазах мелькнул торжествующий огонек. - По приказу Его Святейшества Папы Юлия II, я арестовываю вас за преступления, убийство, предательство и инцест!

Шестеро рыцарей окружили Чезаре - по двое с каждой стороны и по одному спереди и сзади. Поводья у Чезаре вырвали, а самого его привязали к седлу.

- Нет! Нет, нет, нет! - Орал Чезаре. - Это ещё не конец!

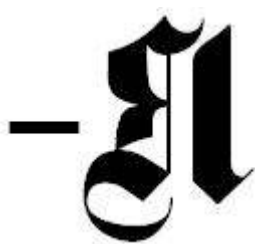
Один из рыцарей хлопнул лошадь Чезаре по крупу, и та рысью пошла вперед.

- Это ещё не конец! - Вызывающе пообещал Чезаре. - Цепи не удержат меня! - Его голос сорвался на крик. - Я не умру от руки человека!

Все слышали его, но никто не слушал.

- Иди уж, - сухо сказал Орсини.

ГЛАВА 48

как раз думал, что с тобой случилось, - сказал Эцио. - И тут увидел нарисованный мелом указующий перст. Я понял, что ты подал мне знак, потому и связался с тобой. И вот ты здесь! Я думал, ты уже уехал во Францию.

- Нет, пока ещё нет, - ответил Леонардо, стряхнув пыль со стула в секретном убежище ассасинов на острове Тиберина, и лишь потом сел. В комнату через высокие окна лился солнечный свет.

- Я рад. И ещё больше рад, что тебя не арестовали, как сторонника Борджиа, в ходе проверки, организованной новым Папой.

- Нельзя слишком долго заставлять хорошего человека подчиняться, - отозвался Леонардо. Он, как и всегда, был отлично одет, казалось, его вообще не затронули последние события. - Папа Юлий не дурак, он знает, кто будет ему полезен, а кто - нет. Я уж молчу о том, что они творили в прошлом.

- Похоже, они действительно раскаялись.

- Раз ты так считаешь... - сухо ответил Леонардо.

- Ты можешь мне помочь?

- А я когда-то тебе отказывал? - Леонардо улыбнулся. - Но разве теперь, когда Чезаре оказался под замком, есть причины для беспокойства? Суд нам ним и его казнь - лишь вопрос времени. Только взгляни на список обвинений! Он длиной с твою руку!

- Может, ты и прав.

- Конечно, мир не был бы миром, не будь в нем проблем, - заметил Леонардо, меняя тему.

- Конечно, хорошо, что Чезаре потерпел поражение, но я потерял ценного покровителя. А нынешнее правительство намеревается пригласить из Флоренции этого молодого молокососа Микеланджело. Боже мой! Да он способен создавать только скульптуры!

- Я слышал, что он довольно хороший архитектор. И неплохой художник.

Леонардо мрачно посмотрел на него.

- Знаешь, что за указующий перст я рисую? Когда-нибудь, надеюсь, что скоро, я создам портрет Иоанна Крестителя, указывающего на Небеса. Вот это будет картина!

- Ну, я же не сказал, что он настолько же хорош, как ты, - быстро добавил Эцио. - А уж как изобретатель...

- Если бы спросили меня, я бы сказал, что ему лучше заниматься тем, что получается у него лучше всего.

- Лео... ты завидуешь?

- Я? Вовсе нет!

Эцио решил, что пришло время напомнить Леонардо о том, что беспокоило ассасина, о причине, по которой он пришел по сигналу старого друга. Он надеялся, что по-прежнему может верить ему, но он знал Леонардо достаточно хорошо, чтобы доверять ему.

- Твой бывший наниматель... - начал он.

- Чезаре?

- Да. Мне не нравятся его последние слова. «Цепи меня не удержат».

- Да ладно тебе, Эцио. Его держат в самом глубоком подземелье Сан-Анжело. Даже великие мира сего падают.

- У него всё ещё есть друзья.

- Кое-кто может и считает, что у Чезаре еще есть будущее, но поскольку Микелетто и его армия, кажется, так и не появились, я не вижу реальной опасности.

- Даже если у Микелетто не получилось объединить оставшиеся войска Чезаре вместе, я признаю, что твое предположение имеет под собой реальные основания. Ни один из наших разведчиков не сообщал о передвижениях каких-либо войск...

- Посуди сам, Эцио, когда до них дошли новости об избрании Папой делла Ровере, а потом и об аресте Чезаре, армия Борджиа скорее всего разбежалась, как муравьи из залитого кипятком муравейника.

- Я не смогу спокойно вздохнуть, пока не услышу о смерти Чезаре.

- Есть способ узнать правду.

Эцио взглянул на Леонардо.

- Ты о Яблоке?

- Где оно?

- Со мной.

- Тогда давай посмотрим, что оно нам покажет.

Эцио задумался.

- Нет. Это слишком могущественный артефакт. Я должен навсегда скрыть его от человеческих рук.

- Такую ценную вещь? - Леонардо покачал головой.

- Я уж говорил тебе, много лет назад, что оно никогда не должно попасть не в те руки.

- Поэтому всё, что нам нужно - оставить его в нужных руках.

- Нет никаких гарантий, что нам это удастся.

Взгляд Леонардо стал серьезным.

- Эцио... если ты когда-нибудь решишь спрятать его где-то, пообещай мне кое-что.

- Что?

- Две вещи. Во-первых, повремени с исполнением этого решения так долго, как только сможешь. Если мы хотим окончательно истребить Борджиа и тамплиеров, нам потребуются все наши ресурсы. Когда же придет время, и ты скроешь его от мира, думай о нем как о семени, что ты посадил. Оставь для тех, кто сможет его найти, ключ, чтобы они определили его местонахождение. Будущим поколениям - может даже будущим ассасинам - возможно, понадобится сила Яблока, чтобы использовать его во имя Добра.

- А если оно попадет в руки второго Чезаре?

- И опять мы вернулись к нему. Слушай, почему бы тебе не перестать изводить себя и не посмотреть, что сможет показать нам Яблоко?

На этот раз Эцио колебался чуть дольше.

- Ладно. Я согласен.

Он отошел и вернулся с металлическим квадратным ящиком, закрытым на массивный замок. Он снял с шеи ключ на серебряной цепочке и открыл ящик. Там, на зеленой бархатной подушке лежало Яблоко. Оно выглядело тускло-серым, как и всегда в инертном состоянии, размером с небольшую дыню, а его оболочка казалась мягкой, словно человеческая кожа.

- Спроси его, - напомнил Леонардо; глаза его, едва он увидел Яблоко, заблестели. Эцио знал, что сейчас его друг борется с желанием схватить Яблоко и сбежать, и понял, каким искушением оно было для ученого, чья жажда знаний временами могла ошеломить и никогда не давала ему передохнуть.

Он поднял Яблоко и закрыл глаза, сосредоточившись на мыслях, формулируя вопрос. Почти сразу Яблоко начало светиться. А потом на стене появились изображения.

Они мелькали быстро и не задерживались надолго, но Эцио - один Эцио - увидел, как Чезаре выбирается из тюрьмы и бежит из Рима. Потом все изображения объединились, и Эцио увидел морской порт, вода блестела под лучами южного солнца, а в гавани стоял флот. Видение растворилось, сменилось иным - замок где-то вдали или, возможно, это был укрепленный город, еще дальше - горы. Эцио по ландшафту и теплоте солнца понял, что находится это место далеко за пределами Италии. Архитектура зданий тоже выглядела незнакомой, но ни Эцио, ни Леонардо не смогли её определить. Потом Эцио увидел крепость Марио в Монтериджони. Изображение сменилось, явив тайное святилище, где были собраны страницы Кодекса. Дверь в это помещение была закрыта, и снаружи двери Эцио увидел загадочные цифры и буквы. Потом, будто бы орел полетел над руинами бывшей цитадели ассасинов. И тут Яблоко погасло, лишь солнечный свет по-прежнему заливал комнату.

- Он сбежит! Мне надо идти! - Эцио убрал Яблоко обратно в ящик и встал так резко, что опрокинул стул.

- А как же твои друзья?

- Братство будет существовать, со мной или без меня. Таким я его и создал, - Эцио снова вытащил из ящика Яблоко и убрал его в кожаную сумку. - Прости, Лео, я не могу больше терять время. - Он надел скрытый клинок и защитный браслет. Пистолет и остальную амуницию убрал в поясную сумку.

- Подожди. Сперва надо всё продумать. Спланировать.

- Я планирую убить Чезаре. Давно уже надо было это сделать.

Леонардо развел руками.

- Похоже, я не смогу тебя остановить. Но помни, я пока не собираюсь уезжать из Рима, и ты знаешь, где находится моя мастерская.

- У меня для тебя подарок, - сказал Эцио и поставил на стол небольшой сундучок. Ассасин положил на него руку.

Леонардо встал.

- Если уж мы прощаемся, то оставь деньги при себе. Мне они не нужны.

Эцио улыбнулся.

- Мы не прощаемся, если конечно ты сам этого не хочешь. Но это плата за твою работу. Прими их. Если хочешь, можешь думать обо мне как о своём покровителе, пока не найдешь кого получше.

Они обнялись.

- Мы ещё встретимся, - пообещал Эцио. - Даю слово. Удачи, старый друг.

То, что предсказало Яблоко, нельзя было изменить, оно показывало будущее, и никто на земле не мог на него повлиять, как никто не может повлиять на прошлое.

Когда Эцио добрался до замка Сан-Анжело, он увидел новую папскую гвардию, носящую герб Юлия II. Солдаты выбегали из древней крепости и организованными группами отправлялись через мост и вниз по ближайшим улицам. Тревожно звенели колокола, ревели трубы. Эцио понял, что произошло ещё до того, как к нему подбежал задыхающийся капитан.

- Чезаре бежал!

- Когда?

- Во время смены караула. Около получаса назад.

Полчаса! Именно тогда, когда Яблоко показало видение!

- Вы уже выяснили, как ему это удалось?

- Если он не научился ходить сквозь стены, то мы даже и не знаем. Но всё похоже на то, что ему кто-то помогал снаружи.

- Кто? Лукреция?

- Нет. После происшедшего она не покидает свои комнаты. Но Папа, придя к власти, посадил её под домашний арест. Мы задержали двух солдат, которые раньше работали на Борджиа. Один из них - бывший кузнец. Он мог взломать замок, хотя, учитывая, что следов повреждений на двери камеры нет, скорее всего, они просто использовали ключ. Если они виновны...

- Лукреция не причиняет проблем?

- Как ни странно, нет. Кажется, она смирилась... со своей судьбой.

- Не верьте ей! Что бы вы ни делали, не дайте ей усыпить вашу бдительность. Когда она ведет себя тихо, она становится ещё опаснее.

- Её охраняют наемники-швейцарцы. Они надёжны.

- Хорошо.

Эцио напряженно размышлял. Если у Чезаре остались союзники в Риме, а очевидно так оно и есть, они постараются увезти его из города так быстро, как только возможно. Но ворота были заперты, поэтому лишившийся Яблока и не обладающий навыками ассасинов Чезаре не сможет обойти кордоны, расставленные по всему Риму.

Оставался один путь.

Река!

Тибр протекал через Рим с севера на запад, где впадал в море рядом с Остией. Эцио вспомнил работоторговцев, которых убил: Чезаре платил им. И они были не единственные! Спрятать его на лодке или небольшом морском судне, переодеть моряком или просто спрятать среди груза. Кораблю под парусами или на веслах не потребуется слишком много времени чтобы добраться до Тирренского моря, а оттуда – куда угодно. Это уже зависело от планов Чезаре. Вопрос заключался в том, как поймать его прежде, чем он претворит эти планы в жизнь!

Эцио кратчайшим путем прошел до ближайших к замку доков. Они были забиты лодками и кораблями всех форм и размеров. Это напоминало поиск иголки в стоге сена. Полчаса. Времени почти не оставалось, прилив уже начался.

Яблоко было с Эцио. Он отыскал тихое место, присел на корточки и, на этот раз не тратя время на раздумья, вытащил его. В доках не было подходящей стены, чтобы спроецировать туда изображение, Эцио чувствовал, что сумеет найти другой способ общения с Яблоком. Он поднес Яблоко поближе к себе и закрыл глаза, желая получить ответ на свой вопрос.

Яблоко не засветилось, но Эцио сквозь перчатки ощутил тепло и пульсацию артефакта. Потом из Яблока раздался странный звук - или этот звук рождался прямо в голове Эцио - он не был уверен на сто процентов. Потом знакомый женский голос (Эцио не смог вспомнить, откуда он его знает), донесшийся, словно откуда-то издалека, тихо и ясно сказал: «Небольшая каравелла под алыми парусами на шестом пирсе».

Эцио бросился по набережной. Ему пришлось протолкаться через толпу моряков, осыпая их проклятиями. Но когда он добрался до шестого пирса и увидел корабль, подходивший под описание Яблока, тот уже отчалил. Корабль тоже показался Эцио знакомым. Палуба была забита мешками и тяжелыми ящиками - достаточно большими, чтобы спрятать в них человека. А потом Эцио с удивлением увидел, что на палубе стоит моряк, которого он оставил умирать, когда пытался спасти госпожу Солари. Моряк, сильно хромя, подошел к одному из ящиков и, с помощником, передвинул его. Эцио заметил, что в ящике проделаны отверстия. Он, пригнувшись, пробежал позади ряда лодок и взобрался по эстакаде, используемой для покраски судов. В этот момент хромой моряк повернулся, чтобы посмотреть на набережную, возможно, чтобы проверить - не преследуют ли их. Эцио беспомощно смотрел, как каравелла доплыла до середины реки, подняла парус и, поймав ветер, поплыла вперед. Он не смог бы преследовать её по берегу даже на лошади - путь преграждали дома, стоящие вплотную к реке. Нужно было найти лодку.

Эцио вернулся на набережную и пошел вдоль неё. Экипаж одного из небольших кораблей только что закончил разгрузку. Эцио подошел к морякам.

- Я хотел бы нанять лодку, - быстро проговорил он.

- Мы только что прибыли.

- Я щедро заплачу, - Эцио вытащил из кошелька горсть золотых монет.

- Сперва мы должны доставить груз, - сообщил один из моряков.

- Куда вы собрались плыть? - Спросил другой.

- Вниз по течению, - ответил Эцио. - И я спешу.

- Присмотрите за грузом, - к ним подошел еще один моряк. - Я возьму синьора. Якопо, поплывешь со мной. Не думаю, что двоих нас не хватит.

Эцио повернулся, чтобы поблагодарить его и изумленно узнал Клаудио, молодого вора, которого он спас от солдат Борджиа.

Клаудио улыбнулся.

- Считайте это благодарностью за спасение моей жизни, синьор. И уберите свои деньги.

- Что ты здесь делаешь?

- Я не создан для того, чтоб быть вором, - отозвался Клаудио. – Ла Вольпе это понимал. Я всегда был неплохим моряком, поэтому он одолжил мне денег, чтобы купить это судно. Я капитан. Веду неплохую торговлю между Римом и Остией.

- Нужно спешить. Цезаре Борджиа бежал!

Клаудио повернулся и отдал приказ помощникам. Якопо вскочил на борт и стал разворачивать паруса. Эцио и Клаудио тоже поднялись на борт, остальные члены экипажа ушли с грузом.

Лодка без груза легко плыла по воде. Когда они добрались до середины реки, Клаудио поднял парус. Вскоре тяжело нагруженная каравелла перестала быть пятнышком на горизонте.

- Мы догоняем их? - Спросил Клаудио.

- Да, - отозвался Эцио.

- Вам лучше опустить голову, - посоветовал Клаудио. - Меня и Якопо здесь хорошо знают, но если заметят вас, то поймут, что что-то не так. Я знаю такие суда. Нерегулярные рейсы. Индивидуальные.

- Ты знаешь, сколько человек на корабле?

- Обычно пять. Может, меньше. Не волнуйтесь. Я не забыл, чему меня научил Ла Вольпе - иногда даже пользуюсь этими навыками - и у Якопо есть козырь в рукаве.

Эцио опустил на палубу, спрятавшись под прикрытием низкого борта, и время от времени приподнимал голову, чтобы оценить расстояние между ними и целью.

Но каравелла была более быстрым судном, чем лодка, поэтому, когда Клаудио смог, наконец, привлечь внимание экипажа каравеллы, впереди показалась Остия. Клаудио смело махнул экипажу каравеллы.

- Похоже, у вас тяжелый груз, - крикнул он. - Что вы везете, золотые слитки?

- Не твоё дело, - огрызнулся от штурвала капитан. - Держись подальше от моего корабля. Ты нагоняешь волну.

- Извини, приятель, - сказал Клаудио, а Якопо резко вывернул штурвал в сторону, сталкиваясь бортом с каравеллой, и крикнул Эцио: - Давай!

Эцио перескочил из своего укрытия через узкую щель, разделяющую два корабля. Хромой матрос узнал его и, приглушенно взревев, бросился с острым крюком в атаку. Эцио отбил удар защитным браслетом и смог подобраться к противнику достаточно близко, чтобы вонзить скрытый клинок глубоко в бок врага. Но ассасин не заметил другого моряка, который с абордажной саблей в руке подкрался сзади. Эцио моментально обернулся, но не мог уже отбить клинок, и тут раздался выстрел. Моряк, выгнув спину, выронил на палубу саблю, а сам свалился за борт.

- Будь осторожен! - Крикнул Якопо, старавшийся держать лодку борт в борт к каравелле. Третий моряк появился из трюка и ломом взломал ящик с отверстиями, а четвертый сидел рядом на корточках с пистолетом в руках, прикрывая его со спины. У обычных матросов нет таких пистолетов, подумал Эцио, вспомнив бой с работоторговцами. Клаудио перескочил на палубу каравеллы и кинулся на матроса с ломом, а Эцио бросился вперед, вонзив в руку матроса с пистолетом скрытый клинок. Моряк успел выстрелить, но пуля попала в палубу, и противник отступил, взыв от боли, и схватился за запястье, пытаясь остановить кровь, бьющую из вены.

Капитан, видя, что его люди потерпели поражение, достал пистолет и выстрелил в Эцио, но каравеллу качнуло, и выстрел ушел мимо. Пуля лишь скользнула по правому уху Эцио, потекла кровь. Эцио помотал головой, направил свой пистолет на капитана и выстрелил ему в лоб.

- Быстрее! - Приказал он Клаудио. - Берись за штурвал, а я займусь нашим другом.

Клаудио кивнул и кинулся к штурвалу. Кровь из рассеченного уха пропитала воротник. Эцио грубо вывернул запястье противника, заставив того выронить лом. Потом ударил его коленом в пах, схватил за шиворот и, подтащив его к планширу, швырнул за борт.

В наступившей тишине из ящика донеслись яростные крики и проклятия.

- Я убью тебя! Я воткну меч тебе в кишки, и ты познаешь такую боль, о которой даже не подозревал!
- Надеюсь, тебе там удобно, Чезаре, - отозвался Эцио. - Но если нет, ничего страшного. Как только мы доберемся до Остии, тебе предоставят более подходящее для тебя средство передвижения, и мы вернемся назад.
- Это не честно, - вздохнул Якопо с лодки. - У меня так и не было возможности использовать свой козырь!..

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

Часть II

Все дозволено. Ничто не истинно.

Догма сикариев, I, I.

ГЛАВА 49

тояла поздняя весна 1504 года от Рождества Господа нашего. Папа распечатал доставленное курьером письмо, быстро прочитал и торжествующе ударил кулаком по столу. Другой рукой он поднял письмо, с которого свисали, болтаясь, печати.

- Да благословит Господь короля Арагоны и Кастилии, Фердинанда, и королеву Изабеллу! - Воскликнул он.

- Хорошие новости, Ваше Святейшество?

Юлий II чуть улыбнулся.

- Да! Чезаре Борджиа благополучно доставлен в одну из самых укрепленных и расположенных в отдаленном районе крепостей!

- Куда?

- Прости. Это должно остаться тайной даже для тебя. Я не хочу испытывать судьбу с Чезаре.

Эцио закусил губу. Неужели Папа полагает, что он попытается убить Чезаре, если узнает, где он находится?

- Не стоит так печалиться, дорогой Эцио, - успокаивающе продолжил Юлий. - Я расскажу тебе вот что: это огромная крепость, затерянная на равнинах северо-восточной Испании. Она абсолютно неприступна.

Эцио знал, что у Юлия были причины оставить Чезаре в живых, а не сжигать на костре, превратив его в мученика. Он даже признавал, что это действительно был лучший выход. Но последние слова Чезаре по-прежнему не давали ему покоя: «Цепи меня не удержат!» глубоко в сердце Эцио знал, что единственное, что сможет удержать Чезаре - и удержать надежно - это смерть. Но всё-таки Эцио улыбнулся словам Юлия.

- Они заперли его в камере наверху центральной башни высотой в сто сорок футов, - продолжал Юлий. - В любом случае, нам больше не о чем беспокоиться. - Папа смерил Эцио пронизательным взглядом. - Кстати, то, что я тебе только что сказал - тоже секретная информация, так что даже не мечтай. Тем более, стоит мне приказать, и Чезаре перевезут в другое место, если я хоть краем уха услышу, что кто-то его разыскивает.

Эцио решил сменить тактику.

- А Лукреция? Есть новости из Феррары?

- Кажется, третий брак изменил её к лучшему, хотя должен признать, что я сперва волновался. Семья д'Эсте - настоящие снобы, я думал, что старый герцог всегда будет считать, что она не достойна его сына. Жениться на Борджиа! Ты представляешь! Для них это было равносильно тому, чтобы взять в жены служанку! - Папа от души рассмеялся. - Но она успокоилась. За ней можно уже не приглядывать. Она обменивается любовными письмами и поэмами со своим старым другом Пьетро Бембо - в открытую, конечно, - Юлий подмигнул. - Но в целом она - добропорядочная верная жена герцога Альфонсо. Она даже ходит в церковь и вышивает гобелены. Но, разумеется, о её возвращении в Рим не идет даже речи. Она до конца жизни останется в Ферраре, и должна быть благодарна уже за то, что сохранила на плечах свою прелестную головку. Теперь, думаю, можно с уверенностью сказать, что мы навсегда избавились от этих каталонцев-извращенцев.

Эцио бы сильно удивился, если бы агентурная сеть Ватикана выяснила, что Борджиа были тамплиерами. Чезаре был главой Ордена, и продолжал им оставаться даже в заточении. Но он оставил свои мысли при себе.

Эцио признал, что дела в Италии обстоят ещё хуже, чем раньше. Сильный Папа у власти предпочел оставить Агостино Киджи банкиром и не стал отказываться от поддержки французов. Король Людовик всё ещё оставался в Италии, отступив на север и, казалось,

застрял там на какое-то время. Кроме того, король Франции отдал Неаполь королю Испании Фердинанду Арагонскому.

- Надеюсь на это, Ваше Святейшество.

Юлий проницательно посмотрел на Эцио.

- Послушай, Эцио, я не дурак, и не стоит меня таковым считать. Как ты думаешь, почему я привлек тебя в качестве консультанта? Я знаю, что за городом всё ещё скрываются сторонники Борджиа, а кое-кто из них остался и в Риме. Но в настоящее время у меня есть враги, причиняющие куда больше беспокойства, чем Борджиа.

- Борджиа по-прежнему могут представлять угрозу.

- Я так не считаю.

- Что вы сделаете с остальными врагами?

- Я провел реформу папской гвардии. Ты видел среди новых солдат швейцарцев? Это лучшие наёмники из всех! К тому же они не зависят от Священной Римской Империи и императора Максимилиана уже лет пять-шесть и с удовольствием идут на службу. Они преданы и не очень эмоциональны - не то, что наши дорогие соотечественники. Я намерен сделать один из их отрядов своей личной охраной. Я вооружу их алебардами и другим оружием, а еще собираюсь дать им мушкеты Леонардо, - он помолчал. - Но мне нужно придумать для них имя, - он вопросительно посмотрел на Эцио. - Есть идеи?

- Может «швейцарская гвардия»? - Предложил немного уставший Эцио.

Папа обдумал предложение.

- Не особо-то оригинально, Эцио. Честно говоря, мне больше нравится «юлианская гвардия», но это звучит слишком эгоистично. - Он усмехнулся. - Ладно! Возьму твой вариант! По крайней мере, на первое время сойдет.

По Ватикану прокатился стук молотков.

- Несчастные строители! - Заметил Папа. - Но работа должна быть закончена, - он пересек комнату и подошел к шнурку колокольчика. - Пошлю кого-нибудь попросить их не шуметь, пока мы не закончим. Иногда я думаю, что в руках строителей - величайшая разрушительная сила, которую Человечество не может себе даже вообразить.

Вошел слуга, и Папа отдал ему приказ. Несколько минут спустя они услышали приглушенный звук откладываемых инструментов.

- Что вы делаете? - Поинтересовался Эцио, зная, что архитектура - такая же великая страсть Папы, как и война.

- Заколачиваю апартаменты и кабинеты Борджиа, - ответил Юлий. - Они слишком роскошны. Больше подходят императору Нерону, чем главе Церкви. Ещё я снес все их комнаты наверху замка Сан-Анжело. Разобью там один большой сад. Может, поставлю беседку.

- Хорошая идея, - похвалил Эцио, улыбаясь себе под нос.

Без сомнения, беседка будет местом для свиданий Папы с одним из его любовников - мужчиной или женщиной. Но личная жизнь Папы не интересовала Эцио. Важнее было то, что он был хорошим человеком и преданным союзником. По сравнению с Родриго, порочность нового Папы была слишком незначительна. Кроме того, он продолжил реформу нравственности, начатую его предшественником Пием III.

- Я решил переделать потолок Сикстинской капеллы, - продолжил Папа. - Он такой... скучный! Я поручил многообещающему юному художнику из Флоренции - его имя Микеланджело - нарисовать на потолке несколько фресок. Какие-нибудь религиозные сцены, ты знаешь, о чем я. Я хотел попросить Леонардо, но у него в голове столько идей, что он вряд ли будет серьезно заниматься живописью. Жаль. Мне понравился портрет жены Франческо дель Джокондо...

Юлий оборвал себя на полуслове и посмотрел на Эцио.

- Но ты пришел сюда не для того, чтобы выслушивать мое мнение о современном искусстве.

- Нет.

- Надеюсь, ты не принимаешь всерьез угрозу возрождения Борджиа?

- Я думаю, что мы обязаны отнестись к этому серьезно.

- Эцио... Мои армии возвратили Ватикану большую часть Романьи. Там нет армий Борджиа, способных нам противостоять.

- Но Чезаре всё ещё жив! Он остается номинальным лидером...

- Надеюсь, ты не подвергаешь сомнению мои решения, Эцио! Тебе известны причины, по которым я сохранил ему жизнь. В любом случае, можешь считать его похороненным заживо там, где он сейчас находится.

- Микелетто всё ещё на свободе.

- Ха! Без Чезаре Микелетто никто.

- Микелетто хорошо знает Испанию.

- Я уже сказал, он - никто.

- Он знает Испанию. Он родился в Валенсии. Он незаконнорожденный племянник Родриго!

Папа, не смотря на свои годы бывший крепким энергичным мужчиной в расцвете сил, во время всего спора ходил взад-вперед по комнате. Он подошел к столу, оперся на него руками и угрожающе склонился над Эцио. Это было довольно убедительно.

- Не позволяй худшим опасениям завладеть тобой, - сказал он. - Мы даже не знаем, жив Микелетто или нет.

- Думаю, стоит это выяснить, раз и навсегда.

Папа обдумал слова Эцио, слегка расслабился и сел. Указательным пальцем правой руки постучал по тяжелому перстню на левой.

- Что ты задумал? - Хмуро спросил он. - Не жди от меня подмоги. Мы и так почти исчерпали бюджет.

- Сперва надо найти и уничтожить последних сторонников Борджиа в Риме. Возможно, среди них мы найдем того, кто знает о местонахождении или судьбе Микелетто. Потом...

- Потом что?

- Если он ещё жив...

- Ты убьешь его?

- Да, - сказал Эцио, но подумал: если, конечно, он не окажется более полезен живым.

Юлий откинулся в кресле.

- Я впечатлен твоей решимостью Эцио. Она немного пугает. Я даже рад, что я - не враг ассасинам.

Эцио вскинул голову.

- Вы знаете о Братстве?

Папа скрестил пальцы.

- Я всегда считал, что нужно знать врагов своего врага. Но твоя тайна умрет вместе со мной. Как я уже говорил, я не дурак.

ГЛАВА 50

вои инстинкты не ошибаются. Я буду направлять и оберегать тебя. Но я тебе не принадлежу, и скоро тебе придется отпустить меня. У меня нет власти над тем, кто мной управляет. Я повинуюсь воле хозяина Яблока.

Эцио сидел в одиночестве в своем жилище и держал в руках Яблоко, пытаясь с его помощью отыскать в Риме нужную ему цель, когда снова услышал таинственный голос. На этот раз он не мог с уверенностью сказать: мужской он был или женский, исходил от Яблока или звучал прямо в его сознании. *Твои инстинкты не ошибаются.* И ещё: *У меня нет власти над тем, кто мной управляет.* Почему тогда Яблоко показало ему лишь туманные образы, связанные с Микелетто, которых оказалось достаточно лишь для того, чтобы понять - ставленник Чезаре всё ещё жив? И оно не смогло - или не стало - показывать местонахождение Чезаре. По крайней мере, пока что.

Он вдруг осознал, что в глубине души всегда знал: он не должен слишком часто использовать артефакт, не должен зависеть от Яблока. Он знал и то, что туманные ответы, которые он получил - его собственная вина. Не нужно лениться. Он должен сам о себе позаботиться. Однажды ему снова придется это делать.

Эцио подумал о Леонардо. О том, что он бы сделал, будь у него Яблоко. Леонардо - один из лучших людей, кого он когда-либо знал - с такой же легкостью изобретал опасное оружие, с которой рисовал прекрасные картины. Возможно, Яблоко способно не только помочь человечеству, но и привести его к гибели? В руках Родриго или Чезаре, оба из которых уже владели Яблоком, артефакт мог стать инструментом не спасения, а разрушения! Власть - сильный наркотик. Эцио не хотел пасть её жертвой.

Он снова посмотрел на Яблоко. В его руках оно казалось спокойным. Но когда Эцио положил его в сундук, то обнаружил, что не может просто взять и захлопнуть крышку. Какие возможности он упускает?!

Нет! Нужно похоронить артефакт. Он должен научиться жить в соответствии с Кредо без Яблока. Но не сразу!

В глубине сердца он всегда чувствовал, что Микелетто жив. Теперь Эцио в этом убедился. И пока Микелетто жив, он сделает всё от него зависящее, чтобы освободить своего хозяина - Чезаре!

Эцио не стал делиться с Папой Юлием полным планом своих действий. Он собирался отыскать Чезаре и убить его или умереть в бою с ним.

Иного пути нет.

В дальнейшем следует использовать Яблоко только при необходимости. Когда Яблока больше не будет, придется полагаться только на свои собственные инстинкты и разум. Нужно отыскать в Риме преданных Борджиа людей без помощи Яблока. И только если по истечении трех дней это не удастся, он воспользуется силой Яблока. Разве он может проиграть, когда с ним по-прежнему девушки из «Цветущей розы», вору Ла Вольпе и его товарищи, ассасины?

И он знал - хотя и не мог в полной мере понять это - что Яблоко будет помогать ему всё то время, пока он будет полагаться на собственные силы. Возможно, это была тайна самого Яблока. Возможно, никто и никогда не мог полностью подчинить его себе, кроме представителей расы древних богов, которые покинули планету, предоставив людям самим распоряжаться судьбой мира.

Эцио закрыл крышку и запер сундук.

В ту же ночь он созвал совет Братства.

- Друзья мои, - начал он: - Я знаю, что все мы приложили немало усилий, и верю, что победа не за горами, но у нас ещё осталась невыполненная работа.

Все, за исключением Макиавелли, изумленно переглянулись.

- Но Чезаре захвачен! - Возразил Ла Вольпе. - К счастью!

- И к власти пришел новый Папа, который всегда оставался врагом Борджиа, - добавила Клаудия.

- И французы отступили! - Согласился Бартоломео. - Пригород освобожден. Романья снова принадлежит Папской области.

Эцио поднял руку, успокаивая друзей.

- Всем нам известно, что победа становится победой лишь тогда, когда она полная.

- Может Чезаре и арестован, но он всё ещё жив, - спокойно поддержал Макиавелли. - И Микелетто...

- Верно! - Кивнул Эцио. - Пока в Риме и Папской области есть люди, преданные Борджиа, остается опасность возрождения Борджиа.

- Не перестраховывайся, Эцио! Мы же победили! - Воскликнул Бартоломео.

- Барто, тебе, как и мне, прекрасно известно, что некоторые из городов-государств в Романьи по-прежнему преданы Чезаре. Они серьезно укреплены.

- Я справлюсь с ними!

- Они не сдадутся. У Катерины Сфорца не настолько сильная армия, чтобы атаковать их, но я попросил её следить за ними. А для тебя у меня есть более важная работа.

«Боже, подумал Эцио, - почему мое сердце по-прежнему замирает при одном упоминании её имени?»

- Какое?

- Я хочу, чтобы ты взял войска из Остии и внимательно проследил за портом. Я хочу знать обо всех подозрительных судах, заходящих туда, и, особенно, покидающих гавань. Мне нужно, чтобы у тебя были всегда наготове курьеры, готовые доставить мне послание, когда ты что-то разумеешь.

Бартоломео фыркнул.

- Тоже мне! Это работенка не для такого, как я!

- Когда придет время выступить против мятежных городов-государств, у тебя будет подходящая работа. Но они живут, надеясь, что скоро получают сигнал к атаке. И пока они его ждут, то будут вести себя тихо. Наша работа состоит в том, чтобы так оно и оставалось. Всегда! Тогда, если они не прислушаются к гласу разума, они смогут выставить против нас лишь половину тех сил, что имеют на нынешний момент.

Макиавелли улыбнулся.

- Я согласен с Эцио.

- Тогда ладно. Если ты настаиваешь, - сердито отозвался Бартоломео.

- После испытания, что выпало Пантасилее, морской воздух пойдет ей на пользу.

Лицо Бартоломео прояснилось.

- Об этом я не подумал.

- Ну, и хорошо. - Эцио повернулся к сестре. - Клаудия. Думаю, смена власти в Ватикане не повлияла на процветание «Цветущей розы»?

Клаудия усмехнулась.

- Забавно, даже кардиналы не в состоянии подчинить дьявола, сидящего внутри них. Хотя, говорят, многим из них помогают холодные ванны.

- Скажи девушкам держать ушки на макушке. Юлий полностью контролирует совет кардиналов, но у него есть множество амбициозных врагов. Некоторые из них достаточно безумны, чтобы решить, что если они освободят Чезаре, то смогут использовать его как средство достижения их целей. И следи за Иоганном Бурхардом.

- За церемониймейстером Родриго? Он кажется безобидным. Он ненавидел организовывать все эти оргии. Но он же просто чиновник?

- Всё равно, если услышишь что-нибудь - особенно если окажется, что он связан со сторонниками Борджиа - дай мне знать.

- Теперь, когда у Борджиа нет солдат, которые постоянно контролировали нас, это будет легко.

Эцио немного растерянно улыбнулся.

- Тогда у меня ещё один вопрос. Я был слишком занят, чтобы забежать к вам, и мне очень жаль, но... Как мама?

Лицо Клаудии помрачнело.

- Она ведет бухгалтерию, но, Эцио, боюсь, она срывается. Она редко выходит в общество. И всё чаще и чаще говорит об отце, Федерико и Петруччо.

Эцио с минуту помолчал, вспомнив о том, как погиб его отец, Джованни, и братья.

- Я приду, как только смогу, - пообещал он. - Позаботься о ней и извинись за меня.

- Она понимает важность твоей работы. Она знает, что ты делаешь это не только ради всеобщего блага, но и ради наших родных.

- Уничтожение тех, кто причастен к их смерти, станет памятником для отца и братьев, - с трудом выдавил Эцио.

- А мои люди? - Спросил Ла Вольпе.

- Гильберто, твои люди сыграют важную роль. Рекруты по-прежнему верны Братству, но жизнь возвращается в мирное русло, и они видят это. Большинство из них хотят вернуться к той жизни, которую они вели до присоединения к нам в борьбе против Борджиа. Они не присягали на верность Братству, и я не могу требовать от них исполнения нашего общего долга - долга, от которого нас избавит лишь смерть.

- Я понимаю.

- Твои люди в основном горожане. Думаю, им будет неплохо подышать деревенским воздухом.

- Ты это о чем? - Подозрительно спросил Лис.

- Отправь своих лучших людей в города и деревни расположенные в окрестностях Рима. Недалеко - в Витебро, Терни, Аквиле, Авеццано, Неттуно. Сомневаюсь, что в городах, находящихся дальше, мы кого-нибудь найдем. Там вряд ли осталось много сторонников Борджиа, а те, кто остался - будут стараться держаться подальше от Рима.

- Их будет трудно отыскать.

- Ты должен попробовать. Сам знаешь, что даже небольшое войско в нужном месте способно нанести огромный ущерб.

- Я пошлю своих лучших воров. Переоденутся под торговцев.

- Сообщай мне всё, что узнаешь - особенно новости о Микелетто.

- Ты думаешь, что он действительно там? Может, он вернулся в Испанию или, по крайней мере, в Неаполитанское королевство? Если ещё не умер.

- Я уверен, что он жив.

Ла Вольпе пожал плечами.

- Твоей уверенности для меня достаточно.

Когда все разошлись, Макиавелли сказал Эцио:

- А я?

- Мы с тобой будем работать вместе.

- Рад это слышать, но прежде чем мы приступим, у меня есть вопрос.

- Какой?

- Почему ты не воспользуешься Яблоком?

Эцио, вздохнув, объяснил, как мог, своё решение.

Когда он закончил, Макиавелли внимательно посмотрел на него, достал черную записную книжку и что-то записал. Потом встал, пересек комнату, сел рядом с Эцио, и слегка сжал его плечо. Такие проявления дружбы были для Макиавелли крайне редки.

- Приступим к делу.

- Я кое о чем подумал, - проговорил Эцио.

- О чем?

- В городе есть женщины, которые могут нам помочь. Нужно их найти и поговорить с ними.

- Тогда ты выбрал нужного человека. Я же дипломат.

Первую женщину подсказал Эцио Папа. Но с ней нелегко было говорить. Она держала роскошный салон на бельэтаже своего дома, окна которого выходили на все четыре стороны. Из них открывался вид на некогда великий город, которые ныне был частично разрушен, а частично всё ещё великолепен - последние Папы тратили деньги на самовозвеличивание себя в глазах горожан.

- Не понимаю, чем могу вам помочь, - сказала она, выслушав их, но Эцио заметил, что она избегает встречаться с ними взглядом.

- Если в городе есть сторонники Борджиа, мы должны о них знать. Ваша Светлость, нам нужна ваша помощь, - пояснил Макиавелли. - Но если мы узнаем, что вы нас обманули...

- Не угрожайте мне, юноша, - перебила Ваноцца. - Боже мой! Мы с Родриго были любовниками много лет назад. Прошло уже больше двадцати лет!

- Может ваши дети..? - Начал Эцио.

Она мрачно улыбнулась.

- Наверное, вы задаетесь вопросом, как у такой женщины, как я, могло появиться такое потомство, - сказала она. - В них почти нет крови Каттанеи. Если только в Лукреции, но Чезаре... - она замолчала, и Эцио увидел в её глазах боль.

- Вам известно, где он?

- Я знаю не больше вашего. И не хочу знать. Я уже много лет не видела его, хотя мы жили в одном городе. Он для меня давно умер.

Очевидно, Папа стремился сохранить местонахождение Чезаре в тайне.

- Может ваша дочь знает?

- Если не знаю я, откуда знать ей? Сейчас она живет в Ферраре. Можете съездить и спросить её, но дорога предстоит долгая, а Святой Отец запретил ей когда либо возвращаться в Рим.

- Вы с ней видите? - Спросил Макиавелли.

Ваноцца вздохнула.

- Как я уже сказала, Феррара находится далеко на севере. А сейчас у меня нет желания путешествовать.

Она оглядела комнату, переводя взгляд со стоящих возле дверей слуг на клепсидру. Она приказала слугам не расходиться, и, казалось, хотела пойти к ним. Она постоянно растирала руки. Несчастная женщина, которой было не по себе, возможно потому, что она что-то скрывала или потому, что ей приходилось говорить о тех, о ком ей говорить не хотелось. Эцио точно не знал.

- У меня восемь - или было восемь - внуков, - неожиданно проговорила она.

Эцио и Макиавелли знали, что у Лукреции были дети от её браков, но мало кто из них выжил. Ходили слухи, что Лукреция не относилась к беременности серьезно, и предпочитала развлекаться и танцевать до самых родов. Или таким образом она пыталась отдалиться от матери? У Чезаре же была дочь, Луиза, четвертый его ребенок.

- Вы их видите? - Спросил Макиавелли.

- Нет. Луиза всё ещё в Риме, но думаю, её мать сделала из неё больше француженку, нежели итальянку.

Женщина встала и слуги, как по команде, открыли богато украшенные двойные двери.

- Мне хотелось бы помочь вам большим...

- Мы благодарны за уделенное нам время, - поблагодарил Макиавелли.

- Есть те, с кем вы захотели бы поговорить, - заметила Ваноцца.

- Мы хотели посетить принцессу д'Альбре.

Ваноцца поджала губы.

- Удачи, - без осуждения проговорила она. - Тогда вам лучше поторопиться. Я слышала, она собирается во Францию. Возможно, если повезет, она придет со мной попрощаться.

Эцио и Макиавелли тоже встали и попрощались.

Выйдя на улицу, Макиавелли сказал:

- Думаю, нам придется воспользоваться Яблоком, Эцио.

- Не сейчас.

- Пусть будет по-твоему, но я считаю, ты поступаешь глупо. Пойдем к принцессе. К счастью, мы оба говорим по-французски.

- Шарлотта д'Альбре не уедет во Францию сегодня же. Во всяком случае, мои люди наблюдают за её дворцом. Нет, есть еще кое-кто, с кем я хотел бы встретиться. Я удивлен, что Ваноцца её не упомянула.

- О ком?

- О Джулии Фарнезе.

- Разве она сейчас живет не в Карбониано?

- Мои люди доложили, что она в городе.

- Почему ты думаешь, что от неё мы узнаем больше, чем узнали от Ваноццы?

Эцио улыбнулся.

- Джулия была последней любовницей Родриго. Он обожал её!

- Я помню, как её захватили французы. Он был в ярости. Глупые французы потребовали за неё три тысячи дукатов. Он бы заплатил за неё в двадцать раз больше. И он бы наверняка пошел на любую сделку с ними. Но я думаю, это вполне нормально, если твоя любовница на сорок лет моложе тебя. Ты теряешь от любви голову.

- Это не помешало ему бросить её, когда ей исполнилось двадцать пять.

- Да. К тому времени она стала для него слишком стара! Но нам надо спешить. Они прошли по узким римским улочкам к Квиринале.

По дороге Макиавелли заметил, что Эцио чем-то встревожен.

- В чем дело? - Спросил он.

- Ты ничего не заметил?

- Что именно?

- Не оглядывайся! - Эцио был немногословен.

- Ладно.

- Думаю, за нами следят - женщина.

- И как давно?

- С тех пор, как мы ушли из дворца Ваноццы.

- Кто-то из её людей?

- Возможно.

- Одна?

- Думаю, да.

- Тогда мы справимся.

Постепенно, хотя они и торопились, они замедлили шаг, заглядывая в лавки, и даже остановились возле торговца вином. Там Эцио, притворившись, что пьет, увидел высокую, хорошо сложенную блондинку, одетую в хорошее, но неприметное темно-зеленое платье из какого-то легкого материала. Если придется, она сможет быстро двигаться даже в нём.

- Я её вижу, - сообщил Эцио.

Они оба осмотрели стену напротив лавки торговца. Это было новое здание, возведенное в модном стиле - с большими выступающими камнями, разделенными глубокими пазами. В стену на равных промежутках были вставлены железные кольца, к которым привязывали лошадей.

И это было замечательно.

Они прошли в дальний конец лавки, но оттуда выхода не было.

- Нужно спешить, - сказал Макиавелли.

- Давай за мной! - Отозвался Эцио, поставив на стол возле входа стакан. Несколько секунд спустя он уже взобрался по стене и был на полпути к крыше, Макиавелли отставал ненамного. Зеваки, разинув рот, смотрели, как двое мужчин, чьи плащи развевались на ветру, исчезли на крыше. Ассасины бежали, перепрыгивая через переулки и улочки,

плитки черепицы падали вниз, разбиваясь о мостовую, или просто шлепались в грязь, заставляя людей внизу отшатнуться в стороны.

Женщина не могла подняться вслед за ними по вертикальной стене, однако она без труда догнала их по улицам. Эцио увидел на её длинной юбке длинный разрез до бедра, позволявший ей бегать, что она и делала, расталкивая всех на своем пути. Кем бы она ни была, она была хорошо обучена.

Но, в конце концов, они сумели оторваться. Тяжело дыша, они остановились на крыше церкви Святого Николая и легли на крышу, осматривая улицу. Казалось, что там не было никого подозрительного, но Эцио узнал в толпе двух воров Ла Вольпе, срезающих кошельки острыми ножами. Вероятно, двое из тех, кто не отправился в пригород, но об этом можно спросить Гильберто попозже.

- Спускаемся, - предложил Макиавелли.

- Нет, лучше остаться на крышах, к тому же нам недалеко.

- Похоже, она почти нас догнала. К счастью, нам попала высокая стена, на крыше которой мы смогли сменить направление незаметно для неё.

Эцио кивнул. Кем бы она ни была, сейчас она наверняка пошла докладывать о своём провале. Ему бы хотелось, чтобы она была на его стороне. Сейчас же нужно было быстро попасть в дом Джулии, а потом покинуть район Квиринале. Возможно, придется попросить нескольких рекрутов прикрывать им спины в следующий раз. Сторонники Борджиа затаились, когда к власти пришел новый Папа, но лишь для того, чтобы усыпить его бдительность.

Первый муж Джулии, Орсино Орсини, был настолько счастлив в браке, что закрывал глаза на роман своей девятнадцатилетней жены с шестидесяти двухлетним Родриго Борджиа. У Джулии была дочь Лаура, но никто не знал, кто был её отцом - Орсино или Родриго. Родриго, бывший родом из Валенсии, поднимался по служебной лестнице Ватикана, пока не заполучил в свои руки казну Святого Престола. Тогда он и отблагодарил свою прекрасную молодую любовницу, купив для неё новый палаццо (который ей пришлось в конечном итоге покинуть) недалеко от Ватикана, и сделал её брата Алессандро кардиналом. Другие кардиналы за спиной называли его «любочным кардиналом», но никогда не делали этого в присутствии Родриго. Джулию саркастически звали «Невестой Христовой».

Эцио и Макиавелли спрыгнули вниз на площади, где стоял дом Джулии. Вход охраняли солдаты из папской гвардии. Площадь возле дворца была пуста. На плечах у гвардейцев был ясно виден герб семьи делла Ровере - крепкий дуб, с корнями и ветвями, увенчанный тиарой Папы и ключами Святого Петра. Но Эцио всё равно узнал гвардейцев. Полгода назад они носили багрово-желтые мундиры. Теперь времена изменились. Они его поприветствовали, и ассасин их узнал.

- Ублюдки, - процедил под нос Макиавелли.

- Всем нужна работа, - отозвался Эцио. - Я удивлен, что ты не согласен с этим.

- Пошли уже!

Они пришли, не уведомив о своем визите, поэтому потребовалось время, чтобы убедить слуг Фарнезе - на их одежде были вышиты шесть синих лилий на желтом фоне - впустить их, но Эцио точно знал, что госпожа Фарнезе дома. Она провела их в комнату, которая была не только вдвое больше, чем в доме Ванотцы, но и в два раза лучше обставлена. В тридцать лет Фарнезе удалось сохранить как красоту, так и ум. Хотя гости и не были приглашены заранее, она сразу приказала подать вина и медовых пряников.

Но она ничего не знала, и было ясно, что она, не смотря на то, что состояла с этой отвратительной семьей (как их назвал Макиавелли) в близких отношениях, не замешана в делах Борджиа. Макиавелли заметил, что она пытается сменить тему. Когда он и Эцио спросили о её дружбе с Лукрецией, всё, что она ответила: «Я знала её только с хорошей стороны. Думаю, ей пришлось вытерпеть много от отца и брата. Я благодарна Богу, что

она от них избавилась. - Она помолчала. - Если бы она встретила Пьетро Бембо раньше... Они были родственными душами. Он забрал бы её в Венецию и сумел бы спасти».

- Вы встречались с ней с тех пор?

- Увы, Феррара слишком далеко на севере, а я была слишком занята побегом из Карбониано. Даже дружба со временем умирает, Эцио Аудиторе.

Образ Катерины Сфорца возник в его памяти. Господи! Сердце по-прежнему замирает при мысли о ней!

Когда они уехали, был уже за полдень. Ассасины пытались понять, следят ли за ними, но никого вроде не было.

- Нужно воспользоваться Яблоком, - снова напомнил Макиавелли.

- Прошел всего один день из трех. Нам нужно научиться доверять самим себе, нашему собственному разуму, а не искать легкие пути.

- Дело слишком важное.

- Зайдем еще в одно место, Никколо. Может быть, мы кое-что узнаем.

Принцесса д'Альбре, герцогиня Валентино, по словам её экономки, была не дома, а на своей роскошной вилле в районе Пинчиано. Но Эцио и Макиавелли, уставшие и нетерпеливые, не стали её слушать и, ворвавшись в дом, отыскивали Шарлотту в бельэтаже. Женщина собирала вещи. Огромные сундуки, стоявшие в полупустом помещении, были набиты дорогим бельем, книгами, ювелирными изделиями. В углу играла с деревянной куклой немного смущенная девочка четырех лет, Луиза, законная наследница Чезаре.

- Ваша дерзость возмутительна, - холодно заявила блондинка, в её темных карих глазах мерцало пламя.

- У нас есть разрешение Папы, - солгал Эцио. - Вот его гарантии, - он вытащил чистый пергамент, с которого свисала впечатляюще выглядящая печать.

- Ублюдки, - хладнокровно отозвалась женщина. - Если вы думаете, что я знаю, где держат Чезаре, вы ошибаетесь. Я больше не хочу его видеть, и молю Бога, чтобы ни одна капля его проклятой крови не текла в жилах моей дочери.

- Мы разыскиваем Микелетто, - перебил её Макиавелли.

- Этого каталонского деревенщину, - презрительно сказала она. - Откуда мне знать, где он?

- Ваш муж говорил, как планирует сбежать, если его схватят, - сообщил Макиавелли. - Он полагался на вас.

- Вы так думаете? Нет! Возможно, он сообщил это одной из своих многочисленных шлюх. Например, той, что наградила его *Новой болезнью*.

- А вы..?

- Я к нему не прикасалась с тех пор, как у него появились первые язвы. А у него хватило приличия держаться от меня подальше и продолжать развлекаться со шлюхами. У него от них одиннадцать бастардов. Но я, по крайней мере, чиста, и моя дочь тоже. Как видите, я покидаю Рим. Франция намного лучше этой адской бездны. Я возвращаюсь в Ла-Мотт-Фей.

- Почему не в Наварру? - Притворно удивился Макиавелли.

- Хотите меня обмануть? - Женщина повернула к нему холодное худое лицо. Эцио подумал, что она была бы красивее без ямочки на подбородке. - Я не собираюсь отправляться в Наварру только потому, что мой брат женился на принцессе и стал королем.

- Ваш брат по-прежнему верен Чезаре? - Спросил Эцио.

- Сомневаюсь. Почему бы вам не прекратить тратить своё и моё время, и не пойти и спросить у него?

- Наварра далеко.

- Верно. Потому и предлагаю вам и вашему угрюмому другу отправиться туда. Уже поздно, а у меня ещё остались дела. Прошу вас меня покинуть.

- День прошел впустую, - заметил Макиавелли, когда они снова вышли на улицу. На город опускался вечер.

- Я так не считаю. Мы узнали, что никто из близких Чезаре не попытается укрыть его или защитить, - Эцио остановился. - Все женщины, которые были важны ему, его ненавидят, а у Джулии не было времени даже на Родриго.

Макиавелли скривился.

- Подумай сам, как бы ты реагировал, если б тебя трахал мужчина, годящийся тебе в деды.

- Она не очень переживает по этому поводу.

- Мы так и не узнали, где Чезаре. Используй Яблоко!

- Нет. Не сейчас. Мы должны справиться сами.

- Что ж, - вздохнул Макиавелли. - Слава Богу, что Он наградил нас умом.

Тут к ним подбежал один из агентов Макиавелли, - низенький, лысый мужчина со встревоженными глазами. Он задыхался от бега.

- Бруно? - Удивленно и заинтересовано спросил Макиавелли.

- Мастер, - выдохнул агент. - Слава Богу, я вас нашел!

- Что случилось?

- Сторонники Борджиа! Они послали кого-то следить за вами и мастером Эцио...

- И?

- Они поняли, что вы оторвались от них и захватили в плен Клаудию!

- Сестру! Господи Боже... Как? - Ахнул Эцио.

- Она была на площади у собора Святого Петра - знаете ту шаткую деревянную колоннаду, которую хочет снести Папа?

- Давай к делу!

- Он её схватили - она послала своих девушек, чтобы те проникли...

- Где она сейчас?

- У них убежище в Прати - к востоку от Ватикана. Туда они её и отвели, - Бруно быстро поведал им, где держат в плену Клаудию.

Эцио посмотрел на Макиавелли.

- Вперед! - Решил он.

- По крайней мере, мы узнали, где они скрываются, - проговорил Макиавелли.

Он вдвоем взобрались на крыши и поверху побежали в сторону Тибра, туда, где его пересекал мост делла Ровере, а оттуда - дальше, к цели. Место, о котором сообщил агент Макиавелли, Бруно, представляло собой ветхую виллу к северу от рыночной площади в районе Прати. Но, не смотря на осыпающуюся штукатурку, входные двери были обиты железом, а на окнах стояли новые решетки, покрытые свежей краской.

Прежде чем Макиавелли остановил Эцио, тот подошел к двери и громко постучал.

Приоткрылось окошко, и оттуда на них глянули чьи-то глаза. Потом, к их удивлению, дверь отворилась на хорошо смазанных петлях. Они вошли в пустой двор. Никого не было. Тот, кто открыл им дверь, а после закрыл её - исчез. С трех сторон двора располагались двери. Та, что напротив входа, была открыта. Над ней колыхалось потрепанное знамя к черным быком на золотом поле.

- Ловушка, - коротко бросил Макиавелли. - У тебя есть оружие?

У Эцио был скрытый клинок, меч и кинжал. Макиавелли обнажил меч и стилет.

- Входите господа - добро пожаловать, - произнес кто-то. Голос донесся из окна, располагавшегося над открытой дверью. - Думаю, у нас кое-что для вас есть.

- Папа знает, где мы, - громко заявил Макиавелли. - Вы проиграли. Сдавайтесь! Ваша служба окончена!

Ответом ему был смех.

- Разве? Отнюдь. Входите же. Мы знали, что вы проглотите приманку. Бруно уже больше года работает на нас.

- Бруно?

- Предательство царит в мире, и Бруно не исключение. Он хотел денег, намного больше, чем вы ему платили. И оно того стоило. Ему удалось заманить сюда Клаудию, которая надеялась встретиться с одним из английских кардиналов – они как всегда не встречали в междоусобицу. Клаудия хотела переманить его на свою сторону и выудить из него информацию. К сожалению, с кардиналом Шэйкшефтом случилось кое-что ужасное - его переехала карета, и он умер на месте. Но ваша сестра, Эцио, ещё жива, и я уверен, что она хочет видеть вас.

- Тише, - предупредил Макиавелли, когда они переглянулись. Эцио был в ярости. Он весь день пытался отыскать сторонников Чезаре, а они отыскиали его первыми.

- Где она, ублюдки? - Крикнул он.

- Входите.

Двое ассасинов осторожно подошли к темному проходу.

За ним обнаружился тускло освещенный зал, в центре которого на постаменте стоял грубоватый бюст Папа Александра VI - крючковатый нос, безвольный подбородок, толстые губы. Мебели не было, но в трех стенах было по двери, и, опять же, та, что располагалась прямо напротив входа, была открыта. Эцио и Макиавелли прошли туда и оказались в мрачной комнате. Там стоял стол, с разбросанными на лежащем на нем куске ткани ржавыми металлическими инструментами. Они тускло блестели в свете единственной свечи. Рядом на стуле сидела полураздетая связанная Клаудия, руки её лежали на коленях, лицо и грудь покрывали синяки, во рту - кляп.

Из тени вышли трое мужчин. Эцио и Макиавелли знали, что сзади них, справа и слева стоят другие. Те, кого они видели, носили багрово-желтые мундиры.

Все были хорошо вооружены.

Клаудия встретила взглядом с братом. Она освободила от пут палец с клеймом и показала его Эцио. Она ничего не сказала похитителям, не смотря на пытки. Она была настоящим ассасином. Почему он постоянно в ней сомневается?

- Мы знаем, как ты ценишь свою семью, - сказал тощий пятидесятилетний мужчина, незнакомый Эцио. Было похоже, что он лидер сторонников Борджиа. - Твой отец и братья погибли по твоей вине. Твоя мать умрет в любом случае, поэтому не стоит о ней беспокоиться. Но ты ещё можешь спасти сестру. Если захочешь. Она уже старовата и у неё нет детей, поэтому возможно тебе лучше оставить всё как есть.

Эцио с трудом сдержался.

- Что вам надо?

- В обмен на неё? Я хочу, чтобы вы покинули Рим. Возвращайтесь в Монтериджони и отстройте его заново. Займитесь сельским хозяйством. Оставьте войну тем, кто умеет воевать.

Эцио сплюнул.

- Господи, - вздохнул тощий, схватил за волосы Клаудию и небольшим кинжалом провел по её груди.

Клаудия закричала.

- Сейчас она - негодный товар, но уверен, что с твоей братской заботой, она быстро поправится.

- Когда я её заберу, то убью тебя. Медленно.

- Эцио Аудиторе! Я даю тебе шанс, а ты мне угрожаешь, хотя не в твоём положении это делать. Если кто-то и убьёт, то это буду я. Забудь про Монтериджони, твоя судьба - умереть здесь!

Их окружили.

- Я же говорил, это ловушка, - заметил Макиавелли.

- По крайней мере, мы нашли этих ублюдков, - ответил Эцио посмотрев другу в глаза. - Держи! - Он протянул товарищу отравленные дротики. - Действуй!

- Ты не говорил, что готов к схватке.

- А ты и не спрашивал.

- Спрашивал.

- Заткнись!

Противники приблизились, и Эцио напрягся. Лидер сторонников Чезаре приставил нож к горлу Клаудии.

- Вперед!

Ассасины одновременно обнажили мечи. Второй рукой они со смертельной точностью бросили дротики.

С обеих сторон на землю повалились мертвые противники, Макиавелли ринулся вперед, рубя поочередно мечом и кинжалом врагов, которые пытались сломить его численным превосходством.

У Эцио же была своя цель - убить тощего прежде, чем он перережет Клаудии горло. Он прыгнул вперед и схватил мужчину за глотку, но противник, скользкий как угорь, не выпустил жертву.

Эцио повалил его на пол, перехватил правую руку противника и приставил его же кинжал к его горлу. Кончик клинка коснулся вены.

- Пощади, - взмолился главарь. - Я служил им потому, что верил.

- А ты пощади мою сестру? - Спросил Эцио. - Ты ничтожество! И ты умрешь!

Щелкнул скрытый клинок.

- Я предупреждал, что это будет медленная смерть, - проговорил Эцио, направляя клинок вниз, к паху противника. - Но я хочу проявить милосердие. - Он вскинул руку и перерезал главарю горло. Кровь хлынула изо рта противника.

- Ублюдок! - Пробулькал он. - Микелетто убьет тебя!

- Покойся с миром, - выдохнул Эцио, позволяя телу упасть.

Остальные противники уже были мертвы или смертельно ранены, поэтому Макиавелли быстро развязал веревки, которыми была связана Клаудия.

Её сильно избили, но хотя бы не изнасиловали.

- Эцио!

- Ты в порядке?

- Надеюсь.

- Пойдем. Нужно выбираться отсюда.

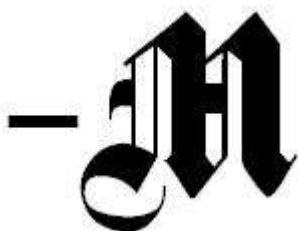
- Только осторожно.

- Конечно.

Эцио поднял сестру на руки и вслед за мрачным Макиавелли вышел на сумрачную улицу.

- Что ж, - вздохнул Макиавелли, - по крайней мере, теперь мы точно знаем, что Микелетто жив.

ГЛАВА 51

ы нашли Микелетто, - доложил Ла Вольпе.

- Где? - Напряженно спросил Эцио.

- Он скрывается в Дзагароло, к востоку отсюда.

- Тогда схватите его.

- Не спеши. С ним войско из городов Романьи, всё ещё верных Чезаре. Он будет сражаться.

- Мне плевать!

- Нам нужно подготовиться.

- Ну, так займитесь этим!

В ту же ночь Эцио, Макиавелли и Ла Вольпе собрались на Тиберинском острове. Бартоломео по-прежнему был в Остии, а Клаудия осталась в «Цветущей розе», чтобы прийти в себя после тяжелого испытания, выпавшего ей, и позаботиться о больной матери. Отзывать наёмников не пришлось - ассасины отобрали сто способных держать оружие человек из воров и рекрутов.

- Он разбил лагерь в старой гладиаторской школе, с ним около двухсот пятидесяти человек.

- Как он собирается действовать?

- Понятия не имею. Сбежит, чтобы присоединиться к французам на севере, кто знает?

- Что бы он ни задумал, нужно его остановить.

К рассвету Эцио собрал людей. Они выехали одним отрядом к Дзагароло и окружили лагерь Микелетто. Поднялось солнце. Эцио держал в левой руке (на которую был надет защитный наруч) арбалет, на правом запястье был закреплен отравленный клинок. Врагам не будет пощады, но Микелетто нужно было взять живым.

Защитники яростно сопротивлялись, но, в конце концов, отряд Эцио смял сопротивление врага, разбив сторонников Микелетто.

Сам Микелетто стоял среди раненых, мёртвых и умирающих, гордый и дерзкий.

- Мы берем тебя в плен, Микелетто Корелла, - сказал Макиавелли. - Больше ты не будешь смущать народ своими пустыми обещаниями.

- Цепи не удержат меня, - прорычал Микелетто. - Как и не удержат они моего хозяина!

Микелетто в цепях отвезли во Флоренцию и заперли в Синьории, в той самой камере, где провел свои последние часы отец Эцио, Джованни. Губернатор города Пьеро Содерини вместе со своим другом и советником Америго Веспуччи и Макиавелли допросили пленного, подвергнув того пыткам, но ничего не смогли из него выбить и бросили гнить в камере. Дни убийцы, казалось, были сочтены.

Эцио же вернулся в Рим.

- Я знаю, что в душе ты остался флорентийцем, Никколо, - сказал он на прощание своему другу. - Я буду по тебе скучать.

- Я ещё и ассасин, - отозвался Макиавелли. - И навсегда останусь предан Братству. Если я тебе понадобится, дай мне знать, и я приду без промедления. Тем более, - мрачно добавил он, - я ещё не оставил надежды выбить информацию из этого ублюдка. - Желаю удачи, - кивнул Эцио.

Он не был уверен, что у них получится сломать Микелетто. Он был не только убийцей, но и имел сильную волю.

ГЛАВА 52

цио, прекрати думать о Микелетто, - сказал ему Леонардо, когда они сидели в бывшей мастерской художника в Риме. - Рим спасен. Папа силен. Он подчинил Романью. Он в той же мере солдат, в какой и служитель Господа, возможно под его правлением Италия наконец-то обретет мир. Конечно, юг под контролем Испании, но Фердинанд и Изабелла - наши союзники.

Эцио знал, что Леонардо доволен своей работой. Папа Юлий нанял его в качестве военного инженера, и теперь он занимался множеством новых проектов. Иногда Леонардо тосковал по любимому Милану, до сих пор находившемуся под властью французов, и в минуты глубокой депрессии говорил, что уедет в Амбуа, где ему обещали предоставить всё, что он только мог пожелать. Он часто повторял, что уедет, когда закончит с заказами Юлия.

Думая о Романьи, Эцио всякий раз вспоминал Катерину Сфорца, которую продолжал любить. В письме, которое он от неё получил, говорилось о том, что у неё связь с флорентийским послом. Эцио знал, что ей пришлось нелегко - не смотря на поддержку Юлия, жители Форли изгнали её из города из-за жестокости, проявленной ею при подавлении восстания, начавшегося против её упрямого покойного мужа, Джакомо Фео. Теперь она в уединении старела во Флоренции. Письма, которые Эцио писал ей, сперва были наполнены злостью от обиды, потом просьбами, а после мольбами. Но она не ответила ни на одно. Он знал, что она просто использовала его, и что он никогда больше её не увидит.

То были отношения между мужчиной и женщиной. Слишком часто после того, как они заканчивались, заканчивалось и всё хорошее, что было в жизни, а глубокая интимность сменялась пустотой.

Сердце Эцио было разбито, его унизили, но времени на то, чтобы предаваться страданиям, не было. Он полностью погрузился в работу по усилению Братства и поддержанию его в постоянной боевой готовности.

- Я считаю, что пока Микелетто жив, он сделает всё возможное, чтобы сбежать, освободить Чезаре Борджиа и помочь ему собрать новые силы.

Леонардо почти не слушал старого друга - он задумался о проблемах со своим другом, Салаи.

- Никто не сможет сбежать из тюрьмы во Флоренции, - сказал он. - Только не из тех камер.

- Почему они его не убили?

- Они полагают, что смогут всё-таки что-то из него выудить, хотя лично я сомневаюсь, - ответил Леонардо. - В любом случае, с Борджиа покончено. Расслабься. Почему бы тебе не вернуться вместе с сестрой в Монтериджони?

- Она слишком любит Рим и уже не может жить в небольшом городке, в любом случае новый дом Братства здесь.

Ещё одним печальным событием в жизни Эцио была смерть матери, Марии, скончавшейся после болезни. Клаудия после похищения покинула «Цветущую розу», и теперь бордель контролировали агенты Юлия. Ла Вольпе переговорил с Антонио из Венеции, и тот прислал в Рим Розу, ставшую старше и ещё красивее, но оставшуюся такой же вспыльчивой, какой её когда-то знал Эцио, ещё в Серениссиме.

И ещё не следовало забывать о Яблоке.

Слишком многое изменилось. Когда Эцио вызвали в Ватикан на встречу с Папой, он не был готов к тому, что услышал.

- Меня заинтересовало устройство, которое ты хранишь, - прямо к делу перешел Юлий.

- Я не понимаю, о чем вы, Ваше Святейшество.

Папа улыбнулся.

- Не увиливай, Эцио. У меня есть свои источники, сообщившие мне, что у тебя есть кое-что, что ты называешь Яблоком, которое ты отыскал несколько лет назад в Сикстинской капелле. Кажется, оно обладает огромной силой.

Эцио лихорадочно думал. Как Юлий узнал об этом? Ему сказал Леонардо? Временами Леонардо был необычайно наивен, но он очень хотел обзавестись новым покровителем.

- Оно удостоило меня своим выбором и, я даже не знаю, как это объяснить, сила древнего мира помогла нам. Но я боюсь его мощи. Не думаю, что человечество готово к тому, чтобы им пользоваться. Оно называется Частицей Эдема. Есть и другие Частицы, одни из них потеряны для нас, другие - где-то спрятаны.

- Звучит любопытно. На что оно способно?

- Оно контролирует человеческие мысли и желания. Но это ещё не всё. Оно показывает совершенно невообразимые вещи.

Юлий подумал.

- Похоже, оно может быть полезно для меня. Весьма полезно. Но если оно попадет в чужие руки, то может обернуться против меня.

- Борджиа пытались использовать его на пути к мировому господству. К счастью, Леонардо, которому они отдали артефакт для исследования, сохранил от них самые потаенные тайны.

Папа снова задумался.

- Думаю, будет лучше, если оно останется под твоей защитой, - решил он, наконец. - Если оно выбрало тебя, как ты говоришь, было бы опрометчиво отбирать его у тебя. - Он помолчал. - Но я считаю, что когда у тебя больше не будет в нем надобности, тебе придется спрятать его в надежном месте. И, если захочешь, оставить подсказку для достойного преемника - или, кто знает, для своих потомков - которые смогут разобраться во всём и принести пользу всему миру, всем будущим поколениям. Я почему-то верю в это, Эцио Аудиторе, возможно, меня действительно направляет Бог, но в наш век никто не должен владеть этим артефактом кроме тебя. Потому что ты обладаешь уникальными качествами, удержавшими тебя от соблазна использовать артефакт во зло.

Эцио молча поклонился, глубоко в сердце он признавал мудрость Юлия и не мог не согласиться с его решением.

- Кстати, - добавил Юлий. - Меня волнует друг Леонардо - как там его зовут? Салаи? Он кажется мне хитрым изворотливым парнем. Я не доверяю ему, жаль, что Лео так не считает. Но это единственная слабость гения. Ты слышал, что он разрабатывает для меня какие-то легкие, пуленепробиваемые доспехи? Понятия не имею, откуда у него в голове столько идей.

Эцио вспомнил защитный браслет, который сделал для него Леонардо, и мысленно улыбнулся. Почему бы и нет? Но теперь Эцио знал, кто доложил Папе о Яблоке, и понял, что Юлий намеренно намекнул ему на это. К счастью, Салаи в большей мере был глупцом, чем негодяем. Но и за ним следовало присматривать, а если потребуется, то и уничтожить.

В конце концов, Эцио хорошо знал, что значит прозвище «Салаи» - «Дьяволенок».

ГЛАВА 53

скоре после этого Эцио отправился в мастерскую Леонардо, но Салаи дома не оказалось, а сам Леонардо смутился при его упоминании. Он отправил его в провинцию, и ничто на свете не заставило бы его сказать, куда. С этой проблемой, конечно, разберется Ла Вольпе и его Гильдия воров, но Эцио было ясно, что Леонардо смущен. Возможно, в будущем ему придется научиться держать язык за зубами в присутствии мальчишки, который отлично знал, что Эцио способен доставить Леонардо крупные неприятности. К счастью, Леонардо оставался не только верным другом, но

и всегда находил возможность помочь, так что Эцио в нём не сомневался. Но если он разгласит ещё какую-то тайну - что ж, незаменимых нет.

По-видимому, Леонардо очень желал компенсировать нанесенный ущерб.

- Я тут подумал о Чезаре, - с обычным рвением начал он.

- Да?

- Да, я очень рад, что ты заглянул. Думаю, я знаю кое-кого, с кем бы ты хотел встретиться.

- Он знает, где Чезаре? - Спросил Эцио.

Если так, - подумал Эцио, - от Микелетто можно будет избавиться. Если же нет, Эцио пойдет даже на то, чтобы помочь Микелетто сбежать - Эцио хорошо знал Синьорию - и с его помощью добраться до Чезаре. Он знал, что это план опасен, но использовать Яблоко не собирался...

Конечно, в самом крайнем случае Яблоком все-таки придется воспользоваться, но эта возможность тревожила Эцио. Эцио видел странные видения, несуществующие страны, здания и технологии...

Потом он вспомнил, что в одном из видений видел далекий замок в чужой земле. Он был похож на те, что строили в нынешнее время. Но где он может находиться?

Леонардо отвлек его от размышлений.

- Не знаю, известно ли ему, где Чезаре, но зовут его Гаспар Торелла, он был личным доктором Чезаре. У него есть кое-какие соображения, которые показались мне любопытными. Пойдем к нему?

- Нам пригодится любая зацепка.

Доктор Торелла принял их в просторной операционной на Авентине. Потолок комнаты был завешан травами и странными существами - высушенными летучими мышами, сухими жабами, рядом с которыми висел небольшой крокодил. У доктора было морщинистое лицо, сгорбленная фигура, но он был моложе, чем выглядел, движения его были быстрыми как у ящерицы, а глаза за стеклами очков ярко блестели. Он тоже был испанским эмигрантом, но считался одним из лучших врачей, и Папа Юлий пощадил его - доктора больше интересовала наука, чем политика.

Особенно его интересовала *Новая болезнь* - о ней он мог говорить часами.

- Знаете, она была у обоих моих бывших хозяев - у Чезаре и его отца Родриго. На последней стадии она очень уродует человека и, я уверен, она повреждает мозг, так что возможно и у Чезаре, и у предыдущего Папы мозг был поврежден. У них напрочь отсутствовало чувство меры, и думаю, что болезнь всё ещё оказывает на Чезаре сильное влияние, где бы он сейчас не был.

- У вас есть какие-то подозрения, где он может быть?

- Думаю так далеко, как только возможно, и там, откуда никогда не сможет выбраться.

Эцио вздохнул. Это было вполне ожидаемо.

- Я назвал болезнь *morbus gallicus* - французской болезнью, - с энтузиазмом продолжал доктор Торелла. - Ею болен даже новый Папа, я занимаюсь его лечением. Думаю, это эпидемия. Мы, врачи, считаем, что её привезли с собой из Нового Света моряки Колумба и Веспуччи.

- Тогда почему она называется «французской болезнью»? - Спросил Леонардо.

- Конечно, я не хотел оскорблять итальянцев, и наших союзников, португальцев и испанцев. Но первая эпидемия разразилась среди французских солдат, занявших Неаполь. Сперва болезнь поражает половые органы, потом приводит к деформации рук, спины и лица, и в конечном итоге, всей головы. Я пытался лечить её с помощью ртути, приемом внутрь или втиранием в кожу, но не думаю, что отыскал действенное лекарство.

- Это, конечно интересно, - перебил Эцио, - но скажите, эта болезнь сможет убить Чезаре?

- Не знаю.

- Тогда я должен продолжать его поиски.

- Восхитительно, - возбужденно произнес Леонардо, предвкушая новое открытие.

- Я работаю ещё кое над чем, - сказал Торелла. - Думаю, это очень интересно.

- И что же это? - Заинтересовался его коллега-ученый, Леонардо.

- Я думаю, воспоминания способны передаваться из поколения в поколение. Как и некоторые заболевания. Конечно, мне нравится мысль, что я сумею найти лекарство от *morbus gallicus*, но чувствую, что болезнь будет неизлечима в течение ещё нескольких веков.

- Почему вы так думаете? - Спросил Эцио, которого очень встревожило замечание доктора о передающихся по наследству воспоминаниях.

- Потому что я уверен, что она передается через секс, но если мы откажемся от него, то попросту вымрем.

Терпение Эцио иссякло.

- Благодарю за потраченное время, - проговорил он.

- Не стоит благодарности, - отозвался Торелла. - И кстати, если вы действительно хотите отыскать моего бывшего хозяина, вам стоило бы поискать в Испании.

- В Испании? Где именно?

Доктор развел руками.

- Я испанец, как и Чезаре. Почему бы ему не быть дома? Это всего лишь догадка. Мне жаль, что я больше ничего не могу быть полезен.

Эцио подумал: это словно искать иголку в стоге сена... Но для начала стоило попробовать.

ГЛАВА 54

цио уже не делал секрета из того, где живет, но мало кто знал об этом месте. Одним из знающих был Макиавелли.

Он разбудил Эцио в четыре часа утра, громко и настойчиво постучав в дверь.

- Никколо? Что ты здесь делаешь? - Мгновенно, словно кот, встревожился Эцио.

- Я был глупцом.

- Что случилось? Ты же был во Флоренции! Ты не должен был вернуться так скоро, - Эцио уже понял - случилось что-то серьезное.

- Я был глупцом, - повторил Макиавелли.

- Да в чем дело?

- В моем высокомерии. В том, что я оставил Микелетто в живых, - вздохнул Макиавелли.

- И держал его в надежной камере, чтобы допросить.

- Рассказывай всё.

- Он сбежал! Накануне казни!

- Из Синьории? Как?

- По крышам. Сторонники Борджиа пробрались в Синьорию под покровом ночи и убили охранников, а потом спустили веревку. Священник, которому исповедовался Микелетто, тоже поддерживал Борджиа - сегодня его сожгут на костре - и передал в камеру напильник. Микелетто спилил один прут оконной решетки. Он крупный человек, и сумел отжать решетку и выбраться наверх. Ты же знаешь, насколько он силен. Когда подняли тревогу, в городе его уже не было.

- Нужно его найти, и... - Эцио замолчал, осознав положительную сторону происшествия. - Когда мы его найдем, проследим за ним. Он сможет привести нас к Чезаре. Он предан ему до безумия, но без поддержки Чезаре ни на что не способен.

- Я послал легкую кавалерию обыскивать деревни в его поисках.

- Но там наверняка остались сторонники Борджиа, которые спрячут его.

- Думаю, он в Риме, поэтому я вернулся.

- Почему в Риме?

- Мы слишком самоуверены. Здесь тоже остались сторонники Борджиа. С их помощью он доберется до Остии и попытается достать корабль.

- Бартоломео как раз в Остии. Ему там уже надоело, но ни он, ни его наемники, не покинут позиций. Я пошлю к нему курьера с посланием.

- Но куда Микелетто отправится потом?

- Ему некуда идти кроме как в родной город - Валенсию.

- Эцио... мы должны быть уверены. Нужно немедленно использовать Яблоко, и посмотреть, где он.

ГЛАВА 55

цио вернулся спальню, где, в тайне от Макиавелли, вытащил из тайника ящик и принес его другу в гостиную.

Потом надел перчатки и осторожно вытащил Яблоко из сундука, положил на стол.

Эцио сосредоточился. Яблоко начало медленно наливаться светом, затем свет стал ярче, комната наполнилась холодным свечением. Потом они увидели на стене - сперва туманно и расплывчато - образы, которые Эцио уже видел в прошлый раз: странный далекий замок в пустынной местности.

Он был очень старый, с внушительным барбаканом, четырьмя центральными башнями с неприступной площадью в центре.

- Где эта крепость? Что Яблоко хочет нам сказать?

- Она может быть где угодно, - отозвался Макиавелли. - А пейзаж... похоже на Сирию.

- Или, - Эцио с внезапным волнением вспомнил слова доктора Тореллы, - на Испанию.

- Микелетто не может быть в Испании.

- Я уверен, что он хочет отправиться именно туда!

- В любом случае мы не знаем, где находится это место. В Испании множество замков, похожих на этот. Обратись к Яблоку ещё раз.

Но, несмотря на попытки Эцио, Яблоко продолжало показывать ту же картину: укрепленный замок на холме, построенный около трехсот лет назад, который был окружен небольшим городком. Видение не было цветным. Дома крепость и деревня были окрашены в коричневые цвета. Единственным цветным пятном в видении был флаг на флагштоке замка.

Эцио присмотрелся.

Белый флаг с красным крестом, напоминавшим букву «X».

Он убедился в своих догадках.

- Военный штандарт короля Испании Фердинанда и королевы Изабеллы!

- Да, - признал Макиавелли. - Отлично. Мы выяснили, в какой он стране. Но так и не узнали, где именно. Почему Яблоко показывает его нам? Туда направляется Микелетто? Спроси Яблоко ещё раз.

Но видение уже исчезло, сменившись укрепленным городом на холме, на белом флаге города пересекались красные цепи, звенья были окрашены в желтый. Эцио узнал флаг Наварры. Потом появилось третье, последнее видение - огромный, богатый морской порт, рядом с которым в сверкающем на солнце морских волнах стояли корабли, а к городу стягивались армии. Но ни Эцио, ни Макиавелли понятия не имели, где находятся эти места.

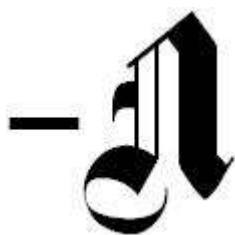

ГЛАВА 56

се были на своих местах. Курьеры ежедневно доставляли сообщения с одной базы Братства на другую. Бартоломео и Пантасилее нравилась Остия. Антонио де Маджианис оставался на посту в Венеции. Клаудия вернулась во Флоренцию к Паоле, которая по-прежнему содержала Дом Удовольствий, подобный «Цветущей розе» в Риме, за которым теперь присматривали Роза и Ла Вольпе.

Пришло время Макиавелли и Эцио отправиться на охоту.

ГЛАВА 57

ео, нам нужна твоя помощь, - с порога начал Эцио, когда его друг неохотно пустил их в мастерскую.

- В последний раз, когда мы встречались, ты злился на меня.

- Салаи не должен был никому рассказывать о Яблоке.

- Я рассказал ему по секрету.

Макиавелли резко рассмеялся.

- По секрету?!

- Он напился и, чтобы произвести впечатление, стал рассказывать о нём в винной лавке. Большая часть посетителей ничего не поняла, но его случайно услышал шпион Папы Юлия. Салаи очень раскаивается.

- Где он? - Спросил Эцио.

Леонардо расправил плечи.

- Если вам нужна помощь, вам придется заплатить.

- Что ты хочешь?

- Чтобы вы оставили его в покое. Он очень много для меня значит, он молод и со временем станет хорошим человеком.

- Он маленький крысёныш, - возразил Макиавелли.

- Вам нужна моя помощь или нет?

Эцио и Макиавелли переглянулись.

- Хорошо, Лео, но держи его под контролем, или видит бог, в следующий раз он так легко не отделается.

- Хорошо. Что вы хотели?

- У нас проблемы с Яблоком. Оно не такое точное, как раньше. Может, оно сломалось? - Спросил Макиавелли.

Леонардо погладил бороду.

- Оно с вами?

Эцио достал сундук.

- Вот.

Он вытащил Яблоко и осторожно положил его на стол.

Леонардо внимательно осмотрел артефакт.

- Я не знаю, что это за устройство, - признал он. - Оно опасное, загадочное, и очень, очень могущественное. Похоже, только Эцио способен полностью его контролировать. Видит Бог, когда Чезаре был в Риме, я неоднократно пробовал. Но удалось мне немного. - Он помолчал. - Нет, не думаю, что словом «сломалось» можно описать то, что с ним произошло. Будь я просто ученым, а не художником, я бы сказал, что оно обладает своим разумом.

Эцио вспомнил голос, идущий из Яблока. Что если Леонардо неосознанно угадал истину?

- Микелетто сбежал, - добавил Эцио. - Нужно срочно его найти. Нам нужно отыскать его, пока не стало слишком поздно!

- У вас есть предположения, что он задумал?

- Эцио убедил меня - и мы почти уверены в этом - что Микелетто направится в Испанию, чтобы отыскать и освободить своего хозяина Чезаре. Потом они попытаются вернуть власть. Мы их остановим, - убежденно сказал Макиавелли.

- А Яблоко?

- Показывает замок где-то в Испании, над ним испанский флаг, но Яблоко не может или не хочет показывать нам точное местоположение. Еще мы видели город под знаменем Наварры. И морской порт, в котором собиралась армия. Но Яблоко не показало нам Микелетто, - произнес Эцио.

- Ну, - ответил Лео, - у Чезаре не может быть определенного плана, он очень умен, так что я считаю, что Яблоко просто решило, что не может вам помочь.

- Но почему?

- Почему бы нам не спросить у него?

Эцио снова сосредоточился, и этот раз услышал прекрасную мелодию, нежную и высокую.

- Ты слышишь меня? - Спросил он.

Сквозь музыку он услышал тот же голос, что и раньше: *«Эцио Аудиторе, ты правильно поступил. Но моя роль в твоей жизни подошла к концу, теперь ты должен отдать меня. Отвези меня в хранилище под Капитолийским холмом, и оставь там, чтобы меня отыскивали будущие члены Братства. Но поспеши! Тебе придется очень быстро добраться до Неаполя, откуда Микелетто отплывает в Валенсию! Это мой прощальный подарок. Теперь у тебя есть необходимые силы, чтобы справиться без моей помощи. Я буду лежать под землей, пока не понадобится будущим поколениям. Поэтому тебе придется оставить знак, указывающий на моё местоположение. Прощай, глава Братства! Прощай! Прощай!»*

Яблоко перестало светиться и теперь выглядело безжизненным, похожим на старый кожаный мяч.

Эцио поспешно пересказал друзьям диалог.

- Неаполь? Почему Неаполь? - Удивился Леонардо.

- Потому что это территория Испании. Там мы бессильны.

- И потому что он откуда-то знает, что Бартоломео охраняет Остию, - добавил Эцио. - Но нам нужно спешить. Пошли!

Когда Макиавелли и Эцио привезли сундук с Яблоком в катакомбы под Колизеем и, пройдя по мрачному лабиринту, оставшемуся от Золотого Дома Нерона, освещая путь факелами, они вошли в лабиринт тоннелей старого римского форума. Пройдя по нему, ассасины оказались рядом с церковью Сан-Николо, что близ старой тюрьмы, где нашли потайную дверь в склеп. За ней оказалась небольшая комната со сводчатым потолком, в центре которой стоял постамент. На него они положили Яблоко в сундуке и ушли. Стоило двери закрыться, как она исчезла, но они знали, что она есть и рядом на стене нарисовали священные тайные символы, понятные только членам Братства. Эти же символы они начертали на равных интервалах по пути к выходу, а так же возле входа в Колизей.

Потом они снова встретились с Леонардо, который настоял на том, чтобы присоединиться к ним, и все вместе поехали в Остию, где взяли корабль до Неаполя. Поездка была долгой. Они прибыли туда в день середины лета 1505 года. Эцио исполнилось сорок шесть лет.

Он не пошел в город, оставшись в доках, и разошелся в разные стороны, затерявшись среди моряков, торговцев и путешественников, пропахших рыбой и занятых своими лодками, каравеллами, каракками и мелкими лодчонками. Ассасины бродили по тавернам и борделям, задавая всем встречным испанцам, итальянцам и арабам один единственный вопрос: «Вы видели крупного человека с большими руками и шрамами на лице, которые хотел отплыть в Валенсию?»

Через час они встретились на набережной.

- Он собирался в Валенсию! Я уверен, - процедил сквозь зубы Эцио.

- А если нет? - Вздохнул Леонардо. - Мы в любом случае найдем корабль до Валенсии, - иначе мы потеряем не дни, а недели, и окончательно упустим Микелетто.

- Ты прав.

- Яблоко не солгало тебе. Он был или, если нам повезет, всё ещё здесь. Нужно просто отыскать кого-нибудь кто знает точно.

К ним подошла шлюха.

- Нет, - отрезал Макиавелли. - Нам не интересно.

Она усмехнулась. Это была красивая белокурая женщина, высокая, стройная, с темно-кариыми глазами и длинными стройными ногами. У неё была небольшая грудь, широкие плечи и узкие бедра. Выглядела она лет на сорок.

- Вам же нужен Микелетто Корелла?

Эцио развернулся. Она была так похожа на Катерину, что у него голова пошла кругом.

- Что ты знаешь?
 - Насколько эта информация важна для вас? - Огрызнулась она с привычной для шлюхи наглостью. - Кстати, я Камилла.
 - Десять дукатов.
 - Двадцать.
 - Двадцать! Да ты за неделю меньше зарабатываешь! - Прорычал Макиавелли.
 - Так вам нужна информация или нет? Вы же вроде спешили?
 - Пятнадцать, - согласился Эцио, вытаскивая кошель.
 - Так-то лучше, дорогуша.
 - Сперва информация, - остановил Макиавелли потянувшуюся за деньгами Камиллу.
 - Половину вперед.
- Эцио отдал восемь дукатов.
- Весьма щедро, - заметила женщина. - Ладно. Микелетто был здесь прошлой ночью. Он провел её со мной, и мне ещё никогда не приходилось с таким трудом отрабатывать свои деньги. Он был пьян, оскорблял меня и почти задушил, пока мы занимались любовью, и убежал на рассвете, не заплатив. У него был пистолет, меч и кинжал. От него смердело, но я знаю, что у него были деньги - я догадывалась, что он так поступит, и вытащила их у него из кошель, когда он уснул. За ним пошли вышибалы из борделя, но думаю, они были немного напуганы и держались от него на расстоянии.
 - И? - Спросил Макиавелли. - Пока что от твоей информации никакой пользы.
 - Они проследили за ним. Он, похоже, зафрахтовал корабль накануне вечером, потому что отправился прямо на каракку «Рассветный прилив» и отплыл утром, с приливом.
 - Опиши его, - потребовал Эцио.
 - У него большие, просто огромные руки - они были у меня на шее, так что я знаю - разбитый нос, лицо в шрамах, так что кажется, будто он всё время усмехается. Он неразговорчив.
 - Откуда ты узнала его имя?
 - Я спросила, чтобы завязать разговор, и он ответил, - просто пояснила женщина.
 - Куда он направился?
 - Один из вышибал знает моряка с того корабля, и поинтересовался у него.
 - Так куда?
 - В Валенсию.
- Валенсия. Микелетто возвращается на родину - в родной город семейства Борджиа.
- Эцио отдал ей ещё двенадцать дукатов.
- Я запомнил тебя, - сказал он. - Если ты соврала, то пожалеешь об этом.
- Был полдень. На то чтобы найти быструю каравеллу и сторговаться с капитаном ушёл час. Ещё два часа потребовалось на закупку продовольствия и подготовку корабля. После оставалось только дожидаться следующего прилива. Каравелла движется быстрее каракки. Но как бы то ни было, в начале вечера паруса были подняты. Море было покрыто зыбью, ветер дул в лицо.
- С днем рождения, - сказал Леонардо Эцио.

ГЛАВА 58

ойры были против них. Корабль плыл с хорошей скоростью, но море оставалось беспокойным, а паруса трепал шквальный ветер. Они давно упустили шанс догнать Микелетто, и спустя пять дней их потрепанная морем каравелла вошла в порт Валенсии.

Это был процветающий, шумный порт, но ни Эцио, ни Леонардо, ни Макиавелли ни разу здесь не были. Недавно построенное здание Шелковой биржи могло поспорить в великолепии с колокольной, башнями-близнецами Торрет де Кварт и Дворцом правительства. Это бы влиятельный каталонский город, один из главных торговых городов Средиземноморья.

Но порт этот не только восхищал, но и сбивал с толку. Коренной язык валентийцев, слышимый на оживленных улицах, смешивался с итальянским, голландским, английским и арабским, так что город напоминал Вавилон.

К счастью, «Рассветный прилив» пришвартовалась в доках рядом с каравеллой, капитан которой был старым другом капитана «Прилива».

- Здорово, Альберто!

- Здорово, Филин!

- Неудачное путешествие? - Спросил Альберто, толстяк лет тридцати, стоявший на корме корабля, загруженного смешанным товаром из шелков и редкого дорогого кофе.

- Ужасное!

- Видно по твоему кораблю. Погода обещает, что на следующей неделе море будет спокойным, а ветер попутным, так что я поплыву обратно, как только смогу.

- А мне вот не так повезло. Когда ты сюда добрался?

- Два дня назад.

Эцио насторожился.

- А твой пассажир?

Альберто сплюнул.

- Жестокий тип, но платил хорошо.

- Где он сейчас?

- Ушёл! Я слышал, он был в городе, задавал вопросы. Говорят, его здесь хорошо знают, и у него много друзей, но не знаю, верить этому или нет, - Альберто снова сплюнул. - В любом случае, он отвратительный человек.

- Я уже начинаю жалеть, что поплыл с вами, - прошептал Леонардо. - Не люблю насилие.

- Ты знаешь, куда он ушёл?

- Он остановился в «Одиноким волке», попробуйте спросить там.

Альберто показал им направление и мрачно добавил: «Это место не для приличных людей».

- С чего вы взяли, что мы приличные люди? - Спросил Макиавелли.

Альберто только плечами пожал.

Друзья сошли на берег и отправились к постоялому двору «Одиноким волк».

Эцио оглядел шумный причал. Краем глаза он заметил трех-четырёх подозрительных типов, разглядывающих их. Эцио проверил, как закреплены защитный браслет и скрытый клинок. Пистолет и отравленный клинок были в сумке. Эцио надел сумку через плечо, чтобы руки были свободны, если потребуется взяться за меч и кинжал. Заметив его действия, Макиавелли последовал его примеру. Леонардо посмотрел на них неодобрительно.

Оставаясь начеку, они двинулись в город. Но подозрительные типы исчезли...

- Мы остановимся там же, где Микелетто? - Предложил Эцио. - Так мы точно выясним, где он.

Постоялый двор располагался на узкой улочке, что вилась от одной из главных дорог, между высоких многоквартирных домов. Это было низкое мрачное здание, очень непохожее на сверкающие новизной здания в городе. Открытая дверь казалась провалом в

темноту. Эцио вошел первым, Леонардо, скрепя сердце, - последним.

Они дошли уже до центра зала, в темноте которого с трудом можно было различить мебель и длинную низкую стойку, когда дверь позади них захлопнулась. Десять человек, до этого прятаясь в тени (их глаза уже привыкли к темноте), с громкими криками набросились на свои жертвы. Эцио и Макиавелли сбросили сумки. Макиавелли выхватил меч и отбил первый удар. В темноте сверкнули лезвия. Зал был достаточно большим, чтобы передвигаться по нему, что было на руку обоим сторонам.

- Леонардо! - крикнул Эцио. - Отойди за стойку и лови!

Он бросил Леонардо свой меч, тот поймал его, выронил и тут же поднял вновь. Эцио воспользовался скрытым клинком, ударив нападавшего в живот. Противник споткнулся, схватился за живот. Кровь хлынула между его пальцев. Тем временем Макиавелли, поднял меч, шагнул вперед. С молниеносной скоростью он ударил мечом по горлу ближайшего нападающего, а кинжал вонзил в пах второго. Противник с ужасным криком свалился на пол, пытаясь зажать рану, и задержался в агонии. Макиавелли приблизился к нему, бросил на раненого быстрый взгляд и пнул его, заставив замолчать. Остальные на мгновение отступили, удивленные тем, что засада не сработала, и проворством своих противников. Но потом атаки возобновились с удвоенной силой. Макиавелли вскрикнул, когда ему попали по руке, в которой он держал меч, и в тот же миг Эцио вонзил клинок прямо в лицо того, кто напал на его друга.

В следующий миг крупный человек, от которого пахло потом и тюремной соломой, подкрался к Эцио со спины и набросил на шею гарроту. Ассасин не смог вдохнуть и выронил кинжал, рука его потянулась к веревке на шее. Макиавелли прыгнул к врагу и ударил его кинжалом, заставив его вскрикнуть от боли. Но Макиавелли забыл о своем противнике, и тот отшвырнул его, но он отпустил гарроту, и Эцио смог освободиться.

Света не хватало, чтобы разглядеть черные фигуры выживших противников, но то, что их атака провалилась, весьма их встревожило.

- Взять их! - Раздался неприятный гортанный голос. - Нас пятеро против трех!

Эцио воткнул тяжелый кинжал прямо в грудь вялого противника, пытавшегося к нему приблизиться.

- *Sancho dieron en el pecho!* - Прокричал другой. - *Nos replegarros!**

- Нет! - Приказал первый. - *Aguantels mentres que m'escapi!***

Он говорил на каталонском. Громила, пытавшийся задушить Эцио. Тот, от кого до сих пор несло тюремной вонью. Микелетто!

Мгновение спустя входная дверь открылась и тут же захлопнулась - Микелетто бежал. Эцио заметил лишь его силуэт в свете уличного фонаря. Ассасин бросился за ним, но путь ему преградил один из трех нападавших с ятаганом наголо и ударил наотмашь. Эцио был слишком близко к противнику, и не успевал поднять оружие, поэтому прыгнул в сторону, уходя от удара. Он перекатился по полу. Ятаган опустился на то место, где ассасин только что был, но нападавший ударил так сильно, что не сумел вовремя остановить собственный меч. Оружие вонзилось ему в гениталии. С воем боли, противник выронил ятаган и упал, схватившись за раненое место, пытаясь остановить фонтанирующую кровь.

Последние двое боролись друг с другом, пытаясь быстрее добраться до двери. Но один из них был ранен, и Макиавелли перехватил его и повалил на землю. Противник попытался встать, но Леонардо бросился на него. Когда враг оставил попытки подняться, Леонардо встал, передав его Эцио, приставившему к носу противника скрытый клинок.

- Я - Эцио Аудиторе, глава ассасинов, - сказал он. - Скажи, куда пошел твой хозяин, и я проявлю милосердие.

- Никогда! - Прохрипел мужчина.

Эцио надавил клинком. Лезвие оцарапало нос.

* Он ударил Санчо в грудь! Отступаем! – (исп.) прим. пер.

**Никто не отступает, пока я не уйду! (исп.) прим. пер.

- Говори!
 - Хорошо! Хорошо! Он пошел в замок Ла Мота!
 - Почему туда?
 - Там держат Чезаре!
- Эцио толкнул лезвие глубже.
- Пощади! Я не лгу! Но тебе никогда не остановить нас! Борджиа вновь обретут власть, и железной рукой будут править Италией! Они отправятся на юг и вышвырнут оттуда грязных испанцев! А потом уничтожат Арагон и Кастилию и присоединят эти земли к Италии!
 - Откуда ты знаешь, где Чезаре? Эту тайну знали лишь Папа Юлий, король Фердинанд и их советники!
 - Ты не думал, что у нас есть свои шпионы? Даже в Ватикане! Это очень хорошие шпионы. Они куда лучше ваших!
- Резким движением враг вскинул правую руку, в которой оказался зажат небольшой кинжал. Противник ударил ассасина в грудь, но Эцио отбил удар левой рукой, кинжал без вреда скользнул по защитному браслету и упал на пол.
- Да здравствует королевский дом Борджиа! - Прокричал человек.
 - Покойся с миром, - сказал Эцио.
 - Добро пожаловать в Валенсию, - пробормотал под нос Леонардо.

ГЛАВА 59

остоялый двор «Одинокый волк» опустел, но там были кровати. Наступила ночь, а Эцио и его товарищи ещё не до конца оправились от жестокой схватки со сторонниками Борджиа, поэтому им не оставалось ничего другого, кроме как остаться там на ночь. Они нашли вино, воду и еду - хлеб, лук, немного мяса. Даже Леонардо был слишком голоден, чтобы отказываться от такого скромного ужина.

На следующее утро Эцио встал рано. Он собирался найти лошадей для предстоящей поездки. Капитан их корабля, Филин, был в доках, занимаясь починкой потрепанного судна. Он знал, где находился замок Ла Мота, и как мог, объяснил, как до него добраться. Но путь предстоял долгий и трудный. Филин помог ассасинам найти подходящих лошадей, но приготовления всё равно заняли двое суток, пока ассасины закупали продовольствие в дорогу. Их путь проходил через горные цепи центральной Испании. Карт не было, поэтому ассасины просто ехали от одного города или деревушки к другому, ориентируясь по списку, который им вручил Филин.

Они покинули Валенсию, и через несколько дней бешеной скачки - Леонардо всю дорогу жаловался на жизнь - они прибыли в городок Куэнка, расположившийся прямо на низких холмах, вокруг которых вставали прекрасные горы. Потом они выехали на плоскую равнину у Мадрида, проехали через королевский город, в котором их, без особого успеха попытались ограбить, и направились на север до городка Сеговия. Там, в замке Альказар, они провели ночь в гостях у сенешаля королевы Изабеллы Кастильской.

Позже, уже на открытой равнине, их снова атаковали (и практически ограбили) разбойники-мавританцы, ускользнувшие от короля Фердинанда и уже двенадцать лет жившие в здешних краях.

Фердинанд, король Арагона, Сицилии, Неаполя и Валенсии, основатель испанской Инквизиции, с помощью Великого Инквизитора Томаса Торквемады истреблял евреев по всей стране, и это оказало плохое влияние на экономику Испании. Но он же, женившись на уродливой Изабелле, объединил Арагон и Кастилию, дав начало образованию единой нации.

Амбиции Фердинанда распространялись и на Наварру. Эцио подумал, как далеко могут зайти планы фанатичного короля по отношению к стране, с королем которой Чезаре был связан тесными семейными узами.

Игнорируя усталость, они ехали вперед, моля бога о том, чтобы успеть сорвать планы Микелетто. Но, не смотря на спешку, ему удалось опередить их.

ГЛАВА 60

Микелетто и его отряд остановили коней и привстали на стременах, чтобы посмотреть на замок Ла Мота. Построенный некогда для защиты от мавров, он возвышался над городком Медина-дель-Кампо.

У Микелетто было хорошее зрение, поэтому даже на таком расстоянии он увидел красную ленту, которую Чезаре спустил из окна камеры. Окно находилось высоко в центральной башне замка, почти под самой крышей. Необходимости в решетках не было - и это не могло не

радовать – потому-то никто никогда не сбегал отсюда. И было понятно, почему. Стены замка возводили лучшие каменщики одиннадцатого века, каменные блоки были выложены так искусно, что стена казалось гладкой, как стекло.

Хорошо, что они разработали план с этой красной лентой, иначе найти в замке Чезаре было бы очень трудно. Посредник, сержант стражи замка Ла Мота, нанятый Борджиа ещё в Валенсии, работал великолепно: однажды подкупленный, он служил верно.

Но освободить Чезаре будет сложно. Дверь в его камеру постоянно охраняли два отряда швейцарцев, нанятых Папой Юлием, надежные и неподкупные. Простого способа вытащить Чезаре не было.

Микелетто на глаз прикинул высоту центральной башни. Выходила невероятная высота - около ста сорока футов. Не работает.

Микелетто задумался. Он был довольно практичным человеком, но специализировался на убийствах, а не на решении проблем всевозможными способами. Мысли его вернулись к главному инструменту его ремесла: веревке.

- Подъездом поближе, - сказал он отряду. Все они были одеты, как охотники, чтобы не вызвать лишних подозрений. В отряде было десять человек. И у каждого была длинная веревка.

- Нельзя подъезжать слишком близко, - возразил лейтенант. - Охранники на бастионах нас заметят.

- И что они увидят? Охотников, возвращающихся в Медину. Не волнуйся, Джакомо.

Это замечание натолкнуло Микелетто на мысль.

- Мы поедem до города, - решил он.

Путь занял полчаса. По дороге Микелетто молчал больше обычного, брови его были сильно нахмурены. Но когда они подъехали к стенам города, лицо его прояснилось.

- Придержите коней, - сказал он.

Когда все остановились, Микелетто оглянулся на отряд. Среди них был Лука, молодой парень лет восемнадцати, ещё совсем безбородый. Кончик носа у него был вздернут. Лицо его было невинным, словно у ангела, но парень был профессиональным убийцей.

- Возьмите веревки и измерьте их.

Отряд подчинился. Каждая веревка была двенадцать футов длиной. Когда их связали, вышло сто двадцать футов. С веревкой Микелетто - сто тридцать футов. Чезаре придется прыгать, но десять футов для него не были огромной высотой.

Следующая проблема: как передать веревку Чезаре. Для этого придется связаться с сержантом замковой стражи, Хуаном. Это должно было быть легко. Они знали Хуана и были в нём уверены. Связаться с сержантом - работа для Луки. Безобидный на вид парень не привлечет внимания. Остальные, хоть и были одеты как охотники, выглядели именно теми, кем и были - отпетыми головорезами. Как и сам Микелетто... Хуану нужно будет заплатить, но у Микелетто всегда были с собой 250 дукатов. Десятой части должно будет хватить. За всю работу.

Хуан сможет пройти к камере Чезаре и передать веревку. Швейцарцы его не заподозрят. В качестве прикрытия, Микелетто мог даже подделать письма с печатями о том, что им приказано перевезти Чезаре.

Но замок был огромен. Когда Чезаре будет у подножия центральной башни, ему всё равно придется пересечь внутренний двор и выйти через главные ворота.

Одно хорошо - сейчас в замке Ла Мота содержался всего один заключенный. Первоначально он строился, чтобы отбивать атаки мавров, но эта угроза исчезла. Если не считать охраны Чезаре, замок не выполнял больше никаких функций, и от Хуана Микелетто знал, что служба здесь считается довольно «непыльной».

Если у Хуана получится... Нужно будет сменить Чезаре одежду... Если Хуан передаст сменную одежду и выведет Чезаре за пределы крепости...

Это могло сработать. Другого варианта у Микелетто не было, если не считать варианта пробиться и попытаться вытащить Чезаре силой.

- Лука, - наконец произнес Микелетто. - У меня есть для тебя работёнка.

Хуан потребовал пятьдесят дукатов за всю работу, Микелетто сумел сбить до сорока, но времени на то, чтобы тратить его на споры, не было. Лука ездил к Хуану и обратно три раза, чтобы передать условия соглашения, и, наконец, доложил:

- Договорились. Он передаст веревку и мундир гвардейца Чезаре вместе с человеком, который приносит ему ужин в шесть часов вечера. Сам Хуан будет стоять на страже у боковых ворот с полуночи до шести утра. Оттуда пять минут до города...

Левая нога у Чезаре Борджиа немного болела из-за *Новой болезни*. Это была тупая боль, из-за которой Чезаре немного хромал. В два часа утра он переоделся и привязал один конец веревки к центральному пруту окошка на двери его камеры, а саму веревку скинул вниз, в темноту ночи. Когда он закончил, то закинул правую ногу на подоконник и руками подтянул левую, а потом крепко схватился за веревку. Потный, не смотря на ночную прохладу, он спустился по веревке, пока щиколотками не ощутил, что она кончилась. Последние десять футов ему пришлось пролететь вниз. При приземлении левую ногу пронзила боль, но Чезаре просто потряс ей и захромал по безлюдному внутреннему двору к наружному, где сидели стражники. Но они либо спали, либо были подкуплены, чтобы не обращать на него внимания или посчитать его одним из них.

У ворот он остановился в нерешительности, сердце его дрогнуло, но тут подошел Хуан.

- Все в порядке, я отведу его в караулку.

Что происходит? Он так близко к выходу и так далеко!

- Не волнуйтесь, - едва слышно произнес Хуан.

В караульном помещении спали двое охранников. Хуан пинком разбудил одного из них.

- Вставай, Доминго. У этого человека приказ отправиться в город. Они забыли купить солому для конюшен, а теперь она им понадобилась, чтобы накормить лошадей перед утренним патрулем. Отведи его к воротам, и скажи охранникам, чтобы пропустили.

- Да, сир!

Чезаре вышел через боковые ворота, которые захлопнулись за его спиной, и похромал, освещенный лунным светом, в город, вдыхая свежий ночной воздух. Как же было прекрасно спустя столько времени снова чувствовать вокруг ночь и свежий воздух. Его держали в этой дыре с 1504 года, но теперь он был на свободе. Чезаре было всего тридцать лет, и он собирался вернуть то, что у него отняли. Но больше всего он желал отомстить своим врагам, особенно Братству ассасинов. Чистка, которую он проведет в Форли, заставит Катерину Сфорца поседеть в одно мгновение.

Подойдя к месту встречи, он услышал и учуял лошадей. Господи, благослови Микелетто.

Потом Чезаре увидел их. Они все стояли в тени церковной стены. Рядом стоял прекрасный вороной жеребец для Чезаре. Микелетто спешил и помог хозяину взобраться в седло.

- С возвращением, Ваша Светлость, - сказал он. - Нам нужно спешить. Этот ублюдок, ассасин, Эцио Аудиторе, спешит по нашим следам.

Чезаре промолчал. Он думал о медленной-медленной смерти, которой предаст ассасина.

- Но я контролировал ситуацию еще с Валенсии, - продолжил Микелетто.

- Хорошо.

И они поехали в ночь, направляясь на юго-восток.

ГЛАВА 61

н сбежал?

Последние несколько миль до Ла Мота Эцио гнал, не жалея ни себя, ни товарищей, ни лошадей; его не оставляло предчувствие.

- Как?

- Все было тщательно спланировано, сеньор, - ответил несчастный сержант, толстый мужчина шестидесяти лет с очень красным носом. -

Мы начали официальное расследование.

- И что вы выяснили?

- Пока что...

Но Эцио уже не слушал. Он оглядел замок Ла Мота. Он был точно таким, каким показывало его Яблоко. Это воспоминание заставило его вспомнить о другом видении: армии, собиравшиеся в морском порту... Морской порт был Валенсией!

Он лихорадочно думал.

Но мысль в голове была только одна: нужно как можно скорее вернуться на побережье!

- Дайте нам лошадей! - Приказал он.

- Но, сеньор...

Макиавелли и Леонардо переглянулись.

- Эцио! Как бы мы не спешили, нам придется задержаться хотя бы на день, - сказал Макиавелли.

- На неделю! - Простонал Леонардо.

И им пришлось задержаться, потому что Леонардо приболел. Он был измотан и плохо переживал расставание с Италией. Эцио был готов бросить его, но Макиавелли сдержанно посоветовал:

- Он твой старый друг. А наши враги не сумеют собрать армию и флот раньше, чем через два месяца.

Эцио уступил.

События доказали правоту Макиавелли.

И то, что помощь Леонардо неоценима.

ГЛАВА 62

цио и его товарищи добрались до Валенсии через месяц. Город гудел, как растревоженный улей. Макиавелли недооценил скорость, с которой могут происходить события в таком богатом городе.

Люди скрытно друг от друга вступали в армию, и теперь за стенами Валенсии был разбит огромный лагерь солдат, числом около тысячи. Борджиа предложили наёмникам хорошо заработать, и слух об этом разлетелся очень быстро. Солдаты приходили в город отовсюду, даже из Барселоны и Мадрида и из провинций Мурсия и Ла Манш. Деньги Борджиа

обеспечили им, по меньшей мере, пятнадцать быстроходных кораблей для перевозки войск и полдюжины небольших военных кораблей для их защиты. В настоящее время эти корабли спешно строили на верфях.

- Что ж, для того, чтоб сказать, что задумал наш старый друг Чезаре, Яблоко нам не понадобится, - вздохнул Макиавелли.

- Верно. Чтобы взять Неаполь, большая армия не нужна. Нет, он займет позицию здесь, собирая побольше людей. Он планирует захватить всё королевство Неаполь и всю Италию.

- А что собираются делать Фердинанд и Изабелла? - Спросил Макиавелли.

- Они собирают силы, чтобы сокрушить Чезаре. Мы заручились их поддержкой.

- Слишком долго. Их армия только вышла из Мадрида. Здешний гарнизон успеет перейти к действиям. Похоже, Чезаре очень спешит, - возразил Макиавелли.

- Армия может и не понадобится, - задумчиво добавил Леонардо.

- О чем ты?

- О бомбах.

- Бомбах? - Переспросил Макиавелли.

- Очень небольших бомбах, но достаточно эффективных, способных разрушить корабли или уничтожить лагерь.

- Тогда, если у нас будут бомбы... - Начал Эцио. - Что тебе для этого нужно?

- Сера, уголь, нитрат калия. А ещё сталь. Тонкая сталь. Гибкая. И мне понадобится мастерская с очагом.

Они занялись поиском необходимого. К счастью, корабль капитана Альберто, «Рассветный прилив», был пришвартован на том же причале. Он дружески их поприветствовал.

- И снова здравствуйте! - Воскликнул он. - Неприличные люди. Думаю, вы не слышали о драке, случившейся в «Одиноким волке» вскоре после вашего прибытия?

Эцио рассказал, что им нужно.

- Хм. Я знаю человека, у которого есть необходимое, он продаст вам всё в кредит.

- Когда вы возвращаетесь в Италию? - Спросил Леонардо.

- Я собираюсь сдать груз, состоящий из граппы, и закупить шелк. Может, через дня два-три. Почему вы спрашиваете?

- Я потом вам скажу.

- Ты уверен, что у нас получится с ним быстро договориться? - спросил Эцио, у которого внезапно появилось плохое предчувствие. Но он не мог винить Леонардо за желание уехать.

- Абсолютно!

Альберто сдержал слово, через несколько часов у них было все необходимое, и Леонардо приступил к работе.

- Сколько времени тебе потребуется? - Спросил Макиавелли.

- Без помощников дня два. У меня достаточно материалов, чтобы сделать около двадцати бомб. По десять каждому.

- По семь каждому, - поправил Эцио.

- Нет, друг мой, по десять - тебе и Никколо. Я не в счет.

Два дня спустя бомбы были готовы. Каждая формой и размером напоминала грейпфрут, у них был стальной корпус и задвижка сверху.

- Как они работают?

Леонардо гордо улыбнулся.

- Щелкаешь эту задвижку - хотя это скорее рычажок - считаешь до трех и бросаешь в цель. Мощности каждой достаточно, чтобы убить двенадцать человек, а если попадешь в нужное место - вывести из строя корабль, и даже потопить его. - Он задумался. - К сожалению, нет времени, чтоб построить субмарину.

- Что?

- Не бери в голову. Просто бросай эту штуку после того, как досчитаешь до трех. Не держи дольше, иначе придется собирать тебя по кусочкам! - Он встал. - А теперь, прощайте и удачи!

- Что?

Леонардо грустно улыбнулся.

- Хватит с меня Испании, я возвращаюсь с Альберто. Он отплывает с вечерним приливом. Увидимся в Риме, если вы, конечно, вернетесь.

Эцио и Макиавелли переглянулись. Потом оба по очереди крепко обняли Леонардо.

- Спасибо, дорогой друг, - сказал Эцио.

- Не стоит благодарности.

- Слава Богу, ты не сделал эти штуки для Чезаре, - произнес Макиавелли.

Когда Леонардо ушел, они осторожно убрали бомбы - по десять каждому - в сумки, которые перекинули через плечо.

- Ты займись лагерем наемников, а я возьму на себя порт, - решил Эцио.

Макиавелли мрачно кивнул.

- Когда закончим - встречаемся на углу улицы, где стоит «Одинокый волк», - проговорил Эцио. - Думаю, Чезаре использует его как место планирования операций. В лагере и порту начнется хаос, и он со своими людьми отправится туда, перегруппироваться. Загоним их в угол, прежде чем они снова от нас уйдут.

- Разделяю твои подозрения, - усмехнулся Макиавелли. - Чезаре так тщеславен, что и не подумает переместить тайное убежище своих сторонников в другое место. Это ещё более неосмотрительно, чем собираться во дворце.

- Удачи тебе, друг.

- Она нам обоим понадобится.

Они пожали друг другу руки и разошлись.

Эцио решил сперва идти к кораблям, перевозящим войска. Смешавшись с толпой, он пошел в порт, и уже с причала увидел первую цель. Он достал первую бомбу, подавил неуместное сомнение, что оружие не сработает, и, помня о том, что следует действовать быстро, щелкнул рычажком, досчитал до трёх и бросил бомбу.

Он стоял достаточно близко, поэтому бросок оказался точен. Бомба с лязгом приземлилась на корму корабля. Несколько секунд ничего не происходило, и Эцио мысленно чертыхнулся. Что если план провалится?

И тут раздался мощный взрыв, мачта корабля треснула и упала, осколки дерева разлетелись в разные стороны.

В начавшемся вокруг хаосе Эцио бросился вдоль причала, швыряя в корабли бомбы. Иногда взрывы были мощнее первого - на некоторые корабли уже успели загрузить бочки с порохом. Один раз взорвавшийся корабль, груженный порохом, уничтожил ещё и два соседних.

По очереди Эцио уничтожил все двенадцать кораблей, но не менее важны были начавшиеся паника и хаос. Издалека донеслись крики и выстрелы, и Эцио понял, что Макиавелли тоже справился.

Он прошел до места встречи, надеясь, что друг выжил.

Вся Валенсия была охвачена хаосом, но Эцио протолкался через толпу и добрался до места встречи за десять минут. Макиавелли ещё не было, но Эцио не мог ждать слишком долго. Вскоре ассасин появился. Он выглядел немного потрепанным, а лицо было испачкано.

- Господи, благослови Леонардо да Винчи, - выдохнул он.

- Удачно?

- Никогда не видел такого столпотворения, - отозвался Макиавелли. - Выжившие бегут из города так быстро, как только могут. Многие из них после этого с радостью променяют меч на плуг.

- Отлично! Но у нас ещё есть дело.

Они прошли по узкой улочке и подошли к дверям «Одинокого волка». Они были заперты. Бесшумно, словно коты, они взобрались на крышу. Это было одноэтажное здание, его крыша шла под уклоном, а на самом верху был световой люк. Открытый. Ассасины приблизились и осторожно посмотрели с крыши.

Это была точно такая же комната, как та, где на них устроили засаду. Внизу было двое мужчин. Микелетто стоял у стола, а напротив сидел Чезаре Борджиа. Его некогда красивое лицо, изуродованное *Новой болезнью*, было белым от гнева.

- Они сорвали мои планы! Чертовы ассасины! Почему ты не уничтожил их? Почему ты меня подвел?

- Ваша светлость, я... - Микелетто был похож на побитую собаку.

- Мне нужно бежать. Я направляюсь в Виану. Оттуда я поеду в Наварру, через границу. И пусть тогда попробуют снова меня схватить! Я не собираюсь сидеть здесь и ждать, пока придут войска Фердинанда и отволокут меня обратно в Ла Мота. Мой шурин, король Наварры, конечно, не откажет мне в помощи.

- Я помогу вам, как и всегда. Только возьмите меня с собой.

Губы Чезаре скривились.

- Ты вытащил меня из Ла Мота. Ты снова дал мне надежду. Но посмотри, что ты натворил сейчас!

- Хозяин, все мои люди мертвы - я сделаю всё, что смогу.

- И проиграешь!

Микелетто побелел.

- И это моя награда? За годы верной службы?

- Убирайся с моих глаз, пёс! Ты мне не нужен! Найди канаву и сдохни там!

С криком ярости Микелетто бросился к Чезаре, его могучие руки потянулись к горлу бывшего хозяина. Но не достигли его. Чезаре молниеносно выхватил один из двух пистолетов, что висели у него на поясе, и выстрелил в упор.

Голову Микелетто разнесло. Тело упало на стол. Чезаре вскочил и отпрыгнул от стула, боясь, что его запачкает кровь.

Эцио отшатнулся, чтобы его не увидели, и прислушался. Он собирался прыгнуть с крыши и схватить Чезаре, пока он не сбежал. Но Макиавелли, желая лучше видеть происходящее внизу, подошел слишком близко к краю крыши. Он случайно задел черепицу, и Чезаре обернулся на шум.

Чезаре поспешно поднял взгляд, выхватив второй пистолет. Макиавелли не успевал отступить до выстрела, и пуля вошла ему в плечо, повредив ключицу. Чезаре сбежал.

Эцио, всего на мгновение, подумал броситься в погоню, но вспомнил, как Чезаре упоминал, что собирается в Виену. Он найдет его там. Но сейчас нужно позаботиться о раненом друге.

Пока Эцио стаскивал друга с крыши, Макиавелли стонал, извиняясь за всё. Он, конечно, мог идти самостоятельно, но рана была тяжелой.

Когда они добрались до оживленной улицы, где по-прежнему царил хаос, Эцио остановил прохожего, спешившего куда-то.

- Мне нужен доктор, - поспешно выдохнул он. - Где я могу его найти?

- Всем нужен доктор! - Отозвался прохожий.
- Эцио встряхнул его.
- Мой друг тяжело ранен. Где мне найти доктора? Быстро!
- Отпусти! Попытайся постучаться к доктору Акоста. Его кабинет чуть дальше по улице. Снаружи есть знак.
- Эцио подхватил Макиавелли, почти потерявшего сознание, и поддержал его. Оторвав лоскут от своей рубашки, он, как мог, перевязал рану. Никколо потерял слишком много крови.
- Акоста усадил Макиавелли и осмотрел рану. Потом взял бутылку чего-то алкогольного, промыл рану и осторожно перевязал.
- Пуля прошла точно через плечо, - сообщил он на ломаном итальянском. - Я не нашел её в теле. Рана чистая. Ключицу я вправил. Но советую в ближайшее время воздержаться от поездок.
- Эцио и Макиавелли обменялись взглядами.
- Я снова сглупил, - проговорил Макиавелли, вымученно улыбаясь.
- Да заткнись ты, Никколо.
- Иди. Иди за ним. Я справлюсь.
- Он может остаться у меня. У меня в доме есть пристрой, где иногда лежат пациенты, - сообщил Акоста. - Когда он поправится, то отправится за вами.
- Когда?
- Недели через две, может, больше.
- Встретимся в Риме, - решил Макиавелли.
- Хорошо, - отозвался Эцио. - Береги себя, друг мой.
- Убей его за меня, - попросил Макиавелли. - Хоть он и избавил нас от Микелетто.

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

*Вот, воцаряется век последний из песни Сивиллы;
Наново нам сочтена череда несравненных столетий.
Время пришествию Девы, возврату царства Сатурна;
Перворожденное ныне с небес нисходит к нам поколение.
Вергилий, Эклога IV**

ГЛАВА 63

снова Эцио в одиночестве ехал по Испании. Это была долгая дорога, ведущая почти прямо на север, к Виане. Он прибыл туда в марте. Город, который он увидел в миле или чуть дальше, выглядел точно так же, как в видении, показанном ему Яблоком. В центре города возвышалась хорошо укрепленная и окруженная крепкими стенами цитадель. Но кое-что отличалось от видения.

Ещё до пересечения границы с Наваррой наметанный глаз Эцио уловил признаки того, что город находится под осадой. Когда Эцио приехал в деревню, местные жители лишь головами качали в ответ на его вопросы. Лишь когда он разыскал священника, говорящего на латинском, то понял, что произошло.

- Возможно, вы знаете, что король и королева имеют на Наварру виды. Это очень богатые земли, и они хотят включить их в состав Испании.

- Значит, они хотят взять Виану?

- Они уже её взяли! По их поручению это сделал граф Лерин.

- А осаждающие?

- Наваррцы. Думаю, они победят.

- Почему?

- Ими командует опытный генерал, шурина короля Наварры.

Сердце Эцио забилося сильнее, но он хотел убедиться.

- Как его зовут?

- Наверное, он очень известен. Это герцог Валенсии, Чезаре Борджиа. Говорят, он когда-то командовал папской армией. Но испанские войска храбры. Они не побоялись сцепиться с врагом, и в полях за городом шли кровавые бои. Я не ходил туда, сын мой; там лишь разруха и кровь.

Эцио поблагодарил его и прищипил коня.

Когда он прибыл на место, то увидел, что справа от него идет сражение, но поле битвы окутал туман. В центре возвышался Чезаре Борджиа, разрубающий мечом всех противников, которые осмеливались приблизиться к нему. На Эцио набросился всадник - наваррец, с гербом - перекрещивающиеся желтые цепи на красном поле. Они сражались до тех пор, пока Эцио не удалось ударить противника с такой силой, что меч вошел в правое плечо и разрубил врага до груди. Он умер, не вскрикнув, добитый испанскими пехотинцами.

Чезаре был на ногах, и Эцио решил, что будет легче подобраться к нему пешком, поэтому спрыгнул с лошади и кинулся к Чезаре.

И вот, наконец, он лицом к лицу столкнулся с заклятым врагом. Лицо Чезаре, испещренное кровью и пылью, было суровым от напряжения, но когда он увидел Эцио, на лице его появилась решимость.

- Ассасин! Как ты нашел меня?

- Жажда мести за Марио Аудиторе привела меня к тебе.

Они бились на мечах, пока Эцио не удалось выбить у Чезаре меч. Тогда он отбросил в сторону свой и кинулся на Борджиа, стиснув руками его горло. Но Чезаре знал от

*Перевод - А. Цветковой - <http://www.infoliolib.info/flit/vergily/ecloga4.html>

Микелетто об искусстве удушения и сумел освободиться от захвата Эцио. Ассасин выхватил скрытый клинок, но Чезаре опять сумел справиться с противником.

Вокруг них бушевала битва. Трубы испанцев дали команду к отступлению. Торжествующий Чезаре крикнул ближайшим наваррским солдатам:

- Убить его! Убить ассасина! Порежьте этого ублюдка на куски!

Туман стал гуще, и Чезаре растворился в нем. Наваррцы окружили Эцио. Он отбивался от них долго, и битва была тяжелой. Потом они оставили его умирать.

Когда Эцио очнулся, то обнаружил, что лежит на спине, на поле боя. Прежде чем сесть, ему пришлось спихнуть с себя труп.

Облака над полем боя были кроваво-красными. Вдали гневно горело солнце. В воздухе над широкой насыпью, усеянной мертвецами, висела пыль.

Эцио заметил ворона, усевшегося на лицо мертвого и клюющего его глаза. Мимо пронеслась лошадь без всадника, обезумевшая от запаха крови. Порванные знамена хлопали на ветру.

Эцио со стоном встал и, по началу морщась от боли, пошел по полю. Он понял, что потерял меч и кинжал, но скрытый клинок и защитный браслет мародеры не нашли.

Сперва нужно было найти себе оружие. Недалеко от себя Эцио заметил крестьянина-мародера, обыскивающего трупы. Крестьянин посмотрел на него.

- Ищи сам, - сказал он. - Здесь хватит на всех.

Эцио разыскал офицеров и рыцарей, которые должны были быть лучше вооружены, но кто-то обчистил их раньше. Наконец, ему удалось найти мертвого капитана с тонким мечом и кинжалом, похожими на его собственные. Он с радостью забрал их.

Эцио пошел по полю боя. Нужно было найти лошадь. На ней будет быстрее.

Ему повезло. Меньше чем в полу миле от края поля боя, вдали от наваррского лагеря, он нашел боевого коня, щиплющего траву. Спина животного была залита чужой кровью, конь был оседлан и взнуздан. Эцио ласково поговорил с ним и вскочил в седло. Конь немного взбрыкнул, но Эцио быстро его успокоил и развернул в ту сторону, откуда только что пришел.

Когда Эцио вернулся на поле боя, то увидел, что мародеров, обирающих трупы, прибавилось. Он проскакал мимо них на холм, услышав звуки новой битвы. С вершины холма Эцио увидел плоскую равнину и город. Битва разгорелась с новой силой, теперь она шла на равнине, рядом с крепостными стенами, откуда стреляли пушки.

ГЛАВА 64

цио направил коня к полю битвы через оливковую рощу, но наткнулся на наваррский патруль. Он не успел развернуться, и они открыли по нему огонь. По Эцио они не попали, но убили коня.

Эцио спрятался среди деревьев и продолжил путь пешком, стараясь обходить испанские войска, которые, казалось, рыскали повсюду. Потом он услышал обрывки разговора. Эцио подполз ближе и увидел поляну, на которой лежал раненый испанец, а второй пытался ему помочь.

- *Por favor,** - простонал раненый. - Мои ноги. Почему кровь не останавливается?

- *Comparte***, я сделал все возможное. Теперь молись Богу.

- Пабло, я боюсь! *Mis piernas! Mis piernas!****

- Тише, Мигель. Подумай о деньгах, которые мы получим в случае победы. И о трофеях!

- Кто тот старик, за которого мы воюем?

- Ты о ком? О графе Лерине?

- Да. Мы же воюем за него?

- Да, мой друг. Он служит королю и королеве, а мы служит ему. И воюем.

- Пабло, единственное, о чем я сейчас думаю, это то, что война - это моя жизнь.

С другой стороны поляны появился патруль.

- Идем, - приказал командир. - Мы должны обойти их с фланга.

- Но мой друг ранен, - возразил Пабло. - Он не сможет идти.

- Тогда брось его. Пойдем.

- Дайте мне пару минут.

- Хорошо. Мы идем на север. Догоняй нас. И убедись, что наваррцы тебя не заметили.

- Как мы узнаем, что обошли их?

- Там будет стрельба. Нападем на них там, где они меньше всего ожидают. Спрячемся за деревьями.

- Минутку, сэр.

- В чем дело?

- Я пойду с вами.

- Сейчас?

- Да, сэр. Мой товарищ, Мигель, мертв.

Когда они ушли, Эцио выждал еще несколько минут, а потом двинулся сперва на север, а потом на восток, где, как он знал, находилась Виана. Он покинул оливковую рощу и увидел, что миновал поле боя и теперь стоит на его северной стороне. Он подумал, что случилось с испанскими солдатами, потому что признаков успешного обхода не было. Битву, казалось, одерживали наваррцы.

По пути ему встретила разрушенная деревня. Он обошел ее, заметив за обугленными разрушенными стенами испанских снайперов, стрелявших из мушкетов с блинными дулами по наваррским войскам.

Потом Эцио наткнулся на солдата в таком окровавленном мундире, что ассасин с уверенностью не мог сказать, на чьей тот стороне. Солдат сидел, прислонившись спиной к дикому оливковому дереву, обняв себя. Тело его дрожало, ружье валялось на земле.

Добравшись до окраины города, до поселка, окружавшего бастион, Эцио увидел чуть впереди свою цель. Чезаре был с командиром наваррцев и явно размышлял над тем, как разбить крепкие стены Вианы.

Испанцы, захватившие Виану, были столько самоуверены, что позволили своим людям занять здешние дома. Но сейчас они явно были не в состоянии их защитить.

**Пожалуйста* - (исп.) прим. пер.

***Дружище* - (исп.) прим. пер.

****Мои ноги! Мои ноги!* - (исп.) прим. пер.

Из одного дома выбежала женщина и с криком кинулась к отряду, преградив им путь.
- Помогите! - Крикнула она. - Помогите! Мой сын! Он ранен!
Командир подошел к женщине и, схватив её за волосы, оттащил от Чезаре.
- Помогите! - Закричала она.
- Заткните её, - смерив женщину холодным взглядом, приказал Чезаре.
Командир выхватил кинжал и перерезал женщине горло.

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

ГЛАВА 65

цио тенью следовал за Чезаре. По пути он неоднократно наблюдал, как жестоко обходятся наваррские солдаты с ненавистными испанскими захватчиками.

Эцио увидел молодую женщину, которую сильно избивал наваррец.

- Прекрати! - Кричала она.

- Будь хорошей девочкой, - грубо ответил солдат. - Я не причиню тебе вреда! На самом деле, тебе может даже понравиться, чертова испанская шлюха!

Чуть дальше двое солдат держали человека, на лице которого было написано отчаяние, заставляя его смотреть, как двое других солдат поджигают его дом.

Еще дальше мужчину - без сомнения раненого испанского солдата с ампутированными ногами - двое наваррцев вытолкнули из его каталки. Они стояли над ним, смеясь, а он отчаянно пытался отползти от них.

- Беги! Беги! - Издевался один.

- А ты можешь бежать быстрее? - Вторил его товарищ.

Наваррцы переломили ход битвы в свою сторону, Эцио видел, как они тащат осадные башни к городским стенам. За спиной Эцио испанский проповедник нараспев говорил собравшимся возле него отчаявшимся людям:

- Вы сами навлекли на себя эти беды, своими грехами. Теперь Господь карает вас. Лишь на Бога и его правосудие уповать нужно ныне. Возблагодарим же Господа! Благодарим Тебя, Господи, за то, что научил нас смирению. Дабы получили мы наказание за свою гордыню и вернулись к Тебе. Бог дает - Бог забирает. Сие есть Истина. Аминь!

Эцио увидел, что несколько осадных башен уже стоят у стен. Наваррцы поднимались по ним, а на крепостных стенах уже кипел жестокий бой.

Если Чезаре где и будет, так это во главе своих людей, потому что был настолько же свиреп и бесстрашен, насколько и жесток.

«Есть только один путь в город, - подумал Эцио, - по одной из башен». Рядом с ним как раз стукнулась о стену одна из осадных башен, и Эцио влился в толпу солдат, бросившихся на неё. Он смешался с ними, хотя в этом не было необходимости - среди рева и криков кинувшихся наверх солдат, почуявших победу, его никто не заметил бы.

Но защитники были готовы к нападению, они лили сверху на врага смесь смолы и масла, которую называли «греческим огнем». Крики горящих людей поднимались вверх, к тем, кто уже был на башне. Эцио был среди них, поднимаясь всё выше, всё дальше от пламени, которое охватило подножье башни. Эцио видел, как солдаты вокруг него толкают своих товарищей, пытаясь спастись. Несколько солдат с криками сорвались с башни прямо в пламя. Эцио знал, что должен забраться наверх раньше, чем его настигнет пламя. Наконец, он оказался наверху и прыгнул к зубцам стены. Позади него башня, охваченная пламенем, рухнула вниз, неся смерть и хаос.

На крепостной стене шел бой, но сотни наваррцев уже спустились в город, а испанские трубы командовали испанцем отступать в крепость в центре Вианы. Наваррцы заняли город.

Чезаре должно быть торжествует. Богатый шурин щедро вознаградит его. Нет! Эцио не должен позволить этому случиться.

Эцио кинулся вдоль высокой стены, на ходу уворачиваясь от солдат. Наваррцы побеждали испанцев, которых бросили на произвол судьбы их же товарищи, успевшие отступить в крепость. Эцио заметил Чезаре, который прорубался через вражеское войско, слово ребенок по полю высокой травы. Чезаре не терпелось взять цитадель, поэтому, избавившись от солдат, преградивших ему путь, он спустился со стены по лестнице и побежал по улице. Эцио отставал от него всего на несколько шагов.

Эцио увидел, что двери крепости уже открыты. Бой закончился, и граф Лерин был готов пойти на переговоры. Но Чезаре был не из тех, кто согласился бы их вести.

- Убейте их! Убейте их всех! - Крикнул он своим солдатам. С невероятной скоростью он ворвался в цитадель и буквально взлетел по ближайшей лестнице, убивая всех, кто осмеливался встать у него на пути.

Эцио не отставал. Наконец они поднялись на крышу цитадели. Здесь никого не было. Чезаре мечом перерубил флагшток с испанским знаменем и повернулся. Отсюда был всего один выход, и его преграждал Эцио.

- Ты нигде не сможешь скрыться, Чезаре, - сказал ассасин. - Пришло время платить долги.

- Ну, так давай, Эцио! - огрызнулся Чезаре. - Ты уничтожил мою семью. Посмотрим, как ты расплатишься *со своими* долгами.

В ярости они набросились друг на друга, сойдясь в рукопашной, один на один.

Чезаре нанес первые удары и крикнул:

- Не важно, что ты сделаешь, я все преодолею, но сперва убью тебя и всех, кто тебе дорог. Но сам я не умру. Удача не оставит меня!

- Твой час пробил, Чезаре, - отозвался Эцио, медленно поднимая руку. Он обнажил меч.

Чезаре выхватил свой клинок и мужчины сошлись в бою. Эцио с силой нанес удар в голову врага, смертельное лезвие описало в воздухе широкую дугу. Чезаре был удивлен скоростью атаки, но сумел поднять меч, неловко отбивая удар. Его рука содрогнулась от удара. Меч Эцио со звоном отскочил в сторону. Теперь в атаку бросился Чезаре, восстановивший равновесие и концентрацию. Мужчины кружили по парпету, обмениваясь быстрыми ударами кончиками клинков. Эцио сделал два быстрых шага вперед, уводя меч Чезаре вправо и выкручивая его запястье. Он собирался дотянуться собственным мечом до открытого бока противника. Но Чезаре снова его опередил, отбив меч Эцио в сторону. Воспользовавшись тем, что Эцио открылся, он ударил мечом, но Эцио поднял руку, отбивая удар защитным браслетом. Оба отступили. *Новая болезнь* явно не повлияла на мастерство Чезаре.

- Пф! Старик! Твой век окончен. Теперь моё время. И я больше не собираюсь ждать. Ваши устаревшие системы, правила, иерархии - всё должно уйти с вами!

Оба бойца были утомлены. Они стояли друг напротив друга, тяжело дыша.

- Твои идеи принесут миру лишь тиранию и нищету, - ответил Эцио.

- Я знаю, что будет лучше для итальянцев. Я, а не кучка стариков, которые давным-давно растратили свои силы в попытке добраться до власти.

- Твои ошибки хуже их.

- Я не совершаю ошибок. Я Просвещенный!

- Просветление наступает через множество лет размышлений, а не из слепой убежденности.

- Эцио Аудиторе, твоё время пришло!

Чезаре подхватил меч и нанес Эцио неожиданный трусливый удар, но Эцио оказался достаточно быстр, чтобы парировать его, отбить и, заставив Чезаре потерять равновесие, выкрутить запястье противника так, чтобы тот выронил меч. Оружие со звоном упало на каменные плиты.

Они стояли на краю зубчатой стены. Далеко внизу праздновали победу наваррские войска. Грабежей не было, потому что наваррцы вернули собственный город.

Чезаре потянулся за кинжалом, но Эцио полоснул по руке противника клинком, предотвращая попытку. Чезаре попятился.

- Трон мой! - Сказал он почти жалостливо.

- Желание ещё не дает тебя права на него.

- Да что ты знаешь? Неужели тебе никогда не хотелось чего-то большего?

- Истинный лидер позволяет людям, которыми он правит действовать от его имени.

- Я приведу человечество в новый мир!

Эцио видел, что Чезаре стоит в дюймах от края.

- Пусть твое имя будет забыто, - сказал ассасин, поднимая меч. - Покойся с миром.

- Тебе меня не убить! Никто не сможет убить меня!

- Тогда я оставляю тебя в руках Судьбы, - отозвался Эцио.
Отбросив меч, Эцио схватил Чезаре и сбросил его вниз, с высоты в сто футов, на булыжную мостовую.

AC-RENAISSANCE.UCOZ.RU

ГЛАВА 66

нова была Середина лета - сорок восьмой день рождения Эцио. Он, Макиавелли и Леонардо встретились в недавно отремонтированной штаб-квартире на Тиберинском острове, гордо выставленной на всеобщее обозрение.

- Очень скромный праздник по случаю дня рождения, - заметил Леонардо.

- Если бы ты дал мне кое-что сделать, я бы подготовил...

- Прибереги это зрелище на моё пятидесятилетие, - улыбнулся Эцио. - Я собрал вас по другой причине.

- Какой же? - Спросил полный любопытства Леонардо.

Выздоровевший Макиавелли, потирая плечо, сказал:

- Лео, мы хотели пригласить тебя.

- О чём вы?

- Мы хотим, чтобы ты присоединился к нам, - торжественно объявил Эцио. - Стал членом Братства ассасинов.

Леонардо неуверенно улыбнулся.

- Значит... мои бомбы сработали! - Он немного помолчал и добавил: - Господа, благодарю вас. Вы знаете, что я уважаю ваши цели и буду разделять их, пока жив, и что я никому не раскрою тайн ассасинов, - он снова помолчал. - Но я избрал иной путь, путь одиночества. Так что прошу меня простить.

- Твоя поддержка не менее важна, чем твое вступление в Братство. Нам никак тебя не уговорить, дружище?

- Нет, Эцио. Я уезжаю.

- Уезжаешь? Куда?

- Сперва вернусь в Милан, а оттуда - в Амбуа.

- Во Францию?

- Люди говорят, это благородная страна. Там я проведу остаток дней.

Эцио развел руками.

- Тогда нам придется отпустить тебя, дружище. - Он помолчал. - Значит, мы расстаемся.

- То есть? - Удивился Леонардо.

- Я возвращаюсь во Флоренцию, - ответил Макиавелли. - Моя работа далека от завершения. - Он подмигнул Эцио. - Я всё ещё хочу написать книгу.

- И как ты её назовешь?

Макиавелли спокойно посмотрел на Эцио.

- «Государь», - ответил он.

- Попроси Клаудию вернуться ко мне.

- Хорошо. Она скучает по Риму. Ты знаешь, она будет поддерживать тебя всегда, пока ты являешься главой Братства.

Макиавелли посмотрел на клепсидру.

- Пора.

Все трое встали и крепко обнялись.

- Прощай.

- Прощай.

- Прощай.